

Анна Веди

КЛЕЙ
антиутопия

Москва
МАСКА
2015

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
В26

В26 Анна Веди

Клей. Антиутопия. М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2015 — 386 с.
ISBN 978-5-905379-53-6

Кажется, что последний год 21 века может стать последним для человечества. Понятие «быть вместе» получило неожиданную интерпретацию — люди стали склеиваться друг с другом в буквальном смысле и гибнуть от психологического и физического напряжения. И эта жуткая мутация происходит на фоне глобальных климатических изменений. Учёные предположили, что причиной изменений в организме являются подавленные эмоции, и люди бросились за помощью к психологам. Группа людей оказалась втянута в эксперимент...

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
В26

ISBN 978-5-905379-53-6

© Анна Веди, 2015

Люди, как жуки, приклеенные клеем привычки.

Глава 1

Медленно приходит сознание к Карлосу. После вчерашнего дня он ощущает неприятный осадок, тревогу и смутное беспокойство. Он мучительно старается вспомнить, что было накануне, но количество выпитого виски напрочь вырезает из памяти всё, что происходило после второй бутылки. И это пугает больше всего. Он не хочет просыпаться и силится снова заснуть, но этот страх не даёт. Перемещается по животу гадкой слизкой пиявкой, тревожно пульсируя в судорогах. Яркой вспышкой озаряет его память увольнение с работы: как он демонстративно посылает всех менеджеров и руководящий состав, сбрасывает принадлежности со своего стола и гордо, не обернувшись, выходит из офиса. Это сон, или это было на самом деле? Он напрягает память. Кажется, было. Он вспоминает, как недоумённо смотрели на него его коллеги и главбух. Он же был всегда таким спокойным и уравновешенным, всегда улыбался, был приветлив и вежлив со всеми. Всегда приходил на помощь, был безотказным и даже милым.

Однажды он задержался на работе позже обычного, неожиданно к нему подошла главбух и завела разговор:

— Привет! Тебя как зовут? Ты же программист? Мне нужна твоя помощь, — выпалила она на одном дыхании властным тоном, не давая ответить.

— Да, пожалуйста, что случилось? — несколько растерянно отреагировал на этот шквал Карлос, вставая и направляясь за девушкой.

— У меня зависла программа, а мне отчёт надо срочно готовить, — немного по-детски сказала главбух, засеменив к своему рабочему месту. Ножки у нее были хорошенькие, в туфлях

на высоченных каблуках. Она оглянулась на молодого человека и улыбнулась своей самой обворожительной улыбкой. Она всегда пускала ее в ход, когда о чём-то просила или что-то хотела получить от других.

— Давайте, посмотрим,— вдыхая аромат парфюма и тепло, исходившие от главбуха, Карлос наклонился над панелью компьютерной бухгалтерской системы.

— Ты не ответил. Всё-таки, как тебя зовут? Давно ты здесь работаешь?

— Карлос. Не очень, около года,— не отрываясь от работы, ответил программист.

— И как, нравится?

— Ничего, терпимо, руководство лояльное, более или менее. А сама работа для меня лёгкая. Хотелось бы, конечно, чего-то более сложного и ответственного, но пока что ладно.

— Почему-то раньше я тебя не замечала,— она смотрела в упор на Карлоса, присев на стол, и её красивые коленки упирались ему почти в нос, когда он поворачивал голову в её сторону.

— Да, странно, что сейчас заметила,— выдавил он из себя и уставился в монитор системы управления в ожидании, когда та перезагрузится. Поначалу Карлос потерял дар речи от близости девушки и ее откровенного кокетства, но постепенно пришёл в себя и посмотрел на неё так же в упор. Она явно играла с ним, и это было столь же неожиданно, сколь и возбуждающе. — А ты давно работаешь?

— О, да! Около пяти лет. Я уже старушка.

— И как? Нравится?

— Уже привыкла. Сначала не нравилось, хотела уходить, но потом передумала и осталась. И вот, задержалась.

— Ну, вот и всё, готово! — сказал Карлос, поднимаясь со стула и намереваясь пойти на своё место. Когда он повернулся, их лица оказались на таком близком расстоянии друг от друга, а стук его сердца стал таким сильным, что Карлосу пришлось собрать всю свою волю в кулак и сдержаться, чтобы не поцеловать бухгалтера.

— Спасибо большое, — произнесла красотка. Остаток фразы как бы повис в воздухе возле ее губ в тот момент, когда их лица оказались совсем близко. Она так и оставалась с полуоткрытым ртом, когда Карлос проходил мимо неё. Долго. Как в замедленной съемке.

Она была привлекательной девушкой, но раньше Карлос не замечал её. Она не была идеалом его красоты, его мечтой, хотя очень походила на его мать. Невысокого роста, очень худая, светлые волосы, голубые глаза, небольшая грудь и стройные ноги. Совершенно обычная, не во вкусе Карлоса. Так, встретив на улице, прошёл бы мимо этой мышки. Он любил высоких брюнеток. Возможно, потому что сам был высоким брюнетом с карими глазами. Но после разговора с ней что-то преломилось в его сердце, и он стал думать о ней всё чаще и чаще и, кажется, влюбился. Может, и не влюбился, но хотел её постоянно. А она оставалась к нему холодна, хотя иногда дарила короткие тёплые взгляды и улыбку. Он стал смотреть в её сторону, ловил каждую возможность ее увидеть, придумывал разные причины, лишь бы пройти мимо или держать ее в поле зрения. Это было похоже на тихое помешательство.

Как-то раз Карлос увидел, что она разговаривает с директором, и заметил, что и директор к ней очень тепло расположен. Положил ей руку на спину, — совсем не похоже на рабочие отношения. Карлос стал страшно ревновать. Мысль, что главбух спит с директором, была невыносима, но не выходила из головы. И в итоге этой накрутки и бездействия ему стало нестерпимо находиться в этом пространстве. Подойти к ней и объяснить он тоже не мог в силу своей зажатости, неуверенности и закомплексованности.

Постепенно в нем созрела убежденность, что у неё связь с директором. И это оказалось ударом по его самолюбию, он был жестоко разочарован. Он ведь успел окружить себя иллюзией, по ночам долго не мог уснуть, фантазировал, мысленно представляя диалоги с ней. Но каждый раз обламывался, или что-то мешало. Возможно, именно это стало причиной его срыва. Возможно,

просто накопилось и надоело. А могла сработать его привычка увольняться или провоцировать увольнение через год-полтора.

Вчера Карлос ушёл, не прощаясь. Считал, что красиво ушёл. Коллеги недоумённо смотрели на него, при этом старательно изображая бурную рабочую деятельность. Он же, возможно, хотел привлечь к себе внимание, чтобы именно бухгалтер сказала ему: «Останься, не уходи, ты нам нужен!» Какая глупость!

— Карлос, что ты делаешь? Сейчас такое непростое время, и куда ты пойдёшь? — спросил коллега, с которым он иногда в перерыв пил кофе.

— Ничего, разберусь как-нибудь, — ответил Карлос. Ему все они казались слабаками и неудачниками, которые только протирают штаны, работая на дядю, и безропотно влчат своё жалкое существование. — Сейчас такое время, что неизвестно, сколько осталось. И хочется пожить в удовольствие, для себя.

На выходе из офисного блока его просканировал лифт, куда он обычно заходил до и после рабочей смены. И если глазок-индикатор всегда загорался вспышкой зелёно-бирюзового цвета, то в последний раз это был красный. Зеркала лифта сделали круг, к предплечью мягко припечатался раскодировщик, прозвучала, видимо, прощальная мелодия, какой-то странный гимн, и из окошечка вылезла бумага с надписью: «Мистер Смит, Вы уволены. Желаем успеха». Это смахивало на издёвку. Карлос изобразил оскорбление, хотя внутренне ликовал. Но это был защитный рефлекс. Всё-таки увольнение — это потеря, неизвестность, новый этап, перемены. А перемены очень часто пугают, и лучше оставаться на насиженном месте, так надежнее. А теперь опять эта пугающая неопределённость и неизвестность. Но Карлоса это, кажется, возбуждало, поскольку он, то и дело, стремился оказаться в подобной ситуации. Выйдя из огромного здания корпорации, он сразу направился в магазин, — надо же отметить такое событие.

Толпы людей на улице мешали ему двигаться быстро, и он медленно влился в людской поток. Это столпотворение уже вошло в обыденную жизнь, стало привычным с тех пор,

как повышение концентрации углекислого газа в атмосфере и постоянные выбросы нефтепродуктов в океан спровоцировали климатические изменения: таяние ледников, повышение уровня мирового океана и, соответственно, затопление прибрежных городов. Изменения были внезапными и быстрыми, в раз охватившими всю планету. Тогда население Земли сразу сократилось на одну треть. Большинство людей, что успели спастись, сконцентрировалось в центральных регионах оставшихся континентов Евразии, Африки, Южной и Северной Америки и немного в Австралии. Города стали тесными в прямом смысле, на улицах и днём, и ночью было столпотворение, яблоку негде упасть. Те, кому не нашлось места в центре материка, старались найти приют в мегаполисах, расположенных не очень близко от побережий.

Петербург тоже постигла участь всех городов, принявших толпы беженцев. Людские реки медленно текли по тротуарам и дорогам, а над домами летали клаудузы, заменившие наземный транспорт. Они иногда приземлялись, образуя воронку, чтобы высадить или взять пассажиров, и тогда пешеходный поток вовсе останавливался, но сейчас Карлоса это меньше всего раздражало, он уже никуда не торопился. Он год отработал каким-то эникейщиком, несмотря на то, что он по образованию физик и считает себя талантливым программистом. И ведь ему обещали место именно программиста! А дальше названия должности дело не пошло, работать пришлось мальчиком на побегушках. Почему никто не замечает его талант и одарённость? Что он делает не так, что в нём не так?

Снова и снова крутятся в голове эти обесценивающие мысли. Надо от них избавиться и купить что-нибудь выпить. Вот это верное средство! В магазине сканер тут же вычислил, что он теперь безработный. Раньше Карлос мог расплачиваться и легко брать в кредит, поднося руку к кассовому аппарату, — электронные деньги заносились кодом в то же предплечье, куда и поступил код увольнения. Теперь же пришлось доставать из кармана карточки или деньги. В момент увольнения ему стёрли и денежный код. Карлос взял две бутылки виски, — на всякий случай

и чтобы завтра никуда не выходить и обдумать ситуацию, куда теперь двигаться, — и направился домой.

Он ещё помнит, как дома он пил этот виски, и как постепенно мутнел его разум, и ему становилось насрать на корпорацию, бухгалтера и всех окружающих, да и на весь мир, и как он, уже изрядно поддатый, вышел на улицу в направлении бара, чтобы скрасить одиночество в обществе какой-нибудь красотки. Пусть даже и не красотки, подойдёт любая, лишь бы не жирная, прыщавая, вонючая и грязная, хотя иногда он просыпался, и рядом были именно такие. Тогда он быстро трезвел и потом долго мучился чувством вины и отвращением к самому себе. В баре он ещё выпил, а потом провал, он больше не помнит ничего, абсолютно ничего...

Холодный пот опять прошиб всё тело. Он еле-еле открывает глаза и пытается повернуться, но что-то держит его руку. Он поворачивает голову и в удивлении невольно подскакивает на кровати. Хотя ничего, собственно, удивительного. Но именно сейчас всё воспринимается иначе, как будто что-то не так, и это тревожит.

Рядом с ним лежит девушка, стройная фигурка, упругое тело. Молоденькая, даже юная. Обнаженная, она лежит на спине, но её лица совсем не видно, оно повернуто в противоположную от него сторону, и яркокрасные волосы полностью скрывают его. И её рука прилеплена к его руке. Карлос внимательно изучает руку, но сейчас его волнует не это. Неужели с ним опять какая-нибудь?.. Ему надо, срочно надо увидеть её лицо! Он осторожно отодвигает волосы с её щеки... Лицо оказалось привлекательным, не красотка, но милашка. Фухх!.. Главное, не крокодил рядом. Правда, слишком на малолетку смахивает. Нда,.. только этого не хватало,.. ну, да ладно, разберёмся. Теперь, что с рукой? Он пытается ещё раз поднять руку, тянет посильнее, и в этот момент девушка заворочалась и застонала, она потянула руку на себя, но сразу же бессильно опустила её на кровать. Она так и не проснулась.

Карлос смотрит на незнакомку, на её и на свою руку и ничего не понимает. Опять напоминает о себе головная боль и тревога в животе. Он пытается дотянуться до бутылки виски свободной рукой.

Никак. «И долго я буду ждать её пробуждения? Не королева, поди». И он с силой тянет руку. От этого движения возникает резкая боль, и девушка вздрагивает, вскрикивает от неожиданности и садится на кровати. Она удивлённо смотрит на Карлоса, на свою руку и пытается аккуратно освободиться, но и у неё ничего не выходит. По тому, что она старается не смотреть ему в глаза и вообще на него, держит голову опущенной, прячет лицо от его взгляда, видно, что она стесняется. Наконец, набравшись смелости, она произносит несколько детским голоском:

— Что ты делаешь? — возмущённо-капризно спрашивает она, наклонив голову и пристально разглядывая место, где склеились руки.

— Хочу встать, но не могу отлепиться от тебя.

Карлос видит, что перед ним женщина-ребёнок, и наконец-то успокаивается и расслабляется.

— А что это такое, не знаешь? — она пытается другой рукой отодвинуть кожу, но это лишь причиняет боль. Кожа намертво приклеилась. — Может, раствором каким-то полить? И как это вообще произошло? Я помню, когда мы засыпали, нормально всё было.

— О, ты помнишь, как мы засыпали? Я силюсь вспомнить, но, увы, не могу. Последнее, что помню, это как пришёл уже накачанный в бар, и там пил за стойкой вискарь. Я, извини, и тебя не помню. Стесняюсь спросить, как тебя зовут?

— Ну, ты даёшь! — возмутилась девушка и прикрыла обнажённое тело простынёй. — А вчера казался лишь слегка выпившим. Я София, можно Соня. Мы познакомились в баре. Ты рассказал, что уволился с работы. А меня бросил парень очередной. Не бросил, а сказал: «Давай останемся друзьями». Меня эта фраза уже бесит. В последнее время мне все её говорят. И теперь я одинаково реагирую на неё.

— В этом нет ничего плохого, я думаю, — Карлос разглядывает девушку. Конечно, он ничего из того, что она говорит, не помнит. Но она это говорит очень естественно и так непринуждённо, что он готов ей верить. — Но что за фигня? Почему мы склеились?

Слушай, у меня жутко болит голова, и я хочу в туалет, так что пошли. Отлепиться пока невозможно, позже решим, что будем с этим делать.

София подвигается на его сторону кровати. Карлос бросает взгляд на её округлую грудь и стройное тело, и отмечает её движения. Она начинает ему нравиться, но сейчас его мучают головная боль и тошнота, прежде всего, необходимо избавиться от них. Девушка легко встаёт с кровати, Карлос за ней, и так, вместе, они идут в туалет.

— Придётся тебе поприсутствовать здесь. Хорошо, что я пока что какать не хочу, — улыбаясь одной стороной рта, говорит Карлос.

— И тебе придётся быть рядом со мной. Это обоюдное наказание, — смеётся Соня, и ее смех заметно снимает напряжённость и взаимное недоверие.

— А за что, интересно? Хотя, есть за что. Я уже столько накосячил в своей жизни, — испытывая большое облегчение, Карлос вздохнул.

Карлосу не до смеха. Хотя это — его привычка быть всегда недовольным. Сделав все дела, они кое-как чистят зубы и умываются. Ещё невольно пытаюсь совершить самостоятельные движения и постоянно натываясь на сопротивление склеенных частей тела, испытывая боль, Карлос и София идут обратно в комнату. Здесь царит беспорядок. Карлос только сейчас замечает это, виновато смотрит на реакцию девушки и пытается оправдаться.

— У меня такой бардак! Жилище холостяка. Но я иногда убираю.

— Видимо, все мужчины такие. Да и мне тоже редко приходится уборкой заниматься. Я не очень-то люблю кристальную чистоту. Вижу, что пыль собралась, какое-то время живу с ней, а потом вытираю.

Соня улыбается поддерживающе. Молодой человек ей нравится. Он кажется ей простым, естественным, привлекательным и одиноким, замкнутым в своём мире. Он такой же, как она. Парень, с которым она встречалась до этого, оказался психом.

Вечно хотел покончить жизнь самоубийством, всё плакал и жаловался. Обычно она всегда расставалась с парнями через год. И это уже начало её тревожить. Вдруг так всю жизнь придётся, думает она. Не хочется, конечно же. Ей сейчас 25 лет. Карлосу, на её взгляд, тоже примерно столько же. Да, он ей, однозначно, нравится. Но насколько ему нравится она, не понимает. Соня чувствует себя очень неуверенно. Недавно она выкрасила волосы в яркокрасный цвет, воспользовавшись шапочкой-краской. Очень удобная штука. Выбираешь шапочку-краску по цвету, надеваешь её так, чтобы все волосы были спрятаны в шапочке, и через 5 минут, вуаля — цвет волос, такой, какой хотел.

Она была среднего телосложения и роста, небольшая грудь, красивые ноги. Лицо привлекательное, голубые глаза, маленький носик, средние губы, не пухлые и не тонкие. Всё так средне: ничего ужасного и ничего выдающегося. Короткая стрижка придает ей юный вид, хотя София уже давно совершеннолетняя. В глазах её читается желание помогать и сострадать. Она кажется очень доброй девушкой и очень милой. И можно было бы сказать, что она красивая, но так как сама Соня не воспринимает себя таковой, этого не чувствуют и другие люди. Внешне — да, всё прекрасно, но внутри она зажата, неуверенна, закомплексована. И в этом они очень похожи с Карлосом. Хотя для Софии он кажется очень уверенным, смелым, красивым. И для Карлоса девушка кажется уверенной в себе и довольно симпатичной. Такие они внешне. Это их маски, предъявляемые окружающему миру, чтобы скрыть неуверенную, пугливую, внутреннюю сущность. И они сжились, практически срослись со своими ролями. Может быть, иногда и только наедине с собой они и сбрасывали маску уверенности. Хотя Карлос не любил такие моменты и заливал виски. А Соня, спасаясь от одиночества, вступала в отношения. Лишь бы кто-то был рядом, чтобы не чувствовать себя уязвимой и не осознавать свою сущность. Каждый из них прятался от правды, как мог.

— Выпить хочешь? — предложил Карлос.

— С утра? Я не пью с утра, — помотала головой Соня.

— Как хочешь, — пожал плечами Карлос, уже наливая себе виски. Он взболтнул жидкость в бутылке, рассматривая ее на свет и оценивая, сколько осталось. — Днём закажу ещё. Я намереваюсь сегодня пить весь день.

— Нет, нет, нет! — возмутилась София. — Я ж собиралась сегодня сходить к родителям! Мы сейчас склеены, и мне кажется, что теперь нам надо советоваться о планах друг друга. А если ты напьёшься, мы не сможем никуда пойти.

— Во-первых, я не хочу идти с тобой, и не пойду к твоим родителям. А во-вторых, ты что думаешь, мы так и будем склеены? Сейчас меня вставит вискарь, и я разберусь с этой ерундой. На больную голову, что можно решить? — и он наливает себе ещё стопку. — Точно, не хочешь?

София смотрит на Карлоса, у неё внутренняя борьба мыслей и чувств. С одной стороны её мучает чувство беспокойства и непонятной тревоги, и очень хочется избавиться от этого, а алкоголь как раз даёт расслабляющий эффект. С другой стороны, есть не только сомнение, что это поможет, но уже знание, что алкоголь лишь на время отвлечёт от мыслей и чувств, а потом всё вернёт обратно, и даже может стать ещё хуже. И потом, обещала родителям прийти, и этого парня она мало знает, и это непонятное склеивание... Мысли проносятся, мельтешат, сменяя друг друга, и этот мысленный хаос изрядно напрягает.

— Ладно, давай, наливай, — София понимает безнадёжность своего сопротивления и решает уступить Карлосу, боясь, что она разонравится ему, и отношения закончатся, не успев начаться.

Карлос наливает виски Соне и смотрит на неё. «Симпатичная девушка, и что она делает со мной рядом?» Он так же боится сказать лишнее и вспугнуть её. София берёт рюмку в одну руку, в другую засохший кусочек сыра. Понюхав его, потом виски, передёргивается.

— Фу, гадость. Первая рюмка всегда мерзко заходит. А потом нормально, — заметив взгляд Карлоса и оправдываясь, смущённо говорит София.

— Да, ладно, ерунда всё это, — улыбается Карлос.

София смотрит на рюмку, не решаясь и настраиваясь. Потом подносит её ко рту и отпивает небольшой глоток. Морщит нос, быстро берёт стакан со вчерашним соком и запивает, а потом откусывает сыр. Карлос усмехается и залпом выпивает всю рюмку, закусывает кусочком сыра и выдыхает, всем своим видом демонстрируя своё умение пить. Соня восхищённо смотрит на него. Так она не могла пить никогда, только маленькими глотками.

— Ты пьёшь, как кошечка, — громко поставив свою рюмку на стол и шумно выдохнув, говорит Карлос.

— Да, вот так, что ж теперь, — несколько смущаясь, отвечает София и кокетливо поднимает глаза на Карлоса. Алкоголь начинает своё действие, и ощущение эйфории и прекрасного мира уже накрывают сознание девушки. И постепенно её чувства и мысли становятся жизнерадостными, позитивными. Она уже довольна жизнью и собой, ощущает себя желанной, красивой, умной, уверенной.

Карлос смотрит на Софию, и она выдерживает этот взгляд около минуты. Карлос также чувствует себя более уверенным, умным, и ему снова стало на всё насрать, и это ощущение ему очень нравится. Он не старается быть привлекательным для кого-то, следовать чьим-то ожиданиям. Он такой, какой есть. Правда, это ощущение он испытывает лишь под действием алкоголя, только в таком состоянии он чувствует себя достойной и нужной личностью. Как будто два разных мира. «Ты родился и априори нужен миру», — как-то он услышал эти слова от своей взрослой подруги, с которой иногда встречался. Когда она звонила, он не мог ей отказать. Она была старше его на пятнадцать лет, но чертовски привлекательна, сексуальна и умна. И в ней было такое притягательное чувство уверенности и защищённости, что от неё было сложно отрываться. Но она всегда умела очень тактично завершать их свидания и фактически выставлять его за дверь. Каждый раз Карлос думал, что всё, это был последний его визит, но всегда вёлся на её звонки и даже ждал их. Он думал, что когда встретит девушку и влюбится, то забудет её. Но никак не встречалась та, с которой бы

отношения сложились надолго и серьёзно. Как бы то ни было, всё это уже в прошлом, а сейчас...

— Ладно, теперь давай разберёмся, что же произошло, и почему мы склеились. Давай вспомним вчерашний вечер. Ты помнишь? Я почти ничего не помню. Возможно, буду что-то припоминать, пока ты будешь рассказывать, — уже бодрым и более уверенным голосом говорит Карлос.

— С чего начинать? — горячий виски проходит по горлу Сони и попадает в желудок, в кровь, она уже ощущает его эйфоричное действие, легкость в теле и мыслях, а проблемы и всё неприятное куда-то испарились.

— Давай с бара. Как мы с тобой познакомились? Помнишь?

— Да. Ты сидел за столиком в углу и пил свой виски один. Я уже тоже была изрядно накачана. Я говорила, что поругалась со своим другом, и он ушёл, а я осталась одна и увидела тебя. Всё. Подошла к тебе, мы стали разговаривать, хотя ты уже еле ворочал языком. Но мне было всё равно.

— Слушай, теперь припоминаю, да, — Карлос с Софией сейчас сидят рядом в креслах, они еще раздеты, лишь в нижнем белье. — А ты не хочешь одеться? И как мы сейчас будем это делать? Кстати, видимо, склеились мы ночью, когда разделись.

— Да, точно, так и было. В баре мы с тобой посидели около часа, и ты предложил пойти к тебе. И я согласилась, хотя обычно так не поступаю. Но вчера я поругалась с парнем, как уже говорила, и мне было всё равно.

— Может, вы ещё помиритесь.

— Нет, вряд ли. Это копилось уже долго. Мы встречались около года, и уже полгода одни ссоры и конфликты. Нет любви, которая вспыхнула сначала.

— Знаешь, Соня, и у меня так же всегда происходит. Через год отношения рушатся, и я расстаюсь.

— А кто кого бросает?

— По-разному. То я бросаю, то меня. Я думаю, что здесь всегда виноваты оба человека. Кто-то провоцирует, другой ведётся на провокацию. Отношения — всегда обоюдный процесс.

— Да уж. Вот, мы пришли к тебе домой. Ты попытался меня обнимать. Но так как был уже очень пьян, и я тоже, то все наши попытки не увенчались успехом, и мы уснули.

— Вот этот момент я не помню совсем. Как мы пришли домой, не помню.

— Ты пей больше.

— Шутишь?

— Да, это прикол такой.

— Ясно. Так что будем делать с приклеенными руками? У тебя есть какие-то дела сегодня?

— Да, я же говорила, что хотела к родителям сходить. А завтра на учёбу надо идти.

— Мне проще, у меня пока что никаких дел. Ну-ка, давай попробуем отлепиться, — и Карлос осторожно, помня боль, потянул руку. Но ничего не вышло, она намертво приклеилась к коже Сони.

— Ой, больно! — пискнула Соня. — Что же делать? А давай посмотрим в интернете?

— Точно, хорошая идея. Сейчас, только выпью ещё. Ты будешь?

— Давай. Главное, не напиться, как вчера.

— А что такого? Что произойдёт, если так напьемся? Мне лично всё равно, насрать, — Карлос уверенной рукой берёт бутылку с виски и разливает его по стопкам.

— Алкоголик, — игриво говорит Соня. — Часто ты пьёшь?

— Да нет. По выходным и так изредка. Я не алкоголик, — оскорбившись, защищается Карлос.

— Да ладно, я ж любя. Хотя, возможно, у нас начальная стадия алкоголизма. Алкоголь имеет накопительный эффект и с годами накапливается в крови. Так что для нашего возраста это пока что более или менее нормально, но через 10—20 лет это может быть очень плохо, — Соня сначала маленьким глотком, а потом, копируя действия Карлоса, залпом выпивает стопку и закусывает заслезившимся кусочком сыра, оставшегося на столе со вчерашнего дня.

— Надо бы ещё нарезать сыр, — говорит Карлос и, забыв, что они склеены, резко встаёт. Это тут же отзывается болью у него в руке, и Соня вскрикивает от неожиданного рывка и боли.

— Ты хоть предупреждай.

— Ой, я забыл совсем. Пошли, сходим за свежим сыром к холодильнику, — Карлос оглядывается на Соню и помогает ей встать. Они вместе идут на кухню.

— Что же, а это забавно, даже очень. Вон, сколько людей мечтает не расставаться с любимыми, или родители никак не хотят отпустить детей.

— О, мне только сейчас пришла в голову мысль, — Карлос останавливается и замирает. — А вдруг это ты всё подстроила? Я тебя не знаю, не помню отчётливо. Ты́ приклеила меня к себе! Блин, вот я дурак, как раньше не догадался? Это же подстава! — Постепенно его голос переходит на крик. — Что тебе надо от меня?! — Карлос прижимает Соню к стене.

— Что на тебя нашло? — Соня удивляется внезапной вспышке гнева молодого человека и испуганно таращит глаза. — Я не знаю ничего. Может, это ты́ склеил нас. Я так же могу подумать.

— Да, нужна ты мне больно, — Карлос мгновенно остывает. Он быстро заводится и быстро отходит. — А вдруг это какой-то эксперимент, и мы его участники?

— Не знаю, — уже обиженно говорит Соня.

Глава 2

Молодой человек и девушка сидят на диване, отвернувшись друг от друга и максимально отодвинувшись, насколько это позволяют склеенные руки. Каждый что-то обдумывает для себя. Мысли проносятся в голове Софии: «А вдруг это выполнение моего желания? Я же хотела, чтобы со мной всегда был мужчина. Вот и получила. За что боролись, на то и напоролись. Но я же совсем его не знаю. А вдруг он извращенец какой-нибудь? Вообще-то, у него уже была возможность что-то со мной сделать. Если бы хотел, уже бы сделал. Может, это он склеил нас? А зачем ему это? Может, он больной. Пьёт, вон, сколько много. Я тоже люблю выпить, но я не алкоголик. А он, похоже, алкоголик. Как бы расклеиться? Хотя хорошо, он никуда от меня не денется. Мы будем вынуждены привыкать друг к другу. Но это же насилие, и как сложатся отношения через насилие, не знаю».

— А ты давно пьёшь? — осторожно спрашивает Соня, нарушая тишину и прерывая ход своих мыслей.

— Со вчерашнего дня.

— Я не про это. Вообще.

— Что, когда впервые попробовал? Давно. Но я пью редко, по выходным и то, не всегда.

— Ясно, ты с нетерпением ожидаешь наступления выходных, чтобы расслабиться?

— Да, а почему бы и нет?

— Это первые признаки алкоголизма.

— И что? Ты сейчас лечить меня будешь или читать лекции о вреде алкоголя?

— Нет, но я подумала, раз мы склеились и вынуждены быть вместе, не мешало бы узнать друг друга поближе, — тихо говорит Соня, боясь реакции Карлоса.

— Узнала? Давай теперь о себе расскажи. Какие у тебя предпочтения, зависимости, извращения.

— Да, никаких, вроде.

— О, прямо, белая пушистая овечка.

— Я тоже люблю выпить, но это бывает раз в месяц или в два. Но иногда я боюсь, что это переходит в зависимость, так как возникает желание выпить, чтобы снять напряжение и расслабиться, как будто нет других способов.

— Ну, так вот. Это же накапливается в организме. Сейчас раз в месяц или в два, а потом два раза в месяц, раз в неделю, каждый день. С этого все начинают. И у меня так раньше было. Так что ты такая же, как и я.

— Да, в этом мы похожи, — Соня смотрит на Карлоса.

— Что ещё есть? Давай, признавайся. Кстати, скажи, что это за запах? Все люди выделяют запахи. И от тебя пахнет: то ли потом, то ли кошачьей мочой. Конечно, извини, но я не мог тебе не сказать об этом.

— У родителей кот, я к ним прихожу иногда. А запах пота? Не знаю, я не чувствую. А что, сильно пахнет? — Соня густо краснеет от стыда.

— Ну, так, да, есть. Я говорю это не для того, чтобы обидеть, всё равно мы склеены уже. Просто резкий запах, неприятно. Может, это и есть причина, почему у тебя не складываются отношения с мужчинами?

— Я не знаю, — Соню это цепляет, она обижается и сидит с опущенной головой.

Карлос понимает, что сказал что-то не то, но оправдываться не собирается. Реально, запах режет нос, и находиться рядом мало приятного. Сначала он не замечал, но побыв рядом с этой девушкой почти сутки, не обращать внимание на вонь стало невозможно. Ещё он заметил, что у неё волосы как будто жирные, а ладони влажные от пота. Конечно, обо всем этом он не мог сказать ей сразу. Да это и незаметно сразу. Скорее всего, у нее физиологические проблемы, тут нужен врач. У всех свои недостатки. Он надеется, что она о них знает и расскажет. Но она, видимо, не знает или комплексует по их поводу.

— Может, сходим в душ. Не помешает и тебе, и мне, — находит он верное решение.

— Давай сходим, — немного помолчав, смущаясь и морщась, говорит девушка. — Правда, я не очень-то люблю мыться, может, ты сам это сделаешь?

— Идём-идём. Как это, не любишь мыться?

— Не знаю, с детства не люблю. А волосы мыть, тем более, не люблю. У меня болячки на голове, и они болят, когда мою голову.

— Что за болячки? — с трудом скрывая отвращение, спрашивает Карлос.

— Ну, не болячки, а что-то вроде экземы. У меня жирная кожа, и экзема постоянная на голове. И болит, когда мою голову.

— Понятно. Нет, всё равно идем. Ты уже воняешь. Извини за окрошенность. И сходить бы тебе к доктору.

Душ освежающим потоком накрывает пару молодых людей. Карлос, кажется, не замечает наготы Сони, а София, поначалу стеснявшаяся, постепенно привыкает. Вынужденные все время быть рядом, молодые люди находятся в постоянном возбуждении и сексуальном желании без разрядки. Они помогают друг другу мыться, ведь их движения ограничены из-за склеенный рук. Постепенно эта процедура переходит в любовные ласки и заканчивается совокуплением. На фоне общей толерантности и даже, порой, равнодушия к сексу, этот акт был почти исключением из норм социума. После очередной сексуальной революции в конце 20 века, и дальнейшей вседоступности и вседозволенности, наступила пора чуть ли не отрицания секса, как одного из удовольствий. В редких местах, отдалённых деревнях, ещё оставался этот биологически обусловленный акт, но осуществлялся он исключительно для продолжения рода.

— Меня мучает вопрос, когда мы расклеимся? А если так и придётся всю жизнь, что с этим делать,?

— Может, не будем всю жизнь?

— Можно, конечно, пребывать в радужной светлой иллюзии, но в данный момент я реалист, и мне не нравится, что мы склеены.

— Давай подождём.

— Кого подождём?

— Не кого, а просто подождём. Когда выжидаешь, приходит то, что надо. Может, придёт решение нашей проблемы.

— Но надо же что-то делать в направлении её решения.

— Возможно, мы разговариваем, и это есть путь к решению. Кажется, ты никуда не торопишься. Тебя уволили. Вот мне надо было ехать к родителям сегодня, и я пока не знаю, как я это сделаю, — Соня вдруг падает вслед за Карлосом, который решил прилечь на диван после очередной рюмки виски.

Он смотрит в потолок. За окном пасмурный день, включена люстра. В Санкт-Петербурге всегда пасмурно. Вот в Марокко, откуда родом его дед, наоборот, всегда солнечно. Карлос почти не помнит, как это хорошо, когда светит солнце. Дедушка Карлоса приехал учиться в Россию в молодости, кончил университет и остался здесь жить. Благодаря темному цвету кожи, он всегда выделялся в толпе. Потом он познакомился со своей будущей женой. Она была русская. Они поженились, и у них родились друг за другом две дочери. Повзрослев, старшая из дочерей уехала учиться в Штаты и родила дочь. А младшая осталась в России, сошлась с русским, и у них родился Карлос. Пухлые губы, карие глаза, чёрные кудрявые волосы, высокий рост — это то, что Карлос унаследовал от деда по материнской линии. От отца он унаследовал светлую кожу, нос с горбинкой и, кажется, все вредные привычки, в том числе вспыльчивость. О своей двоюродной сестре Карлос мало что знал. Они виделись лишь несколько раз, когда он был маленький, и его мама общалась со своей сестрой по скайпу. Тогда он и познакомился со своей сестрой. Поскольку обе дочери очень любили своего отца и гордились им, то фамилию Смит оставили своим детям. Позже, уже будучи взрослыми, Карлос с сестрой предпринимали пару попыток наладить общение, но у них ничего не вышло. Наверное, ни один из них не хотел прилагать усилия, а внешних факторов, которые бы способствовали отношениям, не было. По неизвестной Карлосу причине отношения между сёстрами со временем испортились, и они перестали общаться. Потом мать Карлоса заболела неизвестной

болезнью и, протянув десять лет на таблетках и уколах, умерла. А с отцом у него никогда не было взаимопонимания. Почти всегда отец был недоволен всем и всеми, частенько выпивал, и Карлосу тогда казалось, что когда его детство закончится, сам он никогда не будет, никогда, как его отец... А потом отца кто-то зарезал ножом в сердце и перерезал солнечную артерию, чтобы наверняка. Кому понадобилась жизнь этого несчастного спившегося человека? С того времени прошло 10 лет, и теперь у Карлоса своя жизнь.

Потолок освещен неравномерно, и когда в открытое окно дует ветер, слегка покачивая люстру, пятна света и тени пляшут и смешиваются в такт ее колебаниям. На какое-то время Карлос застывает и смотрит на эти тени. Внезапно его озаряет мысль, он проводит рукой в воздухе, как дирижёрской палочкой, написав свой автограф, и в пространстве повисает экран интернет-сети. Он нажимает на кнопки и настраивает телевизор. Отодвигает экран, направляя руку ладонью от себя.

— Посмотрим, что в мире творится,— Карлос листает программы.

— Кстати, и я об этом подумала. Ещё надо посмотреть в интернете. Может, мы не единственные с такой проблемой.

Новости длинной лентой пляшут на экране, то вспыхивая, то потухая, освещая более важные.

«На Марсе завод ведёт добычу урана. За последний месяц на Землю доставлено более 90 тонн сырья».

«Эти дети не виноваты, что их оставили родители. Подарите им тепло, любовь и уют семейного очага!»

«В Испании по неизвестным причинам стая акул напала на группу сёрферов. В результате три человека погибло, восемь доставлено в реанимацию с тяжёлыми травмами...»

«Вода всё больше разливается и затапливает прибрежные зоны. После затопления Австралии и Африки ситуация стабилизировалась, но ученые отмечают продолжение повышения уровня океана. Давно говорили, что таяние ледников приведёт к катастрофе. Хоть мы и живём в Европе и удалены от воды, не стоит

расслабляться и думать, что опасность нам не грозит, и нас это не коснётся. Люди мигрируют в центральные части. А это может вызвать перенаселение...»

— Какой ужас. Взбесившиеся акулы, давно не было такого. Сёрферы всегда около берега тусуются, это значит, акулы оборзели, — возмутился Карлос.

— А вот про детей, тоже интересно. Кстати, я думала усыновить ребёнка. Если не успею родить. И, честно, не очень-то хочу рожать. Боюсь. Да и наследственность не очень хорошая.

— А что с тобой?

— Да! Потом как-нибудь расскажу.

— Что-то ничего нет по телевизору, — Карлос листает каналы. Он тянет руку, решив в очередной раз попробовать отклеиться, но безрезультатно.

— Надеюсь, нас не затопит, — произносит София.

Они надевают рубашки, разрезав рукава и боковые швы. Потом Соня скрепляет разрезы булавками, которые удивительным образом находит в письменных принадлежностях Карлоса, и в таком виде они продолжают день, который уже медленно близится к закату. Постепенно темнеет, и дождь, было прекратившийся, опять застучал по стеклу.

Дождь стал обычным явлением для Питера, он идёт почти всегда. Ещё десять лет назад здесь иногда было солнце. Но в 2090 году, после обильных и непрекращающихся выбросов нефтепродуктов в мировой океан началось таяние ледников. Экосфера отреагировала на деятельность человека, и климат изменился. Уже, кажется, вечность прошла с тех пор, когда здесь видели солнце или просвет в облаках. В городе даже установили скульптуру, каменную копию девочки с зонтом из музея «Вселенная воды». Люди с воодушевлением восприняли идею, как будто этот зонтик мог спасти город от туч, но, к сожалению, петербуржцам по-прежнему было доступно только каменное солнце под этим зонтиком.

На данной широте и в средней полосе России безоблачных дней не было вообще уже почти десять лет. Зато солнце было там,

где было всё затоплено, над океанскими просторами всегда было ясно. Но человек приспособился и к этому. В связи с перенаселением в городах наземный транспорт потерял всякую ценность, невозможно было проехать сквозь плотную людскую толпу. Тогда было создано воздушное транспортное средство — клаудуз, по форме напоминающее колокол. При разработке аппарата инженеры-бионики взяли за основу реактивное движение медузы и пришли к выводу, что медузоподобная форма будет оптимальна. Клаудузы перемещались по воздуху на высоте 100—200 метров в облаках, благодаря сокращению внешней стенки из клонированных мышечных волокон. Топливом служил конденсат из облаков. Аппараты были разных размеров, но чаще встречались два вида: для индивидуальной перевозки пассажиров, рассчитанные на одного человека, и для групповой, на двадцать. Внутренняя кабина состояла из твёрдого композита, защищавшего пассажиров от реактивных сокращений внешних стенок. Внешняя мышечная оболочка ярко светилась на сером фоне облаков, и ночью клаудузы были особенно хорошо видны, небо пестрело яркими вспышками. Стоя у окна, Соня мечтательно засмотрелась, как перемещаются по тёмному ночному небу реактивные колокола, это было похоже на маленький салют. Что её ждёт впереди, неизвестно.

Карлос настраивает интернет, вводит «склеивание людей», отправляет запрос. Через мгновение появляется надпись: «По вашему запросу ничего не найдено». Он ещё раз набирает «склеивание», и теперь сеть выдаёт ему много вариантов, но ни один не подходит к данной ситуации.

— Попробуй набрать «мы склеились» или «мы прилипли друг к другу», — предлагает Соня.

— Ага, — и Карлос набирает. — Опа, смотри!

По запросу «мы прилипли друг к другу», сеть выдала фотографии двух молодых людей, лет по 20, на вид очень довольных и счастливых.

— Это гомосеки, видимо, — морщится Карлос.

— А может, просто друзья, — предполагает лояльная София.

— Да, не важно уже, ладно. Есть хоть надписи какие-то, подписи? — Карлос заходит на страничку соцсети, где молодые люди выложили свою фотографию. — Только под фотографией всё та же надпись: «Мы прилипли друг к другу». Может, это не буквально, а так, образно.

— А давай напишем им и спросим, — предлагает София.

— Давай, пиши.

— А ты что, не умеешь?

— Предложила, вот и пиши. Могу и я написать, — немного подумав, Карлос добавляет, улыбнувшись и посмотрев на девушку. — Давай ты. Лучше я разолью остатки виски и закажу новую бутылку.

София улыбается. Таким Карлос ей нравится. После его вспышки гнева, хоть и появился страх, но он даже заводит и возбуждает. Когда Карлос был груб, страх и обида её так возбудили, что у неё возникло очень сильное сексуальное желание. Наверное, корни такой реакции на мужскую грубость родом из детства. Её отец мог иногда поднять руку на мать. Она помнила три раза, когда он, пьяный, бил мать по лицу и толкал. Тогда София была ещё маленькой, сейчас такого не происходит. Возможно, потому что отец не пьёт после тех случаев.

Она заходит в чат молодых парней и набирает текст.

«Здравствуйте! Меня зовут София, моего друга — Карлос. Мы обратили внимание на вашу фотографию, потому что мы тоже приклеились друг к другу руками и не можем отлепиться. И мы хотели бы узнать природу вашего склеивания. Как давно вы прилипли, и есть ли какие-то способы отлепиться? И вообще, вы что-то знаете об этой проблеме? Потому что мы нигде не можем найти описания похожих случаев, как будто мы единственные на планете. Будем вам очень благодарны на ответ. С уважением, София и Карлос».

— Вот прочитай, я написала, — София толкает Карлоса в бок.

— Ты поаккуратнее, — возмущается он, стирая салфеткой пролитый виски со стола.

— Да, ладно. Я ж не специально, — оправдывается София.

— Понятно, что не специально, просто аккуратнее надо, — резким голосом произносит Карлос и поворачивается к девушке.

Соня шарахается в сторону, так как их лица оказываются очень близко друг к другу, и Карлос раздражён. Его взгляд выражает злобу, и это пугает. Она замолкает и надувает губы. Карлос, заметив реакцию испуга, сразу остывает.

Он нажимает вызов службы доставки в сети. Отвечает голос девушки.

— Что желаете?

— Бутылку виски, сыр нарезку. Ты что-то хочешь? — обращается он к Соне, которая всё ещё дуется.

— Шоколад можно.

— И шоколад.

— Это всё? — спрашивает голос.

— Да, это всё.

— Ожидайте.

— Давай почитаю, что ты там написала, — Карлос поворачивается к Соне и, чувствуя свою вину, старается заглядить её. Он улыбается, гладит по голове девушку.

— Почему ты повышаешь на меня голос и так обращаешься, как будто я вещь и никто, пустое место? — спрашивает Соня.

— Я даже и не думал, само так происходит. Я не специально. Да ладно, покажи, что написала, — Карлос, меняя тему разговора, читает сообщение. — Нормально, отправляй.

— Хорошо, — и Соня нажимает «Отправить». — Теперь будем ждать ответ. Может, ещё поищем?

— Нет, на сегодня хватит, я уже утомился от этого занятия. И я уже пьяный. Утро вечера мудренее, как говорил мой отец. Ну, давай, наше здоровье.

Карлос торжественно поднимает рюмку, язык его уже заплетается, координация движений нарушена, и залпом выпивает её.

Соня смотрит на него, и ей становится всё страшнее и страшнее. Если сначала этот страх её возбуждал, то сейчас она чувствует угрозу. Она держит поданную ей рюмку и думает. Сейчас она очень хочет быть одна. Удивительно, почти всегда ей не

выносимо одиночество, она всегда бежит в толпу, лишь бы не быть одной, а сейчас, когда это невозможно, ей этого хочется.

— Что не пьёшь? Всё обижаешься на меня? — прерывает её размышления Карлос.

— Нет, уже не обижаюсь, — отвечает София.

Она уверенно выпивает виски. События этого дня и выпитый алкоголь накрывают усталостью, ее клонит в сон, и все мысли уже не важны.

На следующий день, проснувшись, они обнаруживают, что область склеивания увеличилась. Карлос и София в полном молчании смотрят на склеенное место, потом в глаза друг другу. Постоянная склейка начинает раздражать и очень хочется почесать то место, где они слиплись. В силу невозможности этого постепенно приходит отчаяние. Оно накрывает с головой мягкой пеленой. Сначала слегка обволакивая, а потом поглощая полностью. Это невыносимо. И больше всего пугает ужасающая неопределённость. Что будет дальше, неизвестно. Что это за мутация, аномалия, болезнь? Как с ней бороться? Есть ли лекарства? Видимо, нет. Так как нигде нет информации: ни в средствах массовой информации, ни в социальных сетях.

— Неужели мы единственные с этой заразой? — вслух произносит София, оторвавшись от размышлений.

— Может, что-то изменилось со вчерашнего дня? Давай посмотрим, вдруг нам ответили эти парни?

Карлос открывает сеть. Заходит в чат. Много рекламы, как обычно, но ответа нет. И тут его внимание привлёк заголовок «Странная мутация или что это?». София тоже обращает внимание на кричащие буквы.

— Давай сюда!

— Да, захожу. Кажется, это то, что надо!

В статье говорится о непонятном феномене, который был зарегистрирован во Владивостоке. Аномалия выражается в склеивании двух людей. Эти двое обратились в поликлинику за помощью и просьбой расклеить их. Это мать и дочь. Дочери около тридцати лет, матери около шестидесяти. Приклеились они моментально,

и сначала это был маленький участок на руке, но с каждым днём он увеличивался и за неделю достиг десяти сантиметров в длину. Врачи в поликлинике пробовали аккуратно разрезать, но оказалось, что клеящее вещество было из клеток кожи женщины, и попытка разрезать привела к ране и большой кровопотере. Собрался консилиум. Эти двое несчастных просидели весь день в больнице, так и не получив никакого ответа. Врачи пожимали плечами и говорили, что это пока неизученный феномен, и они будут его исследовать. Пригласили женщин прийти на следующий день для прохождения обследования. Но на следующий день женщины не пришли и на звонки не отвечали. Тогда через день по их адресу выехала бригада скорой помощи и обнаружила в квартире два трупа. По заключению следствия, мать сначала застрелила дочь, а потом себя. С момента смерти прошло тридцать часов. Взяли анализ крови, соскоб кожи, начали исследование. Очень жаль, что это произошло. Что именно стало причиной самоубийства и убийства, неизвестно, есть только догадки и предположения. По одной из версий причиной были склеивание и неизвестность. Они пришли в поликлинику довольно измождённые. Естественно, сильно нарушается порядок жизни и это создает огромный психологический дискомфорт. Тяжело переживается. Это одна сторона. Возможно, это мутация, и она вместе со склеиванием вызывает нарушения в мозгу у человека.

В последние пятьдесят лет аномальные явления случаются довольно часто. Очень часто дети рождаются с двумя головами или сросшимися телами. В подобных случаях с разрешения родителей не продолжать жизнь таких уродов, младенцы умерщвляются и консервируются в формалине. По ним студенты медицинского института могут изучать анатомию аномальных развитий. Однако в данном случае аномалия произошла у взрослых людей. Что будет дальше, и каковы прогнозы по развитию данной аномалии, покажут результаты анализов и время. В конце статьи указаны контактные данные: телефон, сетевые адреса, ресурсы, куда можно обращаться, если похожая проблема возникла.

— Ура! Что, будем звонить или напишем?

— А почему же они покончили жизнь самоубийством? Страшно, — Софию передёргивает от прочитанного. — Ужасно.

— Не знаю, как ты, а я... мне надо выпить! — говорит Карлос, наливая себе в рюмку виски.

— Уже третий день запоя и склеивания. К родителям так и не сходила, а они и не звонят. Им это не особо-то надо. Надо только мне. Я тоже выпью, пожалуй. Вдруг это последние дни моей жизни.

— Что же это за фигня? — Карлос ставит уже пустую рюмку и разглядывает склеенное место на руке, осторожно отодвигая кожу. — Это, как клей, только не клей. Кожа, твоя и моя, как будто вживилась друг в друга, мы срослись и становимся одним целым.

— И если это место увеличивается, что будет через неделю, месяц, год? Страшно представить. В фильме ужасов подобного не встречалось.

— Почему же, были мутанты с других планет, типа уродов со слизью.

— Фу, гадость какая, — Соня выпивает виски и ставит рюмку, слегка поморщив нос.

— Давай звонить уже.

— Мне страшно как-то. Страшно начинать, — у Сони колотится сердце, и в животе снова даёт о себе знать тревога. Даже выпитый для смелости виски не помогает.

— И мне тоже страшно, но всё равно придётся, как бы ни оттягивали.

— Может, ещё виски для смелости?

— О, да ты осмелела, вошла в раж, я посмотрю. А прикидывалась овечкой сначала.

— Нет, просто страшно. Обычно я не пью.

— Все вы так говорите, — усмехается Карлос, наливая себе и Соне. — Что притворяться? Себя же не обманешь. Всё равно через время всегда открывается истинное лицо, которое прячет маска. И зачем, не понимаю.

— Тебе не понять, Карл. Это воспитание такое. Надо быть деликатным и корректным, и воспитанным.

— Да пошли вы со своей деликатностью.

— Слушай, а где твои родители? Они здесь живут?

— Да, в другом районе. Мы не общаемся с ними.

— Почему?

— По их словам, я плохо себя веду. Да мне насрать.

Карлос не хочет продолжать этот разговор и рассказывать о своей семье и о том, что у него уже нет родителей, тоже не хочет. Выпив рюмку, отворачивается от Софии и смотрит в окно. Через минуту, продолжает, как ни в чём не бывало:

— Ну что, будем звонить?

— Да, давай.

Карлос открывает выход в сеть и произносит номер телефона. Слышны гудки и проходит десять гудков прежде, чем раздаётся голос:

— Горячая линия аномальных явлений. Слушаем.

— Эээээ, — Карлос на мгновение теряется.

— Я Вас слушаю. Говорите, пожалуйста, — произносит более настойчиво хорошо поставленный женский голос.

«Сколько раз в день ей приходится говорить одни и те же фразы?» — думает Карлос. Голос ему нравится, он очень мягкий, женственный и мелодичный.

— Ээээ. Мы с подружкой склеились, — он не решается это сказать, потому что для него это всё нелепо и абсурдно. И если бы не статья о склеенных женщинах, матери и дочери, и их смерти, он не решился бы звонить и говорить кому-либо об этом. Как будто стыдно очень.

— Как давно это произошло?

— Два или три дня назад, ночью.

— Мгм.. Ясно, — секунд двадцать тишина. Видимо, оператор размышляет или записывает, так как еле слышен стук костяшек. — Вы сможете приехать к нам сегодня в 15 часов?

— Да, сможем.

— Назовите Вашу фамилию, пожалуйста.

— Смит. Карлос Смит, — и добавляет, — Только мою фамилию? А подружки?

— Необязательно. Достаточно одной фамилии. Мы вас ждём.

И отключается. Повисает тишина. Карлосу не хочется никуда выходить, он бы лучше остался дома, распивая вискарь и предаваясь безмерной лени, наслаждаясь безмятежностью. А там, на улице, мрачно, идёт дождь, промозгло и холодно.

— Что там говорят?

— Ты ведь сама слышала, что переспрашиваешь?

— Вдруг я что-то не расслышала.

— Хватит тупить и притворяться дурочкой. Всё ты расслышала. А я не хочу никуда идти. Если бы не ты, мне бы не пришлось этим заморачиваться.

— Я не туплю. А почему я? Может, это ты всему причина? Нечего валить всё на меня. У меня тоже полно планов и дел, а я всё отодвигаю из-за этой проблемы.

Карлос молчит, и София тоже. Через три часа надо быть в институте аномальных явлений. Добираться туда час, значит, через два часа надо выйти.

После двухдневного домашнего запоя уличный воздух резко бьёт в нос, и ветер обдувает со всех сторон, как собака обнюхивает новый кустик. Серое, пасмурное и, как всегда, дождливое настроение у погоды. Что-то необычное в атмосфере, еле уловимое чувство нереальности происходящего. Возможно, это говорит алкоголь в крови, а возможно, что-то происходит. Хотя, конечно же, давно всё произошло. Ко всему прочему Карлос и София не существуют отдельно, а стали почти одним целым, даже в туалет и умываться вместе ходят. Они ничего не могут сделать без присутствия другого рядом, от этого пока никак не отделаться, да и возможно ли это, неизвестно. Всё неопределённо. И, как обычно, эта неопределённость жутко пугает.

После прочитанной статьи о смерти матери и дочери, которые склеились и потом покончили с жизнью, теперь ничего не осталось определённым. Их жизнь может закончиться в любую минуту. Карлос и София пока заливают эти страхи алкоголем, но сейчас они почти трезвы, так как они идут в институт. Осознание ситуации медленно приходит к ним и накрывает страшной тенью.

Как обычно, идёт дождь, и они в куртке с капюшоном. Карлосу удалось отыскать в доме куртку большого размера, чтобы надеть сразу на двоих. Однако капюшон на две головы не налазит. И они укрываются от дождя под небольшим зонтиком Софии. Навстречу попадает много людей, также спешащих от дождя в своё укрытие, домой или по делам. Лица скрывают капюшоны и зонты. И всё кругом серое и мрачное, даже одежда людей и расцветка зонтов. Кто-то идёт парами, прячась под одним зонтом, но, как ни пытается София взглянуться и обнаружить таких же склеенных людей, это ей не удаётся. Приземляется клаудуз, и молодые люди заходят в открытую дверь, как в пасть открытого зонта-колокола. Кажется, никто не обращает на них внимания.

Одеваясь в институт, они разрезали рукава и боковые швы рубашки и платья, и Соня аккуратно пришила обрезки, чтобы не болтались. Левая рука Сони приклеена к правой руке Карлоса, так что Карлос терпит большее неудобство, — он правша. Первое время он забывает и тянется правой рукой, и тогда Софийна левая рука тоже тянется. Но постепенно они привыкают к этому неудобству, хотя ещё надеются изменить положение, разрезать, или даже ампутировать, если вопрос стоит о жизни или смерти.

Немного страшно идти в институт. Вдруг скажут, что их положение безнадежно, и ничего, кроме ужаса, их впереди не ждёт? Или обрадуют неопределённостью, как и тех женщин? Мол, учёные пока не могут найти решение проблемы, подождите. Вот с такими мыслями в полном молчании едут Карлос и София в институт аномальных явлений. От них ещё распространяется запах алкоголя, и некоторые люди брезгливо отворачивают головы и отстраняются. Карлосу глубоко насрать на это, а София стесняется.

Они прибывают к месту назначения и выходят. Здесь много людей, пар, групп и все люди направляются к главному входу института. Это были огромные двери высокого небоскрёба. Институт внушает доверие, прежде всего, своими размерами. Вокруг здания разбит парк. Архитектура тоже удивляет своими фантастическими линиями и изгибами. Приглядевшись, София замечает неестественность в походках и позах людей.

— Карлос, они все тоже склеенные. Обрати внимание хотя бы на ту пару, — она показывает на мужчину и женщину, которые сидят на лавочке. Женщина пытается что-то достать из сумочки, и когда она использует вторую руку, рука мужчины тоже двигается за ней. — Или вон на ту пару, — Соня показывает на идущих впереди пожилых людей, тоже мужчина и женщина, они склеены ногами и поэтому идут неестественно.

Они смотрят по сторонам и обнаруживают, что все окружающие их люди прилеплены друг к другу какой-либо частью тела. И походки их настолько неестественны, смешны и ужасны, что можно подумать, будто смотришь фильм ужаса с зомби. Конечно, люди и раньше были похожи на зомби, например, когда идут на работу или едут в подземке, или стоят в кассу. С почти одинаковым выражением лица. Несчастные, угрюмые, поставленные на грань выживания.

Таковыми люди стали давно и уже привыкли к этому. Счастье? Многие уже забыли смысл этого слова. И это также пугает и ужасает. Что же произошло? Возможно, склеивание — это результат выживания людей. Многолетней копившейся усталости, недовольства и несчастья. И неужели это нельзя предотвратить? И сколько осталось жить людям? Африканцы уже почти вымерли. Вдруг сейчас очередь европейцев? А что творится на Востоке, на Западе? Комок подкатывает к горлу Софии, и дрожь пробегает по телу. Ей вдруг становится невыносимо тошно от ощущения своей ущербности и беспомощности перед событием, природой, аномалией. София замедляет шаг, и Карлос тоже приостанавливается. Он также пребывает в немом шоке от созерцания окружающих его людей, направляющихся, как и они, за возможным спасением, ещё держащихся за хвостик иллюзии.

— Мне нехорошо, — произносит София. Карлос смотрит на неё.

— Ты так сильно побледнела. Давай присядем, — и молодой человек ведёт её на ближайшую лавочку. Но они не успевают дойти, как София обмякает и опускается на землю. Карлос следует за ней, поддерживая одной рукой. Когда Соня через минуту приходит в себя, они встают и доходят до лавочки. Проходящие люди смотрят, оборачиваясь, на парочку. Кто-то сочувственно качает головой.

— Сейчас тебе лучше? Вот, сделай глоток виски, — и Карлос подносит ей фляжку, которая у него всегда с собой. Соня только нюхает и резко отодвигается, отстраняясь от фляги.

— Что это ты? Я тебе говорю, глотни, и станет лучше.

— Не хочу, — резко обрывает София и таким злым и жёстким взглядом одаривает Карлоса, что тот от неожиданности пугается и кладёт флягу в висящую на плече сумку. — Ладно, если тебе лучше, идем дальше.

Что-то в ней переменялось. Как будто она осознала весь ужас сложившегося положения, и с ней, и в обществе в целом. Оставшуюся дорогу до входа в здание они идут молча, в каком-то тупом смирении, как последний путь перед смертью или приговором, когда уже ничего не изменить и остаётся только принять.

Глава 3

И наступает бесконечный день. Люди планеты Микза просыпаются, как обычно, ничего не подозревая, приступают к своим повседневным делам. Так проходят день и вечер. Земляне около десяти лет назад колонизировали эту планету. Но мало кто решался переселяться на неё. В связи с тем, что здешнее солнце находится ближе, чем на Земле, с людьми за первые годы происходит ряд изменений, а именно: у них сжимаются лёгкие, цвет кожи приобретает сиреневатый оттенок, зрачки становятся белёсыми из-за того, что слегка мутнеют хрусталики, хотя это удивительным образом не сказывается на остроте зрения. Из-за постоянной работы в сети фаланги пальцев вытягиваются по сравнению с земными жителями. Эти трансформации наблюдали у себя первые колонисты, и теперь всех иммигрантов предупреждают о предстоящих изменениях еще при отборочном тестировании.

— Я ничего не понимаю. Уже 12 часов ночи, а светло, как днём.

— Да, точно! Я пока не обратил внимание на это. Ты права.

Оливер только что вернулся с берега, когда ему поступил звонок от его подруги Ангелины. Его хобби — скульптуры из песка: фигуры библейских персонажей, великие сражения, животные, знаменитые личности. И делает он их вдоль набережной. Туристов здесь много, они проходят мимо, любясь его творениями. Дождей здесь нет никогда, и фигуры стоят долго, пока ветер не меняет образы. Оливер вспомнил, что сегодня было особенно много людей вечером, и никак не темнело. Он постоянно смотрит на часы, чтобы убедиться во времени, но как-то не придаёт этому значения. Что ж, светло, так светло.

Ему вообще давно плевать на всё происходящее вокруг. Он словно амёба. Главное, чтобы его не трогали физически

и эмоционально, вернее, не делали больно. Он всячески старается избегать боли. Конечно, это не всегда удаётся. После смерти жены прошло пять лет, и сейчас он уже смирился с этим, пережил, но начинать новые отношения боится. Она не выдержала физических изменений. У нее была астма, и сначала здесь ей стало лучше, а потом состояние здоровья резко ухудшилось, уменьшающиеся лёгкие не смогли справиться с нагрузкой, и она умерла. Ночью. Тихо и незаметно. Просто перестала дышать. Оливер остался один. И вот в его жизни появилась Ангелина. Очень привлекательная женщина, и умная, и с ней очень интересно, но его к ней не влечёт. Возможно, он уже повзрослел, и нет смысла ожидать запыла и страсти молодости. А возможно, несмотря на то, что она такая хорошая и умная, и красивая, она не в его вкусе.

Оливер высокого роста, с русыми кудрявыми волосами. Лицо его украшает борода, за которой он тщательно следит. Он ее регулярно подстригает, и это стало ритуалом в его жизни и новой привычкой. Ему 35 лет. Это, конечно, не 20, но он по-прежнему активный и бодрый, молодой и полный сил.

Сейчас он живёт один в огромном доме, который сначала был обычной временкой в период колонизации. Оливер его перестроил и модернизировал так, что описать форму обновленного жилища крайне трудно: углов у дома шесть, и он весь неровный, все его стены имеют разную высоту и ширину. Дом стоит в горах, рядом протекает речка. До берега океана Оливер ходит пешком, это занимает сорок минут. После смерти жены он улетал на Землю, несмотря на то, что это было разрешено лишь в крайних случаях. Дом пустовал, но через три года он вернулся обратно и теперь живёт здесь, хотя поначалу было невыносимо тихо и от этого больно здесь оставаться. Его хобби занимает практически всё свободное время, он целый день находится на берегу океана. С утра он катается на сёрфе, а потом просто сидит, лепит, строит, греется на солнце и демонстрирует фигуры из песка, иногда что-то рассказывает, — и так до позднего вечера. Когда он приходит домой, сразу ложится спать.

Оливер пока ещё часто вспоминает о смерти своей жены. Не любит вспоминать об этом, но память не сотрёшь. Сначала он хотел покончить жизнь самоубийством, даже пошел на мост, чтобы спрыгнуть. Он долго глядел вниз, но так и не решился. Винил себя за трусость и слабость. В нём боролись две части, и та часть, что очень хотела жить, победила. Тогда он завербовался в фармацевтическую компанию на Земле. У Оливера образование микробиолога и приличный опыт работы, его с радостью взяли, пообещав неплохую зарплату. Он занимался продажами, представляя свою кампанию. И хотя раньше он не пошёл бы в эту сферу, предпочитая исследовательскую деятельность, сейчас это оказалось самое то. Через полгода его жизнь заполнилась конференциями, тренингами, командировками, лекциями. Он всегда в работе, и даже после работы, дома, нужно готовиться к следующему дню. Эта загруженность не позволяла ему думать о прошлом и переживать утрату. Теперь лишь изредка, и с каждым днём всё реже и реже, он вспоминал о том, что когда-то у него была семья. Он стал, как робот, почти машинально выполняя должностные обязанности. Через два года такого марафона он иссяк. Он насколько вымотался, что даже похудел. Друзья перестали с ним общаться, а те, что не оставили его, общались, скорее, из жалости. Он стал невыносим, впал в критиканство, при этом мог сказать обидные и злые слова. В его поведении стали проявляться высокомерие и жёсткость. Он запретил себе быть слабым и ненавидел проявление слабости у других людей.

— Знаешь, Оливер, после последнего разговора и встречи у меня остался осадок, — как-то сказал ему его друг, связавшись по сети.

— Ну, это твои проблемы, — как обычно ответил Оливер, осознав, что это прозвучало грубо. Но он сейчас не в том состоянии, чтобы извиняться. Он очень зол на весь мир, на всех.

— Возможно, мои, но как же тогда наша дружба? После этого мне не хочется иметь с тобой дело, я не могу полагаться на тебя. Я рассчитывал на тебя, потому что ты сам неоднократно предлагал прилететь к тебе в гости. И вот, когда я настроился, спланировал,

ты отказываешь. И мне, в принципе, более комфортно и удобно оставаться у себя. И прилететь к тебе я хотел ради тебя.

Оливер молчал. Что он мог сказать? У него было такое настроение, что не хотелось никого видеть рядом. Он чувствовал свою вину, но извиняться или оправдываться не считал нужным. Он смотрел на своего друга, и в какой-то момент тот стал ему противен. С экрана он ему показался немощным и слабым. Больше того, закралось подозрение, что друг хочет его использовать в своих интересах. От этих мыслей товарищ стал ему ещё более противен, и Оливер, не прощаясь, вырубил связь. Лицо его друга растворилось в гаснущем экране. Таким образом, постепенно, в течение года, друзья перестали с ним общаться. И у Оливера осталась только работа. Беспорядок и пыль, накопленная за эти годы, не беспокоили его. Он приходил домой, когда было уже темно и уходил в полутьме, поэтому не обращал внимания. Лишь изредка протирали пыль в ванной с раковины, ванны и зеркала, да на кухне. Но сам он выглядел очень аккуратно, — здесь он старался, — кроме обуви, которую он не замечал и мыл лишь изредка. В этом проявлялся небольшой диссонанс, но замечали это лишь некоторые люди. Вскоре Оливер заболел, сломался. Но он, конечно же, продолжал ходить на работу.

— Оливер, тебя вызывает директор. Зайди к нему. Срочно, — сообщила ему секретарша, как только он вошёл в кабинет.

Оливер молча кивнул головой. В последнее время он не здоровался и не прощался. «А какой смысл? — думал он, — всё равно здесь живёшь на работе с утра до вечера каждый день. Не обязательно. И кому нужна эта любезность?» Он дождался, когда закроется дверь за секретаршей, встал из-за стола, отпил горячий кофе, который принесла девушка, и направился к директору. Директорский кабинет находился на этом же этаже, через буфетный зал. Пройдя через секретаря, пропустив её улыбку, он зашел в кабинет директора.

— Оливер, здравствуй. Давно уже хочу поговорить с тобой, но не было подходящего времени, — сказал директор, всем видом выражая озабоченность: серьезный взгляд, морщины на лбу.

— Да, слушаю Вас, — без эмоций ответил Оливер.

— Ты давно работаешь в нашей компании и работаешь очень хорошо. Благодаря тебе, наши показатели улучшились и мы вышли на мировой уровень, — медленно произнёс директор, изредка поглядывая на Оливера. — И я наблюдаю за тобой. У тебя случилось горе, ты потерял семью и потом пришёл к нам работать. Полагаю, ты нашёл утешение в работе?

— Да, так и есть. Работа заменила мне семью, — на долю секунды лицо Оливера стало более мягким, изобразив боль. Но лишь на долю секунды, и потом опять приобрело замороженный, роботизированный вид, и он снова смотрел на директора стеклянным взглядом.

— Я очень ценю твою самоотверженность и самоотдачу и, возможно, другой на моём месте пользовался бы этим бесконечно. И я пользовался тобой, но больше не могу, извини. Сейчас я вижу, что это очень плохо сказывается на твоём здоровье. Ты измождён, бледен, выглядишь всё хуже и хуже. Твоё лицо не выражает никаких эмоций. Я за роботизацию, это прибыльно для меня и компании, но что-то мне говорит о сострадании к тебе и сочувствии. Ты нравишься мне как человек и специалист. Поэтому я решил отправить тебя в годовой отпуск, — директор смотрел на Оливера почти ласково. Он и говорить старался более мягким тоном, как разговаривал со своими детьми.

— Нет, спасибо, мне не нужен отпуск. Я смогу работать, — не колебавшись ни на секунду, ответил Оливер.

— Моё решение не подлежит обсуждению. Я не предлагаю тебе это, а решил самостоятельно. Извини, не посоветовался, знал твою реакцию. Через год ты сможешь вернуться, если захочешь.

— Чем же я буду заниматься целый год? — неожиданная идея годового отпуска не укладывалась в голове.

— Попробуй вернуться домой.

Вот так Оливер прилетел обратно на свою планету, где покой и безмятежность, которые в свое время привлекли его семью, сейчас напоминают ему смертную тоску и гробовую тишину.

Его с трудом пропускают обратно после такого длительного пребывания на Земле, сообщая, что это в последний раз, что он рискует занести инфекцию на Микзу, и в следующий раз, если такое повторится, ему придётся проходить процедуру допуска вновь, а это как минимум три месяца физиологических и психологических проверок.

Первые дни отдыха невыносимы. Ему мерещится тень его жены. Он думает, что сходит с ума. Чтобы уйти от мыслей и воспоминаний, он старается быть постоянно занятым, либо в отключке. В основном, курит мис, это та же марихуана, только выращенная на Микзе. Но это не помогает, лишь усиливает боль. К тому же в этом воздухе, да с маленькими лёгкими, становится трудно дышать, и он прекращает это баловство. Он убирает в доме, делает всё, что накопилось за три года. Иногда ходит из угла в угол, лишь бы чем-то себя занять. Потом смотрит телевизор, но тот ему быстро надоедает. Много гуляет. Готовит еду. Просто сидит в кресле-качалке и смотрит на горы. Лепит из глины, вылепил 15 фигур фантастических животных и птиц, которыми окружает свой дом. И постепенно он смиряется с утратой. Так проходят дни, недели, месяцы. Он начинает ходить к океану, снова увлекается сёрфингом. Там же он знакомится с Ангелиной. А вскоре начинает делать фигуры из песка на побережье.

Сегодня он возвращается с работы и, как обычно, почти машинально принимает душ и кидает котлеты в печь, чтобы разогреть. Он на миг задумывается о словах Ангелины и прислушивается к тишине. В его доме очень тихо, и иногда это его пугает, но лишь иногда. В основном, он любит эту тишину после шума океанских волн и криков детей на берегу. Но сейчас эта тишина не была тишиной. После того как затихает печь, он слышит какой-то непонятный шум, то ли в электропроводке, то ли в воздухе. Очень глухой гул. Он следует в комнату на втором этаже, шум усиливается. Он усиливается тем больше, чем тише в доме. Оливер закрывает уши руками, шум остаётся. И тут его озаряет мысль, что это шум в его голове. Сначала он удивляется, потом

несколько пугается. «Вдруг это первые признаки сумасшествия? Но почему именно сейчас? Я вроде бы пережил смерть жены, было намного хуже. Странно, что за шум? И он не проходит. А может, я его никогда не замечал, и он всегда был? Может, это так и надо, и я только сейчас прислушался к тишине. Нет, вряд ли, я всегда в тишине и люблю её слушать. А вдруг это как-то связано с тем, что ночь никак не наступает сегодня? До сих пор светло». Оливер, размышляя таким образом, задёргивает шторы так, что дневной свет не проникает в комнату, и разваливается на кровати. Блаженно потягиваясь, почувствовав в теле усталость. Немного некомфортно и непривычно засыпать не в темноте и с шумом в голове. Он любит, чтобы была глубокая темень и тишина. А тут и свет, и шум непонятный. Шум лёгкий, и к нему постепенно привыкаешь, но всё равно это необычно и как-то тревожно. Он закрывает глаза и засыпает.

Она красивая. Её возраст сложно определить, где-то от 25 до 40. Такой вот разброс, диапазон времени. Когда она идёт по улице, молодые и старые, мужчины, женщины, дети обращают на неё внимание. Она излучает свет. Этим она вдохновляет людей быть счастливее. У неё и завистников нет, все только восхищаются. Ангелина переехала жить на Микзу около десяти лет назад, с самого начала колонизации, уже освоилась в местных обычаях и адаптировалась к Микзянской среде. Чувствует себя уверенно, независимо и безмятежно. Лёгкие у неё сильные. В детстве занималась музыкой, училась играть на саксофоне. И даже её пристрастие к марихуане на Земле и к мису на Микзе не повлияло на дыхательные органы. Она живёт одна в своём атланте-доме в форме вулкана, где стены трансформируются в окна. Сегодня она ложится спать и просыпается от мгновенной вспышки-видения. На диване справа от нее сидит несколько человек, ансамбль, они поют, играют на инструментах, веселятся. Ангелина жутко пугается. Когда она легла и попыталась заснуть, предварительно в хлам накурившись, её накрыл страх, что она может и не проснуться, но потом страх рассеялся, и она заснула ненадолго. И вот её будит кошмар.

— Вот это торкнуло. Вот это мис! — вслух произносит Ангелина. — Вау!

Она анализирует свой сон и убеждается, что он хороший.

— Зачем ты себя уничтожаешь? — однажды спросил её Оливер.

— Нет, вовсе нет. Так, чтобы усилить удовольствие и ощущение счастья.

— А так не хватает?

— Почему же, хватает. Просто я не вижу ничего плохого в том, чтобы иногда покурить качественную травку. Последствий нет никаких. Например, иногда хочется съесть шоколадку или торт, почему бы не побаловать себя?

— Хорошо, согласен! Микса, не Земля, здесь всё в природе несколько иного качества. Говорю, как микробиолог! — Оливер улыбается. — Для меня это похоже на сигареты. А вот никотин очень вреден для здоровья. Как чудесно, что здесь он не актуален и не выращивается, и люди не курят табак.

— Вот с этим я согласна! Это было отлично придумано, — про- верить на пристрастие к никотину перед отправкой на Микзу. Табак — явный наркотик. А трава — нет, не наркотик.

Почва здесь бордового, местами красного, цвета из-за высоко- го содержания марганца и солей. И благодаря безоблачной погоде, а теперь и дню, здесь очень быстро растут овощи, зерновые куль- туры, чай, трава и т.д. И конечно, все они имеют необычный вкус и качество. Когда земляне только начинали колонизацию Микзы, здесь ничего не росло, совершенно ничего. С Земли сюда завезли семена, саженцы, и началось озеленение планеты. Сначала здесь было очень трудно дышать из-за малого количества кислорода. Но к этому люди постепенно привыкли, а земные растения, ра- стущие быстрыми темпами, постоянно увеличивают содержание кислорода в воздухе. За десять лет земляне озеленили самый круп- ный на планете материк. И ежедневно сюда прилетает с Земли около ста человек. Выбранных, проверенных, обученных. Сам пре- зидент Микзы ставит разрешение на допуск. С допуском на плане- ту очень строго. Таким образом планировалось сформировать ка- чественно новый генофонд гомо сапиенс. Каким-то удивительным

образом десять лет назад совпало, что началась вербовка на Микзу и климатические изменения на Земле достигли предела, начался необратимый процесс. А ведь мало кто решался лететь на другую планету, совершенно неизученную, где много неожиданностей. Люди привыкают к зоне комфорта, даже просто к привычной среде, и необходимость пошевелиться, сделать шаг в сторону вызывает глубокое сопротивление. Они будут страдать, мучиться, но ничего не изменят в своей жизни, думая, что может быть ещё хуже. Какое глубокое заблуждение, абсурд.

— Ладно, — Оливер сам знает, что трава не вредит здоровью, но старается воздерживаться. — Я не особо люблю травку, потому что накуранный ленюсь и ничего не делаю. Это очень приятно и комфортно. Я имею в виду, лениться. Но я заставляю себя действовать, потому что от активной жизни получаю больше внутреннего удовлетворения.

Он в последний раз накурился так, что ему показалось, будто Микза под ним шевелится, потом он сообразил, что это движение в области таза, и в итоге опять ощутил, услышал шум в голове. «Всё в голове,» — убедился он. Когда-то в молодости он баловался сигаретами на Земле, но потом бросил. И очень вовремя, так как на Микзу не допускали ни курильщиков, ни табакозависимых. Да и как здесь курить? И так тяжело дышать первые годы.

Оливер и Ангелина познакомились в океане на сёрфе. Их дорожки были рядом, и они там впервые увидели друг друга. Течение относило её на глубину, и она, сама не заметила, как приблизилась к нему. Он сидел на доске и смотрел в даль океана в ожидании волны. Он оглянулся на неё. Ангелине его лицо показалось красивым и благородным. На следующий день течение опять притянуло Ангелину близко к нему. Когда она подняла глаза и снова увидела его, немного удивилась. Он опять оглянулся. Когда он, наконец, развернулся и поплыл, лоя волну, они встретились взглядами. Ангелина эту волну пропустила и ждала следующую. А на третий день они поздоровались. Он оглянулся и сказал: «Привет!» — показывая большой палец в знак одобрения.

На следующий день была гроза, шёл дождь и гремел гром, объявили штормовое предупреждение. Хотя накануне Ангелина собиралась пойти покататься на доске, видимо, всё отменится. Сверкнула молния, прогромыхал гром. Ветер шумел и завывал. «В такую погоду экстремально было бы выйти в океан. Дааа. Интересно, Оливер пойдёт?». Вот и закончился дождь. Можно было бы пойти покататься, но Ангелина и хотела, и нет. Она всегда заставляла себя идти, преодолевая страх, потому что после сёрфинга чувствовала себя необыкновенно. Она когда-то давно чуть не утонула в озере, с тех пор боялась воды и не особо-то любила купаться. Однако после единения с природой и борьбы с водной стихией, грозным океаном, приятное чувство удовлетворения растекалось по всему телу от макушки до кончиков пальцев, заполняя всю ее. Она ощущала себя королевой, богиней и звездой, это чувство позволяло ей быть скромной и в то же время уверенной в себе. В сёрфинге не просто купаешься и плаваешь. Сначала плывёшь, преодолевая препятствия, к «точке отсчёта», где ожидаешь волну и потом, разворачиваешься в сторону берега и быстро гребёшь. И когда волна настигает, её необходимо поймать, войти с ней в баланс, подстроиться под неё. Она же капризная и просто так не прокатит. Только если поймаешь волну, она подхватит снизу и невидимой силой потянет к берегу на огромной скорости. И это невероятные ощущения, только естество природы и способность найти его!.. Баланс! Это мощно и сильно!

Ангелина любит утром покататься и потом идет в институт генетики, где работает уже три года. В последние дни всё перемешалось, где утро, где день, где ночь? Постоянно светло и нет ночи. время суток можно определить разве что по часам. Но постепенно и это становится неважным. Что такое время? Иллюзия. Институт работает круглосуточно. Работают посменно, по часам. Работы много, и она всё прибавляется в связи печальными событиями на Земле: климатическими изменениями и внезапно проявившейся патологией. Последние сто лет на Земле количество углекислого газа и сброс нефтепродуктов в океан всё время увеличивалось. Это спровоцировало климатический сбой,

таяние ледников и затопление прибрежных зон. Люди, успевшие спастись, переместились с берегов в центр континентов. Учёные прогнозировали, что все острова и небольшие материки будут затоплены полностью. И более дальновидные люди перемещались на крупные континенты: Евразию, Южную и Северную Америку. А некоторые пытались пройти отбор на Микзу. Плюс к этому хаосу миграции по всей Земле в разных точках стали регистрировать случаи склеивания людей. И не были ясны причины. На Микзе пока что случаев склеивания людей не было зарегистрировано.

К началу 2090 года население Земли составило десять миллиардов человек, в основном, благодаря жителям Индии и Китая. Но когда началось Всемирное Наводнение, в течение одной лишь недели численность землян сократилась на одну треть. Большинство жителей островов и прибрежных зон не успели эвакуироваться и погибли. Клаудузы в то время были редкостью и могли спасти лишь немногих. Новая Зеландия и более мелкие острова Океании полностью оказалась под водой. Австралия, Индия, Китай оказались почти на две трети затоплены. На всех материках линия побережья продвинулась вглубь на сотни километров. Ученые не могли объяснить, но природа пощадила восточное побережье Северной Америки.

Уцелевшие ринулись искать новое место для жизни и выбрали центральные регионы, не в силах совладать с ужасом перед океаном. По приблизительным данным население Земли за год сократилось наполовину и составило пять миллиардов человек. Собрать точную информацию было некому, поскольку инфраструктура большинства стран была разрушена.

Медики высказали гипотезу, что перенаселение и высокая плотность проживания спровоцировали мутации склеивания, срастания. Казалось, что все несчастья обрушились на Землю. Безусловно, люди предпринимали попытки заботы о земных ресурсах, ведь уже 100 лет назад говорили, насколько они истощены. Придумывали искусственные заменители. Но выхлопные газы от транспорта, заводов, дыма сигарет, — всё это сказалось на экологии.

А отсутствие у людей ответственности за свою жизнь снижало шансы восстановить природный баланс.

Как и всегда, существовали богатые и бедные. Бедные стремились стать богаче, богатые — сохранить свой капитал. И, как и всегда, была взаимная ненависть между этими классами. И хотя за последнее столетие много пропагандировалось и преподавалось о необходимости и полезности осознанного образа жизни, вслушивания в себя и в свой внутренний голос, ответственности за свою жизнь, любви к себе и к окружающим, заботе о раскрытии своего потенциала, понимании своих и чужих страхов, — большинство людей имели примитивные взгляды, были лживыми, поглощенными жадной наживы, меркантильными интересами, стремлением к власти. Трудно оставаться порядочным человеком, когда ты беден духовно и материально, — пустой мешок не стоит.

А всё началось с безобидной мутации фруктов и овощей, когда начали вырастать сдвоенные бананы, киви, морковь. Был выявлен вирус, который поражает эти культуры. Всё чаще стали рождаться сросшиеся близнецы. Эти близнецы заводили семьи и рожали опять сросшихся близнецов. Если сто лет назад аномалия сиамских близнецов встречалась одна на двести тысяч, то сейчас — одна на тысячу. Уже перестали вызывать удивление две головы в одном теле и другие уродства. Предполагали, что климатические изменения повлияли на развитие яйцеклетки, и она чаще делилась на пятнадцатые ступки после оплодотворения, а не сразу же, как при нормальном протекании процесса. Вот и срастались близнецы в утробе матери. Но эта проблема в корне отличается от срастания, склеивания уже взрослых людей.

Каким-то пока непонятным образом взрослые люди стали срастаться и склеиваться. Предполагалось, что мутацию вызывает комплекс причин: климатическая, генетическая, психологическая и вирус. Учёные стали проводить исследования этой аномалии и мутации. И на Земле, и на Микзе был создан научно-исследовательский институт генетики и психоэмоционального развития аномалий, рассчитанный на стационарные

наблюдения. И было сделано потрясающее открытие, — люди выделяют друг на друга клеящее вещество. Но по каким причинам оно выделяется, остается загадкой. Генетики ищут причины возникших мутаций.

Ангелина только что прилетела из командировки с Земли. Лайнер доставил её прямо к дому. Это была мощная конференция по проблемам мутации человека, слёт всех врачей и учёных смежных областей. Не заходя в сам дом, она проходит через клининговую комнату, которая была чем-то вроде веранды, снимает костюм, выкладывает пару костюмов и рубашек, которые надевала на Земле, включает клосклинер, предварительно развесив одежду на плечики. И пока горячая струя воздуха обрабатывает одежду и выявляет чужеродный материал, задумывается. «Как же я правильно сделала, что иммигрировала на Микзу. Здесь хоть и есть свои сложности и тоска по родине, но здесь более безопасно и безмятежно. Но как же было тяжело сначала. А что мне было там терять? Нечего».

Под горячей струёй воздуха рукава поднимаются и вновь опускаются, уже обработанные. Так, по кругу, медленно вращаясь, клосклинер обрабатывает всю одежду, кипятит, дезинфицирует, утюжит. И все костюмы и рубашки становятся, как новые. Потом Ангелина заходит в термобокс и включает функцию генеральной очистки и дезинфекции. Сверкают лучи лазера, и тёплая сиреневая ионизированная вода льётся тонкими струйками со всех сторон, нежно касаясь тела. И в это время Ангелина через окно любуется пышным пейзажем своей планеты.

Да, Ангелина называет Микзу своей планетой, потому что уже десять лет находится здесь. Вместе с другими первопроходцами она делала первые шаги колонизации. Здесь ей знаком каждый камешек, кустик. Все культуры она тщательно изучает. Сколько работы уже проделано! «Может, это и хорошо, что теперь всегда светло. Это на Земле мы привыкли, что ночь и день. А может, здесь это в порядке вещей. Просто необычно, вот и пугает. Но жизнь — в принципе неопределённая вещь. Неизвестно, что будет дальше.

На Микзе, возможно, люди будут жить дольше. Увидим». После конференции ей предстоит много работы, но все дела подождут. Сначала она как следует выспится и отдохнёт.

— Что творится на Земле? Куда катится мир? — Оливер, развалившись в кресле на веранде, задумчиво запрокинул лицо к небу.

— Не знаю, — Ангелина потягивает сок из трубочки. У неё сегодня выходной день, и вечером она зашла к другу в гости.

Они сидят рядом, почти вплотную. За последние месяцы они очень сблизились. Когда случается катастрофа или неизвестная доселе аномалия, люди становятся ближе, объединяются. Хорошо, когда это в пределах разумного, без прилипания, как на Земле.

— А вдруг и мы с тобой склеимся? Как ты думаешь, это возможно? Что тогда будем делать? — спрашивает Оливер.

— Можем и склеиться, если полетим вместе на Землю и если у нас схожие подавленные эмоции. Хотя это только предположение учёных и то, в кулуарах, — серьёзно отвечает Ангелина. Немного подумав, добавляет, — радуйся, что пока что не склеились. Здесь у нас не склеиваются, эта аномалия свойственна людям лишь на Земле. Я надеюсь на это.

Оливер смотрит на Ангелину, задержав взгляд. После её слов он ощущает бессознательный животный страх в животе. Он, безусловно, уже привык к ней и боится опять остаться один и пережить боль утраты. Девушка тоже смотрит в глаза Оливеру, она также не хочет расставаться, но и не хочет приклеиться, стать привязанной и ограниченной в свободе.

— Это точно. Но ты же летала на Землю и там могла приклеить кого-нибудь, — предполагает Оливер и улавливает собственнические чувства и беспокойство, неизвестно откуда появившиеся.

— Да, Оливер, такой риск действительно присутствует, — соглашается Ангелина, кивая. — Но что делать? Надо помочь другим людям. Мы и так здесь очень хорошо живём, — она очень серьёзна. — Я склонна предполагать, что это земной вирус и ещё ряд факторов. Мы это изучаем сейчас. Мне очень близка гипотеза, что непрожитые эмоции склеивают людей. Я надеюсь, что

прожила все свои эмоции на курсе психотерапии. Перед колонизацией готовили основательно.

— О, да! Я вспоминаю это время. Каждый день учёба или тренинг, или терапия. Я жутко не высыпался в то время, и мне это всё до жути надоело. Кажется, я это делал ради жены, она настаивала на этом, — вспоминает Оливер.

И хотя на его лице светится довольная улыбка от воспоминаний о времени учёбы, неясная и смутная тревога беспокоит его. Пока он не понимает, откуда это и что. Откуда-то из глубин бессознательного.

— Давай попробуем разобраться вот в чём, — внезапно оживает Ангелина. — У меня есть идея.

Она молчит, не сводя с Оливера взгляд, полный огня, жажды жизни и интереса. А на лице играет немного лукавая улыбка.

— Давай, говори, — подбадривает Оливер. — Ах, Геля-Гелечка, ты такая фантазёрка, и что бы я делал без тебя? Ты мой ангел-хранитель.

— Ладно, прекрати мне льстить, — подмигивает Ангелина.

Он тут же в момент поддаётся, заражается её энергией и, кажется, готов следовать за ней хоть на край света. Он уже предвкушает игру.

— Если верно мнение некоторых учёных, что склеивание — это результат подавленных эмоций, тогда мы, обнаружив у себя схожие непрожитые эмоции, должны были бы склеиться. А если у нас их нет, мы, соответственно, не склеимся. Даже если попадём на Землю, — продолжает Ангелина.

— Известно, что люди притягиваются друг к другу непрожитыми эмоциями детства, чтобы увидеть их отражение в партнёре и прожить. Если не проживают с партнёром, то расстаются и снова ищут и притягивают другого такого же партнёра. Или ситуацию, — подхватывает Оливер. — Это почти внушали нам на психотерапии, помню-помню. Хотя, если честно, я никогда не понимал этот процесс до конца.

— Да, и я это знаю. Поэтому теоретически можно предположить, что раз мы с тобой вместе, значит, у нас должны быть

общие подавленные, непрожитые эмоции. Ведь зачем-то мы встретились. Ничего не бывает просто так.

— Согласен, да! Но ведь мы проходили курс психотерапии и проживали эмоции. Ты думаешь, мы не всё прожили, и что-то осталось подавленным? — озабоченно уточняет Оливер. — Нас бы тогда не пропустили сюда. Или они могли допустить ошибку в проверке перед допуском на Микзу?

— Да, может, что-то не прожили. Человек не может быть совершенным. Он же не Бог. А если у нас нет этого, значит, мы с тобой представляем собой не невротическую привязанность подавленных эмоций, а партнёрские взрослые и здоровые отношения.

— Странно, что ты в этом ещё сомневаешься. Я давно думаю, что мы партнёры. Мы не реализуем друг в друге компенсацию своей ущербности. Наши отношения искренние, открытые, доверительные. Мы способны любить, ценить и уважать себя и друг друга.

— Согласна, это так. Но, тем не менее, у меня есть небольшие сомнения. И ты прав, Оливер, чтобы полностью убедиться, нам надо вместе приехать на Землю и там пожить какое-то время. И если мы не склеимся, тогда всё отлично.

— Возможно, что в будущем мне придётся туда лететь. Скоро могут вызвать, да и я уже готов к активной и альтруистической деятельности.

— Знаешь, что интересно? Вирус культивируется только на Земле. Вернее, мы принесли его и сюда, переселяясь на планету. Здесь есть этот вирус, но в данном климате он не рождает аномалий, тогда как на Земле из-за него настоящая катастрофа.

— Как же всё запущено! — смеётся Оливер, чувствуя себя немного лучше. Внезапная вспышка тревоги оказалось мгновенной. Или это была защитная реакция?

— Мне совсем не смешно, — выражая возмущение и подняв брови, говорит Ангелина. — Я туда летала и видела, как страдают люди. Ты бы видел этих несчастных. Они уже около года живут склеенные и никак не могут придумать вакцину от этого вируса.

— Ладно, Геля, не томи, давай начнём играть в твою игру. Говори правила, — меняет тему Оливер.

— Сначала необходимо настроиться на себя. Спокойное глубокое осознание себя. Я прислушиваюсь к внутренним ощущениям. Ом мани падме хум, мани падме хум, мани падме хум,.. — напевает Ангелина.

Ангелина приняла позу лотоса, положив руки на колени и закрыв глаза, медленно повторяет мантру. Оливер сосредотачивается и, глядя на нее, прислушивается к тишине. Он также копирует позу и закрывает глаза.

— Это тяжело, — говорит он и виновато смотрит на Ангелину. Она легко улыбается и поддерживающе кивает головой. Это внушает доверие.

Это, действительно, тяжело. То и дело приходится возвращать себя из потока мыслей. Сначала слышен внешний шум: кто-то стучит, что-то упало, кто-то идёт, просто непонятный гул или треск. Прислушиваешься к этому гулу. То ли проводка электричества, то ли ветер, то ли в мозгу. Слушаешь этот гул, звук в голове. Он становится ясным. Ангелина вздыхает. Оливер слышит её вздох и, не открывая глаза, старается сконцентрироваться снова. Сначала ощущает боль в мышцах, жжение, колики, зуд. Останавливается на животе. Оливера отвлекают воспоминания и какой-то неосознанный страх и тревога. Опять возвращается к себе. Слышен шум ветра и далёкие звуки. Почти тишина. У Ангелины булькнуло в желудке, и у Оливера мелькает мысль, что надо пойти перекусить.

— Нирваны, экстаза и инсайта не получилось. В следующий раз, — говорит Оливер. — Я бы поел.

— Мы только начали, — обиженно мычит Ангелина. Она остаётся сидеть на диване, надув губы и сморщив лоб. — И ты обещал!

— Как-нибудь в другой раз, — отмахивается Оливер, которому не хочется заниматься психотерапией и погружением в себя. Он встаёт и идёт в столовую, чтобы приготовить бутерброды. Однако, движимый чувством вины, он оборачивается. Ангелина поворачивает голову и улыбается. — В общем, понятно, настроились. Что дальше? Ты говори, я слышу.

— Ура!!! — тут же оживляется Геля. — А теперь будем вспоминать фрагменты из детства от нуля до пятнадцати лет и рассказывать

их по очереди. А другой, кто слушает, задаёт уточняющие вопросы. Можно воспользоваться пишущей доской и пометить основные моменты, как что произошло, какие мысли были, какие чувства испытывали тогда и какие сейчас.

— Идёт, — громко отвечает Оливер. — Кто первый начинает?

— Могу я начать. Мне всё равно, — через минуту молчания, Ангелина добавляет, — лучше я. Покажу пример, как надо. Итак, сейчас я подумаю немного и вспомню. Ну, например. Когда мне было примерно пять лет, я залезла в какой-то электрический прибор, он стоял у папы, и меня шарахнуло током. На тот момент я ничего не помню. Это была мгновенная вспышка, меня отбросило волной. Сейчас я думаю, что испугалась. У меня остались шрамы на двух пальцах. Тут же прибежала бабушка и намазала мне их маслом. Я всё.

Оливер в это время заходит в гостиную, неся на подносе чай и горячие бутерброды с сыром, мясом, помидорами и зеленью. Он смотрит тёплым, почти отеческим взглядом на свою подругу. Ставит поднос на стол и садится в кресло напротив Ангелины.

— Ладно, теперь моя очередь. Смысл этого упражнения понять, какие есть эмоции, не прожитые в детстве? А что ты чувствовала тогда?

— Да, да! В этой моей истории эмоции страха. Хотя сейчас не помню, но могу предположить, что я испугалась. И возник он вследствие моего любопытства.

— Ясно. Сейчас я расскажу. Я учился, кажется, во втором или третьем классе, мне было восемь-девять лет. Я был очень застенчивым мальчиком. И вот меня вызывает преподаватель математики к доске. Я был готов и знал урок. Но была проблема, — утром дома я не сходил в туалет. А в школе стеснялся какать в общем туалете.

— Да ты что? Неужели это было? — Ангелина уже догадывается, что будет дальше, и с трудом сдерживает улыбку на губах.

— Мне тогда было совсем не до смеха, — пытаюсь придать серьёзность голосу, говорит Оливер. — Дальше интересно, что произошло?

— Да, конечно, — Ангелина понимает, что нехорошо смеяться и даже улыбаться, и как может, сдерживает себя.

— Мне нужно было написать на доске решение задачи. Пока сидел, ещё было терпимо, а когда встал, так и почувствовал, что всё... И вот, я поднял руку, чтобы написать на доске, и меня провало. Раздался характерный звук, вот так: «Тпррррррр». И как я не старался сжаться, обделался.

— Бедный, как ты себя чувствовал? Вот это — нереальный конфуз.

— Учительница заметила, когда было уже поздно и когда все стали ржать, и когда стало вонять. Она строго приказала детям не смеяться, взяла меня за руку и отвела в туалет. Там я, сняв брюки и трусы, сидел, закрывшись в кабинке, стораю от стыда и страха, и плакал, пока не пришла мама с чистыми брюками и бельем. Её учительница вызвала. Когда я увидел маму, расплакался ещё больше.

— Значит, тогда ты чувствовал стыд и страх. А почему тебе было страшно?

— Не знаю, от неожиданности, может быть. Хотя я ожидал и терпел.

— Так, можно резюмировать, что у нас есть общая эмоция страха. Но страх присутствует почти у всех. Хмхм...

— Знаешь, я всё-таки не соглашусь с тобой. У меня больше эмоция стыда, а у тебя страх.

— Вообще-то, да, — Ангелина задумывается на минуту, — хочу вспомнить, когда мне было стыдно в детстве. Не могу вспомнить.

— О! А я же сначала хотел рассказать другую историю. Потом почему-то передумал. В той истории у меня чистый страх.

— Похоже на притягивание за уши. Ладно. У нас может и не быть общих эмоций. Я имею в виду, непрожитых. И потом, это одна из возможных причин склеивания. Расскажешь другую историю? — Ангелина заговорщически улыбается, протягивая руку за бутербродом. — Интересно приподнимать завесу тайны и рассказывать другому, о чём и самому-то стыдно вспоминать. И когда рассказываешь, и твой собеседник принимает без осуждения и советов твои истории, ты проживаешь эти непрожитые эмоции, и они перестают беспокоить и проявляться в жизни, — она откусывает бутерброд, запивая уже остывшим чаем.

— Я всё это уже проходил на психотерапии, и ты тоже. Так что у нас ничего общего и непрожитого.

— Согласна с тобой. Как хочешь. Я вижу, тебе не нравится эта моя идея.

— Ну да, не вижу смысла в этом между нами и здесь. Во-первых, на Микзе нет этой патологии. Во-вторых, если причина мутации — непрожитые эмоции, то мы их прожили по максимуму, и непрожитых не осталось. А в-третьих, причины склеивания пока неизвестны. Есть ещё предположение, что это аутоиммунный дефицит, когда иммунная система сама себя атакует.

— Слушай, да. Почему-то я это упустила. Но я помню об этом. Конечно, этот вопрос также поднимается, обсуждается и исследуется. А, поняла, почему я упустила это. Здесь с тобой, в личном эксперименте, мы можем проверить только эмоции. Иммунку проверить можно у меня в институте. Этим занимаются нейроиммунологи в соседнем кабинете.

— Человечество создало лекарство от рака, от СПИДа. Но появились новые проблемы. Как всегда.

Ангелина смотрит на Оливера. Он выглядит серьёзным и задумчивым. Кажется, что-то его беспокоит. Это естественно в ситуации гибели Земли и землян. Тяжело жить на Микзе и не думать о землянах, очень хочется им помочь. Но как это сделать, когда люди сами не хотят себе помочь? Они только ждут спасателей, так как привыкли быть жертвами. И эта аномалия поразила девяносто процентов населения Земли. Никто не хочет ничего менять. Никто. Кому-то приятно находиться в своей зоне комфорта, а кто-то не знает, что можно жить по-другому, кто-то настолько зашорен, что кажется, каменная стена разделяет земные группы. Они живут кланами, парами и слипаются друг с другом, и потом умирают. Печальный конец.

— Ты говорил, что полетишь на Землю в командировку. Когда?

— Да, уже скоро, на следующей неделе. Я там буду только три дня. Встречусь с руководителем института, подпишу бумаги, возьму анализы, соскобы и вернусь сюда. Я уже изучил всю информацию, которую мне прислали.

— Удачи тебе. А я завтра начну исследовать привезённый с Земли материал.

Они прощаются, и Ангелина уходит домой. Живёт она недалеко, и приятная прогулка с лёгким ветерком освежает её. Она с упоением мечтает, как сейчас развалится в постели и сладко заснёт с чувством удовлетворения от проделанной работы, общения с другом и от самой себя.

Через год после первого случая склеивания стал очевиден трагичный финал зараженных людей. Постепенно клетки одного человека поглощают, сжирают клетки другого, область склеивания постоянно растёт. И один человек неминуемо врастает в другого. Уже зарегистрированы случаи вrastания, когда от тела второго человека осталась лишь голова. Сейчас такого пациента наблюдают. У него уже склеились уши, и по предсказаниям учёных клетки головного мозга тоже вратут друг в друга. А что будет тогда, неизвестно. Таких пока единицы. Остальные оставшиеся в живых поддерживают себя на курсах психотерапии, где прорабатывают непрожитые эмоции. Некоторым, из тех, что склеились недавно, курс психотерапии очень помогает, и были зарегистрированы случаи, когда люди расклеились, но таких мало.

Уже на протяжении года, пока учёные ищут разгадку причин возникновения мутации, на Земле происходят глобальные изменения. Большинство людей умирает, не вынеся жуткой пытки вrastания друг в друга. В результате, с 2090 года после затопления и начала мутации в 2098— 2099 годах на Земле к 2100 году остаётся около одного миллиарда выживших. Из оставшихся лишь каждый десятый не подвержен воздействию вируса. Это люди, у которых прожиты эмоции, и потому их иммунитет силен против этой заразы. Но они не хотят покидать родную планету и перемещаться на Микзу. Остальные — те, кто заразился, но надеется выздороветь или как-то продлить жизнь, хоть и в сдвоенном, строенном и так далее, короче, в склеенном состоянии. Пусть уже поздно и невозможно разъединиться, эти люди всё равно выбирают жизнь.

Глава 4

На улице, как обычно, идёт дождь. Нескончаемый дождь. Где-то нескончаемый день, а в Питере — дождь. По всей этой широте идёт дождь. И неизвестно, когда он кончится. Наверное, никогда. Хотя сто лет назад климат был другим. Эта высокая влажность на протяжении последних десяти лет и отсутствие солнца убивают. В буквальном смысле слова.

Карлос и София уже год живут вместе в склеенном состоянии. Учёные ещё не нашли вакцины от этой мутации. Карлос много пьёт, он лишь изредка бывает трезвым, — когда болеет. А София, кажется, медленно сходит с ума. Пойло в неё уже не лезет, сразу тошнит. Экран надоел, да и глаза устают от электроники.

Везде, на всех каналах и на первых полосах, информация о мутации людей под кодовым названием КЛ311. Пока утешительных данных нет. Только длинная вереница некрологов. Люди простодохнут, как жуки, приклеенные клеем привычки. А те, что ещё живы, охвачены страхом скорой смерти. Лишь единицы отшельников, бродяг, гениев, творческих личностей, научных работников, философов и сумасшедших умудряются ни с кем не склеиваться. Они кажутся белыми воронами на фоне унылого серого склеенного общества. Умирают те, кто не чувствует себя и не осознаёт, одержим властью, славой и всяким другим дерьмом, которым напичкана жизнь общества. Социум! Как же без него? Одиночество трудно пережить, но привыкнув, от него сложно отказаться. Потому что оно, одиночество, есть синоним свободы. А свобода — это отсутствие почвы под ногами. Это неопределённость. Они стоят друг друга. Однозначно. Свобода и неопределённость!

София перечитала по несколько раз все немногочисленные книги, которые были у Карлоса. И вынашивает мысль о самоубийстве. Жизнь ей не предвещает ничего радостного и оптимистичного. Они практически не выходят из дома. Вообще-то, можно было бы ходить на работу вместе, но с Карлосом это не всегда возможно. Родителей она похоронила в этом году, и у неё из родных никого не осталось. Её мать и отец не смогли пережить отсутствие свободы, когда приклеились друг к другу. Вскоре они оба заболели чем-то простудным, и целые дни лежали в постели. Сначала поднимались в туалет, но по мере того, как им становилось хуже, они совсем перестали ходить, и София с Карлосом приезжали к ним, чтобы покормить и вынести судна. Постепенно это стало основным занятием для молодых людей. Родители продержались ещё полгода и умерли в один день. В постели. Счастливые!

Карлос и София стояли перед двумя мёртвыми телами и испытывали смесь жалости и облегчения. Соня нажала на кнопку рукомпа, и луч от её запястья спроецировал образ привлекательного мужчины, который механическим баритоном сначала произнес слова рекламы, а потом обратился к молодым людям:

— Слушаю вас. Что желаете?

— У нас смертельный случай, — бесцветным голосом сказала Соня.

— Сколько?

— Двое.

Повисла пауза. Соню бросило в дрожь.

— Послезавтра пришлём, — наконец ответил голос.

— Почему так долго? — удивился Карлос.

— Не устраивает, можете сами избавиться от трупов. Мы не успеваем, не справляемся с работой. За последний год смертность увеличилась в шестьдесят раз. Умирают семьями. У нас есть рекорд, — сразу пятнадцать человек умерло в результате склеивания. Я имею в виду целую семью склеенных между собой.

— Ужас. Это похоже на свалку трупов. Я представил, — Карлос покачал головой.

— Что, будете ждать? Или как?

- Да, похоже, у нас нет выхода.
- Почему же? Выход всегда есть.
- Нет, лучше предоставим эту работу вам.
- Хорошо. Тогда договорились.
- Мгммм. До свиданья, — промывчала София.

«AWBI43V — вирус амбивалентный человек». Наконец-то!!! Соня радостно смотрит на Карлоса, увидев заголовок в эфире. Он ловит ее взгляд и затуманившимся взором устремляется на экран. Пожилой профессор в очках с толстыми стеклами и молодая женщина-интервьюер сидят в креслах друг напротив друга. У мужчины небольшая, клинышком, борода и удивительно роскошная шевелюра с редкой проседью. Ведущая склеена, теперь это не редкость. За её спиной виден мужчина, который периодически пытается повернуть голову в сторону профессора. Время от времени женщина поводит плечами, безуспешно пытаясь спрятать своего спутника. Профессор говорит густым басом, и она всем видом выражает внимание, кивая в такт его речи.

— Учёные определили природу мутации, которая поразила человечество. Климатические изменения, которые происходят в последние десять лет, в основном вызваны повышением уровня концентрации углекислого газа в атмосфере, — вещает мужчина. — Это вызвало затопление побережий на всех материках. И также это вызвало дисфункцию щитовидной железы. Как известно, щитовидная железа отвечает за иммунную систему организма и является дирижёром всех органов. В результате человек остался без достаточной защиты, и вирус, который в благополучное время не смог бы выжить в организме человека, в настоящие дни прекрасно там обустроивается.

— Это кажется абсурдом. Каким образом человек приклеивается к телу другого человека? Сросшиеся овощи, фрукты и даже сиамские близнецы, — эта аномалия изучена давно. В этих случаях причиной является позднее начало деления яйцеклетки. Но как уже взрослые индивиды срастаются? — приклеенный к спине интервьюера мужчина, кивает головой, и женщина поспешно расправляет плечи.

— О, это новый, пока ещё не изученный, феномен. Можно провести аналогию с квантовой теорией поля, где взаимодействия описываются при помощи полей, а осуществляются посредством частиц. Слабое электромагнитное взаимодействие переносится фотонами, а сильное — глюонами. Глюоны — это клей, они как будто склеивают кварки между собой.

— Правильно ли я Вас понимаю? В случае мутации имеет место сильное электромагнитное взаимодействие между некоторыми людьми?

— Да, именно так.

— Как известно, все болезни от нервов. Может ли это быть связано с психологией и непрожитыми эмоциями, как это предполагают некоторые группы ученых? — задаёт вопрос ведущая.

— Думаю, да, возможно. Насколько мне известно, глубинную природу возникновения мутации изучают и психологи. И они уже выдвигали эту гипотезу. Единственное средство для лечения — прожить свои эмоции. Но это — долгий процесс. Люди же хотят быстрее. Съесть пилюлю и выздороветь. Но волшебной таблетки не существует.

— Зато есть шанс не склеиться вообще, если прожиты эмоции.

— Нет, пока нет гарантии, что причина именно в этом. На мутацию повлиял целый ряд факторов. Конечно, если смотреть далеко в прошлое, вероятно, можно было избежать и климатических изменений, и всего остального.

— Каким образом?

— Повышение концентрации углекислого газа связано с автомобильными выхлопами и другими продуктами сгорания, выбрасываемыми в атмосферу. Если бы мы заботились о себе и о природе, если бы берегли её и охраняли, если бы любили, ценили каждый миг и проживали его по-настоящему полной жизнью, — возможно, люди не стали бы духовно истощаться и деградировать. И не отравили бы сами себе жизнь. Человек склонен себя разрушать. И это стремление достигло такого предела, что привело к катастрофе.

— Есть прогнозы на положительные изменения в жизни на Земле?

— Есть, конечно, но они очень-очень робкие. Если ситуация не изменится, через несколько лет на Земле не останется ни одного представителя гомо сапиенс. Человечество как таковое останется в прошлом.

— Может, у Вас есть какие-то рекомендации?

Профессор размышляет, чешет бороду. Тишина в студии становится напряженной. Кажется, ожидание зрителей электризует воздух в помещении.

— Надежда. Вы хотите надежду на светлое будущее? Что есть надежда? Самообман, иллюзия, пограничное состояние между страхом и уверенностью, — он опять задумывается. Потом внезапно обхватывает голову руками и пару минут молча раскачивается. Затем, глядя в пол, тихо произносит, — уже поздно, увы. Процесс разрушения запущен. Всех ждёт смерть. Рано или поздно. И повезёт тому, кто умрёт первым, и быстро, и не будет мучиться, — он поднимает глаза на камеру, и в этом взгляде сумасшедший страх.

— Спасибо, — интервьюер в явном замешательстве, она хочет быстрее свернуть беседу, так как несколько смущена таким оборотом и напугана последними словами учёного. И это видят все зрители... Чёрт бы побрал этот живой эфир и профессора! Её спутник в панике трясёт головой.

Страх витает везде. Все боятся. Кто-то сходит с ума, кто-то спивается или постоянно принимает транквилизаторы, наркомания достигла глобальных масштабов. Смерть везде и всюду. Ужас стал спутником живых.

Проснувшись утром, София обнаруживает бездыханного Карлоса рядом. Она сначала приходит в ужас, который сменяется отвращением, но потом чуть ли не подпрыгивает от внезапно охватившей её радости и ощущения свободы. И тут же теряет сознание. Неизвестно, сколько времени она была без чувств, но когда она очнулась, Карлос лежал в той же позе. София прикасается к нему и тут же одёргивает свободную руку. Он был

уже холодным. «Значит, умер давно. Может, как только уснули». Их склеенные руки за год вросли друг в друга и София думает, что скорее всего её руку придется ампутировать. Она читала о таких случаях: когда умирают приклеенные, врачи могут отрезать за счёт умершего. Но это было возможно не всегда. Если область склеивания велика, может начаться некроз тканей, вызванный мёртвыми клетками. София готова даже на ампутацию своей руки. Она кажется обезумевшей, и чудом ещё жива. Хотя живой её сложно назвать. За год она превратилась в развалину: землистая кожа, впалые щеки, темные круги вокруг глаз, худоба граничит с истощенностью, иногда в теле ощущается легкий тремор. На плечи наброшено какое-то замызганное тряпье, грязные волосы слиплись и висят неопрятными пасмами. Они с Карлосом сначала старались следить за собой, мылись регулярно, стирали одежду, но как только тот уходил в запой, София не могла его ни поднять с дивана, ни уговорить что-то сделать и вынуждена была находиться рядом с ним. Она очень похудела, поскольку в доме не всегда есть еда. Её лицо приобрело серый оттенок из-за того, что они в течение года практически не выходили из дома. Другие люди, хоть и склеенные, гуляют, кто-то даже ходит на работу. Но ей приходилось сидеть дома из-за пьянства Карлоса. Иногда она желала ему смерти. И вот, наконец-то, свершилось! Она нажимает кнопку вызова сервисной службы.

— Здравствуйте. У меня смертельный случай.

— Назовите Ваш адрес.

В ожидании труповозки Соня смотрит на лежащего рядом с ней Карлоса. Ей очень хочется в туалет. Она достаёт горшок из-под кровати. Он уже изрядно наполнен и источает ужасное зловоние. Не всегда ей удаётся сходить в туалет и вылить из горшка. Карлос мог сутками не вставать с постели и пить. Иногда она могла его растолкать и уговорить сходить в туалет, иногда он сам хотел. Сделав свои дела, немного облившись, София ждёт. Осталось немного. Как она могла так прилипнуть? Она такая безвольная, слабая! Даже сейчас, рядом с освобождением, у неё нет устойчивого ощущения внутренней свободы.

Она знает: есть большая вероятность, что она снова приклеится к кому-то другому. Она знает, что сейчас ей ни в коем случае нельзя расслабляться и терять контроль над своей жизнью. И необходимо что-то сделать, чтобы прожить эмоции и больше не приклеивать других и, возможно, попробовать эмигрировать на Микзу. Такие планы рисовала Соня. А вдруг и она умрёт, как её родители? Они же умерли вместе. От этой мысли у неё мурашки по телу, и она передёргивается. Где же эта труповозка? Сейчас надо быстро отрезать Карлоса, пока не начался некроз ткани. И потом похоронить его. А кто у него есть из родственников? Кажется, он говорил, не осталось никого, кроме сестры. Говорил, она живёт на Микзе, эмигрировала около десяти лет назад, когда началась колонизация планеты. Надо бы её найти и сообщить. Однажды Карлос, уже изрядно выпивший, увидел её по телевизору и, ткнув пальцем, сказал, что это его сестра, с которой они более десяти лет не общаются, с тех пор, как та улетела на Микзу. Соня тогда подумала, что он врёт или это алкогольные галлюцинации. Он сказал, что она генетик. Действительно, показывали всемирную конференцию по изучению аномалии амбивалентного человека АМВ143V. Внезапно, как вспышка, её сознание озаряет мысль, что она может найти эту женщину, и если та действительно приходится Карлосу сестрой, ей нужно всё о них рассказать, возможно, она поможет Софии эмигрировать или хотя бы расскажет, как это сделать. Она покосилась на Карлоса. Кажется, он уже начал синеть. Опять мурашки пробегают холодком по телу. Когда же за ними приедут? Соне придётся ехать вместе с ним сначала в больницу на разделение, а потом уже заниматься похоронами и поисками его сестры. Раздаётся звонок, и тут же раскрывается дверь. Заходят четверо человек в защитных костюмах. Они смотрят на Софию и лежащий рядом труп, который раньше был Карлосом. Просветив всё пространство лазером и проионизировав воздух в помещении, они подходят к Соне и трупу рядом, помогают девушке встать, берут её на руки и так же аккуратно берут труп, накинув на него марлю. Несут их, кладут на перевозку, загружают в клаудуз и летят в ближайшую клинику. Всё это они делают молча, Соня тоже молчит. Она вообще думает, что это роботы, что с ними разговаривать?

После разъединения Соня лежит в палате реабилитации с перевязанной рукой. Вместе с ней в палате лежит ещё человек двадцать. Все кровати стоят почти вплотную, на расстоянии двадцати-тридцати сантиметров друг от друга. И над каждой кроватью нависает пластиковый щит, исключая прикосновения пациентов друг к другу. Остальные так же, как и девушка, только что разъединились и доставлены на часовую реабилитацию. У людей перевязаны разные части тела, в зависимости от того, какая область обрета. Рука у Сони осталась, но выглядит гораздо тоньше здоровой. Видимо, отрезали слипшееся пространство, и девушка лишилась части мышц. Это не страшно. Ощущение свободы и в то же время глубокого, тотального одиночества накрывает её с головой. Она то и дело плачет. Родители умерли, и она осталась совсем одна в этом мире. Она пытается утешить себя тем, что человек всегда один, просто рядом кто-то находится, но это помогает лишь на время. Вновь и вновь её окутывает чувство пустоты и одиночества. Вместе с этим она очень рада, что отлепилась от Карлоса, хотя ей очень жаль его. Она считает, что не вправе ликовать и усиленно подавляет чувство радости. Он не был для неё близким духовно, у них были разные интересы, цели и ценности, но что-то их связывало. Общие эмоции и переживания. И общая цель выжить, хотя и с глубокими противоречиями и стремлением к самоуничтожению. Он уничтожал себя, и она уничтожала себя, находясь рядом с ним. По прошествии времени чувства и ощущения, рождённые ими вместе, теряют свою значимость, и та иллюзия, которую они создали вокруг их отношений, их проекции своего внутреннего мира на внешний мир исчезают, тают в душе, как испаряется конденсат с зеркала. А если провести рукой по зеркалу, можно взглянуть на себя и свои отношения, чётко и ясно увидеть реальность, самостоятельно разрушить иллюзию.

Заходит врач с медсестрой-роботом. Вид у него очень уставший и измождённый, и на фоне красавицы-робота выглядит он нелепо. Он подходит к каждой кровати с пациенткой, говорит минуту и переходит к следующей. Медсестра-робот стоит чуть позади, готовая в любую минуту отреагировать на запрос врача.

— Добрый день! — произносит доктор, подойдя к кровати Софии, и чуть шевелит губами в попытке улыбнуться.

— Здравствуйте, — так же слегка растягивает губы Соня, глядя ему в глаза.

— Как самочувствие? — машинально спрашивает врач.

— Хорошо.

— Вот назначения, рекомендуемые после разъединения, — он прикладывает аппарат к Сониной руке, в которую вшит её личный чип с информацией: паспортом, социальными данными, больничными выписками, информацией о работе и о состоянии счетов. — Кем Вам приходился Карлос Смит?

— Просто друг, случайный знакомый. Пьяными в баре познакомились год назад и приклеились.

— У него из родственников осталась только сестра, Ангелина Смит, она живёт на Микзе. Возможно, она с Вами свяжется узнать о брате. Мы ей отправили сообщение о смерти.

— Ясно. Он говорил о своей сестре, я не поверила тогда.

— Можете потихоньку собираться. И впредь будьте осторожны, берегите себя и соблюдайте назначения, — и врач на прощание улыбнулся очень доброй и тёплой улыбкой.

— Хорошо, — улыбнулась в ответ Соня. — Постараюсь быть осторожной.

Глава 5

Когда Ангелина приходит в институт на работу, её вызывает директриса и сообщает не очень приятную новость.

— Ангелина, с Земли по телетайпу пришло сообщение для Вас,— директриса серьёзно смотрит на неё.

Этот взгляд не предвещает ничего радостного, несмотря на то, что она обычно невозмутима, и на её лице сложно прочитать эмоции. У Ангелины кольнуло в животе.

— Что-то случилось?

— Да, умер Ваш двоюродный брат Карлос Смит.

Ангелина молчит. Она не знает, где и с кем Карлос живёт, чем занимается, и не интересуется этим, и это у них взаимно. Они никогда не искали встречи друг с другом. Поначалу Ангелине было очень обидно, видя, насколько у других дружны семьи и родственники, а потом она привыкла, смирилась и даже нашла огромные плюсы в своей отстранённости.

— Я услышала Вас.

— Очень жаль, что это стало известно только сейчас, ведь Вы вчера вернулись с Земли. Знали бы раньше...

— Ничего страшного,— перебивает её Ангелина. — Значит, так надо.

Ей меньше всего хочется заниматься похоронами и прощанием. Все эти ритуалы до того бесполезны и ненужны. А самое главное, противны. Ну что люди находят в том, чтобы простаться с умершим, целовать его в лоб, плакать над его трупом, холодным и твёрдым?

— Известно ли, с кем он жил перед смертью?

— Да. Я перешлю Вам информацию.

— Спасибо,— Ангелина выжидающе смотрит на директрису, также не выражая эмоций. Она хочет поскорее вернуться

к делам и осмыслить произошедшее. Хотя она думает, что это событие вряд ли повлияет на её жизнь.

Директриса тоже молчит и смотрит на неё. Эта минута молчания кажется вечностью.

— Вы сейчас приступайте к своим делам. Позже сообщите о результатах. Мне очень интересно, — улыбаясь одним уголком рта, говорит директриса.

— Да, конечно, — отзеркалив её улыбку другим уголком рта, отвечает Ангелина и выходит из кабинета.

Она направляется в свою лабораторию. «Умер Карлос Смит. Надо же, как нелепо. Хотя, что нелепо? Нечему удивляться. Там сейчас все мрут, как мухи. Собственно, что меня удивляет? Не знаю. Может, я злюсь, что оказалась единственной родственницей, и на меня навалилась ответственность?» Её накрывает какое-то отупение, ни мыслей, ни чувств. Она обращает свой взгляд внутрь себя, это было у неё обычным делом, когда ей приходилось решать какой-то сложный вопрос или хотелось понять свои чувства. Там тишина. Может, позже. Поживём-увидим.

Ангелина оторвалась от своих родственников ещё в пятнадцать лет. Она была отвязным подростком-гением. Отличалась от сверстников живым умом, способностью генерировать идеи, смелостью и интровертированностью. Ещё в пятнадцать лет она перепробовала все наркотики, которые существовали на Земле, — из чисто спортивного интереса и желания попробовать возможности субъективной реальности и её изменения. Родители всегда были в командировках или путешествиях, и она росла самостоятельно. Они с Карлосом и виделись-то пару раз. Их родители мало общались между собой, у них было как-то всё натянуто и неискренне. Этот невидимый барьер возник и между детьми. Ангелина сначала переживала по этому поводу, а потом забила. Судя по всему, Карлосу это тоже было глубоко безразлично, он был слишком озабочен своим несовершенством и ничтожностью, а сестра никак не влияла на его самооценку. Карлос, учась на физико-математическом факультете, любил играть в покер, рулетку, и каждый раз после проигрыша он отчаивался

и надолго уходил в запой. А Ангелина экспериментировала с собственным сознанием, параллельно учась в институте генетики. Потом не вернувшись из командировки её мать, написала письмо, что встретила любовь и останется там. Отец горевал несколько месяцев и, будучи очень привязанным к ней и подавленным ею, слёг. Он умер от сердечного приступа, под утро, очень тихо. Ангелина осталась одна. Оставался родственник в России, брат Карлос, но они были далеки и физически, и психологически.

Сегодня Ангелина, безуспешно пытается сосредоточиться на работе, мысли постоянно возвращаются к смерти брата. Она вспоминает его всегда грустные глаза, лицо без мимики. Как правило, серьёзный, даже унылый. Ей его жаль, жаль за его глупую, безрадостную жизнь. А может, ей жаль себя, за свою жизнь? Но она не считает свою жизнь унылой и глупой. Его смерть сталкивает её с переживаниями о своей смерти. Рано или поздно и она умрёт. Кто-то будет думать о ней, вспоминать? Как она умрёт? Как будет выглядеть мёртвая? Ей уже будет всё равно, мёртвой, а вот сейчас беспокоит. Интересно, с кем он был перед смертью? Ангелина намеревается выяснить. Умер её последний родственник. Какой смысл в родственных узах? Одна кровь течёт? И что? Люди-то всё равно разные. Возможно, что-то и совпадает, но так, мелочи. Ангелина кажется себе очень циничной и жестокой, особенно по отношению к родственникам. Она никак не могла простить предательство матери, что та не вернулась, лишь прислала письмо. Что теперь с ней, и жива ли? Мать жила в Новой Зеландии, которую теперь полностью затопило. Ощущение своего тотального одиночества в мире накрывает Ангелину, как океанская волна. Она сознаёт, что человек всегда один, просто рядом кто-то находится. А перед смертью, даже если кто-то и есть рядом, какой в этом смысл? Никто не умрёт вместо умирающего. Он всегда один, лицом к лицу со смертью, это его последний бой, и человек одинок в этом сражении. Так что окутывать себя иллюзией, самообманом, что человек не одинок, и окружать себя людьми ради этой видимой данности неодинокости, бессмысленно. Люди, как звёзды. Их миллиарды

во вселенной, и ни одна звезда не похожа на другую, они все-все разные и уникальные, как и каждый человек. И все одиноки. Нет слипшихся звёзд, и то, что сейчас происходит с человечеством, — ужасная аномалия, не свойственная природе вещей. А вдруг это роевой интеллектуальный самообман, что человек не одинок? Искусственно созданный им самим, прилипший к нему. Вернее, человек таким образом притягивает ситуацию с экологическими изменениями, выбросами углекислого газа, затоплением, перенаселённостью в одной точке и слипанием. Сам создаёт всё это. Убегая от одиночества и от страха смерти в одиночку.

— Геля, ты куда-то пропала. Что-то случилось? — раздаётся голос Оливера, связавшегося с ней по сети и возникшего в пространстве комнаты. Проявившийся силуэт друга немного напугал Ангелину, сидящую в кресле и погружённую в свои мысли.

— О, привет, дорогой! Да, разве, я пропала? Точно, я и сама не заметила, как пролетело несколько дней, — Ангелина приподнимает голову, устремляет взгляд на Оливера. — Да, у меня новости. Нехорошие.

— Поделишься?

— Брат умер.

— О, у тебя есть брат? Я и не знал.

— Да, двоюродный. Мы особо не общались. В Питере жил.

— Ммммм, ясно.

— Я уже выяснила, что последний год он, прилипший, жил с девушкой по имени София. Она сейчас жива, я сегодня написала ей письмо.

— Может, встретимся, что скажешь?

— Нет, извини. Хочу побыть с этим одна и пережить. Точно, не сегодня. Возможно, завтра. И работы много.

— Ясно. У меня тоже есть новость. Я наконец-то начинаю активную жизнь. И в этот раз по прямой моей специализации, микробиологии. Мне пришло приглашение из Калифорнийского университета в лабораторию изучения мутации человека.

— Что ж, поздравляю. Ты будешь работать удалённо?

— Да, конечно. Я уже не соглашаюсь уезжать отсюда. Надо будет съездить, взять некоторые пробы, и всё.

— Я тоже не планирую лететь на Землю. Пока материала достаточно.

— Ааааа, ты не поедешь с родственником попрощаться?

— Нет, не поеду. Оливер, всё, пока, увидимся позже. Обнимаю.

Экран гаснет, и Ангелина скрывается, тает облачком. Оливер задумывается о своих родственниках. Он уже давно не вспоминает о них, и живы ли они, неизвестно. Как же всё стало цинично в этом мире. А может, так и надо? Родители дали жизнь, и всё, больше никто никому ничего не должен. Ни родители детям, ни дети родителям. А может, это очень даже правильно? Что хорошего было в прошлом веке, когда родители нагружали своих детей смыслом своей жизни, и в детях видели исключительно своё продолжение? И только так чувствовали себя нужными и достойными. Одно время государство давало льготы за рождение. Но когда численность населения стала слишком расти, льготы отменили, и ценность семьи снизилась. Единственное, сохранялась биологическая потребность в единении. По своей природе человек не может быть один. Но к концу 21 века ориентир социума изменился. Настало время свободного духа, одиночества. Везде пропагандировалось, что один в поле воин. Однако это было воспринято человечеством и самой природой невероятно жёстко. Планета взбунтовалась и отпрыгнула катастрофой с потеплением и миграцией большого количества людей в центральные регионы континентов. Как хорошо, что Оливер успел уехать до этого катаклизма.

Оливер погружается в мысли о своих родственниках. Их потерю он оплакал и пережил. И как бы цинично это ни казалось, сейчас он радуется жизни и тому, что с ним происходит. Конечно, он заплатил высокую цену. Но такова жизнь. Только через потерю и страдание возможно стать счастливым человеком. У него катятся слёзы. Он сидит перед своими скульптурами из песка, на него светит солнце Микзы, приятно дует лёгкий ветерок, совсем рядом волны океана сменяют друг друга, оставляя пену на берегу.

Слышен смех и крик детей. Оливер внутренне настраивается на новую работу, интересную, захватывающую. Долго же он находился в коконе отстранённости от внешнего мира, в идиллической погружённости в себя, в творческом отпуске. И это ощущение единения своего прошлого, настоящего и будущего спирает в животе, покрывает тело мурашками. Да, он живёт, ему повезло. Жизнь течет сквозь него, и он чувствует её энергию и силу.

И эта удивительная девушка, Ангелина... Что-то в ней цепляет его, он к ней уже привык. Хотя привычка — дело опасное. Необходимо всегда помнить и знать о последствиях. Люди на Земле мрут из-за своей привычки быть вместе. Должен быть баланс во всём, и в единении тоже.

С экрана на Ангелину смотрит очень скромное и наивное лицо девушки, похожей на подростка. София простодушно улыбается во весь рот. Ей так приятно увидеть сестру Карлоса, непонятно почему. Карлос немного о ней рассказывал и то, что он сам такой неудачник, когда у него сестра — известный генетик, поразило Софию. Она втайне восхищается Ангелиной, которая нашла в себе смелость оторваться от Земли, родных мест, и эмигрировать на Микзу. Ангелина изучает девушку со спокойным интересом. Не сказать, что София ей полностью безразлична, но она чувствует своё преимущество рядом с этой несчастной, и это самоощущение согревает её эго. Но Ангелина быстро избавляется от этого ощущения. Она, в силу своего развития, знает о неэффективности подобных эмоций, их мимолётности и отсутствии длительной внутренней удовлетворённости от них. Тем более, что она не эгоцентрик, а так, слегка и осознанно. Сразу после осознания этой эмоции ощущение превосходства проходит и сменяется глубокой жалостью и состраданием.

— Здравствуйте, Ангелина!

— Привет, София! Рада видеть тебя в здравии. Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, сейчас уже лучше. Но всё равно непривычно пока. Сначала долго привыкала быть склеенной, а теперь привыкаю

к свободе. Но всё равно боюсь склеиться с кем-то снова. Говорят, что это повторяется.

— Ясно. Вы долго жили с Карлосом?

— Около года.

— Как он умер?

— Во сне, видимо. Я проснулась и через некоторое время обнаружила, что он мёртвый. Он пил, очень много пил алкоголя. Я сначала тоже пила с ним, а потом мне надоело, и я перестала. Хотя рядом с ним не всегда получалось не пить. Сейчас вообще не употребляю алкоголь.

— Чем занимаешься?

— Восстановилась в институте, мне ещё год учиться. Хожу в группу к экстрасенсу.

— Подожди минуточку. На кого ты учишься?

— На вирусолога.

— Да, очень популярная профессия, если выживут люди. Что за экстрасенс, и что за группа? — Ангелина хмурится, на лице отражается беспокойство.

— Это, типа, психотерапевтическая группа, только у нас ведущий — экстрасенс. Я ещё только два раза сходила.

— Интересно,.. — Ангелина с подозрением относится к экстрасенсам и другим шарлатанам подобного рода. — А где ты нашла эту группу, и где проходят занятия?

— Нашла по объявлению в интернете, а занимаемся мы в его доме, на севере города. Кроме меня там ещё пять человек.

— Понятно, — Ангелина чувствует, что должна помочь этой девушке, но пока не понимает, почему она должна это делать. Может, чувство вины, что брату не помогла, спроецировалось на его подругу, а может, просто в душе она добрая? — Ладно, мне очень приятно познакомиться с тобой. Ты пиши. Будем на связи, хорошо?

— Да, хорошо, — Соня лучезарно улыбается счастливой улыбкой, вместе с тем, наивной и глупой.

Ангелина выключает связь и задумывается. Мысли о смерти брата не выходят у неё из головы и становятся жвачкой для мозга, которую хочется выплюнуть. Но она не может этого сделать.

Она вспоминает, что ей всегда помогает обращение внутрь себя, если беспокойные мысли не уходят. Она закрывает глаза и внутренним зрением, как бы выворачивая себя наизнанку, проникает в область солнечного сплетения и останавливается там. Прислушивается к ощущениям в животе и пытается визуально представить, что там происходит. Она представляет внутри себя белый шар, этот шар начинает вращаться. Он вращается очень быстро, вызывая боль в стенках живота и спирание. Потом скорость движения шара, по мере наблюдения за ним, стихает, и он превращается в маленького человечка. И этот маленький человечек скрючивается, как зародыш. По всему видно, что ему больно. Ангелина начинает внутренний диалог со своим человеком — внутренним Я. «Ну, что, милый мой, больно? Да, конечно. Но это не будет вечно, это надо пережить. Это пройдёт. Я с тобой, не бойся. Что ты хочешь? Вкусненького? Тортик? Фрукты? А кино хочешь? На сёрфе покататься? О, мой милый, обязательно всё это у тебя будет. Я обещаю». Внутреннее Я расслабляется в животе и уже не напоминает скрюченный зародыш. Боль в животе проходит. Дыхание становится спокойным. Закончив медитацию, Ангелина идёт к Оливеру.

На часах двадцать три. На улице светло. Кто-то идёт на работу, а кто-то просто прогуливается, предаваясь сибаритству. Ангелина уже привыкла к постоянному дню, и все другие жители, видимо, тоже.

Ежедневно на Микзу прибывает сто человек с Земли. Прилетают уже навсегда, чтобы остаться здесь жить. Если раньше это были путешественники и отдыхающие, то нынешняя ситуация не оставляет выбора землянам. Однако, чтобы попасть на Микзу, проводится тщательный отбор и даже конкурс. Тем, кому повезло пройти все отборочные туры и прилететь на планету жизни, на Микзе оказывают почтение и внимание. Каждого окружают заботой, любовью и поддержкой. Большинство переселенцев — одинокие люди, потерявшие или не имеющие семей и уже пережившие это горе. Как ни удивительно, здесь все чем-то очень похоже. Кажется, что все светлые люди Земли

попали в рай, где всегда светло и нет ночи. Ангелина идёт, излучая свет, уверенно, безмятежно, легко. Её волосы забраны назад в пучок, некоторые локоны выбившись, развеваются на ветру. Идеальные черты лица и скромный макияж оттеняют её внутреннюю красоту. На ней белый комбинезон со шлейфом в виде накидки. Шлейф развевается на ветру, словно парус. Мысли, ещё недавно бурлящие, она усмиряет, направив энергию на осознание внутреннего Я. Теперь её цель помочь Софии и вытащить её на Микзу. Это то, что зависит от неё, и что она в силах сделать. Сейчас она хочет попросить Оливера найти возможность встретиться с Софией и передать ей информацию, когда он будет на Земле. Сама же она планирует узнать правила отправки на Микзу, ведь за десять лет, скорее всего, они изменились и уже не те, по которым улетела она сама. Сейчас мысли работают очень быстро, и Ангелина не успевает за ними. Так всегда бывает после переживания горя и потери. Она учится направлять энергию страданий в мысли, как выйти из создавшегося положения, и в действия. Ищет варианты решения той или иной проблемы и, в конце концов, находит. Или вселенная подсказывает ей дорогу, неожиданно подкидывая те или иные возможности. В данный момент она проходит мимо огромного здания аэрокосмических перелётов. Таинственное, оно окружено легкой дымкой и, кажется, пустует. Ангелина решает зайти, раз уж оказалась рядом.

— Здравствуйтесь! — здороваются робот-консьерж с мавританской внешностью.

— Здравствуйтесь, — девушка смотрит на робота и оглядывается. Во всём пространстве огромного холла ни души, и кажется, что никто не работает. — Я хочу узнать о правилах иммиграции на Микзу.

— Да, пожалуйста, — робот проводит рукой в пространстве, и перед Гелей высвечивается перечень необходимых вещей и документов для перемещения Земля-Микза. — Вы хотите взять это с собой?

— Да, пожалуй, я возьму это с собой, — утвердительно кивнув головой, отвечает девушка.

— Тогда подпишитесь здесь за получение ценного документа.

Робот показывает на пробел в пространстве. Ангелина ставит свою подпись. Он нажимает на кнопку в пространстве экрана, звучит щелчок, изображение гаснет, и робот протягивает чип с информацией. Ангелина берёт микросхему, кладёт в кармашек комбинезона, благодарит робота и выходит. Довольная собой, что один шаг в реализации её плана выполнен, она направляется к Оливеру поделиться с ним своими успехами и мыслями насчет дальнейших действий.

Выйдя из здания аэрокосмических перелётов, Ангелина вдыхает тяжёлый воздух Микзы. Она уже привыкла к этому. Вначале было действительно тяжело дышать. Но медики подтвердили, что это более полезно для лёгких и всего аппарата дыхания. Мышцы укрепляются и что-то там ещё. Также она привыкает, что здесь всегда день и нет ночи. И привыкает к неожиданностям и неопределённости, которые постоянно сопровождают ее жизнь здесь. Не только её, конечно, но и других людей. Люди Микзы это осознают, а на Земле нет. Вот в чём заключается их основное отличие. На Земле живут не осознавшие себя люди, а на Микзе осознавшие, и это является безусловным преимуществом и превосходством. Микзяне помогают землянам, насколько могут, но брать полную ответственность за жизнь других людей никто не пытается. У каждого своя жизнь, и в первую очередь каждый отвечает за свою, и это является главной ответственностью. Можно, конечно, взять ответственность за жизнь ребёнка до 18 лет. Остальные отвечают сами за себя. Даже больной человек несёт ответственность за свою болезнь сам. Кому-то сложно с этим смириться, но ради своей жизни смирились!

— Оливер, здравствуй, дорогой!

Ангелина почти влетает в его сад возле дома, издали увидев его покачивающимся в кресле-качалке. Они проводят рукой по голове друг друга, будто гладят, и соприкасаются щеками. Такой ритуал у них уже давно. Кот, сидевший на плече Оливера, тут же прыгивает, ревниво покосившись на неожиданную соперницу.

Это животное Оливер привёз с Земли. Здесь коты экзотика, так как запрещены. Вернее, содержание животных на Микзе строго

контролируется. Желаящие иметь у себя дома представителя земной фауны обязаны подписать несколько документов об обязательствах. Хозяин несёт ответственность за своего домашнего питомца, как за ребёнка. Это делается для того, чтобы на улицах не было бродячих животных. Если находят беспризорника, тут же разыскивают хозяина и взимают штраф за безответственное отношение к питомцу. И никакие оправдания, что сбежал, не помогают. Раз подопечный сбежал, значит, хозяин плохо ухаживает. Если животному что-то не понравилось, опять-таки проблемы хозяина.

Оливер улыбается Ангелине.

— Привет, привет! Что нового?

— Не помню, говорила я тебе или нет, что мой брат перед смертью жил с девушкой Софией?

— Да, кажется, говорила.

— Так вот, я связалась с ней и поговорила. Такая милая девушка. Она мне понравилась. У неё умерли родители, и она совсем одна.

— Это неудивительно, все одиноки, и не только на Земле, — намекает на себя Оливер.

— Согласна, но мы это пережили, и мы сильнее.

— Это ты про кого говоришь? Я не уверен, что пережил. Мне до сих пор не хватает жены.

— Мне кажется, что ты сегодня не в духе и не расположен разговаривать. Какие-то язвительные нотки в твоём голосе. Что происходит?

— Геля, у меня сейчас, действительно, плохое настроение, и я не в духе.

— Почему, расскажешь? Поделишься?

— Институт должен был направить меня на Землю для недельного исследования. Я подготовил инструменты и реквизиты и уже должен был через два дня отправиться. Так, нет, ведь! Они нашли мои анализы плохими. Низкий гемоглобин. Бред! Я сейчас сижу и ем мясо, клюкву, бруснику, — в общем, железосодержащие продукты. В связи с этим мою командировку отложили на неделю. Я расстроен.

— Да, неприятно. Настроишься и тут, на тебе, облом. Слушай, ну, значит, так надо, — немного подумав, бодро говорит Геля. — Полетишь через неделю.

— Надеюсь, да! Но я уже настроился и размечтался, что наконец-то смогу самореализоваться профессионально. Ладно, я уже смирился. Так, что ты там говорила? Мы это пережили? Смерть близких, и своё одиночество. Пусть так.

— Как будто ты мне делаешь одолжение. Если ты пока не пережил, то я убеждена, что переживёшь, так как знаешь механизм реагирования психики на утрату и её переживание. Ты неоднократно проходил этот путь: от утраты иллюзии до утраты близкого человека. Механизм одинаков.

— Знаешь, мне сейчас пришла мысль, что я беспокоюсь за тебя. Ревную и боюсь, что эта девушка завладеет твоим вниманием полностью. Это такая слабая эмоция, но я её отследил.

— Милый, не беспокойся, — улыбается Ангелина, — я сегодня добыла перечень необходимых процедур и мер, которые необходимо выполнить и предпринять для перемещения на Микзу. Эта девушка ходит на какие-то занятия к экстрасенсу, и якобы это психотерапевтическая группа.

— К экстрасенсу? — Оливер морщится. — Что за бред! Хотя сейчас думаю, все психи пользуются возможностью реализовать свои корыстные цели, используя толпы паникующих людей.

— Правильно, и я подумала об этом и забеспокоилась за девушку.

— А что она тебе? Ты так беспокоишься?

— Я уже объясняла. Она жила с моим братом. Просто хочу сделать доброе дело и позаботиться о ней. Возможно, я чувствую вину, что брату не помогала и не общалась с ним, и так хочу всё исправить, что проецирую на неё свои чувства к брату.

— Скорее всего, так и есть, — Оливер наклоняет голову в бок, а потом возвращает её и кивает. — Смотри, будь осторожна. Эти привязанности и псевдодобро могут сделать больно тебе самой.

— Какой ты чёрствый, и не веришь в добрые поступки. Кстати, ты знаешь о том, что те, кто не верит в доброту, её и не приглядывают?

— Мне кажется, ты не права в своих выводах. Я верю в доброту, и я её притягиваю. Взять хотя бы тебя, притянулись ведь? — Оливер улыбается. — Я имею в виду, чтобы не помогать людям в их безответственном поведении. Ты не сделаешь своим добром ничего хорошего ни себе, ни тому, кому помогаешь.

— Я поняла тебя. Да, согласна полностью. Я пока не знаю степень ответственности Софии. То, что брат был безответственным, и я ему не помогала, это да. И ты думаешь, что я ошибочно испытываю вину относительно своей непомощи ему?

— Ну, да.

— Ммммм. Она у меня совсем маленькая, эта вина, — Ангелина задумывается на минуту, потягивая апельсиновый сок. — Хорошо, посмотрим, но раз я зацепилась за эту Софию, и раз так всё получается, я бы хотела подождать и посмотреть, как будут развиваться события.

— У тебя есть ощущение, что что-то в этом есть?

— Именно так, да. Пока ещё не знаю, что. Эта групповая терапия. Пережиток прошлого. Ещё пятьдесят лет назад её нашли неэффективной в психотерапии, оставив место лишь индивидуальной.

— И ведущий-экстрасенс — полный бред. Откуда он вообще взялся? Столетний пережиток. И для меня всегда было нелепым, как люди могут идти к шарлатанам вроде гадалок, экстрасенсов? Это ж на каком доисторическом уровне развития находится их мозг?

— О, согласна. Но все люди разные. Кто-то умным рождается, кто-то нет. Уровень интеллекта, к сожалению, у всех разный. Ладно, ты же знаешь мою страсть к экспериментам. Что-то есть в глазах у этой Софии. Посмотрим. Документы для перемещения Земля-Микса могут пригодиться, а если нет, то выброшу, и всё.

— Хорошо, дорогая. Я собирался сходить в институт. Пойдём, прогуляемся?

— С удовольствием.

Глава 6

Теперь София ходит в прозрачном биоскафандре. Он защищает человека от случайной склейки, прилипания других из внешнего мира, от вирусов, наполняет лёгкие кислородом. Кислород содержится в биоклетках скафандра, и когда человек спит, производится восполнение живительного газа. Биоскафандр пластичен и повторяет контуры тела. Это недавнее изобретение, но теперь все ходят в них и даже придумывают моду на эти оболочки. Они создаются из разных материалов. Есть более дорогие, есть дешёвые. Дорогой более лёгкий, гибкий и невидим посторонним, но при желании его можно затонировать, зазеркалить. Тогда человека никто не видит, зато он может наблюдать окружающий мир. Это вроде маски на все тело. В биоскафандрах ходят практически все люди, за исключением самых бедных и склеенных, ожидающих своей смерти. Те же, кто имеет маломальские средства, даже склеенные пары, ходят в биооболочках и снимают их лишь на время сна. Это отличная биоразработка, нанотехнология, которая стремительно вошла в жизнь населения и стала неотъемлемой частью гардероба. Никто из тех, кто хочет жить, не выходит из дома без неё. Биоскафандры очень скоро стали нормой жизни. Люди ко всему адаптируются. Ко всему!

Прилипание приняло угрожающие масштабы и стало очень вероятным. Достаточно было одного объятия, достаточно было просто прислониться к другому человеку во время общения! Во всех средствах массовой информации распространялись рекомендации врачей о необходимости минимизировать контакты и взаимодействие с другими людьми. К сожалению, их воззвания были напрасны. Многие люди, и таких большинство, не

могут пережить тотальное одиночество, вступают в отношения и прилипают друг к другу. На сегодняшний день учёные предполагают, что причиной мутации является психогенный фактор, и проводят исследования в этой области. «Лечения не существует». По всему миру запускались одно исследование за другим, чтобы установить точную причину мутации и количество больных. Учебники в данной ситуации бесполезны, им не угнаться за реалиями. Уровень смертности зашкаливает и с каждым месяцем растёт. С таким ростом смертности через несколько лет от человечества останется лишь несколько тысяч представителей по всей Земле. И уж им-то будет грозить смерть не от склеивания, а от одиночества, поскольку между ними будут километры, десятки, сотни и даже тысячи километров. Надо что-то срочно предпринимать. Во всем мире учёные бьются над вакциной, но пока безуспешно, хотя это направление признано самым приоритетным, и все мировые светила занимаются данной проблемой. Но... Пока только домыслы, догадки и предположения, — никаких фактов.

Повсюду работают психологи и группы психологической помощи. Психологи становятся самыми востребованными профессионалами. Везде, — по телеканалам, в интернете, — идёт реклама кабинетов, групп, в которой говорится, что это единственный способ спастись. В одну из таких групп записывается Соня. Ведущий группы — привлекательный мужчина по имени Макс. Кроме неё в группе ещё пять человек, не считая ведущего: четыре женщины и один мужчина. Занятия проводятся два раза в неделю и длятся два часа.

Группу только что набрали, и все ведут себя осторожно, стесняются и стараются произвести друг на друга впечатление. Соне кажется, что все участники группы очень странные и, вообще, психи больные. Себя она считает нормальной и здоровой. Больше всех её пугает парень, один из участников. Он физически крепкий, рыжие волосы, полный. Ходит развалку, сутулясь и шаркая ногами. Такой неприятный тип. И Соня вначале думает, что после первого же занятия уйдёт. Но она приходит на второе,

а потом и на третье занятие. Дома ей скучно, учится удалённо, и чувство одиночества выталкивает в социум. Конечно, к этому примешивается страх снова кого-то приклеить. Когда она вспоминает год, прожитый с Карлосом, у неё мурашки бегут по коже. Это был тихий ужас. Она чудом осталась жива, хотя уже мечтала о смерти. Теперь она надеется, что после пережитого группа психологической помощи поможет ей адаптироваться во внешнем мире и снова начать нормальную жизнь, по крайней мере, это обещает реклама вокруг.

Рыжий теперь иногда улыбается, да и девушки стали более открытыми. Сначала они делятся своими переживаниями, и кто почему попал в группу, оказался в этом месте в этот час. Все, и Соня, рассказывают о себе, а ведущий Макс кивает головой и иногда вставляет пару слов, уточняющие и направляющие вопросы. Ну, как положено. Сидят они на расстоянии одного метра друг от друга полукругом, и можно не снимать биоскафандр. Соня пока что сидит в скафандре. Мало ли, что у кого на уме. Уже были случаи, она читала в интернете. Один парень добивался девушки, а та отказывала ему. Он впал в отчаяние, подкараулил, когда девушка сняла скафандр, и неожиданно обнял её, тут же приклеившись. Но его радость продолжалась недолго, потому что её родители отвезли их в больницу и отрезали друг от друга. Парню вlepили штраф, а девушка впредь стала более осторожной и больше не проявляла такую беспечность, не снимала биоскафандр в общественных местах.

Иногда Соня скучает на занятиях группы, глаза её так и закрываются, до того всё монотонно. Группа — это микрокосм семьи, как и рабочий коллектив, и в этом пространстве человек проявляет себя, как в своей семье, проецирует на других участников группы те же ожидания и роли. Макс у него вид около тридцати, синие грустные глаза, очень светлые, практически белые, волосы, полные губы, стройное тело и высокий рост, около 190 сантиметров. Соня ловит себя на мысли, что именно он является причиной того, что она осталась в группе. Он ей нравится, и это притягивает и пугает. Она столько раз обжигалась, что

уже боится думать о любви, да и время сейчас не то. Однако ради эстетического удовольствия и надежды, — вдруг эти занятия могут ей быть независимой, — она продолжает посещать группу.

Макс смотрит на присутствующих. Эта группа у него первая. Раньше он работал помощником экстрасенса и сейчас, пользуясь положением в стране, решил попробовать самостоятельную практику. Всех участников группы он пригласил сам, когда они, воспользовавшись рекламой экстрасенса, позвонили в их кол-центр. Макс перехватил несколько звонков, переписал номера и перезвонил. Естественно, это было запрещено, и он действовал втихаря. А как ещё выбиться из помощников? Ему уже тридцать один год, а он до сих пор не богат, не знаменит. Да, он мечтает о славе, о богатстве. Но всё это не приходит к нему. Честностью нравов он не отличается, и, несмотря на свою внешнюю привлекательность и ум, очень обижен на весь мир и людей. Он очень ловко умеет натягивать маску добродушия, поскольку когда-то давно изучил «Психологию лжи» и «Язык тела». Но всё это не помогает в достижении его целей. У него нет друзей, подруги вскоре от него сбегают, или он их сам выгоняет, когда надо. Отец умер, а мать уже около пяти лет не встает с постели. Он меняет ей памперсы, готовит еду, кормит. Она живёт в другой половине дома, и Макс заходит туда один раз в день, чтобы выполнить обычные процедуры по уходу за лежачим больным. В комнате матери стоит жуткий запах. Какие бы ионизаторы воздуха и освежители Макс ни использовал, не помогает. Кажется, что больной организм в ответ на освежители выделяет ещё больший смрад. Врачи диагностировали у неё аутоиммунную патологию, еще неизвестную медицине и не имеющую лечения. После того как пять лет назад приехал врач, взял анализы и соскобы, а через две недели ожидания сообщил, что лечения не существует, больше Макс к врачам не обращался. С тех пор он их ненавидит, и даже свои проблемы со здоровьем предпочитает решать сам. То есть никак. Благо, что он молод и пока может обходиться без врачей.

Между жилой частью дома, где обитает Макс, и половиной матери он оборудовал звукоизоляцию, чтобы не было слышно ее криков. Сначала она орала постоянно, истошно, просто так. Макс прибегал по первому зову, но со временем стал игнорировать ее призывы и отстранился. Мать перестала кричать, а потом и разговаривать. Лишь пустым взглядом она следила за действиями сына, когда он заходил к ней. Теперь бывают дни, когда он не заходит. Она голодает, мочится и оправляется под себя. И ему в следующий раз приходится менять бельё, мыть её. Брезгливость он уже давно поборол, но свалившиеся на него заботы давят. Иногда ему снятся сны, в которых мать умерла, и он, наконец-то, свободен. После такого сна его накрывает жуткий страх, что он вообще об этом думает, ведь когда это случится в жизни, он останется совсем один в этом мире.

И вот сейчас перед ним сидят шестеро и смотрят на него, как на спасителя. Шесть несчастных жертв. «Они ждут волшебную пилюлю, глупцы. Все ждут спасения. Никто не хочет умирать. Все надеются на лучшую жизнь». У Макса есть своя идея, как сделать жизнь лучше. Уж он-то точно знает. Сколько он выстрадал со своей прикованной к постели матерью! Никакой личной жизни, никакой надежды на нормальную жизнь в социуме. А теперь стало бессмысленно делать карьеру, заводить семью. Всё равно все умрут.

— Здравствуйте. Рад приветствовать вас всех сегодня в нашей группе. Кто начнёт? — говорит Макс, приветливо улыбаясь и оглядывая всех добродушным взглядом.

Все сидят молча. У них всегда так начинается, — первые минуты все молчат и оглядывают друг друга. Первым ёрзает толстый китаец с рыжими волосами. Он чешет затылок и смотрит исподлобья на Макса. Видимо, чувствуя своё преимущество, что среди женщин он единственный мужчина, не считая ведущего, он решается заговорить. Его лоб покрывается испариной, и выступившие капли пота вот-вот потекут по лицу. Рыжий выглядит очень напряжённым. Его явно что-то беспокоит, и он готовится произнести речь. Это даётся ему с большим трудом. Наконец, вздохнув, он говорит:

— Я сегодня проснулся в страхе, хотя я так просыпаюсь всегда. Мне чего-то не хватает, тревога и дышать трудно. Как обычно, вышел на кухню, где сидела мама и курила. Мы в последний год стали очень далеки друг от друга. Раньше она меня хотя бы обнимала, а сейчас не подпускает к себе, да и я боюсь как-то. Вдруг прилипнем. Всё это очень тяжело. Мы, как чужие, хотя живём вместе.

— Тебе уже сколько лет? Здоровенный детина, а всё по мамочке страдаешь, — фыркает прямолинейная Динара.

Её раздражают почти все, и она на всё имеет свою точку зрения. С виду кажется очень независимой и самостоятельной женщиной. Но это не так. Это всего лишь защитная оболочка её пугливой, неуверенной внутренней сущности.

— А сами-то Вы беспокоитесь о своих детках и от сыночка не отходите, всё живёте с ним, а обеих дочерей выпроводили кого куда, — обиженно защищается рыжий.

Все дети Динары, кроме старшей дочери, пьющие, да и она сама любит приложиться. У старшей дочери двое детей и второй муж. А средний сын разведён. Он и младшая толстая дочь, спутавшаяся с уголовником, пьют регулярно. У самой Динары третий муж, тоже бывший уголовник, и все любят крепко выпить. Динара — маленькая, юркая, суетливая, беспокойная мать троих детей с жидкими крашеными в белый цвет волосами. На глазах фрики, убойная улыбка. Отсутствие одного верхнего зуба придает ей несколько комичный вид, но эта улыбка такая счастливая, что создает впечатление о Динаре, как о человеке недалекого ума, но очень добром и искреннем. Сложно предположить, что эта женщина вся пропитана злостью, желчью, завистью и обидами. Причём это обида на весь мир в целом, и она уходит корнями в прошлое, углубляясь с каждым годом. Она пришла в группу с надеждой найти пропавшего сына, или хотя бы выяснить, что с ним, — всё-таки занятия ведет экстрасенс. Её ненаглядный сынок! Он уже месяц не даёт о себе знать. Пусть он уже взрослый, всё равно она беспокоится. Сейчас такое непростое и страшное время. Она склонна думать, что это злодейка судьба, и что её кто-то слазил.

Она очень суеверна. Этот укол рыжего задевает её, и она, вспыхнув, уже готова ответить, но по праву ведущего вмешивается Макс:

— Мы уже обговаривали наши правила. Мы никого не обвиняем и не осуждаем, — Макс смотрит на Динару, потом обводит взглядом остальных. — Что Вы чувствуете сейчас, Диана?

— Не Диана, а Динара, — вскинув голову так, что очки подскакивают на лоб, гордо произносит она. — Ну, не знаю я. У него есть мама рядом, а он ещё осуждает её. А у меня пропал сынок, и я не знаю где он.

— О, извините, Динара. Я оговорился, — любезно улыбается Макс. — Действительно, тяжело переживать потерю близких людей и особенно детей. Но сейчас такое время. И всё же скажите, что Вы чувствуете?

— Но почему со мной всё это произошло? Именно со мной? Чувствую обиду, горечь, мне очень больно и,.. — Динара на мгновение затихает, опустив голову, — жутко страшно. Мне очень страшно.

— Кажется, сейчас все испытывают что-то подобное. Всем страшно, и мне тоже страшно. Каждый день на Земле умирает немыслимое количество человек, и неизвестно, когда смерть настигнет каждого из нас, — говорит Соня. — У меня за последний год умерли родители и друг, прилипший ко мне. Нас отделяли друг от друга оперативно, вернее, уже его мёртвое тело. Это было ужасно. И сейчас я совсем одна в этом мире.

— Тебе проще, ты одна! А у меня дети и внуки.

— Динара, мне кажется, ты не слышишь и не понимаешь боль других людей. Ты только в своей боли и в своих переживаниях о судьбе-злодейке, — вступает в диалог Лиз.

Лиз — молодая женщина с короткими разноцветными волосами, обычное лицо с огромными глазами, которые она выделяет жирной перламутровой подводкой, стройная фигура и красивая грудь, просвечивающая из-под полупрозрачной кофты. Она очень яркая, разноцветная и переливающаяся. Пока непонятно, что Лиз вообще тут делает, и почему одна. Но пока она

ни с кем не сближается и мало разговаривает. У неё громкий гор-
таный голос и отточенные стремительные движения, немного
резковатые для красивой девушки.

— А меня кто-нибудь слышит, понимает? — вспыхивает Динара.

— Какой-то балаган. Всё, мне надоело, — приготовившись встать,
говорит Мария, молчавшая с самого начала занятия. — Мне до сих
пор непонятно, что я здесь делаю. Попала по ошибке. Точно.

Несмотря на свой вес, она достаточно резво встаёт и смотрит
на Макса. Она ждёт, что он её остановит, и он останавливает.

— Это не лучший выход. Когда хочется уйти, лучше остаться
и посмотреть, что будет происходить дальше, — говорит он.

— Да, давайте все возьмём и уйдём и оставим проблему нерешённой, — иронизирует Динара. Она старше всех, и это даёт ей повод относиться ко всем несколько свысока.

— У меня нет проблем, — говорит Мария, медленно садясь обратно. Какая-то мысль заставляет её остаться.

В комнате повисает минутная тишина. Все смотрят на Марию, Она привлекла к себе внимание.

— Тогда как ты здесь оказалась? Что-то же двигало тобой? — спрашивает Лиз, и в её голосе слышится заинтересованность.

— Да, что-то двигало, вот и оказалась, — почувствовав интерес к себе, отвечает Мария.

В ней редко кто-либо проявляет искреннюю заинтересованность, и в таких случаях она всегда смущается и теряется в ответах. Мария очень полная, даже толстая. Ей около тридцати лет, круглое лицо с ямочками на щеках, грустные глаза, кажущиеся пустыми и безжизненными, и чёрные, как сажа, длинные волосы. Она носит чёлку, закрывающую брови, а в ушах огромные чёрные кольца. Мария всегда ярко покрашена и всячески демонстрирует своё тело, несмотря на лишний вес. Кажется, что она не стесняется его и не боится прилипнуть или приклеить кого-то. Всем своим видом она пытается заявить о своём присутствии в этом мире, что она есть, и чтобы на неё обратили внимание. Мария всегда ходит без биооболочки. Сейчас на ней надета мини-юбка, открывающая ляжки, на которых, как холодец, сотрясается жир, и прозрачная

перламутровая футболка, настолько тесная, что врезается в тело, и перламутр футболки мягко мерцает и переливается на жирных рельефах. Это настоящий протест общим правилам и декларируемым предосторожностям.

Рыжий тем временем надувает губы и со скучающим видом слушает, о чем говорят женщины. Его ноздри раздуваются в такт его глубоким вдохам. Время от времени в беседе возникают паузы, и тогда становится слышно его шумное дыхание.

Есть ещё одна участница, которая предпочитает молчать на занятиях. Когда все представлялись, она назвала себя Сандрой. Она всегда в биооболочке, несмотря на то, что это третья встреча группы. Остальные уже сняли свои скафандры, начав доверять друг другу и ведущему. Биоскафандр с девяноста девятью процентной точностью повторяет контуры тела, лица, но скрывает мелкие изъяны вроде прыщиков, веснушек и мелких морщин, а также сквозь него плохо видна мимика. Основное правило в группе, — биооболочка должна быть прозрачная. Это оговаривалось еще до начала занятий. Зеркальные и тонированные запрещались, — это уличный вариант.

С виду Сандре около двадцати лет. У неё средние пропорции тела, милое личико, даже какое-то кукольное, зелёные глаза, испуганные, грустные, и зелёные кудрявые длинные волосы под цвет глаз, огромной шапкой торчащие вокруг её головы. Она ничего не рассказывает о себе, только назвала имя и сообщила, что иммигрировала из Австралии во время наводнения. Никто её не торопит, её принимают, как есть. Мало ли, что у неё и в ней.

— Без себя для себя всё потеряно, — вдруг произносит Сандра отрешённым тихим голосом.

Все смотрят на неё. Она молчит.

— Ты это к чему сказала? — удивлённо и как бы за всех спрашивает Мария.

— Мне показалось, что все здесь присутствующие и я потеряли себя, — немного помолчав, Сандра добавляет, — и все люди на Земле.

— Можешь пояснить? Нам непонятно, почему тебе так кажется, — спрашивает Макс.

— Нет, не могу.

Пауза и тишина. Все слушают эту тишину, размышляя над фразой. Видно, что пока ещё люди зажаты и недостаточно открыты. Доверию нужно время. Слоган открывшейся группы: «Я не дам прилипнуть ко мне!» И смысл занятий в том, чтобы научиться строить отношения без прилипания и растворения друг в друге. Проблема подобных отношений не нова. Пусть не в буквальном смысле, но издавна люди, вступая в отношения, склонны растворяться друг в друге, забывая о себе и теряя себя. Они настолько увлекаются и погружаются в потребности другого человека, что считают самоотречение основным смыслом своей жизни. А жизнь дана каждому одна, и только сам человек может прожить её, и основной смысл — прожить её долго, правильно и с удовольствием. Люди могут идти по жизни параллельно, рядом, но не вместе, не так близко. Секс дает иллюзию слияния воедино, но по сути, это лишь удовольствие от близости. К сожалению, большинство людей не способны соблюдать баланс единения и свободы. Макс понимает это. У него есть гипотеза, что клеящее вещество — результат нарушения этого баланса. Пусть учёные исследуют и гадают о причинах этой аномалии, он-то знает точно, чувствует всем своим нутром. Может, потому что он одинок и относительно свободен, если не считать больной матери, и подсознательно завидует людям, у которых есть отношения, семьи. У него же нет семьи и крепких дружеских связей. Шесть человек, сидящих перед ним, — это всё, что у него есть на данный момент. Это маленькая часть великого мира, который с каждым днём сдувается, как воздушный шарик. Макс хочет, даже мечтает открыть человечеству настоящую причину катастрофы. Уже год он вынашивает корыстную, эгоистичную, тщеславную цель прославиться благодаря своему открытию. Эта группа — его подопытные. Пусть даже это произойдет путём уничтожения, какая уж разница. Всё перемешивается. Из всех участников ему более или менее нравятся София и Сандра. Остальные настолько убогие и ничтожные! Он еле сдерживается, чтобы отвращение не отразилось на лице.

Хотя Макс думает, никто бы этого не заметил. На его лице ни один мускул, ни одна эмоция не выходят за грань натянутой маски. Он настолько привык сдерживать и прятать свои эмоции, что это, безусловно, отражается на внешности. Квадратные скулы, тонкий нос, глубокие глаза и низко посаженные брови, впалые щёки и белые-белые волосы. В дополнение — покровительственный взгляд и добродушная улыбка. Это выглядит мужественно, мощно, уверенно, красиво.

Так проходит два часа. В разговорах, спорах и препирательствах.

— Сегодняшняя наша встреча подходит к концу, — произносит Макс. — Давайте поделимся друг с другом, кто с чем уходит, что было полезно в сегодняшней встрече каждому из нас.

— Мне ничего не было полезно, — оскалившись во весь щербатый рот, выпаливает Динара и поправляет очки. — Скорее всего, я больше не приду. Я считаю, что это пустая трата времени. И вообще, я здорова. Уже здорова. Бывшего мужа отрезали, когда он наконец-то сдох, пьянь подзаборная, и я теперь могу снова познакомиться с другим мужчиной.

— Ты же его прилепишь снова, — съязвил рыжий.

— Ну и что? Пусть прилеплю, он же не будет пьяницей.

— Откуда ты знаешь, каким он будет? — слегка улыбнувшись одними уголками рта, спросил Макс. — Обычно в жизни человека всё повторяется лишь с небольшими отличиями, как по спирали или по кругу.

— Да и ладно, — Динара, изобразив невозмутимость, шмыгает носом, разворачивается и на стоптанных вбок каблуках ковыляет к выходу.

Она вызывает чувство жалости, и не столько к её убогому внешнему виду, сколько к её зашоренности и непониманию обыденных вещей. И таких людей, погруженных в иллюзию, самообман, большинство. Проще находиться в «розовых очках» и придумывать самому себе оправдания своих поступков, мыслей и чувств. Причём для себя это всегда звучит очень и очень убедительно. Не как оправдание, а как устойчивые жизненные убеждения,

которые впитались с молоком матери, скопированы со своих семейных сценариев. И эти убеждения настолько глубоко сидят в человеке, что не осознаются, не подвергаются сомнению, воспринимаются как истина в последней инстанции. И получается, человек проживает всю свою жизнь, если можно назвать её «своей», погруженный в мягкую нирвану удобных иллюзий. Но ведь это может быть и не мягкая нирвана, а жестокие страдания! С другой стороны, в мире так много людей с потребностью чувствовать себя жертвой. Возможно, эти аномальные явления и произошли от того, что на Земле стало слишком много жертв? Макс сидит с опущенной головой и размышляет после того, как все расходятся. «А про Сандру ничего неизвестно. Видно, что она напугана, но умеет сдерживать свои эмоции. Ну, ничего, когда-нибудь прорвётся и она. А Мария, какая же она жирная!.. Нельзя так думать и осуждать других... Убожество, ненавижу их всех! Один другого краше. А этот рыжий — полный дебилоид, китайский андроид. Один этот его прищур убивает. И ведь тоже рожа жирная. И как они умудряются жиреть? А всё жалуются на жизнь. А София и Лиз, так себе, девочки на побегушках, наполнение серой массы. Ничего выдающегося в этой группе нет. Тем лучше для меня. Главное, чтобы всё получилось и не много людей разбежалось. Хотя всегда часть уходит. Я и это рассчитал. Главное, чтобы осталось не меньше трёх человек. О, предвкушение праздника жизни! Ощущение себя богом, властелином душ! Ещё немного, и они будут беспрекословно выполнять все мои поручения и желания».

— ААААА, — глухо раздаётся из другой половины дома и отвлекает Макса от размышлений. Это кричит его мать.

— Что тебе опять надо? — раздражённо произносит Макс в пустоту и нехотя направляется в её комнату.

В нос резко бьёт запах мочи, лекарств и разложения. Когда он заходит в комнату матери, она направляет свой взгляд на него. Она по-своему любит его, а может, просто он хочет, чтобы это было так, и окружает себя иллюзией. Сейчас она зависит от него, он может делать с ней всё, что хочет. Сначала ему доставляло удовольствие ей мстить за то, что она ругала его, критиковала,

иногда била, обзывала, за то, что она передала по наследству своё несчастье и страдания, за то, что редко дарила свою любовь, и за то, что заболела и слегла. И он мстил тем, что мог днями не заходить к ней. Она орала, он затыкал берушами уши или уезжал на несколько дней. Но он не оставлял её больше, чем на два дня. Что-то тянуло его к ней. Ему очень жаль её, он её любит, но вместе с любовью его наполняет обида за то, что мать привязала его к себе, и он не может жить своей жизнью. Он обвинял её в этом, в то время как сам был крепко привязан к ней. Конечно, это лишь его оправдание своей ничтожности и никчемности. Он сваливает на неё вину за то, что не может самостоятельно сделать в своей жизни что-то выдающееся. Иногда он это осознаёт и пытается придумать выход. Но это происходит очень-очень редко, и лишь когда он уезжает от неё. А пока она находится рядом, он ничего не испытывает, кроме обиды, жалости и злости на неё.

Сейчас в его голове зреет план. Склеить всех участников, которые останутся в группе, и посмотреть, понаблюдать за ними. Он не институт, где проводят такие эксперименты, но его туда не взяли, когда он попытался устроиться на работу. А ведь он не хуже этих задротов-учёных, и сможет сам всё сделать! И будет первооткрывателем. Главное, не затянуть, не позволить, чтобы кто-то другой его опередил.

Ему нравится этот молящий взгляд матери. Всё равно о чём: еде, питье или туалете. Он чувствует себя всемогущим, и наполняется уверенностью в свою силу и власть. Он может накормить её или оставить голодной. И она, а не он, теперь от него зависит. И это проецируется на внешнюю жизнь, мир и, соответственно, на группу. Как же интересно жизнь распоряжается. Сначала дети зависят от родителей, а потом родители от детей. И если, по мнению ребёнка, родитель плохо относился к нему, то и ребёнок может так же относиться. Да, сложно быть родителем, угадывать настроение ребёнка, подстраиваться под него, чтобы тот чувствовал хорошее отношение и любовь. А если нет, то велика вероятность, что ребёнок, когда вырастет, будет мстить, хотя бы безразличием.

Макс не скрывает своё отвращение к матери. Зловоние невыносимо, но постепенно привычка берёт своё. Хорошо или плохо, но от этого запаха не умирают. Он даёт ей миску с супом, оставшимся со вчерашнего дня, и ложку. Помогает матери сесть на кровати, приподняв её повыше. Она всё время безмолвно смотрит на него. И в этом взгляде Макс видит осуждение и вместе с тем зависимость. Сейчас она не может издеваться над ним и не может смириться с этим. Паралич сковал все её мышцы, и говорить она больше не может, только мычит и орёт. Сколько она ещё проживёт, неизвестно. Иногда Максудается отключиться и не думать о ней, но это получается очень редко. Сейчас он торжествует, — так она наказана за своё отношение к нему, — и тут же чувствует вину за свои мысли.

Макс выходит из комнаты матери и словно в тумане направляется в ванную. Он с детства любит уединяться здесь, несмотря на то, что сейчас весь дом в его распоряжении. Здесь ему особенно уютно и комфортно. Зеркало отражает его лицо и настроение. Он достаёт лезвие из шкафчика, бросает горящий взгляд на себя и быстро проводит по запястью. На пол капает кровь, он подносит руку к раковине и смотрит, как кровь стекает струйкой. Волна эйфории и страха пронизывает его тело, зависает в области солнечного сплетения и поднимается к горлу. Ощущение оторванности от мира и жизни наполняет его. Ему совсем небольно, а эти действия настолько глубоко вошли в его жизнь, что стали ритуалом, привычкой. Его движения чётко рассчитаны, и сила, с которой он давит на лезвие, проводя по запястью, может меняться от его желания и настроения. Как-то раз, лет пять назад, он переусердствовал, и порез получился очень глубоким, кровь никак не останавливалась, текла и текла. Макс был уже без сил и почти без сознания, когда его обнаружила мать, которая тогда только заболела и ещё ходила. Пришлось вызывать врачей, которые, увидев множество других порезов и шрамов на запястье, увезли Макса в больницу, где его продержали на таблетках целый месяц. Психиатр задавал множество вопросов, на которые Макс нехотя отвечал. Именно тогда Максуд захотел стать психиатром

или кем-то в этом роде. Сейчас он с нарастающим возбуждением смотрит на капающую кровь, и в его голове зреет решение действовать. «Уже достаточно сеансов прошло, можно уже начинать склеивать их всех. Кап-кап-кап. Идёт дождь. Нет, нет, никак не восстановить клетки. Капает кровь. Кап-кап-кап». А за окном идёт дождь, мерно, глухо отбивая по крыше, звуком разбавляя тишину ванной комнаты. И капает кровь. Порой хочется спрятаться от этого монотонного звука и послушать истинную тишину.

Глава 7

В институте прохладно, просторно и фантастично. Людей здесь всегда немного, практически все в своих кабинетах и помещениях, занимаются своими делами. Иногда, когда Ангелина идёт по полутемному коридору, ей кажется, что все вымерли, нет никого, и она одна в целом мире, от чего становится немного жутковато. Но стоит ей открыть дверь в какой-нибудь кабинет, как свет, тепло и встречные улыбки рассеивают её мрачные мысли. В фойе они с Оливером заходят в цилиндрический термобокс для лазерной дезинфекции и смены одежды и выходят из диаметрально расположенных дверей, облачённые в одинаковые облегающие комбинезоны с капюшоном. Оливер в который раз восхищается правильностью форм тела и лица Ангелины. А девушка — статью, стройностью своего друга, исходящей от него мужественностью и силой. Впрочем, здесь большинство людей как на подбор. Как будто их выбирают по внешним признакам, а не по интеллекту и здоровью. Видимо, внешнее отражение внутреннего мира является в большей степени нормой, нежели исключением. Внутренняя красота излучает мощнейший свет и затмевает внешние недостатки. Ангелина и Оливер быстрым шагом следуют к винтовой лестнице, поднимаются на второй этаж, смотрят друг на друга, кивают головами и, не останавливаясь, расходятся в разные стороны. Оливер идёт в отделение микробиологии, а Ангелина к генетикам.

— Вы только посмотрите, как ведут себя эти медузы! — с восторгом в глазах восклицает заведующий кафедры микробиологии. — Вот две склеенные! А здесь таких целая группа!

— И вы знаете, я предполагаю, что выделяемое ими клеящее вещество и процессы склеивания одинаковы с человеческими

на Земле, — Оливер берёт пинцет и аккуратно цепляет пару склеенных медуз. — Вот, посмотрите, они намертво прихвачены друг к другу. Я это заметил уже давным-давно, работая на берегу, когда лепил фигуры из песка. Тогда я думал, что это такая же аномалия, что и в случае сросшихся плодов растений. Но ошибся.

Медузы на Микзе совершенно необычной формы и цвета. Одна в склеенной паре размером с футбольный мяч, светло-сиреневого цвета с красным гребешком по краю, прозрачная и двуполая. Прилепленная к ней была розового цвета с малахитовым гребешком. В месте склейки получилась почти радуга. Они очень красивые. Впервые Оливер залюбовался ними около пяти лет назад.

— Но их главное отличие в том, что овощные культуры соединяются в период созревания, а тут даже не внутриутробное срастание, они уже зрелые склеиваются.

— В том-то и дело, что это срастание не внутриутробное и не в период созревания. Хотя в этом есть один знаменатель.

— Какую аналогию с человеком мы можем провести? — заведующий трёт свою бороду. Он, хоть и молод, но носит бородку, стараясь придать себе более солидный вид.

— То, что человек в состоянии созревания, пока не начал формироваться скелет, склеивается с другим человеком, — полушутя сказал Оливер. — Если выразиться фигурально.

— Я вижу в Вашей шутке долю истины. Это очень похоже, очень похоже на нашу мутацию на Земле. И скорее, это вопрос психологии, если я правильно понял фигуральный смысл. Пока у человека не сформирован эмоциональный скелет, — его сущность, — он приклеивает другого несформировавшегося человека. Нет скелета — нет границ. С другой стороны, нет скелета — нет защиты. Это о тех, кто приклеивается.

— Да, но в таком случае непонятно, какое это имеет отношение к биологии и к нашим медузам. Я пока не улавливаю связи, но мне кажется, если не в причинах, то в процессах есть что-то близкое, — Оливер кладёт медуз в аквариум с вулканическим чёрным песком, бассейном с океанической водой

и искусственным освещением, — условия, максимально приближенные к естественным.

— Прорабатывайте это. Я уверен, что вскоре вопросы отпадут сами собой и наступит ясность, — уверенно говорит заведующий.

У Оливера складывается впечатление, что руководитель всё знает наперёд. Уверенность заведующего убеждает учёного в правильности своих действий и мыслей, и он продолжает наблюдения и опыты. На Земле у медуз есть особи мужского и женского пола. Здесь же одна медуза производит и яйцеклетки, и сперматозоиды, что позволяет ей самооплодотворяться и выкидывать полипы на созревание. Они так же, как и земные, почти полностью состоят из воды, ротовое отверстие так же служит для поглощения пищи и вывода продуктов жизнедеятельности. Однако у местных медуз всего восемь глаз, в отличие от двадцати четырёх у земных. И эти медузы возникли и эволюционировали именно на Микзе, а не были завезены с Земли, как большая часть биологического мира. Здесь, на Микзе, вулканическая природа и биосфера почти не развита, но вот медузы процветают, им уже более миллиарда лет. Это самые древние обитатели планеты.

Оливеру приятно находиться в лаборатории, она кажется просторной, хотя на самом деле небольших размеров и здесь работает несколько человек.

— Оливер, насколько мне известно, Вы давно уже на Микзе, практически с момента её колонизации. Как Вы решились на такой опасный и рискованный шаг?

Оливер оборачивается, немного удивлённо и слегка улыбаясь, смотрит на заведующего. В руках он по-прежнему держит пинцет, которым брал медуз.

— Если признаться, то я в принципе склонен к риску, мне нравится испытывать страх, — быстро ориентируется он. — А дальше? Так сложились пазлы. Вообще-то, это была идея моей жены. Сейчас её уже нет в живых.

— Сочувствую... Кажется, Вы были к ней очень привязаны?

— Да. Мне и сейчас её очень не хватает, хотя прошло уже пять лет, как её не стало...

— Мхм... А Вы склонны к риску, говорите? — заинтересованно произносит заведующий, чтобы сменить тему и кивает головой. Его глаза блестят живым огоньком. — Я изучал Ваше резюме. В нём много дыр и прорех. Вы немного работали, а потом провал.

— Ну да, это связано с тем, что, во-первых, я не люблю постоянство и мне нужны перемены, а во-вторых, я не мог понять, чем же хочу заниматься, что мне доставляет удовольствие.

— А сейчас поняли?

— Кажется, да, — улыбается Оливер. — По крайней мере, теперь я знаю, как удовлетворить все части моей личности.

— Это главное!

Оливер не знает, что ещё сказать, и молча смотрит на заведующего, ожидая, что скажет он. Они ещё недостаточно долго знакомы, и Оливер не хочет пускаться в пространные дискуссии. Однако заведующий тоже молчит. Так они стоят минуту, потом заведующий разворачивается и принимается изучать медуз, а Оливер оглядывает лабораторию. Он здесь уже не в первый раз, но рассмотреть всё досконально не представлялось возможности. А сегодня у него появились и возможность, и желание. Здесь нет ничего лишнего, всё спрятано в стенные шкафы и на стеллаже, который возвышается у двери. Металлический серый цвет комнаты кажется унылым и, вместе с тем, уносит в космос. Все рабочие столы размещены вдоль стен, а посередине стоит большой стол для экспериментов. Окно расположено вверху, оно занимает всю верхнюю треть наружной стены, так что можно видеть небо Микзы, всегда красивое и разное. Оливер заметил, как заведующий бросил взгляд на небо. Сейчас там отчётливо виден Млечный Путь, пересекающий окно. Желеобразная дымка, напоминающая по цвету мозг человека или мозговую жидкость. Совершенно невероятная при свете дня, в окружении звёзд, розово-серая артерия, пересекающая небесное пространство.

— Невероятная красота!.. — говорит заведующий, замороженный зрелищем. — Я, по сравнению с Вами, живу здесь не так давно и до сих пор не могу налюбоваться красотой. Хотя и на Земле было очень красиво, по-своему.

— Да, здесь это часто бывает, здесь и не такое увидишь. Только и успевай привыкать и удивляться красоте природы, — чуть улыбается Оливер. — Теперь Земля кажется мне серой, холодной, мрачной, унылой, несчастной. Жаль её.

— Вы говорите о ней, как о человеке. Хотя, согласен с Вами, в этом есть своя истина. Если считать, что каждая звезда так же уникальна, как и каждый человек. А про любого человека можно сказать то же самое, что и про любую планету. Где-то есть жизнь, а где-то её нет. Кто-то живёт, а кто-то выживает.

Оливер вспоминает свои годы юности, когда он мальчишкой увлёкся графиками биржевой торговли и наблюдал за изменениями, и как он в пятнадцать лет заработал свою первую тысячу баксов. Тогда он много выигрывал и много терял. Потери были разные. Когда он терял деньги, это его не беспокоило, ведь это были всего лишь деньги. Его отец всегда говорил, что главное — не потерять самоуважение. И после потери семьи, когда Оливер остался один, он сумел пережить горе и сохранить самоуважение. Значит, ему надо жить, именно жить. И он живёт, старается получить максимум удовольствия, когда это возможно, и оставить свой след. Он уже понимает, что в ближайшее время не будет строить фигуры из песка, а станет помогать людям в поисках разгадки мутации склеивания. Оливер сжимает губы. Ему хочется откровенничать с заведующим, но он чувствует, что может соскользнуть в нирвану проекции, а это ни к чему. Заведующий — не его отец, это проекция. Он вспоминает себя мальчишкой, как идёт с отцом за руку, гордый, счастливый. Сейчас ему приятны эти мысли, и этого достаточно, необязательно выражать их в действии. Он знает, что это пройдёт. Как правило, на работе создаётся маленькая семья, и все коллеги приобретают проекции. Важно распознать их. Именно это и является осознанным образом жизни.

Ангелина заходит в кабинет-лабораторию. Она любит работать одна, и в своё время отвоевала это право. Всегда, когда требуется помощь и поддержка, можно вызвать на дисплее соседей-коллег и пообщаться онлайн. Она очень часто работает дома,

но сегодня ей необходим микроскоп, который находится в институте в её кабинете. Ещё в прошлую командировку она привезла с собой нематод, круглых червей, чей геном схож с человеческим. У неё появилась мысль, что если поместить их в условия Микзы, их геном будет вести себя по-другому. Интеллект — врождённое свойство и обусловлен генетически, значит, некоторые нематоды также будут отличаться от своих собратьев. И, несмотря на то, что результат склеивания вызван больше эмоциональными и психологическими причинами, первопричиной всё же является генетическая предрасположенность к интеллекту. Человек с более высоким интеллектом и эмоционально развивается шире. И вот перед ней образцы нематод. Их около сотни. Искусственно им создали такую же среду обитания, что и на Земле, только воздух Микзы. Вот уже две недели они ведут себя стандартно, хотя размножаются медленнее, чем на Земле. Ангелина с интересом наблюдает. Если процессы замедлены, возможно ли, что и у человека на Микзе обмен веществ протекает медленнее, и это продлит жизнь? Но сейчас главный вопрос, — почему люди на Земле склеиваются?

Все нематоды пока держатся обособленно. А если добавить им клетки человека, который склеен или был склеен? Точно! Ангелина впрыснула в аквариум на червей и несколькими ввела в тело раствор, содержащий внутриклеточную жидкость склеенных людей. Реакция должна быть почти мгновенной, и Ангелина не отходит от микроскопа. Это похоже на замедленную съёмку фильма, только сейчас героями были нематоды. Сначала черви склеиваются в пары, потом приклеивают окружающих, некоторые из приклеенных изгибаются и барахтаются, но вскоре успокаиваются, безжизненно повиснув. Потом замершие уменьшаются в размерах и исчезают совсем, поглощенные более крупными собратьями. Уже в течение десяти часов Ангелина неотрывно наблюдает за действием и не замечает времени. Поскольку черви вдруг стали быстро размножаться, то исчезнувшие заменяются вновь рождёнными. Ангелина решает отделить от общей массы десять особей и наблюдать только за ними, чтобы можно было

контролировать число родившихся и исчезнувших. Эти десять не так быстро склеиваются. Видимо, для склейки необходимо тесное пространство, чем больше особей, тем больше вероятность слипания. Тем не менее, они также начинают склеиваться друг с другом. Склеиваются, умирают, исчезают, рождаются новые, — и так в цикле. Ангелина смотрит на часы. Она чувствует усталость. Оказывается, она уже больше десяти часов наблюдает за движением нематод в аквариуме и колбе. Как будто почувствовав ее, дисплей дал сигнал, и появилось изображение Оливера.

— Я собираюсь уходить. Ты как?

— Я, пожалуй, тоже, — улыбается Ангелина. Она выглядит уставшей, но в глазах отражается чувство удовлетворения.

— Встретимся на выходе из института?

— Хорошо.

Ангелина мысленно прощается с нематодами, надеясь, что на следующий день они будут ещё живы и не все умрут склеенными. Она накрывает образцы, выключает приборы, свет и выходит из лаборатории. На выходе из института её уже ждёт Оливер. Ангелина глубоко вдыхает. Всё-таки в институте прохладно, а на улице очень тепло и свежо. С чувством исполненного долга можно отправляться домой. Она ощущает жизнь и себя, и радость от близости Оливера. Он улыбается.

На Микзе всегда тепло, а теперь ещё и всегда светло. Они молча идут по аллее с высаженными пальмами. Греет солнце. Две тени движутся вместе с ними. Оливер смотрит на них и забавляется, наблюдая, как они увеличиваются, пересекаются и превращаются в одну большую тень. Кажется, что у теней своя жизнь, и не человек управляет ими, а что-то ещё. «А возможно, всё наоборот, — тени управляют человеком. Тогда логично, что на Земле живут не люди, а тени. Они легко меняют объёмы, смыывают границы и трансформируются, мутируют из двух, трёх десятков в одну. А учёные бьются в догадках, что же является причиной трансформации? Просто миром людей правят тени. Где же тогда люди? А люди превратились в тени.

И так как на Земле нет солнца, то и тени стали невидимы, то есть люди». Оливер разгоняется в своих фантазиях. Он это любит. Сейчас на Микзе намного спокойнее и тише. После запрета туризма из-за мутаций на Земле туристов практически нет. Приезжают лишь иммигранты в небольшом количестве. Несмотря на панику, царящую в мире, службе контроля удаётся не пропускать на планету без предварительного отбора и необходимых манипуляций. Здесь спокойно, хорошо, тепло и светло.

Ангелина набирает номер Софии и ждёт ответа. После минутной тишины экран оживает. София испуганно и удивлённо смотрит и молчит ещё минуту. Ангелине кажется, что та её не видит.

— София, ты видишь меня, слышишь?

— Да. Вижу и слышу, — отвечает девушка. В её голосе безнадежность, бессилие и страх.

— Как ты себя чувствуешь?

— Да, как-то так, — отвечает София. Сейчас она ни с кем не хочет разговаривать. Депрессия накрывает её. — Зачем Вы мне звоните? Не надо.

— Я хочу тебе помочь.

— А я что, прошу мне помочь? Может, мне не нужна ничья помощь. Мне всё надоело, и я хочу быстрее умереть. Ну почему умер Карлос, а не я?

— О, детка! Ты сейчас переживаешь волну грусти. Это не будет вечно, это надо пережить. Я предпринимаю некоторые шаги, чтобы помочь тебе переселиться на Микзу. Ты ведь хочешь? Хочешь изменить свою жизнь?

— Ой, не знаю, чего я хочу! Хочу тишины и покоя. А здесь постоянная тревога, страх и смерть кругом. Хожу в группу психологической поддержки, только зря, мне кажется. А оставаться в одиночестве ещё хуже. Оно невыносимо и давит, давит, что бывает невозможно дышать. Институт кончила по ускоренной программе, а дальше? Идти работать страшно. Каждый раз выхожу на улицу и боюсь стать жертвой какого-нибудь голодного

маньяка. Здесь некоторые люди превратились в людоедов. И дождь не кончается. Я больше не могу...

Слёзы хлынули из глаз девушки. Ещё в прошлый раз Ангелина заметила её красные воспалённые глаза и измученный вид. Сейчас эти признаки стали ещё заметнее. Почему женщины так страдают, зачем, за что? Хотя в том мире страдают не только женщины. Но это лишь догадки и предположения Ангелины. Сейчас перед ней сидит молодая девушка, женщина. Красивая, здоровая и такая несчастная. Сколько проходит времени, неизвестно, но Ангелина не прерывает девушку и позволяет ей вдоволь выплакать все накопленные обиды. Наконец Соня поднимает глаза, и они обмениваются долгими глубокими взглядами. Софья видит в глазах Ангелины принятие, поддержку и любовь, то, чего раньше никогда не видела ни в глазах родителей, ни в глазах любовников.

— Потерпи ещё немного. Скоро к вам прилетит мой друг Оливер, он тебя найдёт. Он отдаст тебе письмо-приглашение на Микзу. Это будет для тебя дополнительной возможностью получить доступ к сдаче анализов, прохождению тестов и обучению для дальнейшего пропуска.

— Хорошо, — всхлипывает и утирает нос приободрившаяся Соня. — А когда он прилетит?

— В ближайшие дни. Ожидай его. Он предварительно тебе позвонит.

— Спасибо, — слабая улыбка мелькает на лице девушки.

— Всё, счастливо! Держись там, — Ангелина ободряюще кивает головой.

Она не очень уверена, что всё пройдёт по плану. Могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, как это обычно бывает. Хоть ей и жаль Софию, но она понимает, что, возможно, делает сейчас что-то неправильное. Она выполняет роль спасателя, а это часть порочного треугольника «спасатель-жертва-преследователь». И, несмотря на то, что Ангелина это осознаёт, она боится соскользнуть в него. Поэтому решает для себя, что только подтолкнёт девушку к шагам, остальное предоставит решать ей самой.

А там уже будь что будет. Она не в силах, да и не имеет права быть ответственной ни за чью жизнь, кроме своей. А Соне ещё надо учиться быть ответственной за свою жизнь. Брат Ангелины так и не научился, к сожалению, вот и кончил жизнь рано и убого. Печально, грустно. Но такова жизнь.

Ангелине остаётся получить письмо-приглашение, и она отправляется к главе планеты. Здание главы в соседнем округе, примерно час лёта на клаудузе. Их приспособили к использованию на солнечной Микзе. Местные клаудузы реконструировали для заправки водой в специальных бассейнах наподобие доков. Поскольку топливо приходится возить с собой, его вес ограничен. Полной заправки хватает на 3 часа полёта, но благодаря равномерно расположенным бассейнам, при желании можно облететь весь материк.

Ангелина выгоняет своего красавца, который редко удовлетворяется её внимания, так как она живет недалеко от института и крайне редко куда-либо далеко перемещается по Микзе. Усевшись, она включает кнопку затвора, ощущает примагничивание своего тела к креслу, настраивает программу, указав пункт назначения, и включает музыку. Она в предвкушении удовольствия от музыки и предстоящего полёта. Как только клаудуз поднимает её на высоту три тысячи метров, она созерцает красоту и просторы Микзы и, как обычно, укоряет себя за то, что редко летает.

Здание главы располагается в горах и построено в форме головы основателя первой колонии на Микзе, бывшего президента Америки Томаса Микзеса. Короткая толстая шея сзади примыкает к горе, а лицо обращено внутрь окружённого горами пространства. Попасть в здание можно только снаружи круга гор по тоннелю, проложенному сквозь скальную породу и ведущему к лифту в основании шеи. На нём можно подняться в голову. Здесь располагаются кабинеты правящей элиты. Перед зданием-головой небольшая лесистая долина, окружённая со всех сторон горами и небольшое каменистое плато, покрытое островками зелени, перемежающимися с грудями валунов. Задумка

архитектора состояла в том, чтобы люди извне могли попасть в долину только через туннель. Через горы нет других проходов, ни сквозных, ни перевалов, попасть по воздуху невозможно, потому что нет места для посадки, а высаживаться на парашюте очень рискованно. Сверху постройка похожа на свернувшуюся змею с приподнятой головой. Строили здание с воздуха, и это была первая экзотическая архитектурная новация на Микзе. К настоящему времени таких голов-зданий в разных частях планеты уже около десятка. Некоторые гении и просто богатые люди также хотят увековечить свой профиль, передать по наследству и строят себе дома-головы. Здесь продаются и покупаются горы, в которых строят себе такие дома, и желающие навеки оставляют свой след во вселенной.

Приземлив свой клаудуз, Ангелина проходит обычную процедуру идентификации личности и следует в лифт, который вдоль горы, по шее, за минуту доставляет её в голову. Она выходит в светлое фойе. Внутри всё отделано светло-серым металлом. Вдруг она слышит чьи-то шаги, стук каблуков звонко отдается эхом. Ангелина давно ходит в обуви без каблуков, чтобы не привлекать внимание, ценя тишину. И для нее каблуки были скорее нонсенсом, а их стук тем более, поэтому она немного удивляется. Ещё больше она удивляется, когда к ней подлетает комендант, и она понимает, что звук каблуков — всего лишь имитация настоящих каблуков, на самом же деле звук является сигналом его приближения. Это интеллектуальный робот-комендант. Таких помощников на Микзе много, они выполняют самую разную работу и стали совершенно незаменимыми для человека. Он просительно смотрит на Ангелину.

— Чем могу помочь?

— Я хотела бы получить приглашение для переселения на Микзу.

— Прошу за мной.

Робот летит вдоль коридора, Ангелина следует за ним. Он маленького роста, не больше метра, и летит, как шмель. Он больше не издаёт стук каблуков, и их передвижение почти беззвучно.

Они проходят к вертикальному лифту и поднимаются на пятый этаж. Комендант провожает Ангелину до огромной двери, открывает её и жестом предлагает войти. Девушка входит, тотчас проваливаясь во что-то мягкое почти по колено. Имитация пухового ковра, новый сорт ковролина.

Раньше она никогда не посещала здание-голову. Видела на фотографиях, но никогда не пролетала мимо и уж тем более не была внутри. В здании всего десять этажей, и сейчас она находится на уровне ушей. Всё её очень поражает, удивляет и приводит в восторг. Она чувствует лёгкое возбуждение и страх. Это давно забытое чувство волнует её. Но в то же время она понимает, что нет смысла волноваться. Она стоит в совершенно пустой комнате и уже собирается повернуть обратно, думая, что произошла какая-то ошибка, но вспоминает о недавней разработке учёных по световым манипуляциям-иллюзиям. И в этот же миг прямо напротив слышит шорох и звук, похожий на скрип мебели. Ангелина приглядывается и видит, как постепенно прорисовывается кабинет со всем своим убранством. Прямо перед ней в кресле сидит маленький старичок и дремлет. Ангелина оторопело смотрит на дремлющего старичка. «Интересно, сколько ему лет? Точно больше ста»,— проносится в голове у девушки и, будто прочитав её мысли, старичок открывает глаза, смотрит на Ангелину и резво встаёт, не произнося ни слова. В это же мгновение весь кабинет оживает, проявляется яркими красками. Словно на невидимых экранах мониторов по всей комнате висят в воздухе разные новости, графики, схемы, изображения.

— Хе-хе... А знаешь ли ты, сколько мне лет сегодня исполнилось? — Старичок подходит к Ангелине и по-детски, как будто задираясь, спрашивает, лукаво щурясь.

— Нет,— от неожиданности Ангелина только мотает головой, глядя во все глаза на старикана.

— Сто тридцать, милочка! Я жду шарики и торт со свечками, и до сих пор этого нет. Так что вздремнул в ожидании.

— Я Вас поздравляю, я не знала, что у Вас день рождения,— Ангелина пытается придать голосу лёгкость, чувствуя некоторую вину, что пришла без подарка и цветов.

— Потом отдашь. По какому вопросу ты ко мне пожаловала? — старичок подходит к графикам и пристально всматривается в них.

— Мне нужно письмо-приглашение, и я хотела бы его получить.

— Мгм. А для кого?

— Для девушки с Земли, она жила с моим братом до его смерти, и я хочу ей помочь, раз брату не смогла.

— Ай, всем не поможешь. Главное, себе помочь. Я так долго живу, потому что всё делаю только для себя. Весь этот альтруизм на поверку оказывается стремлением к божественности. Проживи незаметно... Ну, ладно, это философия. А какая польза будет от этой девушки здесь на Микзе? Она умная, красивая?

— Думаю, что да, достаточно.

— Хорошо. В честь своего дня рождения я добрый и выдаю тебе приглашение, — он быстро и резво, несмотря на возраст, щёлкает несоразмерно длинными худыми пальцами на ближайшем экране и рукой ловит микрочип, который тут же протягивает Ангелине. — Пожалуйста, здесь письмо-приглашение. Впиши самостоятельно, кого желаешь пригласить. Всё, счастливо.

Он очень быстро всё проговаривает, почти скороговоркой, и вновь оживлённо углубляется в информацию на экранах. Ангелина благодарит, хотя эти слова повисают в воздухе без ответа, разворачивается к двери и выходит. Она ещё долго размышляет об этой необычной встрече. О человечке, который говорит, что живёт для себя и незаметно, а в реальности столько делает для планеты и других людей.

Глава 8

«Пора действовать. Сколько можно разговаривать? Им всем лишь бы болтать. О, убожество! — Макс мотает головой, отбросив свою белую чёлку со лба. — Я уникален! Ни у кого нет таких белых-белых волос. И я красив. Они должны молиться на меня, в ножки кланяться, мне их мыть и воду пить. Я научу их уму-разуму». Сейчас в нём говорит его мать. Она всегда так говорила, когда он был ещё маленьким, и эти её фразы он впитал вместе с молоком. Он внезапно осознаёт это, поймав себя на мысли. «Как же мне надоело её постоянное вмешательство в мою жизнь! Хотя физически она уже не лезет, но из мозгов никак не вытащить. Чёрт бы её побрал! Может, когда она сдохнет, не будет мозолить мне мозг?» Но что-то всё же говорит Макс, что это бесполезно. Ни её болезнь, ни её смерть не спасут его от её крови. Ведь в нём течёт её кровь. Эта кровь. Кровная связь.

На следующей неделе не пришли Динара и Лиз.

— Кто-нибудь общается с ними? Может быть, кто-то знает, что случилось? — спрашивает Макс. Он мнёт пластилин в руках, создавая различные формы. Делает что-то похожее на булаву или на пенис с яйцом, потом трансформирует в кастрюлю или тазик.

— Видимо, нет, — после непродолжительной тишины отвечает София. Её взгляд заворожённо прикован к оранжевому пластилину и фигуркам в руках Макса.

— Тогда начнём без них, — Макс раздосадован отсутствием двух участников и тем, что Сандра до сих пор не снимает биоболочку. — Сандра, а ты не хочешь открыться? — придав выражению своего лица максимум дружелюбия, как бы невзначай спрашивает он у девушки.

— Нет, пока не хочу. А это обязательно?

— Вообще-то, да. Все уже открылись, осталась только ты одна.

— Всё же я пока воздержусь, — тихим, но уверенным голосом отвечает Сандра.

— Хорошо, — кивает Макс и, не в силах сдержаться и проконтролировать свою мимику, изображает недовольство и досаду. Он спохватывается и принимает равнодушный вид, но опасается, что его минутная слабость не скрылась от глаз Сандры.

Сандра, действительно, замечает, как на мгновение искажается лицо Макса. И у нее закрадываются первые подозрения. Она решает понаблюдать сегодня и подумать о дальнейшем посещении группы. Не похожая на дружелюбие мимика не скрылась также и от Софии, но она не придаёт ей особого значения. Все её мысли поглощены красотой Макса. Она любит его профилем, волосами. Ей хочется думать, что когда он смотрит на неё и невзначай облизывает губы, он показывает, что она так же интересна ему. Поэтому мимика неприязни, направленная на Сандру, в которой София видела конкурентку, даже радует её. Она не сводит влюбленного взгляда с Макса. Он это чувствует и доволен собой. Движимый своей целью, он использует очарованных девушек с наибольшей выгодой для своего эксперимента. В него часто влюблялись, и он это знал. Сегодня он нервничает больше обычного. Он не впервые намечает начать склеивание группы, но всякий раз что-то мешает. Сегодня он уже точно решил не откладывать и начать действовать.

— У меня есть телефоны Лиз и Динары, я им позвоню. Если хотите, можем это сделать вместе.

Не дожидаясь ответа, Макс набирает номер Динары и включает громкую связь. Сначала стоит тишина.

— Слушаю вас, — вскоре раздаётся громкий голос Динары.

— Диана, здравствуй! Это Макс и группа, куда ты ходишь. Сегодня ты не пришла, мы волнуемся и хотим узнать, всё ли с тобой в порядке?

— О, да! Я в порядке! Я встретила мужчину своей мечты и больше не приду.

— Вы склеились?

— Нет, мы не склеились, хоть и бываем близки! Так что все ваши теории о склеивании — суцая ерунда и бред.

— Счастливо, Диана! Знай, что мы будем рады тебя видеть, если ты вдруг передумаешь, — он вдруг понимает, что ошибся в имени и быстро исправляется. Ведь имя — самый сладкий звук для человека, и как он мог так оплошать? — извини, Динара.

— Да, я Динара и попрошу не путать моё имя с этим убогим подобием. И нет, я не передумаю, и пошли вы все в жопу, — почти пропеваает она и ржёт, рядом с ней эхом отзывается низкое мужское ржание.

Макс отключается. Какое-то время все сидят молча, никто не знает, что сказать. Рыжий лишь посмеивается, раздвывая толстые щёки.

— С Динарой всё ясно. Кажется, она пьяна. Теперь Лиз. Что с ней?

Макс набирает Лиз. Стоит долгая тяжёлая тишина. Они слушают её минуту или две и уже готовы отключиться, как им отвечает женский голос, похожий на голос Лиз, но это не её голос.

— Да, слушаю, — звучит еле слышно и почти безжизненно.

— Здравствуйте! Мы звоним из группы, куда ходила Лиз. Сегодня она не пришла. Мы хотим узнать, что произошло?

Повисает пауза, в комнате напряженная тишина. Никто не решается её прервать. Уже кажется, что женщина ушла, когда она произносит:

— Лиз умерла.

— Сочувствуем Вам, — говорит Макс, выдержав секундную паузу, но это лишнее, потому что на том конце сразу отключились. В группе опять повисает тишина. Макс через рукав рубашки трёт руку, порезы на которой после недавнего кровопролития заживают и иногда напоминают о себе зудом.

— Да, уж, — говорит Мария. — Печально всё.

Соня плачет. Воспоминания накрывают её лавиной и слезами выходят наружу. Ей очень страшно. И не ей одной. К ней подходит Мария, обнимает её и, судя по её вздрагивающему телу, тоже

беззвучно плачет. Сандра сидит и смотрит. Внезапно она встаёт, снимает свою биооболочку, подходит к девочкам и встаёт рядом с ними. Мария обнимает Сандру, и она не сопротивляется. Рыжий пока что сидит и наблюдает, изо всех сил стараясь казаться сильным, выдержанным и безразличным. У Макса сердце так и выпрыгивает. Вот он, нужный момент! Сейчас эти девушки могут склеиться, и тогда всё будет как надо! Как и планировалось!.. Через минуту Соня успокаивается, прекращает плакать, встаёт, отстранив от себя Марию. Они опять стоят на безопасном расстоянии друг от друга, и Макс ощущает укол разочарования. Если Мария не имеет опыта прилипания, то у Софии он был, и её инстинкт самосохранения срабатывает вовремя. Сандра тоже медленно возвращается на своё место. Она впервые открылась, сняв биооболочку.

— Мне так жаль и грустно, — говорит Сандра, опустив голову.

Она молчит. Все смотрят на неё и восхищаются её ангельской красотой и радуются, что она наконец-то раскрылась и теперь как все. Она им доверилась, и все терпеливо ждут, когда она продолжит. У неё очень красивый голос, такой женственный, сексуальный, как, впрочем, и ее внешность. Её кукольное личико обрамляет неимоверно огромная шапка кудрявых чёрных волос, ниспадающая до середины спины. Это похоже на стог сена, только чёрного. Прямые брови, густо подведённые чёрным глаза, маленький носик и слегка пухлые губы, — всё это на маленьком овальном лице создает притягательный эффект. Сандра знает об этом, но похоже, что это её тяготит и смущает. Поэтому она предпочитает не снимать биооболочку, чтобы не шокировать своей красотой. В ней нет уверенности или высокомерия. Она — сама беззащитность, потерянность и удивление. И в ней угадывается какая-то тайна, которую всем хочется узнать.

— У меня тоже не так давно умерла сестра, с которой мы были очень близки. Мы были склеены... Она умерла в мучениях, а я не могла ей ничем помочь и, находясь рядом с ней, лишь наблюдала. Это было невыносимо... Я не могла никуда уйти и должна была слушать её крики, стоны, видеть её мучения. Порой мне казалось,

что боль передаётся и мне, и я вместе с ней стонала и кричала, и плакала, плакала... Это продолжалось больше месяца, — Сандра говорит тихо, с перерывами, потом вытирает слёзы и поднимает голову.

Теперь все понимают, что эта девушка много выстрадала, и никто не осмеливается сказать что-либо.

— Спасибо, Сандра, что поделилась с нами и открылась, — наконец нарушив молчание, произносит Макс. Он покорён её красотой и вместе с тем внутренне ликует, что наконец-то все открыты, и теперь остаётся только выбрать удачный момент.

— Мне тоже очень приятно, Сандра, что ты теперь ближе к нам. До этого момента ты казалась отстранённой и не от мира сего, — говорит рыжий, оскалив передние зубы и сощутив свои китайские и без того узкие глаза так, что они превратились в щёлочки.

— У меня не было, к сожалению, а может, к счастью, братьев и сестёр. Я одна в семье, — заводит Мария после небольшой паузы. — Родители живут, а может, уже не живут, в последний раз я их видела в Ванкувере, где родилась и училась. Они всегда, особенно отец, обзывали меня толстухой. Отец, он был не родным, а отчимом, мог позволить себе схватить меня за грудь или задницу. Так, шутя. Меня это оскорбляло, задевало, но я терпела, долго терпела. После восемнадцати лет я перелетела океан. Оказалась на Камчатке и дальше двинулась поездами, автобусами. Мной двигала одна цель, — убраться подальше от предков. Я ехала и плакала, и мне было всё равно, останусь я жива или нет. Так, проехав всю Россию, я остановилась в Питере. А вскоре эти климатические изменения и затопление прибрежных зон убедили меня, что я правильно сделала и вовремя уехала.

— Привееееет, всем! — внезапное и неожиданное вторжение с криками нарушает умиротворение в группе. Это Динара, и не одна. — А вот и я, то есть теперь мы. Не ждали? А-ха-ха! — Динара злобно смеётся. Она пьяна, и рядом с ней плетётся неуверенным шагом, спотыкаясь, мужичок, чуть ниже её ростом и, кажется, моложе. Он придурковато и виновато улыбается.

— Здравствуй, Динара. Признаться, не ждали. После нашего разговора я подумал, ты больше не придёшь, — отвечает Макс.

— А вот и дудки. Я пришла и привела пополнение в команду. Надеюсь, никто не против. Садись, — она плюхается на стул и усаживает своего друга. — Это,.. — она немного мямлит, вспоминая имя. — Как тебя зовут? Эй! — спрашивает она еле сидящего рядом парня, пихнув его в бок. — Я забыла, блин, вылетело из головы совсем.

— Мигель, — мычит он, тупо улыбнувшись.

Новый участник изрядно пьян. Он пустым взглядом, с глупой виноватой улыбкой на блаженной физиономии, оглядывает присутствующих, которые наблюдают за происходящим в полном молчании.

— А чё эт вы тут делаете? — еле выговаривает он заплетающимся языком. — Кино кончилось уже. Оооооо! Гы-гы-гыгы! — ржёт он, увидев Марию. Потом по очереди переводит взгляд на рыжего, Макса, Сандру и Софию. — Ну и рожи у вас!

Динара изо всей силы бодает его в бок локтем так, что Мигель рыгает от неожиданности.

— На себя посмотри, — отзывается оскорбившийся рыжий.

— А что я? Что я... Я, между прочим, кандидат наук, а вы все тут кто такие? — пытаюсь придать вес своему голосу и вскинув голову так резко, что чуть не падает назад, если бы Динара его не поддержала, заявляет пьяный Мигель.

— Да, он действительно кандидат наук, — гордо поддерживает своего спутника Динара, поправляет свои очки, съехавшие на нос, и улыбается беззубой улыбкой.

— Ясно. В любом случае хорошо, что пришли. Это бесценный опыт для группы и для вас тоже, — говорит Макс, ничуть не оскорбившись. Он понимает, что у этого кандидата наук явные проблемы, а иначе с чего бы он стал пить до беспамятства и связываться с Динарой, хотя сам умственно и даже внешне выигрывает? Что общего может быть между ними? — Всё же поделитесь, с какой целью вы пришли и чего ожидаете от группы?

— Мы здесь, чтобы показаться. Я ведь начинала с вами и немного привыкла. А когда ты позвонил, я вдруг почувствовала угрызения совести и решила, что должна появиться здесь, — начала оправдываться Динара. — Да, мы немного перебрали, — она ещё раз пихает локтем Мигеля, так как тот начинает засыпать, свесив голову на плечо своей подруги, из открытого рта слюна капает на руку Динары. — Видите, какой он слабенький? Я думаю, что должна о нём позаботиться. Худенький мой малыш, я откормлю тебя, буду холить и лелеять, — обратилась она к своему другу, как к ребёнку, и потрещала его по щеке.

Мигель кажется совершенно безвольным. И Макс передумал задавать ему вопросы.

— Динара, как твои дети? Сын нашёлся? — интересуется София, чтобы сменить тему и разрядить обстановку.

— Да. Оказывается, он живёт с какой-то и уже приклеенный. Я их ещё не видела. Он позвонил мне и сообщил. А дочери, да что им? Живут, приклеенные к своим мужьям. Вернее, одна к мужу, другая к сожителю.

— Хорошо, хоть здесь решилось, а то ты переживала и беспокоилась о сыне, — вставляет Мария.

— Да, спасибо, — Динара, растроганная вниманием, улыбается и чуточку трезвеет. — О, Сандра! Я смотрю, ты сняла свою биооболочку. Молодец! — обращается она к девушке, глядя поверх очков и мило улыбаясь.

— Да, я теперь как все, — спокойно отвечает Сандра.

— Что ж, если все в сборе,.. — начинает Макс.

— Нет Лиз, — перебивает его Динара.

— Лиз умерла, — после секундной паузы говорит Макс. — Мы звонили ей, и нам сообщила об этом женщина, судя по голосу, мама или родственница.

— Вместо неё у нас появился Мигель, — отмахивается от печальной новости Динара.

— Свято место пусто не бывает, — вставляет рыжий.

— Какой ты циничный, — упрекает его София.

— А что? Да ладно! Сейчас все дохнут, как раздавленные червяки. Так говорит моя мама.

— Но ведь и ты умрёшь. Ты не боишься?

— Я не думаю об этом.

— Видимо, у тебя никто из близких не умирал.

— Я начал говорить, — останавливает спор Макс. — Итак, все в сборе. Вместо Лиз — Мигель. Количество участников не изменилось, да мне это и неважно. Мы познакомились друг с другом в общих чертах, и со следующего раза наши встречи будут построены иначе. Как, пока не скажу, чтобы сохранить эффект неожиданности. Но скорее всего нам необходимо будет задерживаться, так что предупредите близких, чтобы не волновались.

Кажется, слова сами льются. Макс уже было решил начать сегодня, но что-то его остановило и в этот раз. Он откладывает, или всякий раз что-то происходит. Чего-то боится или осторожничает, оправдывая своё бездействие, мол, время не пришло, не созрели ещё.

— Интересно, как по-другому? Я заинтригована, — говорит Мария, поправив локон, упавший на лицо. — Мне кажется, что у большинства из здесь присутствующих родственников нет.

— Мы о Мигеле ничего пока не знаем. Может, у него есть родственники.

— У него есть я, значит, у него есть родственники, — выпаливает Динара. — Между прочим, у меня целая семья, правда, которая забыла про мать и погрязла в своих проблемах. Ну, и ладно...

— Он с тобой рядом. Ты что-нибудь знаешь о его семье? — не обращая внимания на жалобы Динары, допытывается Макс.

— Неа, он не рассказывал, не успел пока, — Динара снова пихает в бок своего задремавшего партнёра. — Эй, у тебя есть родственники?

— Были, да. Может, и сейчас есть. Не знаю, — отвечает он, выпрямившись и вмиг отрезвев, как солдат. — Бывшая жена свалила с каким-то козлом на Микзу и увезла дочку. Сука.

— Значит, можно сказать, что нет никого. Вряд ли их интересует твоя судьба.

Мигель тупо смотрит на свою подругу. Она очень отличается от его бывшей, хотя в чём-то и есть сходство. Например, что они обе старше его. Правда, бывшая была старше на пять лет, а эта на десять или даже на пятнадцать. Первая была здоровая и высокая, как волейболистка, а эта, в противовес, маленькая. У обеих походка одинаковая, какая-то по-детски неуклюжая, шаркающая, стаптывающая каблук вбок. Зато они отличались в том, что не особо раздражало Мигеля. Бывшая не пила алкоголь, тщательно следила за зубами и в нужный момент умела натянуть на себя маску порядочности, даже могла выглядеть интеллигентно. Но какие-то незримые нити, мелкие оговорочки, манерочки проскакивали, выдавая истинный образ мышления. Поначалу Мигель этого не замечал, но через годы жизни это отсутствие культуры и всё увеличивающаяся алчность стали настолько масштабными и мерзкими, что он начал заливать своё неприятие и дискомфорт алкоголем по выходным. Они с женой отдалялись друг от друга всё дальше и дальше, и в итоге его бывшая нашла любовника, в то время как Мигель переживал крушение иллюзий, жизненное и семейное разочарование. И она ушла, а потом и вовсе улетела. С Динарой можно выпить, она более настоящая и искренняя, по крайней мере, так ему кажется. Он осматривает всех присутствующих полуоткрытыми глазами, как будто только что придя в себя. На самом деле он всё слышит, просто ему лень участвовать в этом. Он всегда чувствует себя выше и умнее других, а сейчас страдает, что его предали, разрушили его иллюзии. И никак не может понять, где он ошибся. Получается, что он снова и снова повторяет похожую ситуацию. Что бывшая жена, что новая подруга, с виду совершенно разные, тем не менее очень похожи. Просто то, что бывшая тщательно скрывала и маскировала, у Динары открыто и непосредственно. И как он опять влип, непонятно. Он это осознаёт и решает закончить эти отношения, когда протрезвеет. А пока ему всё равно. Заливая своё горе алкоголем и уходя в нирвану, он стремится всё забыть, и даже смерть

его не страшит. Кажется, он к ней стремится, уничтожая себя со всё большей силой.

— Да, точно. Никому я не нужен.

— Тогда до следующей встречи. Я вас предупредил, что возможны задержки и более длительное время занятий, — серьёзно говорит Макс, мгновенно убрав улыбку, вызванную отношениями Динары и Мигеля.

Участники группы стали ближе друг другу за эти несколько встреч. Возможно, работа ведущего влияет, но, скорее всего, ситуация в мире, когда вокруг много смерти и одиночества. Люди цепляются за любую соломинку, лишь бы удержаться, живут надеждой, тем же самообманом, иллюзией. Они жадно глотают воздух с чувством, что это может быть последний глоток и вздох. А потом только выдох и бесконечное ничто. Они, как насекомые, жуки, червяки, моль, пыль в масштабах вселенной, ведущей себя совершенно непредсказуемо, попирающей все известные законы физики, астрономии, биологии. Это хаос. Всё переворачивается с ног на голову. Никто не может понять, что это. Несмотря на попытки учёных выяснить причины этих аномалий, пока нет чёткого решения проблемы, только эксперименты и исследования. А когда в роли испытуемого сам человек, фатальных последствий не избежать. Макс всё это знает и поэтому пользуется возможностью. Что важно для него самого? Чего он хочет? Для него это альтруистический порыв, — он думает, что помогает людям. На самом же деле им руководит тщеславие, он хочет быть всемогущим, Богом, и обрести бессмертие.

Следующие три дня до встречи группы тянутся для всех долго. Время вообще непонятно и странно, кажется, его нет совсем. Времени нет. Эти часы и стрелки — иллюзия. Рыжий проводит время в разговорах и спорах с матерью. Она очень плохо ходит, лишь в туалет выбирается и на кухню за едой. Весь день смотрит телевизор и ждёт. А чего ждёт? Видимо, смерти. Такое безрадостное существование вряд ли наполняет смыслом. И рыжий вместе с ней смотрит телевизор и тоже ждёт, несмотря на то, что ещё молод. Рыжий звал мать в группу, но она отказалась.

Мария сидит в интернете на сайте знакомств и ест. Она разместила фотографию неизвестной девушки, стройной и красивой, и купается в комплиментах, создав для себя иллюзию. Она продолжает регулярно заказывать еду, есть булки, шоколад и толстеть. Она привыкла к группе и ждёт следующей встречи. Это хоть как-то скрашивает её одиночество, на занятиях ее не гложет чувство тоски от своей неполноценности и незаметности. Какой бы объёмной Мария ни казалась, внутреннее чувство непреодолимо угнетает. Динара, ошастливленная новым кавалером и тем, что недолго оставалась одна, каждый день отмечает эту радостную новость. Мигель поддерживает её, но отмечает ли он новую встречу или оплакивает потерю семьи, определить сложно даже ему самому, настолько он пьян. Он не чувствует себя личностью, хотя перед студентами всегда демонстрирует уверенность в себе. Но это лишь маска, за которой скрывается пугливая безвольная овечка. Он это понимает, но боясь оказаться лицом к лицу с правдой, всячески уходит от осознания паршивой действительности, заливается алкоголем, вступает в отношения. У Сандры после последнего занятия появились сомнения, и она с ними борется. Она думает, что, с одной стороны, это её лень навязывает ей сомнения, чтобы не ходить, а с другой, что это может быть её чуткая интуиция. В конечном итоге она приходит к тому, что надо продолжать посещать группу, чтобы убедиться в правильности или ошибочности своих сомнений. Она думает, раз со следующего занятия планируется что-то новое и неизвестное, надо быть готовой ко всему. Сандра решает испечь расстегаи с рыбой. И приятное мероприятие, и пригодятся, если взять с собой, можно и других угостить. Ещё она решает собрать с собой в рюкзак походный набор туриста. Зачем, она не очень понимает. Просто делает. А София убирает в квартире, вспоминает погибших родителей, Карлоса. Плачет. Сейчас она живёт надеждой, что у неё получится улететь на Микзу, и много мечтает. Никто из участников группы не подозревает, как круто изменится жизнь каждого со следующего посещения группы. Ясно, что никто из людей не может предвидеть будущее, и можно умереть в любой момент.

Но смерть — ничто по сравнению с испытаниями, которые могут быть настолько мучительными, что человек начинает мечтать о ней. Умер, и всё, страдания и мучения заканчиваются, больше ничего нет. Макс находится в некотором страхе, волнении и предвкушении надвигающегося события. Он продумывает всё до мелочей: свои слова, действия, развитие событий. Но он также понимает, что всё может и, скорее всего, пойдёт по-другому. Это же люди, здесь силён человеческий фактор. Он старается учесть и его. Тем не менее страх и лёгкая тревога не покидают его. Это отражается на его посещении своей матери, когда он спешно делает все манипуляции по смене белья и утилизации фекалий и грязного. Быстро и почти механически толкает ей тарелку с супом и так же быстро уходит, даже не взглянув на неё и никак не отреагировав на её мычание. Он знает, что находится на пороге великого открытия, и уже мнит себя героем, гением века.

И вот наступает этот день. Участники один за другим приходят в комнату групповой терапии, если эти встречи можно так назвать. На бумагах и в рекламе было это название, но по факту и по сути это нечто иное. Макс, хотя и кончил когда-то ускоренный курс психологии и имел диплом, дающий право на групповую практику, но он и с психологом-то в качестве ассистента никогда не практиковал, это была его первая группа и практика. Он, имея кучу внутренних проблем и зная о необходимости самому пройти курс психотерапии до начала личной практики, как это принято, всячески сопротивлялся этому. Он убеждён, что у него нет проблем, и это настолько сильный защитный механизм, что невозможно осознать его действие.

Его торжественная поза большинством не остаётся незамеченной.

— Здрассти,— Рыжий, ссутулившись, вразвалку, как медведь, проходит к своему месту и задерживает свой взгляд на необычно подтянутого ведущего. Как правило, тот сидел расслабленный, вальяжно развалившись в кресле. — Сегодня праздник или что?

— Или что. В своё время всё узнаешь. Я предупреждал в прошлый раз.

Заметив, как сгорбился под короткими резанными фразами рыжий и как София, заметившая это, переводит непонимающий взгляд то на рыжего, то на Макса, последний принимает миролюбивое выражение лица, натягивает добродушную улыбку и говорит:

— Да, сегодня необычный день. Вы всё узнаете в процессе.

— Звучит угрожающе-интригующе,— София чувствует смутное сомнение, но, не поняв причины своей тревоги и очарованная красотой Макса, не придаёт значения и отпускает чувство.

— Я сегодня совсем не хотела идти,— произносит Сандра.— Так было уже, похожее. Перед болезнью и смертью сестры. Она настаивала на том, чтобы пойти в оперу, а я не люблю и отказывалась. Но она в конце концов настояла, мы сходили, а на следующий день она заболела и слегла. Это последнее посещение оперы я запомню на всю жизнь. И сейчас у меня чувство непонятное, странное. Так и хочется уйти, но в то же время что-то держит.

— Когда хочется уйти, надо остаться и посмотреть, что будет дальше,— парирует ей Макс фразой, где-то им услышанной.

— Извините, опоздала,— тяжело дыша и медленно передвигая своё тело, входя, говорит Мария.

Видно, что она прилагает много усилий, чтобы перемещать себя в пространстве и даже произносить слова.

— Ничего страшного, Мария. Ты не единственная. Мы ещё ждём Динару и Мигеля. Обещали прийти,— кивает ей Макс.

— Надеяться на обещание алкашей не серьёзно и глупо,— агрессивно фыркает рыжий.

В это же мгновение слышатся шаги снаружи, громкий голос Динары и смех. Через пару секунд дверь в комнату открывается, и заходит парочка, держась под руку. Так и кажется, что они уже прилепились друг к другу. Но это не так. Мигель опять пьян, хотя меньше, чем вчера.

— Всем здравствуйте, привет! — почти орёт Динара.

Мигель скромно, как бы стыдясь развязного поведения своей подруги и извиняясь за неё, тупо улыбается и клонит голову

вбок. Проходя мимо рыжего, Динара треплет его по щеке, на что тот отмахивается. София ухмыляется, а Сандра удивлённо наблюдает за поведением пары. Мария, уже отдышавшись, ковывает в носу, и кажется, что ей происходящее неинтересно, даже безразлично. Она кивает в знак приветствия.

— Здравствуйте! — произносит Макс и, подождав минуту, пока все усядутся и замолчат, продолжает. — Ну вот, все в сборе. Больше мы никого не ждём, и я предлагаю построить сегодняшнюю встречу по-другому. Мы начнём с чаепития и торта, всё приготовлено и ждёт нас в соседней комнате.

— А всё-таки, что за повод? — опять не удерживается от любопытства и перебивает его рыжий.

— В прошлый раз я говорил, что сегодняшняя встреча будет необычная, и просил предупредить близких, что вы задержитесь. И повторюсь, сегодня уникальный день.

— Какие-то загадки. Что же необычного в сегодняшней встрече кроме чаепития? — не унимается рыжий.

— А я забыла предупредить, — ахает Динара и, посмотрев на рыжего, говорит, — да что ты привязался? Необычно уже то, что чай и торт.

— Я собирался вам рассказать об этом как раз за столом. Давайте пройдем в столовую.

Макс уверенно встаёт и направляется в соседнюю комнату, которую назвал столовой. Здесь сервирован стол, в центре стоят блюда с десертом и огромный чайник. Комната такая же большая, как та, в которой всегда встречается группа. И так же ничего лишнего. Если в комнате для занятий стоят лишь стулья, кресло Макса и встроенный шкаф для верхней одежды, и она вся красного цвета, что поначалу режет глаза, то столовая зелёного цвета и здесь стоят стулья, широкий диван с высокой спинкой и ещё стол. Все шкафы так же встроены и спрятаны в стены. А возможно, их и нет вообще. Лампочки, вмонтированные в потолок, излучают множество света, но при желании можно создать и полумрак. На протяжении двух месяцев встреч всегда была красная комната, и вот теперь зелёная. Начинается чаепитие.

Чай заварен и благоухает необычным ароматом трав. Торт и пирожные потрясающе вкусные. Кажется, все довольны. Лишь Сандра не ест сладкое и выглядит грустной и подавленной. Это не скрывается от глаз наблюдательного Макса, и он подходит к ней. Сандра вздрагивает от неожиданности.

— У тебя что-то произошло, Сандра? Может, ты хочешь поговорить? — спрашивает у неё Макс.

— У меня какое-то непонятное чувство тревоги, предчувствие. Я не могу понять, что это. Меня подташнивает, и болит живот в районе солнечного сплетения. Я даже чувствую, как там бьётся пульс.

— Ничего, скоро всё пройдёт, — успокаивает её Макс и гладит по плечу. — Попробуй пирожное с чаем.

София смотрит на Сандру и Макса. Мурашки пробегают по телу, и лёгкая ревность отзывается в сердце. Она смотрит на Сандру и восхищается её красотой. Сравнивая себя с ней, София считает её более красивой, а себя даже дурнушкой. Она сутулится от мыслей о своей убогости и недоступности Макса и мрачнеет. София ведь думала, что нравится Макс, а сейчас обнаруживает, что ему приглянулась другая. Опустив глаза, чтобы никто не увидел её грусти, она машинально допивает свой чай в размышлениях о своей несчастной жизни и судьбе. Сандра нехотя берёт пирожное. Макс ухаживает за ней, наливает чай. Остальные с аппетитом уминают десерт, запивают чаем и непринуждённо болтают. Мария, периодически ограничивающая себя в сладком, как раз сейчас после такого периода воздержания и с невероятной страстью накидывается на пирожные, движимая голодом, снятием запретов и желанием заполнить внутреннюю пустоту.

— Я сейчас приду, — говорит Макс, так и не притронувшийся к еде и чаю.

Он выходит из комнаты. Все прекращают болтовню и провозжают взглядом своего гуру. На короткое мгновение воцаряется такая тишина, что можно слышать звук работающих челюстей, пережёвывающих пищу, и изредка стук зубов. Внезапно

вспыхивает яркий свет, снова гаснет, и все стены овальной столовой заполняются экранами, транслирующими разные телеканалы. София насчитывает шесть каналов на боковых стенах от потолка до пола. На трёх каналах показывают ужасы настоящего времени: склеенных людей, умирающих, страдающих. На других трёх каналах позитивные программы. Макс возвращается, улыбаясь. Он ловко может маскировать свою тревожность за улыбкой и уверенностью. Эта защитная реакция выработалась у него ещё в детстве.

— Вот так-то лучше будет, — Макс оглядывает присутствующих.

От его глаз не укрывается, кто сколько выпил и съел. И в торт, и в чай он подмешал, по его мнению, гремучую смесь. Он давно заметил, наблюдая за своей матерью, что когда она принимала определённый набор таблеток, прописанных ей врачами, она сначала становилась активная и вела себя, как ребёнок. А потом её настроение резко менялось. Она плакала, капризничала, вспоминала обиды и разочарования прошлого. Потом становилась вялая, а её движения скованными, и вскоре она засыпала. Скорее всего, в таблетках содержался наркотик. Это-то Макс и нужно. Он рассчитывает, что под действием наркотика люди начнут раскрываться, открыто выражая свои чувства. Он определит общие эмоции для всех и каждого, и когда они заснут, попробует подложить их друг к другу, чтобы они склеились. Таким образом, он сможет наблюдать за этими людьми и сделает открытие, как лечить. Это сделает его популярным и знаменитым. Конечно, что-то может пойти не по плану. Если они не уснут, всё равно их движения будут заторможенными и вялыми. Деятельность мозга также замедлится. А после окончания действия наркотика человек ничего не помнит. Макс сначала определил эффект на матери, потом попробовал сам и записал на видеоленту. Так вставило, что он себе только удивлялся.

Макс засматривается на экран, куда смотрят большинство участников группы. Экраны имеют сенсоры, которые ловят взгляд и включают динамики. Пока человек не смотрит на экран, он и не слышит ничего. На одном из каналов учёный муж

рассказывает о перспективах развития вселенной в хаосе, который творится в настоящее время.

— С древних времён, ещё до нашей эры, человечество пытается разобраться в системе устройства вселенной. Одни утверждают, что её нет, этой системы, всё — хаос, другие уверены в существовании волшебной чаши Грааля. Это и золотое сечение, и математические повторения чисел. Но как только человек приближается к истине, возникает хаос, сбой всей системы, построенной хоть человеком, хоть природой. И сейчас на Земле хаос. Экономическая система рухнула. Политическая система на последнем издыхании, климат, да и вся природа. И что самое страшное, — никто не знает, что будет дальше. Если следовать системе вероятности и предопределённости, после хаоса всегда наступает упорядоченность. Но в данном случае хаос длится десятый год, и мы уже давно ожидаем остановку, но её всё нет. Это похоже на воронку. Если раньше мир развивался по спирали вверх, то сейчас идёт вниз. Обратный отсчёт... Люди склеиваются, теряют свою индивидуальность, внутреннюю сущность, и умирают. По последним данным количество населения продолжает уменьшаться и уже на сегодняшний день составляет чуть больше миллиарда человек во всём мире. За какие-то десять лет человечество потеряло 90 процентов. Это несравнимо ни с одной эпидемией или катастрофой. Можно сказать, что умирают не члены социума, — погибает биологический вид. А мы знаем, что в экосфере всё взаимосвязано, и если из цепи исключить любое звено, рухнет вся цепь. Вымирание человечества — это всепланетарная катастрофа.

Учёный, говорящий с экрана, выглядит очень взволнованным. Он то и дело поправляет очки и дрожащей рукой проводит по бороде.

— Конечно, а как вы хотели? Всему приходит конец, невозможно постоянно двигаться вверх, — оживлённо произносит Мигель. — Два шага назад, три вперёд. Так было всегда и во всём. А если получается делать больше трёх шагов вперёд, то и откат ожидайте соответствующий.

— Да, я согласна, — подхватывает Динара чуть заплетающим языком, глядя на Мигеля влюблёнными глазами.

Лекарство действует на всех по-разному, наверное, в зависимости от того, кто сколько съел сладкого и выпил чая. Макс продолжает наблюдать.

— Человек не привык довольствоваться малым, и как только у него появляется возможность взять больше, он берёт, не думая о том, что он столько же должен будет и отдать. Чем-то другим. И неизвестно, что именно придётся отдавать. Но это происходит всегда. За всё приходится расплачиваться, — говорит Макс.

— Мне мама всегда говорит, что дала мне жизнь, и я должен быть ей благодарен, — необычно глухим голосом произносит рыжий. — Меня это ужасно раздражает, прямо бесит. Я помню, как она била меня в детстве ремнём, и я думаю, что она, как дала жизнь, так и забрала бы её, если бы я не сопротивлялся.

— Я услышал обиду в твоём голосе и вместе с тем вину. У тебя много чувств по отношению к маме, — Макс радуется, угадывая начало действия наркотика и видя, что люди начинают открываться и делиться чувствами.

— Да нет, ничего я не чувствую. Так просто сказал, — рыжий сам не понимает, что говорит, и поэтому сразу даёт отпор.

Макс кивает головой и ничего не отвечает. По его расчётам лекарство должно начать действовать через пятнадцать-тридцать минут. Как раз сейчас прошло пятнадцать. И вот, начинается. Он смотрит на всех участников, останавливает взгляд на Марии. Она чувствует это и прекращает жевать. Она, как села за стол, так и набросилась на еду. Макс слегка улыбается.

— Я уже рассказывала, что отец называл меня толстухой. А в детстве мне запрещали есть, от меня прятали еду. И я всегда чувствовала себя голодной. Сейчас утолила голод, но знаю, что это ненадолго. Спасибо за вкусные тортики и чай, — пытается оправдать своё поведение Мария.

— Да, спасибо! И правда, всё очень вкусно, — подхватывает София и смотрит на Макса с благодарностью, — только я как-то непонятно себя чувствую. Никто не замечает?

— А что с тобой? — спрашивает Сандра, заметив в своём состоянии лёгкое изменение и не понимая его.

— Как-то грустно мне, и воспоминания тяжёлые грузят. И лёгкое чувство тошноты.

А Динара, Мигель и поддерживающий их рыжий пялятся на экраны и ничего не слышат. Звук для каждого из них настолько громкий, заполняющий всё пространство вокруг, что они полностью погружаются в происходящее на экране и не реагируют на разговоры в комнате. Динара смотрит трансляцию битвы хоров. Её это так захватывает, что она уже ощущает себя всю там, в живом эфире. Мигель смотрит на другой экран, где показывают сериал про Супермена, и представляет себя героем, который нужен всем. А рыжий смотрит хроники событий в мире. Сейчас как раз показывают группу склеенных людей, уже по большей части трупов, некоторые из них начали разлагаться. Группа состоит из друзей, родственников и коллег. И оставшиеся в живых два человека держат на себе восемь трупов, живут с ними, пока соседи не вызывают службу помощи и эвакуации. Эту группу привозят в больницу. У мужчины помоложе болезнь Дауна, он плохо понимает происходящее. Второй мужчина — его отец, уже в преклонном возрасте, просто ждёт. Он настолько обессилел, что ждёт своей смерти со смирением и даже надеждой. Переживая смерть своих родственников и друзей, он уже чувствует себя трупом, его держит только сознание, что его единственный сын-даун ещё жив, и он, отец, должен заботиться о нём. Для рыжего всё происходящее выглядит настолько реально, что у него текут слёзы, и он весь сжимается в комок. Он очень часто сожалеет о том, что их с мамой только двое, и что у них нет большой семьи, как он мечтал. Все уже давно умерли. Может, по отцовской линии дела обстоят более благополучно, но рыжий не знает отца и страдает от этого.

— У меня тоже странное ощущение происходящего, — произносит Мария, вновь принимаясь за торт, — как будто это не я. Как будто во мне вечно голодный и ненасытный монстр, и я наблюдаю за ним со стороны. И мне он так противен! Я ненавижу себя.

Мария, ещё жуя торт, наклоняет голову, стыдясь смотреть в глаза девушкам и Максу, которые услышали её слова. Волосы ещё больше закрывают её круглое лицо, у неё в глазах слёзы.

— Макс, что происходит? — спрашивает Сандра, глядя в упор на ведущего. — Действительно, какое-то обострённое восприятие реальности. Более сильные ощущения и чувства, которые переживать невыносимо. Я думала, только у меня одной, но это не только у меня.

— Что происходит, что происходит? — почти нараспев произносит Макс. Он доволен, что наконец-то осмелился начать, и уже предвкушает скорый результат своих действий. — Скоро всё узнаете сами.

Это слышат остальные, смотревшие на экраны, и поворачиваются к Максу. На минуту повисает молчание. Последняя фраза ведущего звучит зловеще и неожиданно для самого Макса. Надо только узнать, что чувствуют остальные.

— Ух, ты! У меня все раздвоились! И теперь две Сандры, Софии, два Макса. И тебя, Мария, две, и так много! О-го-го-го-го! — рыжий внезапно разражается хохотом, откидываясь назад и держась за живот. Тут он бросает взгляд на экран и бьёт себя по лбу, словно догадавшись о чём-то. — Я-то думал, так и надо, глядя в экран, а это оказывается... Фигня какая-то. Но круто. Пока что мне нравится. А что вы все такие мрачные? Кто-то умер?

— Ты ведёшь себя, как debil, — злобно выпаливает Мария, обиженная его смехом. — Сейчас кругом все умирают, и, может, следующая очередь — твоя.

— Да уж! Не дождётесь! Ха-ха-ха, ну это умора!.. Ой! — Он смотрит на Динару с Мигелем. — Вы тоже в двойном размере и склеенные. Ах, как искривились ваши лица! Ужас! Зачем вы так делаете? Специально кривляетесь? Ха-ха-ха!

Рыжий не перестаёт смеяться, держась за живот, разглядывая участников группы и постоянно находя то изъян, то искривление, то ущербность в каждом лице и теле. Ржёт, раздражая остальных. Тут к нему присоединяется Динара, вслед за ней Мигель. Они тоже начинают смеяться. Мигель сначала сдерживается,

скромно улыбаясь, потом заходится смехом. Динара, обнажая свой беззубый рот, смеётся, словно ржёт лошадь, выгоняемая к жеребцу на случку. Они смеются над сидящими напротив них девушками. Потихоньку начинает смеяться и Мария, потом София и Сандра. Всё вокруг похоже на всеобщее смехошоу. Они видят, как искажаются лица других людей, а формы тела преобразуются. И если сначала присутствует страх, то сейчас он перешёл в безудержный хохот. Это похоже на защитную реакцию. Макс это знает и понимает, когда участники группы просмеются, страх снова вернётся. И он, пользуясь моментом, выходит из комнаты и закрывает её снаружи.

Эта комната специально была им оборудована под бункер, обнесена шумоизолирующим непробиваемым материалом. Он установил самые мощные замки. Когда дверь примагничивается, помещение полностью герметизируется, и разгерметизировать его можно, только зная специальный код. Макс его знает и тщательно прячет.

Теперь он уверен, что лекарство подействовало на всех, и отправляется к маме. В столовой он заранее установил экраны-камеры по всем круглым стенам, которые одновременно служат и информационными табло, и для видеонаблюдения. Всё идёт по плану, и он внутренне ликует.

Глава 9

Оливер летит на Землю по туннелю-лифту, проведённому между планетами. Общая продолжительность полёта составляет двадцать четыре часа. В звездолёте только он и его внутреннее Я. Вся обстановка располагает к беседе с собой. Это подогревается лёгким страхом. Он летит на ракете в открытом космосе! Пункт назначения — Земля. Оливер пристёгнут ремнями к разложенному креслу. В момент взлёта сильное магнитное поле и давление накрывают его с мощной силой. Он теряет сознание, впадает в эйфорию и приходит в себя, уже будучи где-то за пределами галактики. Отследить время он не может, всё преломляется, да и нет времени вообще. К давлению он адаптируется и наконец-то может мыслить. Непонятно, куда делся весь его запал. Может, преломление времени и пространства так сказываются? Ведь он в последний раз летал давно и в то время переживал горе, утрату семьи. Оливер осознаёт, что действует по инерции, на самом деле ему не очень-то и хочется помогать людям и спасать человечество. Ему это вдруг становится неинтересно. И эти мысли пугают его. Ведь он всю жизнь стремился к созиданию, к помощи ближним. А теперь вдруг ему стало всё равно.

— Зачем? Кому всё это надо, чувствовать себя спасателем и героем? — подначивает внутренний голос.

Он думает, что это просто такой период, его надо пережить. То, что всем людям не помочь, он знает уже давно, ещё когда наблюдал за графиками движения цен на фондовых рынках. Он понимает, что люди — это толпа, рой, зомби, — и лишь единицы среди этой массы уникальны. Ясно, что каждый человек уникален, но не каждый знает и осознаёт это. Человек сам себе враг уже много десятков и сотен лет. Эта мутация является результатом многовекового

накопления груза бессознательных инстинктов. Человек похож на медузу или червя. У этих скользких тварей нет скелета, опорно-двигательного аппарата, того, за что можно твёрдо держаться. Они действуют, благодаря мышечным сокращениям. Это похоже на бесконечное совокупление и оргазмию. Не обладай человек разумом, данным ему свыше, он, возможно, и жил бы миллиарды лет, как те же медузы или нематоды. Но человек находится в постоянной борьбе и суёт свой нос куда ни попадая, стремясь приблизиться к божественному началу. А пути и методы выбирает, исходя из бессознательных инстинктов. Ну и пусть, думает Оливер. Он не хочет лишать себя удовольствий жизни ради бесполезных, по его мнению, стараний. Люди не оценят этого и даже не поймут, что им хотят помочь. Он думает, что это его последний полёт на Землю. Его больше никто не заставит подвергать свою жизнь такому риску. Он всегда думал, что смысл жизни в том, чтобы прожить её как можно дольше и с удовольствием и оставить свой след. Сейчас он ставит под сомнение оставление своего следа.

— Кому это надо? — спрашивает внутренний голос.

— Для утешения своего Эго и тщеславия, — отвечает он себе.

— Это же бред. Это не продлит жизнь. А удовольствие от этого сомнительное.

Самомнение, гордость, самоуважение, чувство, что он достойный, нужный человек, тщеславие, раздутое Эго, — всё это можно испытывать и без поступков, оставляющих след в поколениях. И даже получится без крайностей.

— Зачем я опять согласился на эту работу? — вслух спрашивает он.

Его терзают сомнения. Тревога и беспокойство овладевают разумом. Каким же мазохистом надо быть, чтобы любить эти перелёты! Перемещения в пространстве. Это жутко страшно.

— Ты же мужчина. Успокойся! — слышит он внутри себя голос отца.

— Хорошо. Я спокоен. Какое, к чёрту, спокойствие?! У меня тревога и беспокойство.

— Так! Необходимо осознать тревогу, отпустить её и расфокусироваться.

— Да, тревога, страшно, — говорит сам себе Оливер. — Это естественно. В космосе мне всегда страшновато, ничего не поделаешь. Пугает бессилие и беспомощность. Ясно, тревога из-за бессилия. С этим я ничего не могу сделать. Это не будет вечно, это надо пережить. Хорошо бы уснуть и проснуться уже на месте. Кто-то, кстати, пьёт таблетки и спит. Я не любитель. Я знаю, что после переживания страха становится лучше, и я становлюсь сильнее духом. Максимум, что меня ожидает, это смерть. Когда-нибудь мне придётся к этому прийти. Какая разница, когда именно? Если это произойдёт сейчас, я думаю, что прожил счастливую, наполненную жизнь. В ней было всё: и радости, и печали. И если она завершится сейчас, в космосе, пусть будет так.

С этими мыслями он успокаивается, принимая ситуацию и отпуская её. Мысли переходят в ровное русло. Но для себя он всё же решает, что это его последний перелёт. Ему нравится лепить скульптуры из песка, а эта активная деятельность не для него. У него другой темперамент. Кому-то нравится активный образ жизни, ему — нет. Ему достаточно сёрфинга, чтобы реализовать свою активность. Сейчас он выполнит поставленную задачу, и всё.

— Бывает сложно отказаться, если очень сильно просят. И в этот раз попросили помочь, надавили на совесть, расписывая, как земные люди мучаются в отличие от жителей Микзы, — ноет внутренний голос.

— Ну, так это их проблемы. И они сами себе выбрали такой путь, раз любят мучиться, и такой образ жизни. Конечно, некоторые по незнанию. Но незнание не освобождает от ответственности. Кто-то стремится познать себя и работает над собой, совершенствуется. А кто-то нет. Кому-то проще плыть по течению, пребывать в иллюзии, обманывать себя, придерживаться заданного сценария. Отойти от рамок очень страшно и некомфортно. Поэтому и решаются на такие шаги немногие, далеко не многие. Взять да изменить свою жизнь.

Как же он решился? Сложные отношения с отцом, комплексы с детства. Он видел, что есть счастливые люди, а есть

ушлёпки, вроде него самого, как он сам себя тогда называл. «Я такой хороший, но я такой задрот!» Он настолько ненавидел самого себя в отрочестве и юности, что ему казалось, его ненавидели окружающие. Пока ему не попалась книга, названия которой он не помнил, что-то типа «Покори себя самого» из серии «Победи врага в себе». А потом он увлёкся трейдингом, и постоянно приходилось покорять себя самого и побеждать врага в себе. Он отдалился от семьи и уехал жить в другой город, учился, играл на бирже и совершенствовал себя. По окончании института он работал на кафедре, преподавал. Вскоре ему попало объявление об эмиграции на Микзу, и он стал изучать все возможности. В это же время он познакомился со своей будущей женой. У них начался бурный роман, и заявление в кандидаты на Микзу они подали уже как муж и жена. У них были схожие цели и мировоззрение. Как ни удивительно, но в этом бывшем когда-то задротом Оливеру очень повезло. Так он тогда думал. Он же не знал, что позже она выкинет такой финт. Впрочем, она не виновата. Хотя иногда хочется верить в то, что мы сами строим свою судьбу, и всё, что происходит, правильно и логично. Это более ответственно.

В размышлениях и воспоминаниях Оливер засыпает и просыпается уже от лёгкого толчка. Это его ракета приземляется на Землю. Через минуту он слышит звук открывающегося люка. В кресле слабеют магниты, и он встаёт, разминая затёкшие ноги, другие суставы и мышцы. Он уже чувствует давно забытый запах Земли, запах сырости, как в подвале или на болоте. Идёт дождь. Небо серое, и всё вокруг мрачное в пелене тумана и пыли. Такой резкий контраст с Микзой. «Ужас, — только и мог подумать Оливер. — Как люди здесь живут?» У него три основные цели визита на Землю. Отдать микзянских медуз в институт и взять местные образцы. Выступить с докладом на конференции, обменяться мнениями с другими учёными. И по просьбе Ангелины навестить Софию. Если подумать, всё это можно было сделать в онлайн-режиме, а образцы привез бы кто-то другой. Что ж, ладно, это будет полезным жизненным опытом.

С космодрома он летит на клаудузе в резиденцию. Пока он летит и оглядывает окрестности, никак не может узнать местность. Здесь всё настолько изменилось со времени его последнего отлёта на Микзу, что похоже на сон. На страшный сон. Ранее стоявшие дома разрушились и покосились. Вообще нет деревьев и никакой другой растительности. Люди внизу идут, когда группами, когда парами, тройками, бросается в глаза их неестественная походка. Он догадывается, что эти несчастные склеены. Хотя, до него доносится смех в одной группе. Но даже смех звучит ужасающе на этом серо-мёртвом фоне. Нет ни одного человека, который бы шёл один. Ни одного. Оливера бросает в дрожь, его пробивает озноб. «Не хватало ещё заболеть в эту промозглую погоду. Как они тут живут?». Клаудуз садится на крышу резиденции. Здесь останавливаются дипломаты с Микзы, а также научные работники, прибывающие на конференции и симпозиумы. Когда Оливер выходит, его чуть ли не сносит шквальный ветер. Он кутается в шарф, который убедила взять с собой Ангелина, недавно летавшая на Землю и знавшая о местном суровом климате. Пройдя около ста метров, он останавливается у двери. Его сканируют, и через три секунды открывается дверь в лифт. Лифт опускает его этажом ниже. Всего в здании шесть этажей. Раньше резиденция располагалась в небоскрёбе, но после очередного землетрясения переехала в более надёжное место, если это здание можно так назвать. В это время на Земле всё кажется ненадёжным. Поскольку микзяне посещают родную планету редко и их делегации, как правило, немногочисленны, часть офисов и номеров сдаётся в аренду местным предпринимателям.

Оливер снова ощущает озноб. «Всё-таки, зачем я согласился на полёт? — его, не переставая, мучает эта мысль. — Может, эти пессимистические мысли — просто результат начинавшейся простуды? Хорошо, если это просто простуда. И куда я опять влез?» Пока Оливер доходит до очередного сканера перед дверью, в конце разочаровывается в жизни и в себе. «А вдруг это последние дни моей унылой жизни? И я больше не увижу тёплого солнца Микзы, не искупаюсь в его мягких водах и не поймаю волну на доске?»

Он стучит в дверь и, услышав приглашение, заходит в комнату. Это небольшое помещение, у входа диванчик, столик и два кресла, а дальше два рабочих стола и стены с экранами. Экранов около десятка. Его встречают двое мужчин. Один помоложе, с русыми волосами и бородкой. Другой постарше и, судя по мудрости в глазах, поопытнее, еврей по фамилии Гамерман. Они предлагают присесть и включают чайник, который так громко шумит при нагревании, что в Оливере ещё больше усиливается раздражение.

Эти ребята — трейдеры, когда-то давно Оливер уже имел с ними дело. В то время он и сам занимался покупкой акций на фондовом рынке, пока рынок не рухнул. Тогда Оливер полностью окунулся в микробиологию, трейдеры же не стали долго скучать, а начали продавать и покупать научные открытия, идеи, которых было более чем достаточно. Сейчас Оливер хочет выставить на рынок гипотезу о том, что именно медуза, привезённая с Микзы, стала началом распространения патологии AM6I4EL. Пока что на рынке эта патология находится в дремлющем состоянии и приходит в движение, лишь когда умирает кто-то из знаменитостей или политиков, или когда учёные сообщают об очередном открытии в этой области. Но вскоре всё стихает, и идея снова перестаёт быть интересной.

После приветственных рукопожатий и обмена общими фразами «о погоде» перешли к обсуждению дела. Говорил, преимущественно, еврей.

— Рынок, это не аленький цветочек, как многие себе представляют. И не цветик-семицветик. Если гипотеза верна, она найдёт отклик и она выстрелит вверх. Все начнут ею пользоваться и проводить эксперименты. А если она дерьмо, очередной бред сумасшедших учёных или какого-нибудь непризнанного гения, то скоро уйдёт в забвение.

— Да, согласен. Это так похоже на торговлю акциями, — поддерживает Оливер. Ему нравится манера разговора Гамермана, тот говорит тихо, спокойно и очень грамотно.

— Да, похоже. Если акция интересна, её покупают, если нет — продают. За акцией стоит компания, что-то производящая. Если

производят дерьмо, акции падают. Если ценные вещи, акции растут. На первый взгляд всё достаточно просто. Но это иллюзия.

— Если бы всё было просто, все бы богатели и богатели, — улыбается Оливер, вспоминая свои взлёты и падения, удачи и ошибки. Озноб опять напоминает о себе.

— Ну, можно сказать, что именно это и происходило, пока не рухнула промышленность, да и вся экономика из-за этих, будь они неладны, климатических перемен и патологии. Сначала рухнули акции. Все стали в бешеном темпе от них избавляться. Потом началась повальная безработица, что тоже негативно отразилось на рынке. Потом более половины предприятий объявили себя банкротами, в том числе и крупнейшие банки. И в итоге на рынке осталась горстка акций, которые никому не интересны, да и интересующихся стало значительно меньше. Кто умер, кто склеился, кто эмигрировал на Микзу, а вы, микзяне, уже не играете в эти игры. Мне интересно, куда же делся ваш азарт, ваша страсть?

— Сложно сказать, куда,.. — отвечает Оливер после минутного раздумья. — Наверное, эта страсть перешла в другое: в научные открытия, творчество. В более созидательную деятельность. Лично у меня пропала потребность в деньгах. Когда я был на фондовом рынке, у меня была нехватка денег. Но я всегда знал, что эта зависимость сродни наркомании, и что это лишь временно, пока не заработаю нужную сумму.

— Ты действительно уникум. Поэтому и живёшь на Микзе, — с лёгкой грустью говорит Гамерман. — А я не представляю себе жизнь без игры и фондового рынка. Боюсь, меня колбасить начнёт, как наркомана. Может, это смешно звучит, но это моя жизнь, и я не представляю себе другую. Я свободен, имея деньги, и в то же время зависим от них. Ну, ладно, это лирика. Вернёмся к нашим баранам. Что там у тебя за гипотеза?

Оливер достаёт из портфеля микрочип, на котором изложена концепция идеи формирования патологии, и протягивает его трейдерам. Он знает, что это ребята слова, и им можно доверять на сто процентов. И они именно те, кто нужен.

Страстные, одержимые трейдеры. С их помощью Оливер повысит интерес к новой идее, привлечёт единомышленников для экспериментов и развития. Он смотрит в упор на Гамермана, а тот отвечает тем же долгим жёстким пронизательным взглядом. Две акулы. Одна по одну сторону, вторая — по другую. Обе знают силы друг друга и мощь и знают, что им лучше сотрудничать, чем стать врагами. Это сохранит жизнь им и окружающим.

— Здесь всё написано. Будут вопросы, кидайте на мыло, — с этими словами, чувствуя физическую слабость и постоянно пробивающий озноб, Оливер встаёт.

Старший трейдер берёт чип и встаёт вместе с Оливером. Другой, что всё время молчал, тоже поднимается, чтобы проводить гостя.

— Приятно было вновь пообщаться, — улыбается Гамерман.

— И я был рад увидеть вас, — отвечает Оливер и улыбается в ответ.

Выйдя от трейдеров, Оливер направляется дальше по коридору. Изначально он не планировал к ним заходить и решил уже в последний момент, подлетая к резиденции, когда увидел письмо с информацией о состоянии фондового рынка. Эти письма отправлялись всем участникам рынка, независимо, кто-то вышел из игры или нет, жив или мёртв. Однако часть почты блокируется при прохождении через Млечный Путь, и на Микзу поступает не всё. Но как только ракета Оливера коснулась Земли, его почтовый ящик взорвался от потока корреспонденции. Ему пришлось включить автосортировщик, отделить мусор, — рекламные проспекты, предложения знакомства и прочую ерунду, — и удалить. По счастливой случайности хедж-фонд находился по пути, — он арендовал часть офисов в здании, где теперь размещалась резиденция Микзы.

Сейчас Оливер планирует в первую очередь отдохнуть, выпить лекарства и прийти в себя после перелёта. Наконец-то пропищал навигатор, известив о конечном пункте перед одной из дверей. Оливер смотрит в сканер и машинально показывает язык и, как

в детстве, корчит рожу, не понимая зачем. Видимо, усталость и признаки заболевания. Дверь открывается, он заходит и оглядывает своё временное пристанище. Это просторные апартаменты с гостиной и спальней, здесь есть всё необходимое для работы и отдыха, в дальнем углу гостиной оборудована небольшая кухня с печью свч и узким холодильником под потолок. «Завтра в институт на встречу с профессорами, а я расклеился. Может, дадут пару дней на адаптацию? Ведь у меня спрашивали, нужен ли мне отдых после перелёта, а я легкомысленно отказался. Разве ж я мог предвидеть, что заболёю? Я хочу быстрее всё сделать и вернуться на свою безопасную Микзу. Что со мной происходит? Видимо, старею. Опасность меня не привлекает и не возбуждает, как раньше. Мне бы комфорт и безмятежность», — размышляет Оливер, раскладывая вещи. Потом, раздевшись, погружается в бурлящую пену ванны. Усталость и слабость накрывают его с головой.

Он почти забыл своих родственников, как будто их и не было. Мысли хаотично бурлят в его голове в унисон с джакузи. Потеря жены осталась в прошлом. Он постепенно забывает об этом и уже практически не вспоминает, лишь иногда укором проносится мысль: «Надо помнить, надо помнить, не забывай». Но кому это надо, помнить? И зачем? Ясно, что об этом сложно забыть, но постоянно мусолить и мозолить мысли нет необходимости. Это очень деструктивно, бесполезная трата энергии, лучше её направить на позитивные действия. А может, он сейчас устал и болеет, потому что он давно не вспоминал о жене? Они познакомились здесь, на Земле, и если бы остались здесь, возможно, всё было бы по-другому. Мысли сожаления о прошлом уничтожают, разбивают и тянут в бездну отчаяния и бессилия. Потому что ничего уже не изменить. И остаётся либо принять прошлое как есть и простить себе ошибки, либо постоянно мучиться и страдать. Но чтобы признать ошибки, тоже необходимо великое мужество, это не так просто.

Оливер выбирается из ванны, становится под тёплый обдув-кондиционер, обсохнув, выходит из ванной в спальню, где его ждёт большая кровать со свежим атласным бельём.

Он растягивается во весь рост, наслаждаясь теплом и гладкостью постели. Кажется, ему становится легче, озноб проходит. «Как там мой Барс, интересно? Хоть бы Ангелина не забыла его покормить и проведать, а то ему будет грустно и одиноко», — вспоминает он о своём любимом коте, и становится лучше. Он пробует сконцентрироваться на своём животе, вспомнив истину, — когда мысли докучают, надо сфокусироваться на другом. Внутренний ребёнок находится в районе солнечного сплетения, и Оливер направляет свой внутренний взгляд туда, пытается мысленно разговаривать с ним. Прислушавшись к себе, он отмечает, что у него всё хорошо, для беспокойства причин нет. А мысли — это просто мысли. Пусть погуляют, побродят. Так, перемещаясь от мыслей к внутреннему чувству, он засыпает. В темноте. На Земле существует ночь.

Его будит сигнал. Вызывает Микса. Конечно же, Ангелина. Руководство вряд ли будет о нём беспокоиться. Он открывает глаза. Кругом очень темно. Ночь так непривычна, что даже страшновато.

— Включить свет, — приказывает он системе обслуживания и берёт своё мигающее устройство.

Он не ошибся. Это Ангелина. Оливер улыбается. Всё-таки существует привязанность, любовь, дружба. Конечно, в этом не заключается единственный смысл в жизни, но очень приятно, когда это есть. Он включает сеть и видит, как ожидающее выражение лица его подруги сменяется на радость и счастье.

— О! Наконец-то дозвонилась! — радостно выдыхает Ангелина. Заметив сонные глаза своего друга, обеспокоенно спрашивает, — ах, я разбудила тебя? О, прости меня, пожалуйста.

— Да, ничего, — Оливер смотрит на время. — Я проспал целых семь часов, этого более чем достаточно для отдыха и восстановления сил.

— Как долетел? Как прошёл полёт?

— А, как обычно... В философском осознании себя и конечности своего бытия, — он задумчиво смотрит на Ангелину. — В Нью-Йорке сейчас ночь, представляешь? Я уже отвык. Это так неудобно. Здесь ночью все спят и никого не найти. Судя по времени, через два часа рассветёт, и тогда полечу в институт.

— Сколько времени ты планируешь пробыть в Америке?

— Сорок восемь часов. Если всё пройдёт по плану, через двое суток вылетаю в Россию, встречаюсь с твоей Софией, и обратно. Я, пока летел, решил, что это мой последний перелёт. Не хочу больше.

— А как же твои исследования?

— Я вдруг понял, что не хочу, что это меня больше не волнует. Я не знаю, зачем мне это нужно. Мне больше по душе строить фигуры из песка. Раньше я любил трейдинг и биологию. А сейчас сёрфинг и архитектуру.

— Кажется, ты переживаешь период крушения иллюзий.

— Что-то в этом роде, ты права, — Оливер опускает голову. — Вспоминаю себя двадцать лет назад, как у меня горели глаза, когда я поступил в институт на биофак, и как мне всё нравилось. И после института мне нравилось проводить исследования, выдвигать гипотезы и проверять их. Но это не приносило мне доход, и я увлёкся трейдингом. Жаль, что рухнула система. Хотя, скорее всего, это к лучшему.

— Мне кажется, что всё это очень сильно связано, у всех твоих увлечений и привязанностей один корень. Твои сегодняшние переживания по поводу крушения иллюзий обязательно прольют свет на что-то новое, выведут тебя к новой жизни. А перемены всегда к лучшему.

— Ну, хватит обо мне. Спасибо большое за поддержку. Как ты там поживаешь?

— Отлично! Только что пришла с океана. Сегодня были опасные волны, и я покаталась. Это было круто!

— Ладно, не дразни меня.

— А вчера я укурилась и предалась созерцанию и созиданию.

— Стоило мне улететь, тут же начала безобразничать, — шутивным тоном говорит Оливер, заговорщически улыбаясь.

— Думаешь, я накуриваюсь, только когда тебя нет? — делает хитрую рожицу Ангелина. — Вовсе нет. Вчера случайно сосед подогнал. Он пробует свой первый урожай, который вырастил в теплице.

— Он выращивает травку?

— Нет, зерновые культуры. Но он создал гибрид миса и пшеницы. Из зёрен намерен делать муку и выпекать различные изделия.

— Ха-ха-ха! Наверное, это будет здорово.

— А ты думаешь, никто до него не догадался это сделать? Мне часто кажется, что я после еды чувствую прилив сил и бодрости. Возможно, нас давно уже кормят энергетическими примесями, просто мы не знаем об этом. И о последствиях тоже.

— Вряд ли правительство Микзы заинтересовано в нашем уничтожении. Они хотят развиваться и размножаться. Но в разумных пределах. Нам не нужна Африка, Индия или Китай, некогда существовавшие на Земле. Так что, думаю, позаботились и о последствиях. Всё же я считаю, что вряд ли нас кормят примесью травы или другого дурмана. Это вредно в ежедневном рационе.

— Да, соглашусь с тобой. Ежедневно — вредно. А вот иногда очень даже полезно, — и она улыбается своей обворожительной улыбкой. — А, вспомнила! Оливер, у меня провалился эксперимент с нематодами. Они склеились, и вскоре все издохли. Я хотела понаблюдать за ними, а они так быстро умерли.

— Да, обидно. Разведи новых.

— Мне снова нужны образцы с Земли. В этот раз не буду пускать все в эксперимент, часть заморозю. И как я так необдуманно могла использовать всё и не оставить на всякий случай?

— Ладно, не кори себя. Я привезу тебе новых. Где мне взять твоих червячков?

— Да, в любой луже можно зачерпнуть или земли немного. Сделаешь?

— Без проблем. Главное, не забыть.

— Постарайся не забыть. Мои коллеги только через неделю-две отправятся на Землю, а ты уже скоро вернёшься.

— Скоро, не скоро. Если всё по плану, то через трое суток.

— Желаю тебе удачи и спокойствия. На связи. Обнимаю.

— Да, счастливо. Спасибо, что позвонила, — кивает Оливер.

Экран гаснет. И голос с его уже полюбившейся Микзы растворяется в просторах вселенной. Здесь, на Земле, Ангелина олицетворяет другую планету, другой мир, его другую жизнь. Это очень поддерживает, мотивирует и наполняет счастьем.

За пеленой дождя тёмное покрывало ночи постепенно меняется на серое, наступает утро. Ещё только шесть, и кругом царит тишина. Некоторые неловкие звуки, врывающиеся в эту утреннюю тишину, похожи на гром. Постепенно звуков становится всё больше, и через какой-то час их становится много. Лязг клаудузов, треск, скрип, шуршание. Эти звуки раздражают, но в то же время говорят о жизни. Здесь ещё живут люди. Только они могут производить столько шума, таким образом заявляя миру о себе. Оливер смотрит в окно. Всё выглядит, как в тумане. Ему это кажется сном или наркозом, так резко отличаются два мира. И тут он внезапно понимает, что эти два мира, — Земля и Микза, — две крайности, противоположности единого целого, и если нет шансов на существование жителям Земли и самой Земли, то такая же участь ждёт и Микзу. А может, на примере Земли можно спасти Микзу? Ясно, что полная катастрофа произойдёт ещё не скоро. А когда? Ясно, что ничего не ясно, думает Оливер и решает действовать согласно своим мыслям и планам. Он собирается выйти. Сегодня он планирует встретиться с учёными из института, побывать на конференции, сделать на ней доклад, отдать образцы с Микзы, взять местные. В общем, обменяться полезными материалами и мнениями. «Так что, вперёд и с песней, — мысленно подгоняет он себя, почувствовав нежелание выходить в серую дождливую мглу и, по всей вероятности, с заражённым воздухом. — Главное, сделать это, и потом всё будет хорошо. Это надо пережить. Это, как сёрфинг. Чтобы попасть на волну, надо сначала постараться достичь точки ожидания этой волны, а это очень сложно».

Укутавшись в тёплый шарф, Оливер выходит в промозглые сумерки, хотя уже утро. Людей очень много, они идут строем друг за другом, парами, группами. Можно легко определить, кто слипся недавно, кто уже давно и привык, научился жить в этом состоянии.

И куда они идут? Почти все предприятия не функционируют, а они все идут куда-то. Они приходят на свои прежние рабочие места и создают видимость бурной деятельности. В социуме эта иллюзия занятости и нужности продлевает жизнь большинству людей. Человек по своей натуре стадное животное. Он не может быть в изоляции, это очень тяжело для него. Видимо, это настолько сильная привычка, что, даже родившись и хирургически отделившись от матери, плод не может быть полностью самостоятельным и постоянно возвращает себя в то состояние нирваны, когда можно быть беззаботным, сбрасывая груз ответственности на окружающий мир. Для этого и нужно стадо! Но это лишь иллюзия. Ответственность остаётся ответственностью, и, как ни старайся переложить её груз на внешний мир, перед лицом смерти человек всегда один. За него никто не будет умирать.

— Приглашаем желающих оказаться в солнечной пустыне на жаркой Микзе! Десять минут удовольствия всего за десять долларов! Не упустите свой шанс попробовать на вкус другой мир и оказаться в сказке!

Оливер смотрит в сторону зазывалы. Она очень привлекает своим глубоким гортанным голосом и внешним видом. Это женщина, вернее, две. Еще вернее, две женские головы на одном теле. У нее врожденная аномалия, и это прибавляет ей уверенности и веса в обществе по сравнению с мутировавшими людьми и «косящими» под сросшихся. Оливер подходит к ней и разглядывает стенд с буклетами. Прямо перед ним ступени в подвал одноэтажного здания-бункера. Выглядит довольно устрашающе.

— Вы заинтересовались? Хотите погреться в тёплых лучах Микзы? — обращается двухголовая к Мигелю.

— Да, интересно, что это такое? — немного подумав, отвечает он вопросом. — И что это за опиум для народа?

— Вы будете находиться в специально оборудованном помещении, сидеть в кресле. Будет создан элемент коллаборации, дающий полное ощущение, будто Вы летите на Микзу. Окружающие Вас стены, потолок и пол созданы в режиме 5D и демонстрируют реальные космические пейзажи и рельеф Микзы.

Всё снято в реальном времени и пространстве. Скажу по секрету, тот парень, — она показывает пальцем на молодого человека, который тупо созерцает толпу и как будто глядит в пустоту, — так вот, он сам, лично, летал туда неделю назад.

— Интересно! На Микзе недавно ввели запрет на туризм, и как он летал? — интересуется Оливер, умилённый тем, что его не узнают по загару. Он забыл, что цвет кожи плохо различим сквозь биоскафандр, который выдали ему по прилёте на Землю.

— Мы всё можем, — говорят женщины в оба рта и подмигивают, одна правым, другая левым глазом. — Если захотите, и Вам организуем перелёт.

— О, нет, не надо. Спасибо. Я пока ограничусь просмотром 5D.

— Пожалуйста, прошу, — головы женщины говорят это громко и так, что молодой человек, предававшийся созерцанию, вздрагивает, поднимается и резво подходит к Оливеру.

— Здравствуйте, прошу за мной. Главное, не бояться. Это всё графика и иллюзия, не забывайте об этом, — произносит он безразличным тоном фразы, которые говорит много раз на день, и идёт вниз по ступенькам.

Оливер следует за ним и вскоре оказывается в небольшой комнате. Она совершенно пустая, с зеркальными стенами, полом и потолком. Лишь посередине стоит кресло. Молодой человек проходит к креслу и приглашает Оливера сесть в него. Как только Оливер садится, молодой человек, не церемонясь, нажимает на ряд кнопок, что приводит в движение затворы-ремни, которые плотно прижимают тело к креслу, и опускает спинку, преобразовывая кресло в кушетку. Ноги Оливера упираются в выемки, и когда кушетка поднимается до вертикального положения, он твёрдо стоит на ногах.

— Как Вас предупреждали, будет коллаборация, искусственно созданные звуки и световые эффекты, но всё, как в реальности. Ну, я пошёл. Желаю приятного просмотра. И не обделайся! — смеясь и забавляясь, произносит молодой человек, направляясь к выходу.

— Да, пошёл ты! — Оливер превращается в молодого азартного человека, которым был когда-то.

«Что же произошло? Почему я стал таким старым? Или действительно виной всему годы? Или потери иссушили мой источник радости и жизни?» Сейчас, находясь в игровом доме, он вспоминает себя двадцать лет назад. Как будто только сейчас он даёт выход себе подростку, мальчику-сорвиголове, даёт волю делать всё, что хочется, без запретов, без границ социума и родителей. Он понимает, что очень рано повзрослел и взял на себя ответственность, слишком рано. Это был тот период, когда он был ещё мал, чтобы нести ответственность за жизнь, свою и близких. Но когда заболела его мать, ему с четырнадцати лет пришлось зарабатывать деньги. Тогда он подрабатывал на фондовом рынке, пройдя экспресс-курс в интернете. Именно это время он упустил и не прожил, как надо было прожить подростком. А ведь всё биологически обусловлено и взаимосвязано с эмоциональной сферой. Для каждого возрастного периода есть свои этапы развития и эмоции, и если что-то идёт не так, если ребёнок, подросток отклоняется от курса развития, запрограммированного природой, он всё равно будет восполнять недостающее звено потом, в будущем, проигрывая события, чтобы прожить их снова и снова. Конечно, всё полезно вовремя, но это, к сожалению, удаётся далеко не всегда. Редко, когда всё идёт по плану. И Оливеру повезло, что его развернуло в правильном направлении, всё могло бы быть по-другому.

Так, совмещая свои мысли и действие 5D-дома «Путешествие на Микзу», Оливер не замечает, как задвинулись затворы люка, качнуло вбок, и заревели моторы ракеты. «Почти по-настоящему», — мелькнуло в голове. Механический голос произнёс: «До старта пять секунд, четыре, три, две, одна». Кругом заревело, загудело, ещё раз трягнуло и рвануло. Оливер чувствует давление креслу и опять удивляется реальности происходящего. «Полёт проходит нормально. Мы вышли в открытый космос», — произносит механический голос. По стенам и по потолку проплывают звёзды, даже чувствуется холодок и невесомость тела. И есть ощущение, что Оливер действительно в открытом космосе. «Мы подлетаем к планете Микза. Обратите внимание на её неповторимый

рельеф, на её цвет и излучение, исходящее от неё». Сколько раз Оливер летал,— а это было всего два раза, и сейчас третий полёт,— он ни разу не видел Микзу из иллюминатора. Он всегда спал и просыпался от толчка. И сейчас то, что он видит, очень необычно, это новое в его жизни. А может, у него меняется восприятие? «В этот раз надо будет не спать и посмотреть, как в реальности. Хотя, если здесь воспроизводят реальность, может, необязательно», — думает он. И снова механический голос отвлекает Оливера от своих мыслей. «Конечный пункт Микза. Приятного отдыха. Надеюсь, наш полёт был не слишком скучным и утомительным, и вы согласитесь поучаствовать в следующем полёте». В окно иллюминатора видна поверхность его любимой планеты. Прошло всего два дня на Земле, а он уже скучает. К хорошему быстро привыкаешь. Раздается лязг и скрежет металла, яркий свет прорывается через открывающийся люк ракеты, в это же время молодой человек открывает дверь комнаты, и всё возвращается в реальность. Оливер опускается из грёз на Землю.

— Ну, как Вам? Понравилось? — улыбаясь, спрашивает молодой человек, быстро подходя к креслу. Глядя на Оливера и видя его заторможенность, он осматривает кресло и возвращает ремни и рычаги в исходное положение.

— Да, всё нормально,— с облегчением и выдохом отвечает Оливер. Сейчас он понимает, что его сопротивление, связанное с полётом на Землю, объясняется привязанностью к Микзе, которая похожа на наркотическую зависимость. Как только он осознаёт эту мысль, он испытывает дикий страх и ужас.

— С Вами всё в порядке? — молодой человек обращает внимание на потерянность гостя и испуг и изучающе смотрит на него.

— Да, — отмахивается Оливер, резко встаёт и, не оглядываясь, выходит на улицу.

Ему необходим глоток воздуха. Но он не чувствует облегчения, вдыхая этот спёртый, влажный земной воздух, хочется вдохнуть именно воздух Микзы. Оливер останавливает клаудуз, подняв руку вверх, прыгает в него и называет пункт назначения — Нью-Йоркский институт аномальных явлений и мутаций.

— А вдруг у меня зависимость от воздуха планеты? Такая сильная привычка? — вслух спрашивает Оливер, его не отпускают мысли.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает робот-клаудуз.

— Привыкаешь к определённому содержанию кислорода, азота, других газов. И даже не столько привыкаешь, сколько это становится необходимым.

— Верно, да. И что?

— Даже небольшое отклонение в составе воздуха определённым образом сказывается на организме человека. Рождает зависимость, привычку.

— В какой-то степени, да. Это зависимость.

Робот не спорит и не противоречит. Это стимулирует ход мыслей. Навстречу пролетает другой клаудуз, и Оливер замечает в нём женщину и мужчину. По их неестественной позе он догадывается, что они склеены. Женщина, вытянув шею, громко кричит. Звук доносится даже через закрытые окна и гул машин. Но даже без звука можно догадаться. У неё красное лицо, волосы двигаются сами по себе и все мышцы лица напряжены. Она смотрит на своего мужчину, как удав на кролика. Он же, вжавшись в кресло машины и опустив голову, молчит. А внизу нескончаемым потоком идут люди в биоскафандрах-колпаках. Всё идут и идут куда-то. И это похоже на зомбированное стадо овец, которых пасёт и направляет невидимая рука, неслышимый голос. Роевой интеллект настолько глубоко входит в сознание и просачивается в бессознательное человека, что даже внутренний голос у всех одинаков, и он становится уже не внутренним. Он, хоть и звучит внутри, а будто посылается кем-то извне через телевизоры, средства массовой информации, из поколения в поколение.

— Как же вы здесь живёте? — опять вслух спрашивает Оливер. — Это не жизнь, а выживание. Это ужас.

— Так удобно системе, — невозмутимо отвечает робот.

— Да, уж.

Оливер почти стонет от боли, спирающей внутри его. Чувство собственного бессилия и безнадёжности окутывает его

внутренности, и он сгибается, прижав руки к животу, чтобы уменьшить боль. Весь остаток пути он проводит в тупом молчании, и даже мысли не беспокоят его. Погрузившись в свой внутренний мир, он переживает боль. Клаудуз приземляется на крыше института. Здесь Оливера встречают двое учёных. В знак приветствия они просто кивают друг другу. Оливер слегка улыбается.

— Здравствуйте! — говорит один из встречающих. — Через пятнадцать минут начнётся конференция.

— Отлично! У меня как раз есть время, чтобы передать вам образцы медуз с Микзы.

— Тогда сразу прошу в лабораторию.

Они проходят через отсек, где их сканируют, дезинфицируют, покрывают одежду и лицо стерильной защитной биоплёнкой, и заходят в отделение лаборатории.

Темнокожий учёный, больше похожий на волейболиста, встаёт из-за стола и быстро подходит к вновь вошедшим. Кивает головой сопровождающему учёному и растягивает рот в улыбке, приветствуя Оливера, обнажив свои белые зубы. Оливер же, напротив, не расположен демонстрировать своё счастье и радушие, в котором он сейчас испытывает дефицит от окружающего земного мира, поэтому он с осторожностью и даже как-то настороженно смотрит на коллегу, светящегося, как одинокая звезда на ночном небе.

— Здравствуйте! Филипп Моран, — представляется учёный-волейболист. — Я очень рад Вас видеть и жду. Когда мне сообщили, что Вы летите к нам, я так разволновался, что перепутал кабинеты, — Моран продолжает светиться и излучать радость. — Я не так давно прочёл Вашу статью, которую Вы написали около пятнадцати лет назад, о влиянии рекламы и социума на общественную жизнь, интеллект и патологии в природе, и был восхищён Вашей прозорливостью и научным чутьём.

— О, да! — Оливер немного смущается. — Это была статья перед защитой диплома. Честно говоря, сейчас она мне кажется бредовой, а идея ошибочной. Хотя тогда я был увлечён этой темой.

— А сейчас?

— Сейчас не так, как раньше, — уклоняется от прямого ответа Оливер.

— Как Вы перенесли перелёт? — только сейчас обратив внимание на усталость Оливера, спрашивает Моран. — Как Вы себя чувствуете?

— Спасибо, не очень. Вернее, перелёт перенёс нормально, — спал, — но сейчас мне нехорошо. Я в ужасе от состояния людей на Земле, мне грустно и больно за вас.

— Как Вы видите, здесь не всё так мрачно. Вот, посмотрите на меня, — я отлично себя чувствую.

— Извините, но Вы, наверное, извращенец. Не знаю, как можно хорошо себя чувствовать в этом климате и в окружающей смерти.

— Я философски смотрю на окружающий мир. Климат — это детали. А смерть? Она всегда рядом. Была и будет там, где есть жизнь.

— А Вы не задумывались, что останется Вашим детям, и как они будут жить?

— Нет, у меня их нет. А Вы думаете об этом? Если честно? У Вас же, кажется, тоже нет детей.

Оливер, молча открывает контейнер, в котором вёз образцы медуз.

— Давайте закончим этот разговор и сменим тему, тем более скоро конференция, — отрезает Оливер, и смотрит в упор на коллегу.

Один из учёных, который встречал Оливера, несколько сконфуженный диалогом коллег, быстро спохватывается, начинает суетиться и помогать Оливеру.

— Извините, я не хотел задеть Вас, — смягчается Филипп Моран, заглядываясь на образцы. — Ну, вот и нам пополнение. Спасибо Вам, мы Вам очень, очень признательны!

Оливер молчит и скрипит зубами. Ему всё не нравится. Что за дурацкие бесцеремонные вопросы и разговор, задевающий личность? Он в который раз жалеет, что полетел на Землю. Он понимает, что надо что-то делать со своим состоянием, но не

понимает, что с ним происходит. У него единственный довод, что это воздух планеты. Он достаёт своих медуз, и выливает их в подготовленный аквариум. Медузы тут же начинают двигаться, плавают и как будто исполняют танец, радуясь большому пространству. Они по-прежнему склеены.

— Какой у них необычный окрас! В жизни они ещё более прекрасны, чем на фотографиях, — увлечённо рассматривая медуз, говорит темнокожий учёный.

— Вы понаблюдаете, как они ведут себя с местными видами в данном климате, а я с коллегами на Микзе посмотрю Вашу запись, — констатирует Оливер.

— И определим, как влияет климат, — подхватывает Моран. — Что удивительно, на Земле нет склеенных медуз, зато людей много, а у вас наоборот.

Медузы замирают возле стекла. Кажется, что они боковым зрением смотрят на учёных и невероятным образом слышат и понимают их. Несколько жутковато. Моран, оторвавшись от медуз, смотрит на часы.

— Упс! Нам уже пора быть в зале. Идёмте?

Он смотрит на Оливера. Тот кивает, и они направляются прочь из лаборатории в конференц-зал. Другой учёный семенит вслед за ними. В зале уже много народа, и почти все места заняты, причём Оливер сразу же отмечает некоторые склеенные пары. «Даже учёных настигает эта патология. А кто сказал, что учёные более осознанные и развитые? И что у них прожиты эмоции? Если следовать гипотезе, что результат склеивания в непрожитых эмоциях детства». Оливер сжимает губы. Он чувствует обращённые на себя взгляды. Из-за своего оттенка кожи, присущего только людям с Микзы, при ярком освещении он выделяется среди коллег. Правда, в зале есть ещё несколько человек с таким же цветом кожи, топлёного молока с сиреневым перламутром.

Конференция длится два часа. Оливер слушает лениво, но он делает аудиозапись для микзянских коллег, так что у него будет возможность вникнуть в обсуждаемые темы. Когда подходит его очередь, он выступает с рабочей гипотезой о медузах,

отвечает на несколько вопросов. На этом конференция заканчивается. Всех благодарят за участие и приглашают в фуршетный зал.

На входе он встречается лицом к лицу с директором института. Господин Флюгель и госпожа Флюгель уже в одном лице. Они склеились почти сразу, как началась эпидемия, и на данном этапе их тела вросли друг в друга очень гармонично. Лишь рука и нога жены Флюгеля выдают присутствие женщины в мужском теле, отчего он немного прихрамывает.

— О, Оливер, здравствуйте! — произносит громким баритонном директор, лучезарно улыбаясь, и рукой госпожи Флюгель слегка его обнимает. — Я очень рад Вас видеть. И хочу лично поблагодарить Вас за ту работу, которую Вы сделали. Мы очень гордимся Вами.

— Да, спасибо, но не стоит благодарности. Я делаю то, что хочу, — отзывается Оливер и пытается натянуть на себя что-то больше похожее на доброжелательность.

«Как хорошо, что нет сканера мыслей. Я не хочу больше этим заниматься, меня всё здесь раздражает. Ужас, ну и лицо у Вас, господин Флюгель! Толстое, заплывшее. Хотя нельзя так думать. Что это со мной? Мне вообще всё равно, гордитесь Вы мной или нет. Это мой последний прилёт».

— Надеюсь, наконец, наладят бесперебойную сеть для виртуально общения.

— Да, из-за погодных условий и всей ситуации сложно контролировать общение с Микзой. Вы там живёте, как в раю, и горя не знаете. Что вам наши проблемы, — по-прежнему держа Оливера за плечо и пристально глядя в глаза, говорит Флюгель. — Но согласитесь, ничто не может заменить живого общения. Вы здесь как посланник. Да, и я немного завидую Вам... Если бы не мои ограничения...

Флюгель мрачнеет. Внезапно рука госпожи Флюгель в буквальном смысле выбивает его из грустных мыслей. Она бьёт по лбу господина Флюгеля, отпустив плечо Оливера, и тот незаметно вздыхает с облегчением. Он наблюдает за это ссорой

супругов и удивляется, что от жены Флюгеля остались всего-то рука и нога, а она до сих пор контролирует мужа.

— Ой, да, — осёкся Флюгель, — я не мог оставить свою жену. Она меня не отпустила бы. Если бы не она, я был бы сейчас на Микзе.

Его глаза внезапно меняются и отражают невероятную боль и страдание. Это замечает Оливер, и его сердце невольно наполняется состраданием. Он помнит директора и его жену ещё с тех пор, когда учился в институте и ходил на практику. Они всегда были неразлучны, и даже на работе госпожа Флюгель следовала хвостиком за своим супругом. Может, так и надо? Хотя Оливер всегда находил в таком близком союзе зависимость, ограничение свободы и даже невротическую привязанность. Это скорее симбиоз, как у матери и плода. Сейчас Оливер чувствует, что это их последняя встреча, но молчит, считая, что не стоит расстраивать директора, да и сейчас не время обсуждать тему нежелания заниматься наукой. Он долго смотрит на господина Флюгеля, видит в его взгляде мольбу, но понимает, что не в силах помочь.

— Всего доброго, — Оливер слегка улыбается.

— Счастливо, — у старика Флюгеля на глаза наворачиваются слёзы, как будто он видит в немом взгляде Оливера отражённое сострадание и жалость к себе.

Оливер выходит на улицу. На улице не лучше, и хоть на него не давит присутствие учёных и делающих вид учёных, зато сдавливает спёртый воздух. Кажется, у него скоро начнётся паника. Он садится в ближайший клаудуз, называет адрес резиденции и только в воздухе, на высоте в триста метров, чувствует себя немного лучше. Через три часа ему предстоит сесть в поезд «Нью-Йорк — Москва» и на следующий день перелететь в Санкт-Петербург. Там найти Софию и передать ей информацию от Ангелины. На этом всё, думает он, вернётся домой, на Микзу.

Очень часто наши ожидания не оправдываются, потому что не всегда зависят только от самого человека. Зачастую в события вмешивается группа людей или как минимум ещё один человек. А поскольку каждый человек думает по-своему, и образ жизни

у всех разный, иногда рушатся самые верные планы. Каждый раз, когда планируешь, ожидаешь определенного результата, и почти всегда забываешь о влиянии других людей на события. Создаётся иллюзия, самообман, а потом приходит разочарование. Почему-то не получается всегда помнить об этом факте, опять-таки из-за защитных сил психики или оттого, что каким бы развитым ни был человек, он не совершенен.

Глава 10

Макс заходит в комнату матери. Она лежит неподвижно, и кажется, что она мертва. Однако, уловив шаги сына, она поворачивает глаза, и в них отражается радость, обида, злость и страх. Она не может говорить, паралич забрал всё, а если бы могла, то что бы это изменило? Мать знает, что скоро умрёт, и что бессильна перед смертью, как и все люди. Макс смотрит на неё. Сегодня у него отличное настроение, и даже её он воспринимает спокойно, без раздражения. Он рад, что наконец-то начался эксперимент, и гордится собой. Он проводит сеть в комнату матери и включает аппаратуру для проверки. Выводит изображение на экран в стене. Сейчас участники группы безудержно смеются друг над другом.

— Вот, мама, теперь мы не одни, — обращается сын, не глядя на неё, но зная, что она смотрит на экран вместе с ним. — Я их угостил тортом и чаем. Как видишь, сейчас им весело. Теперь у нас весёлая, дружная, большая семья, как ты всегда мечтала. Они, правда, все очень разные, но, несмотря на это, очень похожи хотя бы в том, что именно они откликнулись на моё объявление и ходят ко мне в группу.

— Мммммм, — мычит мать в ответ.

— Что тебе?

Макс оглядывается. У неё текут слюни, видимо, она срыгнула после еды. Она смотрит на экран, выражая взглядом недоумение и удивление. Макс подходит к ней и с отвращением вытирает ей рот тряпкой. Мать кривится. С динамиков доносится ржание ребят из группы, и оно не прекращается. Всё добродушие Макса и ощущение своей божественности вдруг исчезает в один момент. Он бросает тряпку и бьёт по спинке кровати.

— Что за дебилы? Сколько можно ржать?! И что за уродливые лица! Жесть. Дебилы! О, бля, фак, фак, фак! — он ругается на внешний мир, не в силах выразить свою злость к матери.

Макс выключает экран и стремительно направляется в ванную комнату. От одной мысли, что он злится на мать и ненавидит её, он чувствует себя плохо, грязно и недостойно. Какое он имеет право так думать о человеке, который дал ему жизнь, которому он обязан жизнью? Войдя в ванную, он трясущимися руками достаёт лезвие из шкафчика и уже привычным жестом проводит им по запястью. Только когда он ощущает боль от пореза и течёт кровь, он успокаивается, поняв, что достаточно наказан за свои мысли и чувства. Кровь капает в раковину, он смотрит на неё и успокаивается. Насладившись видом своей крови и ощутив жизнь, пульс жизни, а также близость смерти в любую минуту, он перевязывает руку бинтом, вытирает с раковины следы крови, несколько капель с пола и выходит. Он направляется в свою спальню, которая теперь служит и как наблюдательный пост, — здесь он установил основную аппаратуру, — и обесиленный валится в кровать. Он засыпает крепким сном.

Несмотря на то, что всем весело и беззаботно, София иногда ощущает тревогу. Она хочет уйти сегодня пораньше. Помня предупреждение Макса о возможной задержке, она всё же надеется отпроситься, потому что должен прилететь друг Ангелины и отдать ей какой-то чип. Она почти ничего не ест и корит себя, что раньше не предупредила Макса о необходимости уйти пораньше. Лучше было не приходиться сегодня вообще, но любопытство взяло верх. И вот, она здесь, а Макса нет.

— Да прекратите вы ржать, в конце концов, — говорит София. — Разве вы не чувствуете, что что-то не так? И где Макс?

Рыжий, который сидит рядом с ней, тупо на неё глядит, отходит в сторону и продолжает смеяться. Остальные и вовсе не слышат её тонкого голоса. Динара и Мигель смеются вместе с рыжим, а Сандра рассказывает историю Марии и наоборот, и обе тоже смеются. София останавливает свой взгляд на Марии, задерживает его, и тут она чувствует, что всё вокруг исчезает,

и остаётся лишь Мария с её трясущимся жиром, ртом, наполненным пирожным, жующим и успевающим произносить звуки. Её голос расплывается, как в замедленном кино, и губы неестественно кривятся. София переводит взгляд на Динару, которая прижимается к Мигелю и бесстрашно находится на опасном расстоянии. Они уже долгое время так сидят. Ясно, что она мечтает прилепить его к себе, и он, видимо, тоже непрочь прилепиться, раз не сопротивляется. Лицо у неё перекривилось, состарилось, и она похожа на морщинистую поганку. Её жидкие волосы, мелкое лицо на толстой шее, беззубый рот, очки и дебильная улыбка, — она и до этого была противна, а сейчас София видит в ней полного дауна. И как у неё получилось подцепить Мигеля? Видимо, внутренне и он такой же, раз находится с ней вместе так долго, это только внешне он ничего, а внешность бывает обманчива. Да, совсем не осталось нормальных мужиков на Земле. Если внешне привлекательный, то обязательно с червяком внутри. А на непривлекательных внешне София не западает. Она понимает, что это неправильно, и внешность — не главное, но никак не может уйти от желания получать эстетическое удовольствие. Хотя очень часто с ней были мальчишки, которые ей не нравились внешне. Они просто были, и всё. Главное, чтобы были. Если рядом с ней никого нет, она ощущает себя ущербной, никому не нужной и отверженной. Поэтому всегда хотелось иллюзии, что она нужна и достойная личность, за счёт присутствия молодого человека рядом. У неё внутри этого ощущения нет, вот и нужен кто-то извне. Проекция своих внутренних недостатков на внешний мир. Родители не научили, и сама ещё не научилась. Сейчас ей нравится Макс, и она хочет завоевать его внимание и расположение, но он куда-то делся.

— Никто не знает, где Макс? — ещё раз и погромче спрашивает девушка.

Ей опять никто не отвечает, как будто её нет или она невидимка. Она встаёт и подходит к двери, дёргает её, но та не открывается. Дёргает ещё раз, повернув ручку, но опять всё тщетно. Она стучит, сначала робко и несмело, потом уже кулаком,

и ещё раз дёргает дверь. Бесполезно. Никак не получается. Мистика какая-то или... Макс ушёл и закрыл их, доходит до неё. Страх мурашками проходит по её телу и останавливается в животе. «Зачем запереть дверь? Или она сама захлопнулась, примагнитилась?»

Рыжий оказывается очень даже обаятельным малым. Он вовсю шутит, режет анекдоты, сыплет остротами, отчего Сандра, Мария и Динара с Мигелем катаются от смеха, держась за животы. От стола они перебрались на стоящий у стены большой диван и устроились на нём. Кажется, время перестало для них существовать и их проблемы тоже. Они выглядят беспечными и счастливыми. Сандра сидит между рыжим и Марией, а Динара и Мигель на самом краю и периодически целуются. Они уже приклеились друг к другу, но когда? Возможно, эта парочка уже пришла клеенная, но они замечают это только сейчас.

— Ой, а мы склеились! — радостно сообщает Динара. И это похоже на возглас молодой жены, не отягощённой браком и бытовухой семейной жизни, «мы поженились!»

— Точно, — Мигель смотрит свою на руку, тянет немного. — Я и не заметил, когда это произошло, — он смотрит на Динару, потом на остальных. Все молчат, вмиг перестав смеяться, но уголки их губ ещё сохраняют улыбку. Виновато пожимает плечами.

— Склеились, так склеились! — радостно поддерживает рыжий. — Совет да любовь, как говорила моя прабабушка.

— Ну, не знаю, хорошо ли это? Это же теперь всегда вместе во всём, — тихо говорит Мигель и с опаской смотрит на Динару. Больше всего он боится её реакции. Как-то раз она уже показала себя в гневе и даже ударила его так, что на руке остался синяк.

— Да, а ты как будто не рад этому? — уже определив, что может действовать на него подавляюще, говорит Динара. — Сам же говорил, что любишь меня и хочешь быть со мною всегда. Значит, врал?

— Почему же? Я не отказываюсь от своих слов. Просто я не знаю, как это — быть приклеенным к другому человеку, пусть даже и к любимой женщине, — пытается оправдаться Мигель.

— Не бойся милый, всё будет хорошо, — и Динара треплет его по щеке, как юного школьника. А она и воспринимает его как своего ребёнка, ведь она старше его почти на десять лет, и у него такой мягкий характер, что по-другому нельзя.

София ощущает лёгкую эйфорию и головокружение, но ещё может осознавать происходящее. Она понимает, что с ребятами и с ней творится что-то не то, и в этом пространстве что-то не так. Куда-то подевался ведущий, и дверь заперта. Хотя она и осознаёт это где-то на задворках мозга, лёгкая эйфория несёт её в безмятежность. Совсем не хочется думать ни о чём, все страхи проходят, лишь задевая тревожными мыслями, и через мгновение улетучиваются. Кажется, никто, кроме неё, не осознаёт происходящее.

— Ребята, Макса нет, и мы заперты. Я пробовала открыть дверь, бесполезно, — пытается прорваться к сознанию других людей Соня.

— Ну и что? — рыжий тупо уставился на неё. — Что это меняет? — он светится, как светлячок ночью, сидя рядом с Сандрой, которая не сопротивляется и даже откликается на его ухаживания. Такой популярностью он никогда не пользовался, и очень доволен.

— А то, что это неизвестность и неопределённость и, возможно, ловушка.

— У тебя паранойя! Разве тебе не хорошо в данный момент, здесь и сейчас? Тепло, полно вкусной еды, рядом друзья. А там что? Ад и ужас. Озлобленные люди, пытающиеся выжить, — Мария говорит уверенно, что совершенно ей не свойственно, закомплексованной, стесняющейся и пугливой овечке. Ведь все её яркие наряды и макияж — чистой воды мимикрия.

— Может, ты и права, — София подавленно опускает голову.

— Лучше иди к нам, — говорит раскрасневшаяся Сандра детским голоском и протягивает руку.

София безвольно подаётся вперёд, позволяет взять себя за руку и опускается на диван. Вскоре она чувствует сильную усталость и непреодолимую сонливость. Остальные чувствуют то же

и по очереди вырубаются. Первым засыпает рыжий, потом Сандра. Мария поднимается и идёт к столу, где ещё остались пирожные, берёт одно и возвращаются к дивану. Динара с Мигелем, как только освободилось место на диване, тут же пододвигаются к Сандре и практически сразу засыпают, откинув головы на спинку дивана. Марии ничего не остаётся, как присесть с краю, ей тоже хочется спать, но голод сильнее, и она в блаженстве жуёт пирожное. Сон застиг её, когда она облизывала с пальцев прилипшие крошки. София смотрит на часы, сейчас 19:30. Они собрались в 17:00, значит, прошло два с половиной часа, мелькает у неё последняя мысль, и она тоже засыпает.

Макс выходит из забытья. Около 20 часов. Он проспал два часа. Включает сеть и обнаруживает, что все участники спят. Отлично, всё идёт по плану. Он бросает взгляд на свою руку, на ней ещё осталась засохшая кровь. За долгие годы тыльная сторона руки стала похожа на шагреневую кожу. Так же, как и его зад, привыкший к ремню в детстве. Он привык к боли. В его сознании укрепилось: «Бьёт — значит, любит. Мама же не может не любить». А его мама часто прибегала к физическому насилию — к ремню. Иногда ни за что, просто для профилактики, как она говорила. Она очень любила его и заботилась о нём и очень беспокоилась, чтобы он не попал в дурную компанию. Её тревожное беспокойство сохранилось, и когда ему уже стукнуло восемнадцать лет и даже позже. Как-то он познакомился с девушкой и привёл её в гости, мать поджала губы, сухо поздоровалась и весь ужин молчала. А потом, когда Макс проводил девушку и вернулся домой, она слегла с приступом. Он очень испугался, вызвал скорую помощь. С той поры она парализована и не разговаривает, а Макс ощущает свою вину из-за того, что привёл девушку в дом. Уже около пяти лет она лежит парализованная, и сын вынужден всегда быть рядом, заботиться о ней, как и она о нём в детстве. Он чувствует свой долг перед ней. Но иногда его охватывает невыносимая злоба на мать. У него своя жизнь, он хочет жить для себя и просит в душе, чтобы она отпустила его и оставила.

Но тщетно. Каждый день похож на предыдущий, ничто не меняется. И вот, наконец-то, свершилось! Время и обстановка в мире на его стороне. В его бункере шесть человек, и никто их не потеряет, не будет искать, и можно делать всё что угодно. Всё, что угодно! Хотя в наказание, хоть для профилактики. Макс смотрит на себя в зеркало, белые волосы, кажется, стали ещё белее, и теперь он похож на альбиноса, скулы более чётко выступают, его лицо приобрело рельеф, то ли из-за худобы, то ли возрастное. Он тщательно выбирает себе одежду, так как считает, что сегодня вечером он должен выглядеть особенно торжественно. Облачается во всё кожаное: брюки, куртку и специальные защитные нагрудные ремни. Свежую рану он заклеивает лейкопластырем телесного цвета, который на руке почти незаметен.

— Что, детки? Ваш папочка готов к вам прийти и изменить вашу жизнь. Вы не пожалеете, поверьте мне,— обращается он к своему отражению в зеркале, воинственно выставив подбородок.

Быстрой походкой он ещё раз заходит к матери. Она лежит, уставив свой взгляд в экран напротив. Свой пустой взгляд, ничего уже не выражающий. И даже когда Макс приветствует её, она никак не реагирует. Менять ей подгузники и кормить ещё не надо, это он сделал пару часов назад, и теперь полностью свободен. Сеть отлично работает, на экране чётко видны спящие на диване люди. Теперь он направляется к своим испытуемым. Нажимает на пульт и размагничивает дверь, заходит в комнату. В нос бьёт неприятный запах, и Макс включает кондиционер.

— Здравствуйте! Как вы себя чувствуете? — спрашивает он, скорее проверяя, все ли спят, чем приветствуя.

В ответ тишина, все крепко спят, плотно прижавшись друг к другу. Макс подходит и внимательно осматривает людей. Динара с Мигелем уже склеились, это было ожидаемо. Отлично. Макс раздвигает диван, увеличивая его в два раза, и принимается заботливо перекладывать своих испытуемых в лежачее положение. Хорошо, что сил у него хватает. Тяжело даётся Мария, но и её получилось уложить.

— Ну, не надо меня трогать, — лепечет во сне рыжий, когда Макс укладывает его.

— Всё-всё-всё, тихо-тихо-тихо, — заботливо говорит Макс.

Все шестеро помещаются поперёк дивана. С ними не приходится особо возиться, только подтянуть немного. Все уже сами разместились как надо. Кто с кем дружил или чувствовал близость, тот к тому и сел ближе. Теперь остаётся только подождать, когда они все склеятся. Как показывают факты, особенность патологии, вируса в том, что склеивание происходит от минутного до часового постоянного контакта тел в зависимости от индивидуальности. Учёные говорят, что для склейки должны быть общие непрожитые эмоции. Вот, здесь и сейчас, Макс и собирается проверить это. Он пододвигает всех поближе друг к другу и прослеживает, чтобы у всех участников части тела соприкасались. Он снимает верхнюю одежду, закрывающую тело и кидает в сторону. София мычит во сне и ворочается, пытаясь рукой оттолкнуть от себя рыжего, который лежит спиной к ней и обнимает Сандру. Рядом с Сандрой Динара в обнимку с Мигелем. Динара во сне что-то невнятно бормочет. И завершает эту цепочку Мария, распластавшая свои тела на краю дивана. Все выглядят беззащитными и беспомощными, и на минуту Макса охватывает жалость ко всем этим людям. Он смотрит, смотрит на них. Иногда он не осознаёт свои действия и эмоции. Например, такие как резание вен на запястье и своё чувство жалости. Он протягивает руку к голове Сандры и гладит её по пышным волосам.

— Очень красивая девушка и очень глупая. Даже не то чтобы глупая, а зажатая своими комплексами, чувством вины и стыда. И ведь таких большинство. Все вы не обременены заботой о родителях, и не пытаетесь что-то придумать или сделать в своей жизни, чтобы оставить след, — он говорит, как бы оправдываясь, глядя на кучку прижатых друг к другу людей, ощущая свою причастность к изменениям в их жизни и чувствуя себя богом.

Он ещё раз осматривает комнату. Здесь есть всё необходимое. Сумки с телефонами и сетью остались в комнате групповой терапии, и Макс направляется, чтобы просмотреть их и убрать.

Он подбирает одежду и выходит из комнаты, оставив мирно спящих и, кроме Софии, ничего не подозревающих людей. Дверь мягко закрывается и намертво примагничивается. Макс собирает все вещи в общую кучу и удобно устраивается в своем кресле, чтобы получить удовольствие от заглядывания в чужой мир. Первая сумка-рюкзак, сразу понятно, рыжего. Какие-то бутерброды, газировка, плеер, солдатика,.. вот и сетевой ресурс! Макс осматривает его. Один вызов от адресата «мама». Решает ответить, чтобы подстраховаться, хотя он и просил предупредить своих родственников. «Я задержусь, не волнуйся. Буду через пару дней». Макс нажимает на пуск, и сообщение отправляется. Он швыряет рюкзак в угол комнаты, а сетевой ресурс на стол и берётся за следующую сумку. Эта женская, несмотря на то, что большая и тяжёлая. Косметичка, платочек, булочки, сок, две книги.

— Вот эта собралась правильно, надолго, — но внезапно Макса осеняет. — Хотя возможно, это ежедневный арсенал. Но как тяжело! Насколько нужно любить себя, чтобы ежедневно таскать такую ношу? Скорее всего, совсем не любить. И зачем две книги? А может, с кем-то встречается или договорилась встретиться? Ладно, что мне голову ломать. Так, вот и сетевой ресурс. Он так швыряет сумку в угол, что часть содержимого высыпается, а сеть кладёт на стол.

Таким образом он перебирает все сумки. В одной он не находит сеть, и это его беспокоит. Нельзя допустить, чтобы кто-то взял её с собой и разговаривал во время эксперимента. Он же предупреждал, кажется, или нет, забыл. Он не помнит. Придётся ещё раз осмотреть самих спящих. Одежду он забрал, но в последнее время стало модно делать кармашки на белье, так что стоит проверить, вдруг найдётся что-то ещё. А возможно, у кого-то две сети, хотя в настоящее время это бессмысленно. Но всё может быть. Лекарство будет действовать ещё пару часов, этого достаточно, и чтобы осмотреть их, и для склеивания. Макс возвращается в комнату, где спят участники группы. В их позах практически ничего не изменилось, лишь Мария развалилась на спине,

ещё шире раздвинув ноги, тем самым потеснив остальных и прижав их ближе друг к другу.

— Время и терпение приносят свои плоды, — вслух произносит Макс, глядя на посапывающих во сне людей. — Когда выжидаешь, приходит то, что надо.

Он хлопает рыжего и Мигеля, проверяя, если у них карманы на трусах. Там ничего, даже странно. У девушек он не может решиться проверить, что-то его останавливает, и в то же время любопытно. У Сандры очень соблазнительно торчит грудь, и он проводит рукой, сжимает её, отпускает и тут же одёргивает руку, как будто обжёгшись. Секундное возбуждение сменяется страхом и тревогой. Он наклоняется ближе к девушке и слышит её мерное дыхание. В нос бьёт запах, непонятный и неприятный, что-то похожее на коровник или птицефабрику. Как-то в детстве он проезжал район птицефабрики, и этот запах стоял в округе, просачивался сквозь щели в клаудуз. «Надо же, такая привлекательная и сексуальная, и так пахнет! Обидно», — думает он. Он смотрит на Софию, на её маленькую грудь, тоже трогает. На этот раз никакого возбуждения, даже секундного. Он наклоняется к её дыханию и тоже ощущает неприятный запах изо рта, к тому же жирные волосы с перхотью вызывают у него неприятие, даже отвращение. И уже из чистого любопытства он трогает грудь у Марии и Динары. У Мигеля что-то оттопыривается сбоку майки, и Макс находит сеть во внутреннем кармашке. Нашёл то, что искал! Вот ведь урод, припрятал, а прикидывался простачком. Почувствовав себя врачом-маммологом и победителем, Макс улыбается и выходит из комнаты.

София просыпается и ощущает давление в руке. Она соображает, что заснула в доме, куда ходит на занятия в психотерапевтическую группу, и только дёрнулась, чтобы встать, как почувствовала боль в левой руке, и что её что-то держит. Мгновенно понимает, что приклеилась, и ощущает ужас. Она поворачивает голову и видит рыжего рядом с собой. Вся её сущность кричит. Как она могла потерять бдительность?! Ведь она уже это прошла, и пережила

такой кошмар, неужели снова всё повторится? В животе ходят спайки и боль, и кажется, всё внутри трясётся от страха и ужаса. Она снова поворачивается к рыжему. Он ей противен. Жирная узкоглазая морда. Она приподнимается на локте, и новая волна ужаса прокатывает холодом по всему телу. Они все склеены друг с другом!.. Вчера они, как сидели, так и уснули. Но кто-то всё-таки уложил их, опустил спинку дивана. Кто? Неужели Макс? А где он? Его нет. «Чёрт! Гадство!» — проносится в мозгу Сони. Её охватывает паника. Она трясёт рыжего свободной правой рукой, но он крепко спит, обожравшись накануне, и никак не реагирует. Перед глазами Софии выстраивается картинка: они поели, и похоже, что-то было подмешано в еду, потому что всех накрывает эйфория, а потом все заснули. Сама она ела мало, вот и проснулась первая. Сеть осталась в сумке. Она смотрит на часы. Они показывают половину первого, но ночь это или день, непонятно. Имитированные окна всегда отражают сумерки, и понять по ним, какое сейчас время суток, невозможно. В отчаянии Соня бессильно опускается на диван с чувством полной безнадёжности.

— Просыпайтесь, мои птенчики, папочка приготовил вам сюрприз! — Макс с безумной улыбкой наблюдает за пробуждением Сони. — Всё идёт по плану. Мамуля, ты видишь? Всё получилось. Теперь у нас будет большая семья, и тебе будет больше внимания.

Макс сидит в комнате матери. Она молча смотрит, то ли в потолок, то ли на стену с экраном. Понимает ли она, что происходит? Насколько жив ещё её мозг? Неизвестно. Вот уже второй день она молчит и даже не издаёт, как раньше, громкое мычание, сопровождающееся истощным гортанным хрипом, который всегда пугал и раздражал сына.

— Сейчас все проснутся, и тогда мы расскажем им о наших обычаях, привычках и правилах. Да, мама?

Мать безмолвствует. Лишь выпускает газы, о чём говорит ужасный запах в комнате, но Макс уже привык. В этот раз время идёт быстро. Иногда оно тянется невыносимо медленно и неинтересно,

и в эти моменты гнусное, тревожное ощущение в животе изматывает и убивает. Нет смысла жить. Но сейчас Макс придумал себе смысл, и это его вдохновляет и радует. Он уверен, что сделает открытие, что его гипотеза верна, и если группу склеенных людей провести через их эмоции детства, дать им пережить их сполна, они расклеятся. Пусть он применил насилие, но этим безмозглым людишкам никак по-другому не втолковать. Они согласны жить в своей относительной зоне комфорта, боясь что-то изменить, пусть даже склеенные, пусть на грани уничтожения Земли. Нет! Сейчас как раз такое удачное время. Надо быть дураком, чтобы не понять всю критичность ситуации и не воспользоваться ею. Это время даёт ему шанс.

— Просыпайтесь, птички мои, просыпайтесь, — бормочет он себе под нос.

А на улице идёт проливной дождь. Он не заканчивается уже второй год. И уровень воды всё повышается и повышается, захватывая всё большую часть суши. Люди всё больше теснятся в центральных регионах, а у кого хватает возможностей и смелости, пытаются улететь на Микзу. Учёные прогнозируют, если дождь не закончится в течение трёх лет, вся суша будет поглощена водой. Строители наперебой продвигают воздушные и плавучие дома.

Соня лежит и тихо плачет. Она опять заложница обстоятельств, снова оступилась, снова идёт по кругу. Это уже было с ней, похожее, полтора года назад. Как же всё повторяется! Она бессознательно притягивает те же ситуации и таких же людей, чтобы снова и снова прожить одни и те же эмоции. Что это? Зачем? Видимо, что-то не прожито в детстве, тянется хвостом сквозь всю жизнь, и так и будет тянуться. «Как же избавиться от него, от этого груза?» — думает девушка. И главное, она ведь пошла к психологу в группу, чтобы избавиться от непрожитого и измениться, а получается, что опять она жертва. А может, это так и надо, и для неё так лучше? В этом она сомневается, вспоминая вчерашнюю всеобщую эйфорию. Её не оставляет подозрение, что их накачали наркотиками.

Что-то бухнуло на другом конце дивана, слышится возня и стоны. Соня приподнимает голову. Проснулась Мария и своим весом вот-вот опрокинет диван. Она хочет повернуться, но не может. Несколько раз тщетно пытается поднять руку и бессильно опускает её. Завозился Мигель, лежащий рядом с Марией. Видимо, ворочаясь, она слишком потянула свою руку, которая приклеена к соседу, и разбудила его. Когда Мария окончательно просыпается, первое, что она замечает и от чего приходит в ужас, это то, что она голая. Кроме нижнего белья на ней ничего нет, хотя она не помнит, чтобы вчера раздевалась. Набожная Мария поворачивает голову и видит, что все ребята спят рядом на диване и тоже без верхней одежды. Ужас, который охватывает её, сначала парализует и лишает дара речи. Но это лишь на мгновение. Она ещё раз пытается встать, и эта попытка отзывается болью в правой кисти и давлением от спины Мигеля. Мария приподнимает голову и видит Софию с другой стороны, которая наблюдает за ней, также приподняв голову. Они встречаются взглядами. И тут Мария истошно вопит. Её тело сотрясается от напряжения и крика.

— Аааааааааа!!! Мамаааааааа!

— Ну чё ты орёшь? — еле ворочая языком, бурчит Динара, поворачивая голову. Она пробует перевернуться на спину, но упирается во что-то, оставляет эту попытку, разворачивается обратно к Мигелю и засыпает.

— Мы все склеились, потому что пролежали рядом почти голые, — говорит София.

— Ну и хрен с ним, — сквозь сон отвечает Динара.

— Я хочу писать, — стонет Мария. — И как теперь?

— Терпи, пока не проснутся все, — советует уже наученная опытом София.

— Я не могу терпеть, — капризным голосом стонет Мария.

— Значит, ссы под себя, — раздражённая тем, что её разбудили и не дают поспать, шипит Динара.

— А кто нас раздел? Я не помню, чтобы раздевалась, — меняет тему Мария.

— И я не помню. Ой, кошмар. Я в ужасе, если придётся всё то же самое пережить, — лёгкое ощущение тревоги блуждает в животе Софии. И хотя оно там почти всегда, сегодня примешивается что-то ещё.

— Вопрос, зачем это надо? Если это Макс задумал, значит, в этом есть какой-то смысл, — Мария чешет свободной рукой нос.

— Может, он просто псих, ты не думала об этом? Ты просто не представляешь, как это, быть склеенной с другим, а сейчас нас много.

— Что вы тут... А, чёрт,.. — рыжий просыпается и слова застревают в его горле. Он пытается встать, но оказывается, что приклеен спиной к руке Софии, а своим левым бедром к правому бедру Сандры. — Что за хуйня?

— Я бы тоже хотела это знать, — отзеркалив его агрессивный тон, отвечает Мария.

— Не, мы так не договаривались... Хотя в этом что-то есть, — только сейчас продрал глаза и заметив, что рядом лицом к нему лежит Сандра в трусиках, с обнажённой грудью, уже другим, мягким тоном говорит рыжий и притрагивается рукой к груди девушки.

Сандра никак не реагирует. Спит крепко. И рыжий ещё раз, уже более смело трогает её круглую грудь. Она входит в ладонь, и он легонько сжимает её. В это же мгновение он чувствует, как увеличивается его член. Он поворачивает голову назад и видит Софию, тоже в одном нижнем белье, и ощущает прилив эйфории, блаженства. Он об этом даже и мечтать не мог. Он из той серии вечных страдальцев, которым никто не даёт.

— О, я попал в сказку!

— Дурак, — говорит София. — Ты ещё не представляешь, что тебе предстоит.

— А ты представляешь.

— Да, я примерно представляю, — тоном превосходства говорит Соня.

Заворочалась и Сандра. Она открывает свои большие глаза и в изумлении смотрит на рыжего, который тоже смотрит на неё.

Когда она осознаёт, что лежит голая, дёргается, но с двух сторон её останавливает боль в теле. С одной стороны тянет правое бедро и рыжий, а с другой стороны за ягодицей тянется Динара, которая, лежит на спине и рукой держит Сандру за задницу. Девушка медленно поворачивает голову обратно и вопросительно смотрит на рыжего. Он пожимает плечами.

— Кто это сделал и зачем? — наивно-детским голосом спрашивает Сандра.

— Кто бы знал, — отзывается София. — Видимо, наш Макс. Только его сейчас нет, а мы все склеены.

— И что мы теперь будем делать? — хнычет Сандра. — И ведь я так долго не снимала биооболочку! Как чувствовала...

— Моя матушка точно будет кипишевать. Хотя я даже не сказал, куда хожу, просто на группу, и всё, — рыжий сощуривает глаза и выпячивает губы.

— Чёрт, а у меня встреча должна была быть. Чёрт, чёрт, чёрт, — вспоминает София.

— Что за встреча? — подаёт голос Мария с другой стороны склеенной цепочки.

— Важная встреча, деловая, можно сказать.

— Ой, ладно, какие дела в это время? Тут как бы выжить и не умереть, — язвит рыжий завистливо.

— Нееее... Всё же вы не дадите поспать, — гневно отзывается Динара. — Ой, а что это ещё за «здравствуйте», что за приплод? — она хочет поднять свою правую руку и обнаруживает, что её держит ягодица Сандры.

— Да, здравствуйте, мы все склеились. И возможно, это вы с Мигелем распространили вирус в нашей группе, — говорит рыжий. Ему не нравится Динара, и он не скрывает своего отношения и раздражения.

— Если уж на то пошло, вирус по всей Земле, и Динара с Мигелем ни при чём, мы все потенциально опасны друг для друга, — вступается София. — Это какая-то эмоциональная революция. Все подавленные эмоции выходят наружу в виде клеящего вещества и приклеивают другие такие же непрожитые.

— Что за бред ты несёшь? Вроде бы образованная девушка, — говорит Сандра.

— Я в какой-то степени согласна с Софией, — поддерживает её Мария.

— А что? Интересная идея, эмоциональная революция, — усмехается рыжий.

— Вот так проснулся! — внезапно произносит Мигель. — Засыпал с одной девушкой, а проснулся с двумя, — он приподнимается и видит всех участников группы. — О, так у нас здесь групповуха! Это мне нравится. Ой-ля-ля!

— Ещё один озабоченный, — констатирует София.

— А ты давай не умничай, — отзывается рыжий.

— Я бы оделась, — говорит София, проигнорировав слова рыжего и оглянувшись вокруг, насколько могла позволить в теперешнем положении, высматривая что-то наподобие одежды. — Ничего не вижу. Только еда.

Мария, видимо, забывшись, резко встаёт, перевалив вес своего тела вперёд. От этого движения все по очереди дёргаются друг за другом. Тут же, осёкшись, она поворачивает удивлённое лицо к Мигелю, который к ней ближе всех.

— Я хочу писать, — тоном капризного ребёнка произносит она.

Все смотрят на неё, как будто впервые слышат об этом, и что им это незнакомо, на самом деле поражённые весом её тела и свисающим со всех сторон необъятным жиром.

— Что замерли? Надо придумать, как теперь мы будем ходить по нужде? Мы ведь не знаем, когда это закончится, и сколько терпеть. Тем более, что терпеть нельзя, для здоровья вредно.

— Да, я согласна с Марией, — отзывается Динара, — тем более, я тоже хочу в туалет.

Мария стоит и ждёт, нисколько не смущаясь своего полуголового тела, источающего запах пота, жира и ещё какой-то дряни. Видимо, уловив немую угрозу, исходящую от этих бесформенных телес, встаёт София, за ней Сандра, рыжий и остальные. Мария поворачивается и медленно идёт в сторону туалета. Он находится в углу комнаты. Все следуют за ней,

неуклюже, запинаясь, наступая друг другу на ноги и спотыкаясь.

— Эй, осторожнее! — визгливо орёт Динара и толкает идущую впереди Сандру.

— Не толкайся, — поворачивается к ней девушка.

— Давай-давай, двигайся.

— Как ты разговариваешь, Динара? В колхозе родилась, с коровами общалась? — возмущается Сандра.

— Как хочу, так и разговариваю. Радуйся этому, — лицо Динары искажается в тупой блаженной улыбке с примесью злости.

— Не связывайся с ней, — шёпотом говорит София.

— Нашлась заступница-защитница, — услышав шёпот, хрюкает Динара и обращается уже к Мигелю, подтягивая левое плечо, к которому он приклеен правым предплечьем. — Иди ко мне поближе, любовь моя.

Сделав свои дела, периодически переругиваясь и препираясь, люди возвращаются в комнату, и Мария сразу направляется к столу, потянув за собой всех остальных. Ей очень хочется есть, прямо сосёт в желудке, но пока она стесняется открыто говорить о голоде, который всегда накрывает её, как только она просыпается, и сопровождает её до ночи. Этот невероятный голод ослепляет её, и она ничего не соображает, лишь одно желание — заполнить пустоту в желудке и угмонить его бурчание. Как только она стремительно подтягивает всех за собой к столу, тут же хватается пирожное, которое лежит ближе всего к ней, и с жадностью пихает его в рот. Жуя, она уже тянется свободной левой рукой за другим пирожным. Так как она с краю склеенной цепочки, её движения более свободны по сравнению с теми, у которых две стороны склеены и которым приходится постоянно договариваться с обоими соседями.

Все выстраиваются вокруг стола. Кто-то начинает есть, кто-то просто стоит, не решаясь притронуться к пище, охваченный переживаниями и тревогой. Внезапно загораются все экраны по стенам комнаты, и люди переключают внимание на них, продолжая безрадостно и равнодушно жевать, не ожидая ничего хорошего

от будущей жизни. На экранах перед ними предстаёт их ведущий Макс.

— И снова здравствуйте. Я жду, когда же вы проснётесь и будете готовы меня увидеть и услышать.

Все замирают в ожидании и страхе, и лишь рыжий шепчет:

— Вот он, ну надо же.

— Что-то хочешь сказать? — обращается Макс к рыжему.

— Да не, я так... — мотаает головой рыжий.

И так как за этим следует тишина, Макс продолжает:

— Вы, естественно, были удивлены, когда проснулись склеенные и раздетые. Буду с вами честным, — это моя идея, чтобы вы склеились. Это мой эксперимент. И я рад, что первый этап мы прошли, — он торжествующе оглядывает всех.

— Но зачем? В мире и так полно склеенных, мы-то зачем? И это подло. Мы тебе поверили, а ты воспользовался этим, — берёт на себя инициативу София.

— Добровольно вы бы на это не пошли, да и никто бы не пошёл. Я имею в виду, сознательно. Бессознательно все склеиваются и живут с этим. Я хочу сделать открытие, прославиться. И с помощью нашего эксперимента, если вы будете хорошо себя вести, мы выясним причины склеивания и как расклеиться.

— Макс, за кого ты себя принимаешь? Думаешь, самый умный, и никто до тебя не додумался до этого? — робко спрашивает Мигель тихим голосом.

— Может, и не самый умный, но по сравнению с большинством окружающих — гений, — Макс смотрит на Мигеля таким властным и уничтожающим взглядом, что последний съёживается, его голова втягивается в плечи. — А кто будет плохо себя вести, того ждёт наказание, и предупреждаю, со мной лучше не шутить. Я могу быть злым. Пока что я терпел ваши причуды и капризы. Но всё, больше не буду.

— В чём заключается наказание, и что значит «хорошо себя вести»? Мне, вообще-то, надо домой, — заявляет Динара.

— Не только тебе, и мне надо домой, у меня тоже дела, и думаю, у всех свои дела, — добавляет Сандра.

— Да, Макс, когда всё это закончится? Когда ты нас отпустишь? И одежда есть какая-то? — спрашивает Мария, пятясь к дивану и увлекая всех за собой.

— Когда закончится, об этом вы сами узнаете. Одежду сейчас дам.

— Я считаю это насилием, — возмущается Сандра. — Я буду жаловаться. Я пришла на тренинг, а оказалась втянута в сомнительный эксперимент.

Внезапно её тело дважды содрогается, лицо кривится в нелепой гримасе. Она ещё пару раз открывает рот, но не издаёт ни звука. И безвольно повисает между рыжим и Динарой. А так как её верхняя часть тела свободна, рыжий укладывает её на диван и склоняется над ней.

— Эй, что с тобой, Сандра? — он похлопывает её по лицу. — Очнись, пожалуйста, миленькая.

— Странно, что это с ней? — Динара тоже смотрит на соседку, из-за которой ей пришлось есть на диван.

— Макс, это ты сделал? Человеку плохо, ты не видишь? Нам нужна медицинская помощь, — громко говорит София.

— Я же сказал, надо вести себя хорошо. Эта участь ждёт каждого, кто будет мне прекословить, — и он отключает экран.

На самом деле он хочет проверить действие светового шокера, которым можно управлять удалённо. Для этого достаточно направить луч на изображение объекта на экране и нажать кнопку активации. И этот луч выполняет свою работу, — парализует человека на пару часов, по крайней мере, так написано в инструкции. «Отлично. То, что надо», — думает Макс. Он сгребает часть одежды и направляется в сторону комнаты, где находятся его испытуемые. Открывает дверь и, не дав людям опомниться, пока они удивлённо смотрят и соображают, что делать, зашвыривает вещи. Быстро закрывает и блокирует дверь.

Рыжий испуганно смотрит на Софию и на Марию. София опускает голову и размышляет о ситуации, в которую попала: «Для чего мне это нужно, что ещё я должна прожить в своей жизни, какие непрожитые эмоции?» Мария тупо переводит взгляд

с рыжего на других и пребывает в немом оцепенении. Динара подвывает на плече у Мигеля. А последний сосредоточенно смотрит в пол и хмурит лоб.

— Пошли одеваться, — устало говорит Мария, вставая с дивана.

— А как Сандра? Долго она будет в отключке? — говорит рыжий, прикладывая ей пальцы на сонную артерию, прощупывая пульс.

— Сандра, Сандра, очнись, — пытается её растормошить Софья, но бесполезно. — Давайте попробуем растянуться. Мария, ты потихоньку можешь идти.

Мария направляется в сторону одежды, за ней идут Мигель, Динара. Сандру аккуратно спускают на пол, и рыжий подталкивает её вперёд. Софья помогает. Мария с трудом протягивает руку и подхватывает футболки, кофты, юбки, брюки. Она ухватила не всё, и, отбросив назад к дивану полученную порцию одежды, она тянется за оставшейся. За ней тянутся остальные. Кто-то стонет от того, как болью отзываются склеенные места. Последняя рубашка и брюки в руках Марии, и напряжение спадает, все возвращаются на диван, начинают разбирать одежду и одеваться. Получается не у всех, в зависимости от того, кто где склеен. Приходится рвать одежду, чтобы надеть её или хотя бы частично прикрыть наготу. Сандру кладут на диван. Она вроде бы очнулась, но забытье сменилось глубоким сном.

— Мы что, так и будем тупо подчиняться этому Максусу? — капризно произносит Мария.

— А какие у тебя предложения? — язвит рыжий. — Устроим баррикады или революцию? Ты посмотри, здесь стены железные, ни окон, ни дверей.

— Есть дверь, как это? — спорит Динара.

— Ну, это я так, образно выражаюсь.

— Давайте оденем Сандру, — предлагает Мигель, пугливо оглядываясь на свою подругу.

— Да, надо одеть девочку, — снисходительно произносит Динара, когда все оделись. — Как же мне хочется вина выпить!

Уже вторые сутки сухое горло, и промочить нечем. Чёрт бы побрал эту группу, и зачем я ввязалась в это, не понимаю. Ведь чувствовала, что сюда лучше не лезть.

Она безвольно следует за движениями участников, то наклоняется, то отодвигается, пока они пытаются одеть Сандру. Мария тоже не участвует в процессе, она также без сопротивления следует за остальными, погружённая в свои мысли. Сандра так и не просыпается. Пока София, Мигель и рыжий возьмётся, наклонившись над девушкой, они шёпотом переговариваются.

— Я думаю, что здесь есть прослушка, поэтому мы должны быть осторожны. Нам надо придумать план побега.

— Какой смысл нам бежать, пока мы все склеены? Надо расклеиться, а потом бежать.

— Можно и склеенными прийти в институт аномалий и там остаться, там надёжнее.

— Не факт, я бы поспорил, — возражает Мигель так же шёпотом.

— Думаете, что у вас получится сбежать? — внезапно раздаётся голос Макса.

Все поворачивают голову. Везде, по всем стенам горят экраны, и Макс в количестве шести штук разговаривает с ними.

— Даже не мечтайте. Вот вам правила и условия эксперимента, — из стены, видимо, там встроено принтер, вылезают листочки бумаги формата А5. — Рекомендую прочитать их и придерживаться. Здесь же указаны методы наказания за неподчинение и слушание.

— Что ты сделал с Сандрой? Пусть она очнётся. Отпусти нас, — обиженным и чуть детским голосом произносит Динара, выдвинувшись вперёд.

— Если ты будешь плохо себя вести, и тебя отключу. Лучше изучите правила, это вам будет полезно в будущем, — жёстким тоном, не терпящим возражений, обрубает её Макс.

София, ближайшая к листочкам с правилами, делает два шага, берёт всю охапку, раздаёт остальным, и все принимают читать.

А Макс отключает своё изображение на экране, и включает космический пейзаж. Он ликует, начиная со вчерашнего вечера, когда наконец-то его мечта начала сбываться буквально на глазах. Сейчас он сидит перед монитором и смотрит, как все читают правила, придуманные им, а слева посапывает его мать. Он оборачивается к ней, и она прекращает сопеть, как будто слышит или чувствует. Да, конечно, связь у него с матерью сильна, как, впрочем, и у всех людей. Но ему кажется, что у него она самая сильная, учитывая, что он был любовником своей матери несколько лет, пока не познакомился с девушкой и не привёл её в гости, после чего мать парализовало. Тогда он стал бояться даже просто общаться с другими женщинами. Мать говорила раньше, что её наказал бог, но Макс не понимает за что. Он считает, что они избранные, он и его мать, и так и должно быть. Он ни с кем не общается, и о своей личной жизни ему некому рассказать. Телеканалы давно не демонстрируют фильмы про секс и любовь, это давно неинтересно людям. Макс считает, что они с матерью несут в себе остатки древнего смысла жизни, животные инстинкты. Может, потому что они долгое время, да практически всё детство и юность Макса, жили в лесу. Его отец был егерем, а когда он умер, мать заменила отца во всём, и только через семь лет они перебрались в город, когда Макс было уже двадцать лет. Мать страдала от потери мужа и через два года оставила сына в своей постели. Ему тогда было всего пятнадцать. Так до сих пор они и живут вместе, разве что сейчас Макс не делит с матерью постель.

Эти мысли вытолкнули его в настоящее, и ему захотелось полежать рядом с ней и вспомнить, как это было приятно и хорошо. Он ложится рядом с матерью, она открывает свои затуманенные глаза и молча смотрит на него с любовью и страхом. Макс смотрит на неё. Он хотел бы услышать её голос, такой нежный, чуть низкий и гортанный, который всегда заставлял его сердце учащённо биться и вздрагивать, когда она повышала его. Он поворачивается на бок и смотрит на неё, а она на него. Кажется, они понимают друг друга без слов. У Макса катится слеза, а мать

отворачивается и смотрит в окно. Макс всё отдал бы, чтобы узнать, о чём она сейчас думает. Он отгоняет мысли, что она может умереть, он боится, что неминуемое может произойти очень скоро. Главное, чтобы это не случилось во время эксперимента. Странная смесь ненависти и симбиотической привязанности к матери уже не беспокоит его. Он не знает, как может быть по-другому, для него только так правильно и лучше всего.

Глава 11

— Поезд «Нью-Йорк — Москва» отправляется через пять минут. Он проследует без остановок по скоростному туннелю. Во время движения соблюдайте меры безопасности, которые указаны и демонстрируются перед вами на экране, — звучит голос в динамиках.

Оливер располагается в свободном кресле в середине салона у окна неподалёку от запасного выхода. И вскоре поезд трогается и несёт его сквозь водное пространство и земную мантию по туннелю. Электромагнитное пространство, созданное между Москвой и Нью-Йорком, позволяет мгновенно набирать скорость до 900 километров в час и притягиваться к пункту назначения. Оливер сидит в удобном кресле, пристёгнутый ремнями безопасности. Поезд в пути пять часов. Он прорезает пространство с одной стороны земного шара на другую, и за минуты день сменяет ночь.

Оливер смотрит в окно, и, пока они входят в пространство континентальной земной коры и углубляются в мантию, перед его взором возникают разноцветные картинки. И чем глубже уходит поезд, тем больше преобладание красного, оранжевого, жёлтого. Оливер почти ощущает жар, который как будто пляшет и дразнит его цветом огня. На экране предлагают напитки от галлюцинаций, но он отказывается. Он летал в космосе, и не однократно, на Микзу и обратно, и что ему волноваться на тему галлюцинаторных реакций от проникновения вглубь Земли? Когда-то в детстве он уже совершал такую поездку с родителями, но уже плохо помнит. Вдруг ему кажется, что его крепче примагничивает в кресле, и он видит разных людей, неизвестных ему. Разных возрастов, национальностей. И через время приходит

мысль, что это люди, которые сидели в этом же кресле. Они проносятся чередой лиц перед взором Оливера. Их очень много, и он начинает считать. Десять, пятьдесят, сто, двести... Он сбивается и уже устало смотрит на них. Сколько людей проехало в этом кресле за срок службы поезда? Может, это система их запоминает и сейчас транслирует? Но как это возможно? Ведь Оливер видит их абстрактно, размытые образы. На мгновение ему становится страшно, ведь кто-то из них уже ушёл из жизни. До Оливера доходит, что это галлюцинации. Его тело вдавливаются в кресло ещё сильнее, он пробует оторваться, но сила тяготения сильнее его. Ему приходится смотреть на череду лиц, которая кажется нескончаемой. Но вот, Оливер видит себя, отражающегося в пространстве, сидящего в кресле с удивлением и испугом в глазах. Он чувствует, что давление уменьшилось, и магнитная волна отодвигает его от кресла. «Хорошо, что это только здесь такие видения, не хотелось бы мне видеть столько людей каждый раз, садясь в кресло и перемещаясь в пространстве».

Меж тем, электричка «Нью-Йорк — Москва» углубляется в земную мантию. Современные мощнейшие системы охлаждения заложены в конструкцию туннеля и в состав материалов, из которых изготовлен сам поезд. Известно, что на строительство внутриземного туннеля ушло около десяти лет, и при работах погибли сотни человек. Он был построен сразу после межгалактического лифта с использованием схожих технологий.

Оливер смотрит на расположенный перед ним экран, имитирующий окно, на который транслируются внешние ландшафты, если так можно назвать земную мантию. Она необычна и неповторима. Самые разные цвета возникают неожиданно и застают врасплох, кажется, что это огромный калейдоскоп, и невозможно удержаться, чтобы не смотреть. Как только поток лиц прекращается, и Оливер вздыхает с облегчением, он неотрывно смотрит на эту мозаику, и она завораживает не меньше, чем мелькание лиц, перемещение по межгалактическому лифту или космические пейзажи. Глубины Земли уже не сопротивляются и принимают вторжение внешнего мира. Огонь разгорается и тут же гаснет,

вернее, он задувается мощным потоком охлаждающего пара, который выпускают двигатели поезда. Иногда огонь разгорается мгновенно и так мощно, что кажется, сейчас он сожрёт поезд и всё его содержимое. От этого становится жутко, и Оливера пробирает озноб. «Люди всегда стремились в космос, а здесь внутри, в недрах Земли, не менее интересно и жутко».

— Чёрт побери! — Оливера осеняет внезапная мысль, и слова рвутся наружу. — А вдруг этот поток лиц — это умершие, погребённые в землю, их души, которые ушли вглубь Земли?

— Не говори чепухи. Какие души? Мне даже стыдно, что ты можешь предположить такое, — говорит другая часть Оливера, не верящая в существование души.

— Что тогда это были за лица? Кто это?

— Ты правильно подумал, это люди, которые ехали когда-то в этом поезде, сидели в этом кресле, их запомнила система экрана. А вызванная погружением галлюцинаторная реакция и стресс от погружения возродили память системы.

— Логично, но что-то не сходится. Мне приятно предположить, существование души реально. Это нельзя отрицать категорически, — ведь не доказано ни её существование, ни её отсутствие.

— Вот именно, поэтому что́ тратить время на догадки и предположения? Будь разумным и не пори чепухи. Ох, уж, эта религиозная тема! Чушь всё это. Фанатизм и обман народа.

— А может быть, и нет. Повторюсь, ведь не доказано ни то, ни другое.

Оливер смотрит в имитированное окно. Темноту освещает прожектор поезда. И постепенно Оливер засыпает. Его будит механический голос:

— Через пятнадцать минут наш поезд прибывает на конечную станцию Москва. Надеемся, что наше путешествие было не очень утомительным для вас, и вы воспользуетесь нашими услугами снова. Всего доброго!

«Как ни в чём не бывало. Людидохнут, как мухи и жуки, а здесь такое чувство, что ничего не произошло. Может быть,

глубина укрывает и укутывает от переживаний всего мирского? Но на Микзе нет таких ощущений. Там всегда болит душа, и хочется помогать людям. А может, это в моём сознании что-то происходит, и мне становится безразлична судьба других людей? Удивительно, я столько лет боролся за лучшую жизнь, за справедливость, помогал ближним и не только, — всем, кто обращался за помощью и кто не обращался. Просто сам видел проблему и предлагал своё решение. А сейчас мне не хочется. В экстремальных условиях усиливаются ощущения, такие мысли меня посещали во время перелёта и сейчас, при погружении на глубину. Это скрыто в моём подсознании, и я просто двигался по инерции, встав на рельсы «помоги другому». Может, я устал, выдохся и поэтому ничего не хочу, кроме как лениво лежать на песочке Микзы, слушать шум волн и грохот водопада, строить скульптуры из песка и проживать свои годы. Жизнь такая невероятно короткая...» Оливер опять вспоминает смерть своей жены и погружается в грустное, депрессивное оцепенение, сожалея о своей прошлой жизни.

Из забытья его возвращает в реальность остановка поезда и ослабление магнитов кресла. Он отрывается от спинки сидения и оглядывается по сторонам. В полутёмном узком вагоне ещё около двадцати кресел, они расположены двумя рядами друг за другом, между ними очень узкий проход. Вагон полупустой. Этот поезд в два раза уже обычного поезда и в три раза уже самолёта, определяет на глаз Оливер. Он обращает внимание на то, что здесь все кресла одинарные, видимо, чтобы не заразиться. Двойные в другом вагоне. Хотя это бестолковая мера безопасности. Вирус повсюду в воздухе Земли, и если человек предрасположен к склеиванию, то никакие меры предосторожности не спасут.

Некоторые пассажиры поднимаются с кресел и направляются к выходу. Счастливых лиц нет, в глазах страх и обречённость. «У нас, учёных, есть хотя бы смысл в жизни и миссия. Мы что-то ищем, исследуем, анализируем. И это очень наполняет и питает. Но почему же я хочу и готов отказаться от всего этого?»

Не нравится быть счастливым, когда вокруг много горя и страдания? Или я чувствую укоры совести, будто не имею права на счастье, пережив утрату близких? Нет, дело не в этом. Не хочу заниматься наукой, не хочу помогать другим людям. Пока не знаю, почему», — эти мысли спонтанно приходят в голову Оливера.

Тут он замечает, что смотрит на престарелого седого мужчину, который пальцем ест что-то из консервной банки. Мужчина торопится, чтобы успеть к выходу, и нервно озирается. Оливер смотрит на него, вернее, сквозь него, погружённый свои мысли. Когда проходит наваждение, оказывается, что мужчина, уже доев, в упор глядит на Оливера. Когда их взгляды встречаются, мужчина вопросительно кивает головой: «Что надо?» — шевеля губами, произносит в такт кивку. Оливер тут же отводит взгляд и создаёт видимость бурной занятости своим рюкзаком. Но мужчина подходит к Оливеру вплотную.

— Ещё раз спрашиваю, что-то хотел? — он впивается глазами в слегка растерянного Оливера и, уже готовый напасть, сжимает кулаки.

— Ой, да нет, ничего не хотел, задумался, извините. У Вас всё в порядке? — спросил он и тут же пожалел о заданном вопросе.

— А что, похоже, что не в порядке?

Поезд в последний раз выдыхает пары и останавливается. От резкого толчка мужчина не удерживается и падает в узкий проход, при этом головой бьётся о ручку кресла. Всё происходит в одно мгновение, и Оливер не успевает его подхватить, соображая, как ответить и уйти от дальнейших разговоров. Мужчина явно не в себе и лезет на рожон. Но всё происходит нелепо и трагично. Ударившись головой, он ещё пару секунд висит в воздухе и потом с громким стуком падает на пол, бездыханный. Из рта у него идёт кровь. Оливер встаёт. «Ведь предупреждают, не вставать до полной остановки поезда. Куда он полез, дурак? Вот и схлопотал».

Он щупает пульс, убеждается, что мужчина мёртв, и нажимает на кнопку вызова стюардессы, считая своим долгом не уходить, пока не придёт кто-нибудь из персонала поезда. Другие

пассажиры, лишь оглянувшись, продолжают двигаться к выходу. Некоторым приходится развернуться в другую сторону из-за неожиданного препятствия на пути, внезапно погибшего пассажира. Кто-то качает головой. Ребёнок плачет. Оливер стоит, уставившись в одну точку, не в силах двинуться с места. Он почему-то не уходит. Ждёт. «Ведь я только что думал, что всё, не хочу помогать другим людям, и вот, опять остаюсь, когда все безучастно уходят. Ему уже не помочь. Долг. Дурацкий долг. И совесть. Будь они неладны. У него явно были какие-то проблемы». Приходят стюардесса и начальник поезда.

— Что произошло? — строго спрашивает начальник, не выражая эмоций и прощупывая пульс.

— Он встал, поезд остановился, дёрнулся, и он упал, — ответил Оливер, стараясь соблюсти маску безразличия, а то ещё приплетут какую-нибудь деятельность, связанную с помощью ближним.

Начальник поезда больше не обращает внимания на Оливера, звонит и вызывает бригаду вывоза трупов, параллельно отдаёт распоряжения стюардессе. Оливер, понимая, что на этом его миссия окончена, и он больше не нужен, выходит из вагона. Тут же на перроне пересеживается на первый попавшийся клаудуз и уже спокойно, по сравнению с поездом, летит в Санкт-Петербург.

В Питере, так же как в Нью-Йорке и в Москве, льёт дождь. Это уже норма. Но сейчас он льёт непрерывно, и к запаху сырой земли примешивается кисло-спиртовый запах брожения. Клаудуз приземляется на крыше гостиницы. Оливер выходит. У входа в здание его встречает робот, сканирует его личность и пропускает внутрь. Оливер спускается в свой номер, бронированный ещё на Микзе, и окунается в горячую ванну. Он уже собрался отдохнуть и поспать, но слышит писк сети и подключается. Это Ангелина. И его губы невольно расползаются в улыбке. Какой приятный сюрприз! Вдали от дома он ощущает большее тепло от её присутствия и поддержку, скучает по её умным глазам и ангельскому личику. В этот раз оно выражает беспокойство.

— Привет, Оливер! Наконец-то я поймала тебя. Видимо, ты в движении, и сеть неуловима,.. — сходу выпаливает Ангелина.

— Здравствуй, здравствуй, дорогая! — слегка уставшим голосом и относительно спокойно перебивает её Оливер. — Я только что приехал в Питер. Как ты там?

— В общем, я нормально, что мне тут будет? Всё отлично! Скучаю немного, хотя загружаю себя делами под завязку, и получается, что некогда скучать. Но вспоминаю о тебе очень часто, — улыбается она, и тут же её лицо принимает беспокойное выражение. — Я уже десять часов не могу дозвониться до Софии, и это меня беспокоит. Это как-то странно.

— Я съезжу и посмотрю. Посплю только. Организм требует отдыха, и пока ещё не придумали лекарство, чтобы не спать без ущерба для здоровья, — умничает Оливер. — А что странного? Думаешь, что-то случилось? Хотя здесь возможно всё.

— Естественно, поспи. Я не заставляю тебя срываться и ехать искать Соню, — Ангелина обдумывает что-то. — Да, случиться может всё что угодно. Будет жаль.

— Мне до сих пор непонятно, почему ты так озабочена этой девушкой? Я тут много думаю о том, зачем вообще помогать другим людям. Ладно, если просят о помощи, а если нет? Я не чувствую от этого ничего, кроме ощущения себя приближенным к богу. Но ведь тогда это я для себя делаю, — помогаю другим, — получается эгоизм чистой воды. Но у меня нет потребности чувствовать себя богом.

— Ты там ничего не принимал, дорогой? Как-то странно рассуждаешь, это не похоже на тебя. Ты всегда стремился помогать ближним, занимаешься творчеством и сёрфингом. Это также даёт ощущение божественности.

— Нет, не принимал, — оскорбляется Оливер. — Это началось, ещё когда я летел на Землю. Эти мысли.

— Ты просто устал, и тебе нужно отдохнуть. Я даже не представляю, чтобы ты не помогал людям.

— Ладно, не обращай внимания. Пройдёт. Посплю и поеду. Это где-то на окраине, за высохшей Фонтанкой? Я уже посмотрел

по навигатору. Сделаю всё, что в моих силах, так что не переживай. София — взрослая девочка, и несёт ответственность за свою жизнь сама.

— Да, согласна, согласна, — Ангелина опускает глаза и погружается в мысли, через минуту очнувшись от них, она вздыхает. — Ох уж это моё чувство вины! Муки совести меня просто съедают.

— Съедают! Должно быть, уже наелись. Ты не помогала брату, и он уже умер. Не кори себя. Ты не можешь нести ответственность за другого взрослого человека. Это не твоя жизнь. Можешь только помочь, чтобы как раз таки ослабить чувство вины и муки совести.

— Да, ты прав, я часто забываю об этом. Спасибо, что напомнил, — вяло улыбается девушка. — Вижу, ты устал, дорогой. Давай поспи, и желаю тебе удачи в поиске Софии.

— Угу, ладно, — зевает Оливер. — Что ж, тогда до скорой встречи. Уже осталось чуть-чуть, и увидимся. Я уже хочу обратно, домой на Микзу, там спокойнее. Здесь творится ужас. Приеду, расскажу.

— Да знаю я, сама ж недавно вернулась. Будь осторожнее и береги себя. Обнимаю.

— Целую, до встречи.

Оливер отключает сеть, бросив последний взгляд на Ангелину. Ложится и сразу проваливается в сон.

Ангелина остаётся с тревожными мыслями. Она решает пойти покататься на сёрфе, чтобы развеяться. По пути располагается в тенистых кустах малинarii — очень пахучего растения с красными соцветиями, выведенного здесь из малины и рябины. Получился неплохой гибрид, правда, без съедобных ягод. Прижился и разросся здесь. Ангелина падает на траву и потягивается, напрягая всё тело в струну, закрывает глаза. Нежно щебечут птички, летают бабочки, дует ветер, жужжит шмель. На минуту ей кажется, что она в детстве, на Земле, у бабушки в Крыму. Она вспоминает своё первое стихотворение, написанное тогда,

вспоминает ожидание грома. Здесь почти не бывает гроз. Для детей, рождённых на Микзе, это явление — настоящая экзотика. Сидя дома, приятно слушать, как дождь стучит по крышам и где-то вдали гремит гром, так, что замирает сердце и становится жутко. А потом этот запах озона после грозы, такой долгожданный и вкусный. Тишина. Блаженство. Безмятежность. О чём ещё можно мечтать, живя в раю? Проходящие мимо люди не обращают внимания на Ангелину, лежащую на газоне среди зарослей малинarii, идут неслышно, поднимая ноги и отрывая своё тело от Микзы, почти парят. Это прекрасно.

Где-то поблизости плещется океан, и его близость девушка ощущает всем телом. И горит от предвкушения встречи с ним. Это похоже на медитацию перед выходом в океан и сёрфингом. Лёгкий страх остаётся всегда. Или это не страх, а ожидание чуда, чего-то нового? Каждый раз одно и то же чувство. Хорошо, что у неё получилось отвлечься от грустных мыслей о Земле и Софии и погрузиться в сёрфинг и океан. Она решительно встаёт и направляется на сёрф-спот. Уже издали она видит на воде сёрферов, которые на таком расстоянии напоминают стаю акул. Волна сегодня хорошая. Отлично. На берегу она трансформирует платье в гидрокостюм, нажав кнопку на отвороте. И он мягко обтекает тело, обволакивая его прохладой. Сняв с шеи кулон в виде сёрфа и проделав простую операцию трансформации, прикусив зубами кончик, она кладёт его на каменистый берег и ждёт, когда доска вырастет до своих нормальных размеров $5'11" \times 18\frac{1}{2}" \times 2\frac{3}{16}$.

Она устремляет свой взор на океан, на волны. Сейчас парочка сёрферов пытается поймать волну, и одному это удаётся, вот он уже стоит, возвышаясь над поверхностью воды, ловко управляя доской по ходу движения волны. Как он грациозен и красив! Ангелину вовлекла в этот спорт именно красота, совмещённая с риском, и ещё, очень важно, что сёрфинг — непотный спорт. Не надо потеть и вонять, вернее, не получается.

Сёрф готов и манит. Она берёт его под мышку и, осторожно идя по скользким камням, продвигается к воде. Примерно метров пятьдесят. Берег не очень хороший, это обычное явление

для сёрф-спотов. Ил, мох, где-то ямки, в которых плещется вода. Природа, чистая природа, без намёков на цивилизацию. Страх уже прошёл, да и некогда его ощущать, необходимо осторожно пройти к воде, не поскользнуться и не упасть. А зайдя в воду, собранно и сосредоточенно следить за волнами. Пока воды по колено, Ангелина приседает на волне, а выше колена — подпрыгивает. Когда вода уже по пояс, она ложится на сёрф и гребёт вперёд, преодолевая встречные волны. Несколько раз приходит настолько сильная волна, что Ангелина не удерживается и падает в воду. Выныривает, забирается на сёрф и гребёт дальше. Ещё пару движений-гребков, и можно немного отдохнуть.

— Хай, — машет она знакомому.

— Хай, энеджи, — улыбается ей во весь рот красивый мужчина. Его лицо блестит от солнца, ветра и воды сиреневым перламутром.

Она улыбается в ответ и любит, задержав взгляд на его лице. Но вот впереди волна. Ангелина разворачивается к берегу лицом, готовясь к встрече. Начинает усиленно грести, и волна подхватывает её снизу, делая мощный толчок. Девушка встаёт на доску, но теряет равновесие и, не удержавшись, падает в воду. «Первый блин комом. Как обычно», — думает она, вынырнув и забираясь на доску. Опять гребёт вперёд. И опять ждёт волну. Здесь долго ждать и отдыхать не приходится. Волна за волной, одна другой мощнее, и если не будешь её ловить, она тебя перевернёт. Нужно быть постоянно собранной и в постоянном движении. На этот раз ей удаётся встать и удержаться на сёрфе. С невероятной силой волна тянет её к берегу, и Ангелине остаётся лишь управлять доской, направляя её, то вдоль волны, перескакивая её, то поперёк, проходя по водному туннелю и выходя наружу, опережая её. Этот кайф длится пару минут. Ощущение себя богом. Невероятный драйв! За пятьдесят метров до берега она спрыгивает с доски и начинает всё сначала. Плывёт вперёд навстречу волнам. Внезапно она чувствует лёгкий толчок под доской, и тут же из воды выглядывает улыбающаяся морда Роя. Она всегда узнаёт его среди других дельфинов.

На Микзе дельфины отличаются от земных только глазами, они у них очень большие и выпуклые, как лупы, отчего и названы лупоглазыми. Когда-то они были завезены с Земли, но уже прошли этапы адаптации и дали новое потомство. Рой принадлежит к третьему выводку, он ещё совсем молод, ему три года. Они познакомились случайно, когда молодой дельфин отстал от своей стаи. Ангелина заплывла слишком далеко на сёрфе, её перевернуло волной, она погрузилась под воду и встретилась с дельфином нос к носу. Поначалу Ангелине было некомфортно, потом она погладила его, и он позволил ей это. А когда она вынырнула, забралась на доску и села на неё, он положил свой нос на сёрф, и девушка увидела, что у него катятся слёзы. Ангелина стала разговаривать с ним, и он стрекотал в ответ. Так она просидела почти два часа, разговаривала и слушала его. Дельфин рассказал ей, как красиво на глубине океана, что они здесь едят, и что некоторые водоросли ему не по душе, какой строгий у него отец и какая мягкая и нежная мать, о своих братьях и сёстрах, их всего восемь. Ангелина тоже делилась своими переживаниями и проблемами в своих генетических разработках. Так, разговаривая, они дождались семьи Роя. Дельфин, почувствовав их, сразу издал радостный стрёкот. Ангелина, покачиваясь на волнах, подняла голову и увидела плывущую к ним со стороны океана стаю дельфинов. Рой улыбнулся, коснулся носом колени Ангелины и поплыл к родным. С тех пор они дружат.

— О! здравствуй, Рой! — Ангелина счастливо улыбается, забирается на сёрф и гладит его по голове.

Рой тоже улыбается, кладёт, как обычно, свой нос на доску, дотрагивается им до ноги и издаёт довольный стрёкот. Ангелина наклоняется и целует его в носик, а потом и в лобик. Он делает сальто, выпрыгивая из воды на два метра, и так три раза. Даже сёрферы, которые ожидают волну, обращают внимание на цирковое представление, громко гикают и кричат.

— Молодец, Рой! — его уже все знают.

— Мой ненаглядненький, как же давно мы не виделись! Я вижу, и ты соскучился, — треплет Роя по носу Ангелина. — Мой

пусик, малипусик, а-ты-ти-ти-ты-тю, уси-пуси-муси-нюси, ма-ни-мои-муни. О, вижу волну. Ты со мной?

Ангелина быстро разворачивает сёрф в направлении берега и начинает грести. Рой плывёт рядом. Её настигает волна, подхватывает снизу, девушка встаёт на сёрф и мчится к берегу в сопровождении дельфина. Он успевает перепрыгнуть через волны и через сёрф и издаёт красивые трели, растягивая рот в улыбке. Ангелина тоже, чувствуя уверенную устойчивость на доске, начинает пританцовывать и перемещаться с одного конца на другой. Так, в паре, летят они к берегу, и счастье от единения с природой накрывает с головой. У берега Ангелина спрыгивает с доски, и Рой кругами обозначает пространство только для него и его подруги. Он касается её тела своим телом, оно гладкое и тёплое по сравнению с водой океана. Ангелина поворачивает голову и видит вдали его стаю. Рой тоже уже почувствовал родню, разворачивается в их сторону и уплывает, сделав на прощание тройное сальто над водой и махнув хвостом.

— Пока! До встречи, Рой! — машет она ему на прощание и довольная выходит на берег.

Оливер просыпается от какого-то сна, открывает глаза и непривычно глядится в темноту. Он слышит где-то вдали вой сирены труповозки. Лежит на кровати и размышляет, вставать лениво. Внутренний диалог с самим собой выходит наружу.

— И зачем они воют? Ведь человек уже умер.

— А, ясно, один или несколько из склеенных умерли, но ещё остались живые, которых можно спасти, отделив от мёртвых.

— Почему тогда скорые не ездят? Раньше были «скорые помощи».

— Ха-ха-ха! В целях экономии бензина. Вдруг, пока доедут к больному человеку, он умрёт, и всё равно придётся вызывать труповозку.

— Ну и бредовые мысли у меня по утрам. Ладно, встаю.

После утреннего душа он завтракает, одновременно просматривая новости. Нажимает на кнопку наручной системы

в форме часов, и на расстоянии двух метров от него в пространстве воспроизводятся каналы. Он выбирает нужный. Материализовавшаяся дикторша в голографическом режиме показывает разрушения, произошедшие за последние сутки, приводит цифры, показатели смертности и расширения патологии. Оливер встаёт, ставит посуду во встроенную мойку. Дикторша следует за ним. Её новости пугают его, она кажется ему навязчивой со своим вязким сладким голосом.

— А теперь обратите внимание на разрушения, которые произошли в мире. В Манхеттене обрушилось почти 200 домов от тектонического давления, созданного непрекращающимся таянием ледников. По предварительным оценкам количество жертв составило 250 тысяч человек, — она показывает рукой на руины домов после разрушения, слышны вопли и плач людей, потерявших близких.

Оливер застывает на месте. Он только сутки назад был там. Сердце бешено колотится, и он бьёт кулаком по столу. Но что тут сделаешь? Человек бессилен перед лицом стихии. Хотя это прогнозировали учёные и фантасты. Предупреждали. Да, сегодня Оливер настроен очень решительно по сравнению с прошлыми днями, когда он решил, что больше никому не будет помогать. Сейчас он зол. Бессилие других людей передалось ему и переросло в сдерживаемую злость. А дикторша продолжает своим механическим сладким голосом. Оливер кривится в гримасе.

— В Москве тектонические толчки слабые и не приносят разрушений. Здесь продолжается увеличение мигрантов, увеличивается количество склеенных людей и, следовательно, количество смертей. Непрекращающийся дождь затопил подвалы и спровоцировал процесс гниения, несмотря на борьбу с грязью и гнилью со стороны служб ЖКХ.

— Мы же любим грязь и гниль! Внешнее — это отражение внутреннего, — не выдерживает Оливер.

— А теперь хорошие новости, — дикторша натягивает улыбку. — Совместно с американскими психологами наши генетики наконец-то открыли причину склеивания и смогли доказать её. Как и было предположено ранее, но не было доказано, причины

склеивания — социальной среда, в которой растёт человек до 14 лет, и особая генетическая предрасположенность. К сожалению, вакцины, которая смогла бы изменить ход событий, нет и, по заверениям учёных, вряд ли будет. Необходимо менять мировоззрение людей в нескольких поколениях.

— Что же в этом хорошего? Вакцины нет. Получается замкнутый круг. То есть людям, которые уже склеились, не помочь, а можно спасти только ещё не склеенных. И то, не факт, что они не передадут по наследству эту мутацию.

Дикторша продолжает говорить, но Оливер уже не слушает её и вскоре отключает. Сейчас ему необходимо отследить местонахождение Софии и спасти хотя бы одного человечка. Он убеждается в том, что Софии нет дома, и на вызовы она не реагирует. Тогда он решает отправить её данные своим знакомым трейдерам, они гении в информационных технологиях и сети, заодно поинтересуется, как повлияла на них катастрофа в Манхеттене. Отправляет с адреса Микзы, чтобы обезопасить себя от несанкционированного земного контроля и избежать ненужных вмешательств. Он пока не знает, чем может обернуться эта история. Тем более, здесь запрещено вторгаться в личную жизнь через сетевое пространство пользователя.

Кому: **gamerman@fds.zem**

От кого: **miguel@arh.mz**

Тема: найти человека

*Приветствую вас из Питера! Как вы там? Катастрофа в Манхеттене на вас повлияла или никак не отразилась? Сегодня услышал новости и сразу вспомнил о вас. Как там моя идея? Продвигается? Продаётся? И главная тема моего письма. Мне нужно отследить местонахождение Софии Черкасовой в данный момент времени. Ей 23 года. Адрес проживания: Санкт-Петербург, Невский проспект, дом 53, квартира 389. Адрес электронной почты: **sofi@lidf.zem***

Она училась в каком-то институте, — забыл, — если надо, уточню. Заранее благодарен, Оливер.

Письмо отправлено 08.08.2100 09:10

Пока Оливер заваривает кофе, сеть оповещает о приходе сообщения. Он читает ответ.

Кому: **miguel@arh.mz**

От кого: **gamerman@fds.zem**

Тема: поиск Софии

Оливер, добрый день!

Мы очень рады весточке от тебя и очень признательны за твоё беспокойство о нашей судьбе. У нас всё отлично, насколько это возможно в данной ситуации. Катастрофа в Манхеттене нас не затронула. Идея пока зависла, но мы надеемся на её скорый рост. Мы обнаружили твою Софию по адресу: Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, дом 10. Без квартиры, видимо, это частный дом. Её сетевое устройство включено, но никто не реагирует на вызовы. Оно лежит среди каких-то других вещей, не в сумке, там есть и другие сетевые устройства. Больше нам ничего разглядеть не удалось. Рядом с устройством людей нет. Мы можем понаблюдать, может, кто-то и появится.

Письмо отправлено 08.08.2100 09:13

Кому: **gamerman@fds.zem**

От кого: **miguel@arh.mz**

Тема: поиск Софии

Спасибо! Да, было бы очень хорошо. Я пока отправлюсь по данному адресу, держите меня в курсе.

Письмо отправлено 08.08.2100 09:15

«Какие умные евреи! Который раз убеждаюсь в этом. Как так распределены мозги? Почему они умные? Может, всё дело в воспитании? Я знаю, что родители евреи не запрещают своим отпрыскам ничего, нельзя говорить слово «нет». Вероятно, всё дело в воспитании. Евреи растут самостоятельными, развиваются в полной мере, пробуют, набивают шишки и к зрелому возрасту становятся цельными личностями».

На улице, как всегда, пасмурно и идёт дождь. Запах брожения и гниения ударяет в нос. Он едва уловим, но у Оливера хорошее

обоняние, и он чувствует. Он поднимает вверх руку с растопыренными пальцами, и через минуту приземляется клаудуз.

— Здравствуйте! Сообщите, пожалуйста, место назначения, — говорит робот.

Оливер называет. Нужный дом находится почти на окраине города. Напротив разрушенное здание бывшей психиатрической лечебницы. Жуткое местечко. Много повидавшего Оливера сковывает страх от этого зрелища. С высоты больница выглядит устрашающе. На половине здания нет крыши, и видны палаты, коридор. Всюду валяются стулья, матрасы, предметы кухни, даже пианино, которое, правда, стоит. И всё это на фоне полуголых деревьев, дождя и серости выглядит как кадр из фильма ужасов. Хотя, что уж говорить, вокруг всё, как в фильме ужасов. С тех пор как началось таяние ледников, затопление, переселение и склеивание людей, этот жанр неактуален. Документальные съёмки являются фильмами ужасов. Психбольница обнесена изгородью, местами покосившейся, с вырванными пролётами, валяющимися рядом или чуть в стороне. Клаудуз приземляется в центре улицы недалеко от угла больничной изгороди.

— Мы прибыли в пункт назначения. Спасибо, что позволили мне быть нужным Вам.

Оливер кивает и выходит на дорогу, местами сбитую и покорёженную тяжёлым транспортом, давно не асфальтированную. Он тут же проваливается в какую-то грязь. Досадует, что теперь ботинок грязный. Наконец он замечает узенькую каменную дорожку вдоль домов и направляется к ней. Перепрыгивает через очередную лужу, и вот она, тропа спасения, иронично полагает он. А вот и дом, который указал Гамерман. Обычное строение, каменное, двухэтажное, достаточно большое. Окна на первом этаже закрыты наружными жалюзи. На втором этаже всего одно окно, а остальные зацементированы и сверху покрыты краской в цвет дома. Создаётся впечатление, что строили дом с окнами, а потом эти окна закрыли навсегда. Видимо, когда-то цвет дома был зелёным, но с годами выцвел и от постоянных дождей местами приобрёл цвет хаки. В результате получился камуфляж.

Издали сливался бы с зелёными кронами деревьев, если бы они были.

Оливер подходит к двери. Внутри у него беспокойно. Что-то не так, он чувствует. И эта подозрительная гробовая тишина. Ни звука машин, ни случайного шороха, треска, стука, разговора людей. Он стоит перед дверью и не может решиться позвонить. Дверь очень массивная, железная, тёмно-зелёного цвета. Нигде не видно звонка, зато есть видекамера. Он стучит. Тишина. Он стучит ещё раз, а потом ещё и уже барабанит кулаком по двери. Этот стук эхом отдаётся в разрушенном здании больницы. Ничего. Тишина. Он отходит и всматривается в окна. Но и здесь не замечает никакого движения. «Может, Гамерман ошибся адресом?» Оливер садится на ступеньку и открывает сеть на запястье. Пишет письмо своим трейдерам. Через минуту приходит ответ, что по указанному номеру сети фиксируется именно этот адрес, более того, они уловили движение. Это мужская фигура. Высокий, блондин, одет в кожаные брюки, куртку. Его удалось сфотографировать, когда он подошёл близко к сети. Больше пока никакой информации.

На фотографии вполне обычный человек, хотя есть в его облике что-то холодное и отстранённое. Оливер думает о своих проекциях. Потом вспоминает, что иногда банан — это банан, а роза — это роза, и не надо всё анализировать. Сеть снова пикает, и Оливер видит полную информацию о блондине. Это Макс Негулески, 2070 года, значит, сейчас ему 30 лет. Поляк, рождённый в Полтаве, зарегистрированный в Ленинградской области в поселении егеря, в настоящее время проживает по адресу, где Оливер сейчас находится.

Ответив благодарностью на письма, он ещё раз стучит в дверь, ждёт пару минут, потом решает уехать и подумать, что делать дальше. Нет смысла ломиться в закрытые двери. Он проходит по частному сектору метров двести и видит на горизонте клаудуз. Поднимает руку вверх, растопырив пальцы, и через минуту уже сидит в комфортном кресле машины. «Значит, так. Что я имею? Есть адрес, где должна находиться София. Макс, по всей вероятности,

именно тот, кто собрал эту психотерапевтическую группу, если это можно так назвать. Но, по словам Софии, это именно так. Хотя, сколько она проходила в неё? Кажется, два месяца. Надо с Анжелиной связаться. Приеду, свяжусь. По каким-то причинам София пропала и не отвечает на звонки, её сеть валяется в гуде других вещей по указанному адресу, и рядом ошивается этот Макс. Мне никто не открыл дверь, хотя я стучал громко и долго. Значит, кто-то, — скорее всего, Макс, — не хочет открывать дверь. Логично. Но может, трейдеры ошибаются? Например, адресом, или кто-то хочет запутать следы. И я ломлюсь не в тот дом. Единственный способ проверить — взломать двери. Нет, такую броню не взломаешь. Надо попробовать влезть через окно или поискать чёрный ход. Наверняка он есть. Должен быть. И чтобы быть незаметным, это надо сделать ночью. Сегодня ночью опять еду сюда же», — решает Оливер и на этом успокаивается.

В запасе есть почти двенадцать часов, и он решает прогуляться по городу. Давно он здесь не был. Оливер останавливает кладузу возле Петродворца и тут же жалеет о своём решении прогуляться. Кругом толчея, несмотря на дождь. И он с трудом протискивается сквозь толпу. Как уж тут не склеиться? Легко можно. Вот поэтому ему встречаются только склеенные люди. И одинокий только он один, что выделяет его из толпы. Лица у всех людей несчастные, озлобленные, угрюмые, серые, исхудавшие. В Нью-Йорке всё то же, только больше толстых людей. И ведь куда-то спешат, идут. День. Просто так двигаются, типа «движение — это жизнь». В попытке уловить её, возможно, последние мгновения. На самом деле они обманывают себя, создавая видимость движения. Оно же без цели и без смысла. Иногда, конечно, не обязательно, чтобы цель была в движении. Можно просто идти, думать, созерцать. Но сейчас у людей нет ощущения безмятежности. Они, подавляя свою тревогу, идут, чтобы не ощущать её. Не чувствовать её мучительные спазмы в животе. На экране вверху идёт реклама одежды для двойни, тройни, квартета, квинтета и даже секстета. Социум подстроится под любой запрос, и коммерция будет выживать любыми способами.

Выбравшись из зомбированной биомассы, Оливер оказывается в подворотне старинного здания и углубляется в неё. Здесь, в арке, которая спасает от дождя, спит группа бомжей. А может, они и не спят, просто лежат. У него всегда шли мурашки при их виде. Его никогда не покидало опасение, что его жизнь может сложиться так же, и он тоже может скатиться до такого же состояния. От этого нельзя застраховаться. Но вот ведь странное явление. Сейчас полно жилья, из-за высокой смертности освобождается. И у них есть возможность перебраться в квартиры. Власти в новостях постоянно передают сводки освободившегося жилья, надо только сходить в департамент жилищной политики и взять ключи. Дают всем. Оно не продаётся, никому не нужно уже. Некому продавать. Люди ждут смерти. Или от мутации, или от таяния ледников, которое не останавливается и разливается всё больше, поглощая всё живое вокруг.

Ну да, определили, что причиной мутации являются генетика и воспитание в семье. Особой сенсации не случилось. Единственное, что мутация стала результатом копившейся непроработанности, неосознанности человека. Тот, кто был проработанным в психологическом плане или кому повезло родиться в семье осознанных людей, тот избежал мутации и скорее всего уже на Микзе. Но это малая часть людей. А может, это и есть естественный отбор, о котором говорил Павлов?

Человеку было дано больше ста лет, почти двести, с момента, с тех пор как Фрейд открыл психоанализ. Психология развивалась как наука, открывались новые методы работы, направления, отрасли. Но люди не шли к психологу. Только единицы решались погрузиться в свой внутренний мир, столкнуться с болью, пережить её и вновь возродиться уже в новом качестве и с новым мировоззрением. Надо сказать, что и психологи не все были честными в своей работе, многие использовали трюки и уловки. Сами, не являясь проработанными, лишь получив корочку, уже мнили себя специалистами. Эта такая психологическая ловушка. Каждый считает себя умным и немного психологом. Разве ж объяснишь, что здесь речь совершенно о другом, и что защитные свойства психики действуют на всех, независимо от того, получил ли человек

образование психолога, прошёл ли кучу тренингов. Групповые сеансы ничто по сравнению с личным курсом терапии. Хотя вот же странно, — каким образом философы и писатели, такие как Толстой, Достоевский, Эпикур, Платон, Дидро, Гёте, Шекспир, Ларошфуко, Блез де Паскаль, смогли без внутренней проработки с помощью психотерапии прийти к осознанию жизни? Или это осознание далось, благодаря писательству и постоянной работе мысли, переживанию себя через героев? Видимо, так. Однако в каком возрасте это произошло? Уже в зрелом, за пятьдесят или гораздо старше. Это было тогда. Что, опять? Отговорки, какая вообще разница, что было раньше? Что ход эволюции нельзя изменить. Что всё предопределено, и человек — невольная песчинка, добыча в чьих-то руках. Нет, это полный бред, так же как и рассуждения о судьбе-злодейке. Оправдания ленивого. Лениью можно назвать отказ от внутреннего осознания себя и внутреннего самосовершенствования, работы над собой.

Оливер пробирается по двору, где людей практически нет, он просто идёт, размышляя и не обращая внимания на окружающее. Тут он осознаёт, что не видит и не слышит птиц. Раньше было полно голубей и воробьёв, а сейчас их нет. Куда же они могли деться? Он вновь мысленно возвращается к дому рядом с психбольницей, в котором, по предположению Гамермана, находится София. Сбоку дома он видел дверь, возможно, это запасная. Так он идёт почти отрешённо, не замечая толпы и стонов людей, весь сконцентрированный на том, как пробраться в дом. Он поднимает глаза и почти перед своим носом видит неоновую вывеску «ИНСТРУМЕНТЫ». Оливер заходит в магазин. Девушка-робот приветствует его и интересуется причиной визита. Он бегло осматривается, но во всём многообразии товаров не может увидеть ничего подходящего. Различные инструменты, приспособления висят в виртуальном пространстве магазина, и в этом хаосе сразу не разобраться.

— Да, помогите мне, пожалуйста, — поняв, что вряд ли он самостоятельно что-то здесь отыщет, обращается Оливер к девушке. — Мне бы резак по камню и железу. Я хочу распилить каменную ограду и железный забор. И чтобы было бесшумно.

— Да, пожалуйста, — робот вытягивает руку и достаёт из дальнего угла на потолке небольшой прибор, сантиметров двадцать в длину. — Это всеми любимый лазерный нож «Каларез». Он уже давно нашёл практическое применение в быту, и на сегодняшний день лучше его ничего нет.

— Как он работает?

— Заряжается от солнечной батареи, и этого заряда хватает на двадцать четыре часа. Работает совершенно бесшумно и быстро. Вот здесь регулировка длины луча и мощности, — девушка показывает на кнопки сбоку, потом показывает на другую кнопку. — Здесь инструкция с подробным описанием.

— Отлично. Думаю, это то что надо.

Оливер, оставляет свой отпечаток пальца на табло в знак благодарности, берёт каларез и выходит из магазина. Теперь у него есть более чёткие представления, как действовать и как войти в дом. Он идёт дальше. Ходьба пешком всегда помогает ему сосредоточиться на задаче, идеи сами приходят в голову, подсознание подсказывает решение. Вот и в этот раз, случайно, а может и нет, попадается магазин. Эта синхрония постоянно присутствует в жизни. Когда чего-то очень хочешь и сосредоточен на чём-то, обязательно создаются нужные ситуации, встречаются нужные люди, удачно складываются обстоятельства. Главное, быть открытым миру, доверять ему и, в первую очередь, себе.

Запиликала сеть на его запястье. Оливер поднимает руку, смотрит. Ангелина. Какая прелесть! Он пишет ей ответ, что через тридцать минут будет на связи, а пока он в толпе и не может говорить. Он решает, что на этом его прогулка закончена, тем более, он не совсем понимает, где находится. Оливер поднимает руку вверх, голосуя такси-клаудузу. Тут же сзади слышит сигнал пробирающегося сквозь толпу транспортного средства. И через двадцать минут он уже в своём номере. Скинув влажную одежду, он закидывает её в сухожаровой шкаф. Сам заходит в душ, быстро ополаскивается и согревается. Одевшись в тёплую и сухую одежду, вызывает Ангелину. Она, как всегда, лучезарная

и счастливая, трансформируется рядом с ним в виртуальном пространстве.

— Я уже соскучилась, — говорит она вместо приветствия. — Вот ведь как здорово расставаться. Тогда понимаешь свои чувства.

— Я тоже соскучился и сейчас предпочёл бы быть рядом с тобой на Микзе, в спокойном безмятежном мире. Здесь кругом хаос.

— Ну, это я знаю, не новость! На Земле хаос и беспорядок, бардак, и, вообще, жесьть, — декларирует она.

— Ладно, теперь о деле. Сегодня я нашёл место, где находится София. Мне помогли мои трейдеры, с которыми я когда-то давно работал. Они хакеры и знают различные гениальные приёмы слежения и поиска.

— А что она там делает?

— Это и для меня вопрос. Её сеть лежит в куче барахла, и трейдеры видели только этого молодого человека, — Оливер показывает фотографию мужчины. — Я уже пробил, это Макс Негулески. Вот тебе его полные данные, — Оливер отправляет Ангелине всю информацию, которую собрал. — Может, ты ещё что-то найдёшь.

— Ты думаешь, она в плену, похищена этим Максом?

— Кажется, да, а на что ещё это похоже?

— Мда... Что собираешься делать?

— Сегодня иду напролом. Уже прикупил инструментик каларез. Попробую вечером, когда здесь стемнеет. Это уже через пару часов. Немного отдохну и двинусь в путь.

— Ой, я буду волноваться. Если ты не выйдешь на связь в течение двенадцати часов, что мне делать?

— Вот тебе адрес трейдеров. Связывайся с ними, и решите совместно. Этим ребятам можно доверять, они надёжные.

— Хорошо. Желаю тебе удачи, и будь осторожен. Береги себя!

— Хорошо, буду. Пока, дорогая.

Ангелина отключается. Она чувствует себя нехорошо. Какое-то беспокойство на уровне живота, даже лёгкая тревожность. И не отпускает уже сколько времени. Сёрфинг на время снял это ощущение, а сейчас опять. Она пытается

проанализировать, что с ней происходит. С одной стороны, ей дорог этот человек, и она не хотела бы, чтобы с ним произошло какое-то несчастье. С другой стороны, она сама его попросила помочь практически посторонней девушке, то есть направила его на этот путь. Но ведь он взрослый человек, и сам несёт ответственность за свою жизнь. Так почему же при мыслях об Оливере у неё в животе колики, и в мозгу вертится рулетка «Поле чудес. Сектор миллион», как она иронично говорит себе при интенсивных переживаниях. Пройдёт — не пройдёт. С рук сойдёт — не сойдёт. Как же она любит риск! Этот кайф от риска. Адреналин. Ведь далеко не все люди такие, не все любят опасность. Вот она любит, и Оливер тоже любит. По крайней мере, он говорил это раньше. Хотя в последнее время он, кажется, успокаивается. А может, его стремление к опасности было результатом ухода от переживаний об умершей жене? Ведь именно в тот момент они и познакомились. Что ж, если это так, это хороший знак. Он уже пережил смерть и приходит в норму, возвращается к своему естественному образу мыслей и восприятию. Тогда, возможно, Ангелина перестанет связывать с ним своё будущее, и они так и останутся просто друзьями, а их отношения так и не станут чем-то большим. Он рискует, чтобы заглушить боль, а для неё риск — её сущность. У неё в мозгу такое содержание эндорфинов. Не зря же она генетик. Она уже изучила всё, что касается нейромедиаторов. И ничего тут не изменишь. Она такая родилась.

В философской праздности проходят часы, и Ангелина не замечает их. Они просто текут и текут плавным ходом через неё. Торопиться некуда. Её размышления дают успокоение, возвращают внутренний комфорт, проясняют ситуацию и отношение к ней. В конце концов, ей только и остаётся, что находиться в этой лёгкой тревожности, зная, что это не будет вечно, что это надо пережить. Главное, она здорова и живёт полной жизнью. Сейчас она пойдёт в институт, и ей предстоит исследование нематод. Это очень интересно и поглощает всё её внимание. А Оливер — взрослый мужчина, разберётся сам.

В Санкт-Петербурге наступает вечер и Оливер, снарядившись в бойцовский брезентовый костюм, оставшийся со времени учёбы в институте, устойчивый к ножевым порезам и пуленепробиваемый, берёт рюкзак с каларезом и тросом на всякий случай и выходит в сырой вечер.

По вечерам запах гниения уменьшается. То ли выветривается за день, то ли ночь укутывает его тьмой, то ли он впитывается в поток людских тел, вдыхающих его. Так или иначе, но вечером он слабеет. А в небе его вообще нет. В таком случае лучше жить ночью, думает Оливер. Без вони и кучи народа. И тут же осаживает себя за такие мысли. Не всем же так повезло, как ему. Хотя каждый — творец своей судьбы. Если ему и повезло, значит, он достоин этого, значит, он много работал и старался. «Везение — результат тщательной подготовки», — сказал кто-то из великих.

Выйдя на крышу дома, он сигналил красным фонарём ночного видения для привлечения внимания клаудуза и в ожидании слышит звуки скрипки. Кто-то музицирует. Ошибается, снова пытается взять нужную ноту и проиграть миниатюру. Несмотря на смерть вокруг. Как последняя попытка остаться в живых. Оливер думает, что это хороший знак. Он усаживается в подлетевший клаудуз, говорит пункт назначения и ещё раз прокручивает в голове план действий. Ощущает лёгкий страх и тревогу. Это естественно.

Он планирует разрезать дверь и вломиться в чужое жильё, а гарантии, что София именно там, не особо-то большие. Может, трейдеры ошиблись, всем ведь свойственно. По просьбе Оливера клаудуз припарковывается чуть подальше от названного адреса. Через три минуты он подходит к двери дома. Несмотря на то, что уже двадцать три часа и темно, ни в одном окне фасада не горит свет. Он огибает дом, и здесь видит свет на втором этаже. Очень слабый, как от светильника-ночника. Он огибает следующий угол, потом ещё. Обойдя дом, он решается вломиться в дверь со стороны, как раз противоположной к светящемуся окну. Достает свой каларез, включает его и, проведя лазером по двери, вырезает прямоугольник в свой рост. Ножом подтягивает на себя и вынимает кусок. Осторожно. Шума практически не создаёт.

Теперь, когда есть вход, он стоит и прислушивается к тишине. Всё тихо, ни шороха, ни шелеста, ни свиста. Где-то далеко гудят машины и клаудузы. Вдохнув полной грудью и выдохнув, он входит в дом. Здесь кромешная тьма, и он включает подсветку на сети. Направляет руку по сторонам. Это какой-то чулан. Много хлама и барахла, кругом пыль и грязь. И воняет хуже, чем гниением. Какой-то мертвечиной. «Ужас, — мелькает в его мозгу. — Это просто чулан, и он не ведёт в дом. Придётся снова вырезать дырку или поискать другой вход. Какая разница? И там придётся вырезать. Ладно, раз уж зашёл сюда, так дальше и двинусь, вырезая и устраняя преграды на своём пути». Он опять достаёт каларез и вырезает отверстие в стене. Пролазит. Сейчас он попадает в коридор. Здесь пусто. Ни картин, ни ламп, ни стульев. Совсем пустой коридор. И даже нет никакого хлама, как это обычно бывает, — там мешочек валяется, там тряпочка. Ничего. Он выбирает направление и идёт сначала направо, здесь коридор заканчивается дверью. Оливер открывает её. Это ванная и туалет. Он заходит, видит туалетные принадлежности и предметы.

Здесь живут люди, один или два человека. Хотя зубная щётка одна, на полке стоят женские духи и мужской одеколон. Духи какой-то очень старой марки, которую уже давно сняли с производства. Шанель №5. Мужской одеколон обычный, такой продаётся на любом интернет-портале. На верхнем ободке раковины он замечает капли крови, как будто смывали и не заметили. Уже засохшие. «Может, кровь из носа шла?» — предполагает Оливер. Он открывает шкафчик и видит лезвие, тоже столетней давности. Опасное лезвие. И на нём остатки крови. Он трогает пальцем острую сторону. Она затупилась, непонятно, как режет. «Неужели хозяин — суицидник, извращенец, получающий кайф от боли и вида крови? Есть такие больные люди. Да, не хотелось бы иметь дело с отмороженным маньяком. И если София здесь, жива ли она ещё?» Оливер разворачивается, чтобы пойти дальше и вздрагивает, потому что у входа в комнату стоит высокий мужчина-альбинос с ухмылкой на губах, а в руке он держит что-то вроде пистолета.

Оливер не успевает сориентироваться и отскочить в сторону, как его настигает разряд дальнего электрошокера, именно он в руках у незнакомца. Обжигающая резь по щеке, и Оливер падает парализованный, не в силах пошевелить ни руками, ни ногами, ни телом, ни головой. Лицо одеревенело, подвижными остались лишь глаза. Он пробует открыть рот и произнести слово, но получается нечленораздельное мычание. Только мысли в голове: «Вот дурак, как я мог так попасть? Чёрт! И как он зашёл, что я не услышал шагов? Может, по камере видеонаблюдения увидел? А, точно. Я же видел камеру и не отключил. Тут всё казалось таким брошенным и нежилым, что думал, и камеры не работают. Ненавижу электрошок. Вероятно, это и есть Макс Негулески. Чёрт. Вот попал! Эх, неудача какая. Гадство». Оливер чувствует бессилие и беспомощность, и слёзы готовы предательски вырваться наружу. И миссию свою не выполнит, и как посмотрит Ангелине в глаза? А может, уже и не посмотрит.

В это время незнакомец подходит к нему и разглядывает со странным интересом. Глаза у него пустые, бездонные и ничего не выражают, ни злости, ни гнева, ни радости.

Глава 12

— Ммммммыгыыуоммммоооыммммммм.

— Сейчас отнесу тебя, не беспокойся, это скоро пройдёт. Я не собираюсь тебя убивать. Мне интересно будет наблюдать за тем, как ты сам себя убьёшь. Будешь в дружной компании других людей, милый, — Макс проводит рукой по волосам незнакомца и потом по щеке, внимательно вглядываясь.

Перед Максом молодой человек с волосами до плеч. Сейчас он может только поводить глазами. И они выражают гнев. Никакого страха, нет даже тени. Макс пристально смотрит на него и завидует. У него самого часто бывают удушливые приступы необоснованного страха, такие, что невозможно дышать и комок боли сковывает живот до тошноты. И тогда он идёт в ванную и режет себя. И страх на время отпускает.

— Интересно, какова цель твоего визита? Ну, ладно, надеюсь, ты позже откроешься мне. Все вы откроетесь. Таковы правила игры. А раз ты здесь, значит, играешь в мою игру.

Макс обшаривает карманы незнакомца. Там пусто. Снимает сеть с руки. Берёт рюкзак, который стоит на полу рядом с раковиной и разглядывает содержимое.

— О, дружище, так ты подготовился к визиту основательно. Что это? Неужели именно то, о чём я думаю?

Макс берёт каларез и нажимает на кнопку. Вылетает луч лазера, чуть не продырявив ногу Оливера, задевает штанину и проходит по стенке под раковиной. Клочок ткани падает на пол, открывая дыру в штанах. А в стене образуется щель. Макс тут же снимает палец с кнопки.

— Ты что, порезал мне двери или стену в доме? — осеняет его, и он со злостью размахивается и кулаком бьёт Оливера в лицо.

От этого ощущает боль в кисти, так как драться никогда не умел и боялся. Сейчас не боится, вот и бьёт от злости. — Ах, ты, гадёныш! Как посмел? Обещаю, что тебе будет хуже всех. Уж я постараюсь и позабочусь об этом.

Макс берёт немного Оливера за шиворот и тащит, как мешок, к общей комнате, где заперты участники группы. Это очень тяжело. Он несколько раз останавливается, чтобы отдышаться. Хорошо, что он решил разместить группу на первом этаже, хоть по лестнице не надо поднимать. Подойдя к двери, он проводит магнитом по замку и открывает её. Все лежат на диване в дремотном состоянии. Не спят только София и Сандра, которая очнулась. Они что-то обсуждают. При виде открывающейся двери они порываются встать, но не могут двинуться, удерживаемые спящими. Лишь смотрят, как Макс затаскивает незнакомого человека с сиреневым загаром и красным пятном на щеке.

— Вот вам пополнение. Любите и жалуйте.

С этими словами он бросает на пол Оливера, которого держал за ворот, и уходит, захлопнув за собой дверь.

Соня и Сандра, на минуту онемевшие, не сговариваясь, одновременно начинают расталкивать соседей. Динара, Мигель и рыжий просыпаются с нежеланием и что-то бормочут, а Марию никак не удаётся разбудить, и им не сдвинуть её огромное тело весом в сто пятьдесят килограммов.

— Во, блин. А это ещё кто? — сразу спрашивает рыжий.

— Мы бы тоже хотели узнать, вот и разбудили вас. Без вас мы это сделать не сможем.

— Да какая разница, кто это? Всё равно мы все тут подохнем, как мухи, приклеенные к липкой ленте. Одним больше, одним меньше, — злится разбуженная Динара.

— А та разница, что он хотя бы не склеен, — вставляет София.

— Мария не просыпается, — говорит Мигель, пытавшийся её растолкать, и прощупывает её пульс. — Кажется, жива.

— Тогда давайте растянемся в цепочку, — предлагает София, — и я, как крайняя с противоположной от Марии стороны, посмотрю, кто это.

Они отходят от дивана, оставив Марию лежать и растянувшись до боли в склеенных местах. София приближается к незнакомцу. Это молодой мужчина с русыми волосами до плеч, красивым лицом, на котором выделяется волевой подбородок и орлиный нос. Он слегка небрит и лишь беспомощно моргает, глядя на Софию. Потом закрывает глаза и отключается.

— Кто ты, как тебя зовут? — спрашивает она.

— Мммммм, — мычит Оливер в ответ.

— Понятно, ты временно парализован, — скорбно резюмирует София и, уже обращаясь к группе, — обычный мужчина, каких много. Только сиреневый перламутровый загар выдаёт, что он иностранец, с другой планеты. А красное пятно на щеке, — скорее всего он ударился или его ударили. Например, Макс.

— А в карманах есть что-нибудь?

— Нет, ничего, — говорит София, похлопав по карманам свободной правой рукой.

— Судя по тому, что Сандра была в отключке шесть часов, а Макс, видимо, применил тот же метод, этот бедолага проваляется приблизительно столько же, — философски подмечает Мигель.

— Ладно, пошли спать дальше. Неизвестно, что день грядущий нам готовит, и вообще проснёмся ли, — сонно бормочет Динара.

— Странно, как ты вообще можешь спать с такими мыслями, Динара? Я, если бы знала, что могу не проснуться, не смогла бы заснуть вообще, я и так почти не сплю, — бессильно и тихо говорит Сандра.

— Да шучу я, Сандра, не обращай внимания. Да, видно, ты очень нервничаешь.

— А как не нервничать, ты что? Мне не нравится быть пленницей здесь и склеенной с вами.

— Да сейчас кругом все склеенные, — вставляет рыжий. — Какая разница? Здесь, там. Здесь хоть еда есть и на вас на некоторых приятно посмотреть.

— Ты так говоришь, потому что не был склеен и не знаешь, что это такое, годами быть прилепленным к другому

человеку, — говорит София. — Это ужасно. Тяжело и эмоционально, и психологически.

— Кстати, я вспомнила про правила. Там как раз говорится о том, чтобы мы рассказывали друг другу истории из жизни. Истории надо вспоминать до пятнадцатилетнего возраста.

— Ну, всё. Тихо! Давайте поспим хоть немного, — стонет Динара и тянет Мигеля с собой на диван.

Мигель молчит. Он и так немногословен, но под влиянием Динары становится совсем безвольным и немым, как рыба. Все по цепочке домино валятся на диван и некоторое время лежат молча. Действительно устали и тяжело.

— Ой, я хочу в туалет, — еле слышно говорит Сандра.

— Ёперный театр, не могла сказать раньше! — злится Динара. — Пошли, опять встаём.

Они снова растягиваются в цепочку, только в противоположном направлении, в сторону туалета, но не дотягивают. Мария спит, и будить её бесполезно.

— Придётся в горшок сходить, — виновато говорит Сандра.

Ближайшая к горшку София, подаёт ей его, и Сандра взглядом показывает рыжему отвернуться. Мочится в горшок и отдаёт его Софии, которая дотягивается до унитаза и выливает мочу. Наконец они возвращаются на диван, ложатся и пытаются заснуть. Кто-то ещё ворочается, Динара ворчит. Но всё же усталость берёт своё, и все засыпают.

Осмотрев место взлома, Макс стремительно направляется в комнату матери. Она открывает глаза, когда заходит сын.

— Ты представляешь, какой-то незнакомец вломился к нам в дом, — Макс подходит к кровати, садится с краю и берёт холодную руку матери, сжимая её, — но я его поймал и отключил. Теперь он в комнате, со всеми участниками нашего эксперимента.

Мать безмолвно смотрит на стену, но Макс знает, что она слышит его.

— Только эксперимент вяло продвигается, никакой динамики. Это раздражает меня, и я пока не знаю, как ускорить процесс.

— Ммммммм, — мычит мать.

— Что ты говоришь? Не стоит ускорять? Должно пройти время? Но времени нет.

Макс смотрит на мать. Она так же неподвижно лежит и смотрит в стену. Он включает экран. На стене теперь видна комната, где ворочаются участники группы. Новенький взломщик всё так же лежит на полу.

— Ладно, пусть поспят. Завтра начнём активные действия. Уже должны привыкнуть к своему состоянию, к тому же прибавление появилось.

Он наклоняется к матери, чмокает её в щёки и в губы, поднимается и уходит. Тревожное чувство сковывает в животе, и появляется мысль о боли, которая сможет купировать этот животный страх. Он, как обычно, заходит в ванную комнату, где недавно застал непрошеного гостя, достаёт лезвие. Затаив дыхание, Макс прицеливается и лёгким привычным движением проводит по запястью. Брызжет кровь и начинает литься струйкой. Он выдыхает от быстро наступившей разрядки и теперь смотрит в некотором оцепении, как кровь капает в раковину. Сразу становится легче, как будто кровь приближает его к заветному источнику страха. К страху смерти, который неосознан и проявляется тревогой. Быть близко, на волосок, от смерти очень волнительно и чрезвычайно возбуждает.

Присев на край ванны, он мысленно переносится в своё детство. Видит своего отца. Они идут на охоту, отец с ружьём, а Макс помогает нести его сумку. Внезапно из-за дерева выходит огромный медведь, и отец промахивается от испуга и неожиданности. Медведь напрямик направляется к ним. Он одним ударом отшвыривает отца в сторону. А Макс стоит в оцепенении и смотрит на зверя, который теперь движется прямо на него. И вот он уже подходит к мальчику, поднимает лапу, и опускает её на Макса. В то же мгновение мальчик выходит из ступора и отпрыгивает в сторону. Медвежья лапа всё же задевает его, когтищами проходит по руке сбоку. В это время отец приходит в себя, ещё раз прицеливается. Звучит выстрел. Медведь с рёвом уходит в лес. Отец подползает

к сыну, смотрит на его руку, с которой стекает кровь. Макс в испуге смотрит на отца, и тот, увидев, что с сыном всё в относительном порядке, облегченно улыбается. Это на него не похоже. Отец всегда был какой-то отстранённый и никогда не замечал сына, погруженный в свои мысли. Макс всегда чувствовал себя лишним и что мешает отцу. И только в эту минуту вдруг ощутил его тепло и любовь. Это наполнило его радостью и чувством безопасности. У самого отца распорото бедро, льётся кровь. Он перевязал себе ногу, а сыну руку, и они возвратились домой. Может быть, с тех пор Макс и полюбил это чувство страха, а потом тепло и любовь, и ощущение боли со сладковатым запахом крови. Потому что вновь и вновь возвращается к этому. Непрожитое прошлое всегда стучится в дверь и напоминает о себе.

Он смывает кровь под струёй воды и перебинтовывает рану. Теперь он возвращается мыслями к эксперименту и чувствует возбуждение, как от ожидания чего-то нового и захватывающего. Для него сейчас главная цель — завершить эксперимент, сделать открытие, прорыв в науке. Он хочет стать популярным и нужным. Где-то в глубине души он надеется, что тогда мама выздоровеет и будет снова его любить. И ради этого он готов на всё.

Оливер просыпается от яркой вспышки в сознании. Он вспоминает произошедшее и оглядывает комнату. В полутьме он видит группу людей, лежащих на диване в неестественных позах. Тут же до него доходит, что именно в этом доме захвачена София и скорее всего сейчас лежит среди этих людей. Он и трейдеры не ошиблись. По уродливым позам он догадывается, что все они склеены.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — произносит он вслух.

Над диваном поднимается голова с рыжими волосами. Оливер, хоть и в полутьме, тут же узнаёт в ней Софию, которую видел на фотографиях.

— София, это ты?

— Да, — грустно и обессиленно отвечает София и, как будто выйдя из оцепенения, продолжает более радостно, — это ты, Оливер? Мне Ангелина говорила, что ты должен приехать, но...

— Да, это я. Хорошо, что нашёл тебя. Как теперь нам выбраться отсюда?

— Тихо, тихо, — Соня прислонила палец к губам. — Здесь всё прослушивается.

— Что произошло, ты знаешь?

— Ничего особенного. Мы ходили сюда на группу и как-то остались на чай с тортом, уснули, а когда проснулись, оказались уже все склеенные, — София лежит, приподнявшись на локте, и старается поменьше шевелиться, чтобы не разбудить других.

Оливер с трудом встаёт, всё его тело ломит от вчерашней встряски, и подходит к Софии. Садится на край дивана.

— А кто всё это устроил? Этот блондин-альбинос?

— Да.

— А зачем ему всё это?

— Вот бы знать, — ухмыляется София. — Он говорит, что проводит эксперимент с целью помощи науке. Чтобы найти средство для расклеивания людей.

— Вообще-то, гуманная цель, но поскольку используются такие методы, это уже насилие над человеком, — шёпотом говорит Оливер. — Есть какой-то план действий?

— Нет, пока что. Мы только два дня здесь, сегодня будет третий. Все ещё в шоке. Для кого-то склеивание происходит в первый раз. А для меня не в первый и для Сандры тоже, — она показывает на соседнюю девушку с копной кудрявых волос, потом на женщину, лежащую с открытым ртом и храпящую, как слон, — и для Динары не впервой. А про остальных пока не знаю. Мы ещё не очень-то открыты друг для друга и не делимся своей болью и прошлым.

— Ясно. А чего он хочет? Что-то требует?

— Да, вот, он прислал нам правила. С одной стороны, мне это кажется полным бредом, с другой стороны, может, и не бред. Надо попробовать. Но практически все отказываются и бастуют, и мы не сдвигаемся с места.

София наклоняется, достаёт из-под дивана листок и подаёт его Оливеру. Он читает:

ПРАВИЛА ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕРИМЕНТА.

Цель — дезидентификация.

Мы находимся во власти всего, с чем отождествляет себя наше «Я», и управляем, руководим и используем всё, с чем нам удалось дезидентифицироваться.

1. Представьте, что вы — одно целое. Имеется в виду, не в вашем теле, а группа тел — это внешнее отражение каждого из вас и ваших частей личности. Окружающие вас — это ваши проекции.

2. Вы должны познакомиться со своими частями личности посредством искреннего и открытого общения с другими участниками.

3. Отождествить стороны своей личности со всеми участниками группы по очереди.

4. Осознать всех участников группы, тем самым осознать все части личности в себе, путём глубокого анализа и погружения в мир каждого.

5. Проговорить все травмы, комплексы детства приблизительно до 15 летнего возраста.

6. Выслушать каждого безоценочно и без осуждения. Просто молча слушаем, осознаём.

7. Принять всех участников группы и принять части личности в себе.

Когда вы выполните всё, что изложено в правилах, теоретически, вы должны расклеиться. Убедимся на практике, что будет именно так.

Наказания за невыполнение правил:

1. Лишение еды за враньё и перспектива никогда не расклеиться.

2. Оглушение лазером за неподчинение.

3. Запрещается осуждать, оценивать и советовать. За это тоже штраф, пока не придумал, какой именно. Будет сюрприз. 😊

София смотрит на Оливера, и слабая волна охватывает её тело, сковывает в животе. Давно забытое ощущение тревоги и страха. После ужасного склеивания с Карлосом и отсутствия каких-либо радостных чувств она испытывает любовный голод.

— Да уж, — многозначительно произносит Оливер. — В этом есть своя логика. Но зачем же насильно? Нашёл бы добровольных участников. И потом, мне непонятен термин дезиндентификация.

— Мне тоже непонятен. А кто согласился бы добровольно? — усмешается София, сглатывая и выдыхая.

Оливер смотрит на Софию. «Боже, сколько нежности! Может, это и есть любовь с первого взгляда, о которой писали в прошлом веке? — проносится в её голове. — А может, это я всё себе придумала и нафантазировала, потому что давно не в отношениях и одинокая? Как будто мне нужны эти отношения. Это из-за усталости и слабости, и общей аномальной ситуации. Вот и вижу в нём своего спасителя, и проецирую на него образ отца и идеального мужчины. Кажется, в психологии это как-то так формулируется».

— Значит, так. Вы все склеены. Только я свободен. Но надолго ли, неизвестно, — Оливер сосредоточенно думает. — Надо продумать план действий.

— Кто тут шепчется? Дайте поспать, — ворчит сонная Динара.

Оливер и София умолкают и смотрят друг на друга. Опять невидимый ток проходит между ними и электризует пространство вокруг. Оливер тут же вспоминает об Ангелине и успокаивает себя мыслью, что они лишь друзья. Он тоже чувствует себя очень близким Софии и кажется, слов не надо, и так всё понятно. Его охватывает чувство, что они родились друг для друга, и всё, что было в прошлой жизни, — лишь подготовительный этап к этой встрече. София мягкая, нежная, тёплая, беззащитная. По сравнению с жёсткой, волевой, слегка холодной Ангелиной. Ангелина была его ангелом-хранителем на время переживания утраты жены, но он уже пережил этот период. «Может, так и надо, ведь неспроста я здесь, чтобы спасти Софию и привезти на Микзу. Всё сложилось, как надо. Всё срослось».

— Давай просто полежим в тишине, пока не проснутся остальные, — предлагает Оливер, укладывая своё ноющее тело на диван рядом с Софией.

— Хорошо, — еле слышно отвечает девушка с замиранием сердца.

Вот он, лежит рядом с ней. Её мечта. Мужчина, которым она грезила всю жизнь, и она может его потрогать, пощупать. «Значит, так. Что там в правилах написано? Надо дезиндентифицироваться. Как это? Отделиться от своих частей и посмотреть на них со стороны. Если учитывать то, что всё окружающее меня — проекция, значит, все эти приклеенные ко мне — это моя проекция, то, что я в себе не замечаю, подавляю, не осознаю».

Светает. Несмотря на тусклое пасмурное небо, далёкое, скрытое за облаками, тучами, туманом и смогом, свет всё же проникает в комнату. Загораются все настенные экраны, и в комнату смотрит Макс. Он наблюдает за спящими и ждёт, когда они проснутся. Ещё немного подождёт и будет будить. Нечего, не на курорте. Он замечает, что новенький прилёт рядом с Софией и заснул.

— Доброе утро, ребятки-козлятки! Просыпайтесь, просыпайтесь, — почти кричит Макс через минуту. — Хватит спать, сегодня была нелёгкая ночь, и день тоже будет тяжёлым. Это я вам обещаю.

Люди шевелятся, вьются и нехотя просыпаются.

— Итак, уважаемые! Пока вы просыпаетесь, я расскажу вам, что произошло и что нас ожидает сегодня. Сегодня к нам проник неизвестный. Судя по загару, он инопланетянин. Идентифицировать его личность я не смог, поэтому надеюсь, он сам расскажет нам о себе. С этого момента он также является членом нашей команды. Бывают неожиданности в жизни, и он — наша, ваша, неожиданность. К чему это приведёт, не знаю. Но от плана не отклоняемся. Надеюсь, правила все изучили.

— Эй, подожди, у меня два вопроса, — Оливер уже проснулся, сидит на диване рядом с Софией и остальными и внимательно смотрит на экран, пытаюсь понять психологию этого ненормального. — Во-первых, на каком основании ты насильно держишь людей? Это уголовное дело.

Макс смотрит на Оливера в упор и выжидает. Проходит минута молчания. Он раздумывает, стоит ли его сейчас оглушить лазером и заткнуть или в другой раз.

— Просто я так захотел, и всё, остальное тебя не касается. И заткнись на тему уголовного дела. Какие дела? В это время... Не смейся. А вообще у меня благие намерения. Я хочу вам помочь и другим тоже. Вы не понимаете причин своего склеивания, а я их знаю. Я помогу вам расклеиться.

— Как будто мы просили тебя об этом,— обиженно говорит Сандра.

— Вы пришли ко мне в группу — значит, просили. Да. Может, не вслух, но просили. Новенький не просил. Кстати, как тебя зовут?

— Меня зовут Оливер. А ты Макс Негулески, насколько мне известно,— помолчав и подавив свой гнев, сквозь зубы произносит Оливер. — Может, всё же по-хорошему откроешь дверь и выпустишь нас, пока не стало хуже? О моём местонахождении известно ряду людей, и вскоре они придут на помощь.

— О, я поражён! Какая осведомлённость! Не пугай меня, я не думаю, что твои друзья придут на помощь. В такое-то время. Сейчас каждый сам за себя. И потом, я буду обороняться, если что. А здесь глухой район, и никто ничего не услышит,— самодовольно и уверенно произносит Макс и, пригладив волосы на голове, спрашивает,— а куда вы пойдёте? В ближайший стационар и отдадите свои тела на разрезание и физическое отделение друг от друга? Рано или поздно вы всё равно бы склеились, не здесь, так в другом месте. Я всего лишь немного ускорил процесс. Это для вашего же блага.

— Ты сумасшедший, большой придурок,— вставляет Динара.

— А теперь всем заткнуться и молчать! Ещё раз кто-то меня оскорбит, я воспользуюсь лазером. Вы это уже испробовали. Итак, хватит болтовни. Давайте за работу. План такой: сейчас вы завтракаете, делаете свои туалетные дела и начинайте. Правила у вас есть.

— Вот как раз по поводу правил я и хотел спросить,— Оливер берёт листок в руки, ещё раз пробегает изученный текст. — Мне

кажется непонятным термин «дезидентификация». По приставке можно толковать, как обезличивание, но по правилам наоборот, мы должны осознать себя и свои части через других людей.

— Я имел в виду отделение своего «Я» от тела, эмоций, мыслей, ощущений, разума, социальной роли, какой-то одной стороны своей личности. Вы вовлечены в великий процесс перерождения, пусть и не по своей воле. Это неважно. И в этом процессе дезидентификации вам помогут другие люди. Так вы быстрее увидите все свои части личности, неосознанные и сформированные погребёнными непрожитыми эмоциями. Теперь ясно?

— Кажется, да, вполне понятно. Но, тем не менее, сознательное, целенаправленное и добровольное сотрудничество может в значительной степени содействовать и помогать процессу, ускорять его.

— Вот вы и станьте первыми добровольцами. На этом всё, мне надоело разговаривать с вами. За работу, — Макс отключает сеть.

— Да, с ним шутки плохи. Он болен, но кажется, не совсем чокнутый, хотя чёрт его знает, что у него на уме на самом деле. Кстати, я видел кровь в его ванной, — задумчиво произносит Оливер.

— Не знаю, у нас здесь пока что не было кровопролития. Может, он кого-то до нас заколбасил, — пожимает плечами рыжий.

Холодок пробегает по телу Софии, Сандра передёргивается, рыжий улыбается, Динара замирает в ступоре, открыв рот, Мигель опускает глаза и смотрит на свои стопы, Мария раздувает щёки, а Оливер наблюдает реакцию, мимику и жесты окружающих его людей. В молчании проходит минута, а то и больше. Неожиданно часть противоположной стены уходит вглубь, и образуется ниша, из которой выезжает небольшой сервировочный столик с едой. Булочки, масло, сыр, чай. Скучновато, но и на том спасибо. Все встают и направляются к нему, переносят всё на большой стол в центре комнаты. Столик издает писк и через 5 секунд возвращается к стене, въезжает в нишу, которая мгновенно закрывается с лёгким щелчком.

— Я хочу в туалет, — говорит рыжий.

— Кстати, я тоже, — подхватывает Мигель, стеснявшийся первым сказать об этом.

— Что ж, пошли в туалет сначала, — командует Динара, считающая себя самой старшей не только по возрасту.

Они разворачиваются и друженько идут гуськом в сторону туалета. Оливер остаётся у стола. Голод даёт о себе знать, и он наливает себе горячий чай, берёт булку, медленно отламывает кусок и кладёт в рот. Торопиться некуда, и он размышляет: «В его эксперименте есть смысл, но зачем же силой? Хотя, действительно, мало кто самостоятельно решает работать над собой и помогать себе. Все ждут помощи из внешнего мира, считая, что он им должен. А если не дожидаются помощи, винят судьбу. Как же легко можно скинуть ответственность за свою жизнь на судьбу-злодейку. А ещё вера в бога. Значительная часть людей верит в помощь всевышнего. Окутали себя приятной иллюзией. Да уж... Как было сто-двести лет назад, так и осталось. И таяние ледников не просто так произошло. Безответственность человечества достигла таких масштабов, что среагировал внешний мир. Он стал таять и разливаться, занимая собой пространство, вытесняя из него людей, медленно выживая их».

За столом все завтракают молча. Никто не хочет разговаривать. Все представляют, что впереди им предстоит погружение в свои травмы и глубокий психоанализ. Да ещё раскрытие на группе. Это не личная психотерапия, где ты один на один с психологом. Каждый продумывает, какую историю расскажет в первую очередь, какую потом. Каждый понимает, что необходимо быть честным. Если кто-то будет врать, то велика вероятность, что эксперимент провалится, и никто не расклеится, и тогда вообще неизвестно куда всё это заведёт. Наконец, все поели, и цепочка вернулась на диван. За столом остался Оливер, неторопливо наслаждающийся чаем, который, не в пример ситуации, оказался действительно хорош.

— Раз получается, что Оливер у нас не склеен, пусть тогда он управляет процессом, — предлагает обычно молчаливый Мигель.

— А почему это он? — быстро встречает Динара.

— А, хочешь ты? Пожалуйста. Но Мигель прав, кто-то должен управлять. Это как на войне и в любой группе, — поддерживает

Оливер. — И я непротив. Правда, не уверен, что сам не приклеюсь в один прекрасный день.

— Да, пусть будет так, это разумно, — деловито говорит София.

Наступает пауза. Все переглядываются. Хоть раньше на занятиях они уже обсуждали свои проблемы, но теперь всё по-другому. Вдруг загораются экраны, и появляется Макс.

— Поели? Хорошо. Теперь давайте за работу. Всё, как и раньше на наших занятиях. Вы немного изменились и склеились, но это не беда. Тем больше мотивация к познанию себя и работе над собой, — Макс оглядывает всех присутствующих. Все молчат. — Ладно, кто первый начинает? Кстати, можем предоставить приоритетное право новенькому. Предлагаю представиться, рассказать о себе и сразу историю из детства.

Макс внимательно наблюдает за Оливером. Последний молчит. А все остальные выжидающе смотрят то на Макса, то на Оливера.

— Хорошо, — немного помолчав, твёрдо говорит Оливер. — Так. Я Оливер. Сейчас живу на Микзе, занимаюсь научной деятельностью. Прилетел на Землю для участия в конференции и заодно проведать Софию. Вот и обнаружил её здесь. Остальное вы уже знаете. Теперь история...

Оливер с виду уверен в себе, он знает, какую историю рассказать. Не так давно он уже экспериментировал с Ангелиной. Он сидит возле стола как раз напротив дивана, куда все переместились после завтрака. Грациозно и непринуждённо он попивает чай, закинув ногу на ногу. Все его движения легки и спокойны. Этим он очень отличается не только от участников группы, но и вообще от землян, его сразу можно выделить из общей массы. Так думают и София, и Сандра, и Динара, и Мария, и даже рыжий, поглощённые созерцанием Оливера. Лишь Мигелю безразлично окружающее, и он отрешённо рассматривает пол под ногами. А Оливер после небольшой паузы продолжает:

— Когда я учился классе во втором или третьем, учительница математики вызвала меня к доске. А я дома не сходил по-большому. Так сложилось. Я пыхтел, силился сдержаться и пока

сидел на стуле, было терпимо. Я ждал перемены. И надо же было случиться, что меня вызвали. Я вышел, стал на компьютерной доске решать задачу и тут не выдержал, разразился мощным... Мммм, как бы покультурнее выразиться,.. — Оливер замолкает, подбирая слова. — Нет других слов для этого, кроме как... В общем, пердёжем, и обосрался... Я чувствовал, как говно вылезает из меня, попытался задержать руками, но не смог. Я покраснел, мне было очень стыдно. А когда вонь распространилась на весь класс, и все ребята зафукали, мне стало стыдно вдвойне, и я заплакал. Учительница быстро вывела меня в туалет, и я просидел там, пока через пять часов за мной не пришла мама. Естественно, я потом не хотел идти в школу, просил перевести меня в другую. Но через неделю всё равно пришёл. Все смотрели на меня, показывали пальцем, хихикали и в дальнейшем иногда поддразнивали. Так что обосраться — нереальный конфуз, — Оливер улыбается, довольный собой, испытывая чувство облегчения. Он предполагал, что ему и в этот раз будет стыдно, но так как он уже рассказывал эту историю на психотерапии и Ангелине, с каждым разом она утрачивает свою значимость.

— Что ты чувствуешь сейчас? — осторожно спрашивает София.

— Кажется, стыдно немного.

Все молчат. Рыжий прыснул, и все осуждающе на него обернулись. Он тут же замолчал.

— Да, действительно, обосраться — нереальный конфуз. Действительно, — повторила Динара. — Но сколько раз люди, — и я, и все, — обсираются. Не буквально. Сплошь и рядом, и постоянно в жизни. И ничего, проходит.

— Кажется, меня этот произвольный акт сопровождает всю жизнь. Даже сейчас я обосрался, когда сюда пробирался. Надо же было попасться.

— Да, это ты оплошал, дружок. Ну, ничего, пройдёт, — замечает Макс, который сидит по ту сторону экрана, подперев голову рукой.

— Ой, да пошёл ты! — Оливер стучит кулаком по столу.

— Ну-ка! Разговорчики. Захотел лазариуса попробовать? Сейчас устрою. Мне вообще нравится эта штука. Сандра уже испробовала и теперь как шёлковая. Да, милая?

Сандра покрывается краской и опускает глаза. Ей сложно скрывать свои чувства к Максусу, как она ни старается. Она его и ненавидит, и любит одновременно.

— Раз на Сандре остановились, может, теперь ты нам расскажешь историю? Да, Оливер, забыл поблагодарить тебя за откровенность. Спасибо.

Хоть Макс и говорит правильные вещи, но в его голосе столько холодной учтивости, что ему сложно верить и открываться. Но выбора нет, и все подчиняются ради своего же блага, хоть и мифического, но надежда остаётся всегда. Страх и надежда. То, что может убить, опустить, и то, что может оживить и поднять на высоту. Макс с экрана смотрит на Сандру, и оттого, что экранов много, и он множится на восемь и смотрит со всех сторон, она ещё больше заливается краской. Сложно спрятаться от его взгляда. Наконец Сандра поднимает глаза. В них столько мольбы, вселенской грусти и беспомощности. И ей уже кажется, что нет никого вокруг, только она и размноженный Макс. Она вздыхает. Теперь уже оглядывает всех. Они в полном молчании терпеливо ждут, когда она настроится.

— Ну, в общем, у меня такая история. Грустная и обидная, — еле-еле, тихим, почти безжизненным голосом, начинает она. — Как-то, когда мне было около пяти лет, я заболела. Сначала долго кашляла, потом мама обнаружила температуру. Не сразу. Я всё терпела и боялась признаться, что болею и плохо себя чувствую. Она всегда говорила: «Не дай бог, заболеешь, у меня нет денег на лекарства, и сидеть с тобой нет возможности». И я боялась и терпела. Когда уже температура поднялась до сорока градусов, как выяснили позже, и я не смогла встать с постели от упадка сил из-за жара, она заметила, что со мной что-то не так. Сначала кричала на меня, потом вызвала скорую помощь, и меня увезли в больницу с пневмонией. Там я пролежала около месяца. Когда меня выпи-сали, и я с радостью приехала домой, соскучившись по маме, там

в этот же день был какой-то праздник. А, день рождения мамы. И пришли гости, — у Сандры увлажняются глаза, и она всхлипывает. Немного молчит, собираясь с духом. — Вот. Я, радостная, сначала помогала маме накрывать на стол, выполняла её поручения. И потом, когда она уже сидела с гостями за столом и была выпившая, я липла к ней, — ведь соскучилась очень, — и захотела к ней на колени. Она резко отстранила меня, выпила рюмку водки и сказала: «Лучше бы ты там, в больнице, осталась и умерла. Как же ты надоела мне, липучка». Кажется, до меня в тот момент не дошли её слова, и я ещё попыталась забраться к ней на колени. Тогда она меня скинула. Я упала на пол, ударилась, заплакала. Кто-то из гостей мужчин, положив руку на плечо маме и обняв её, сказал: «Ну что ты маму беспокоишь? Видишь, она отдыхает. Шла бы ты спать». И я ушла в комнату. И слышала, как смеются. И плакала в подушку от боли, от отверженности и от невыносимой тяжести. Я даже сейчас ощутила вновь эту боль и тяжесть в животе. Это невыносимо. Старшая сестра пыталась меня успокоить, хоть была старше меня всего на три года. Я была с ней очень близка, и когда она умерла, я потеряла всё на свете. Тогда я думала, что мы с ней связаны одной тайной. Мы видели, как пьёт и гуляет наша мама, приводит разных мужчин, после того как развелась с нашим отцом. Хотя мы сами настояли на разводе, так как они постоянно ругались и дрались. Мы с сестрой всегда были вместе. Но я никогда не забывала эту фразу: «Лучше бы ты там, в больнице, осталась и умерла». Когда умерла мама, я даже не плакала, хотя мне было грустно. Мне было грустно за её жалкую, убогую жизнь, за её нелюбовь к себе и к нам. А когда умерла сестра, я целый год не выходила из депрессии, да и сейчас ещё не пережила утрату.

Сандра замолкает и наступает тишина.

— Мне кажется, это очень тяжело, услышать такое от мамы, самого близкого и дорогого человека. Ведь всем известно, что только мать способна любить безусловно. Видимо, это не так, — София обнимает Сандру. — Спасибо, что поделилась.

— Я тоже хочу высказаться, — вздыхает Мария. — Я тоже думаю, это тяжело. Ты когда рассказывала, у меня мурашки шли по

телу. Это ж какой надо быть чёрствой, холодной матерью, чтобы такое сказать своему ребёнку?

— Тут ясно, проблема в маме, причём очень серьёзная. Ей надо было бы полечиться у психиатра, — злобно произносит Динара. — И ведь рожают ещё такие суки. Какого чёрта плодятся? Не умеешь любить — не лезь. Я считаю, что нужно сначала в себе полюбить ребёнка и взрастить его там, холить и лелеять. Стать творцом, истинным творцом, что-то создавать и только потом давать жизнь другому человеку. А то рожают для чего, в основном? Чтобы продлить себя в потомстве, чтобы кто-то позаботился в старости, чтобы удержать мужчину или наполнить свою жизнь смыслом. Полный бред. Не скрываю, и я грешила таким образом мыслей, но когда поняла, что это неправильный путь, попросила прощения у своих детей. Я ошиблась, и это очень дорогая ошибка. Поздно я это поняла. И даже иногда ненавижу себя за это.

— Динара, может, ты расскажешь историю из своего детства? Я полагаю, что корни твоей ошибки, за которую ты себя ненавидишь, в детстве, — вставляет Макс, как только Динара останавливается.

Надо сказать, он отлично ведёт процесс и владеет техникой групповой терапии. Хотя для этого не обязательно быть профессионалом, достаточно самому пройти несколько групп, а возможно, даже и одной достаточно, чтобы уяснить суть.

— У меня было идеальное детство, — отрезает Динара и, немного помолчав, добавляет, — нет, не хочу пока что.

Сандра начинает всхлипывать и уже не может удержать поток слёз. Она сотрясается от рыданий так, что это резонирует через склейку с другими участниками группы. София тоже начинает всхлипывать, за ней Мария. И даже стойкая Динара украдкой шмыгает носом. Мигель и рыжий сидят с опущенными головами.

— Отпусти нас немедленно, убогий извращенец! — внезапно рвётся вперёд рыжий. — Тебе доставляет удовольствие наблюдать за страданиями других людей? Отпусти, или я убью тебя!

— Ха-ха-ха! — смеётся с экрана Макс. — Я делаю это для вашего же блага, идиоты. А за твои слова и угрозы получай.

Макс нажимает на кнопку, и из стены под одним из экранов прямой наводкой на рыжего выходит луч лазера. Рыжий падает навзничь. Девочки прекращают плакать и охают, склонившись над ним. Мигель проверяет его пульс. Ничего. Он ещё раз пытается прощупать тонкую нить жизни у человека. И не удаётся.

— Эй! Ты что сделал? Ты убил его? — Мигель округлившимися от страха и ужаса глазами смотрит на Макса.

— Ну, не рассчитал силу луча. Это получилось не специально, — Макс изображает презрительную гримасу. — Он всё равно был мёртвым по жизни.

Оливер тоже пытается прощупать пульс у рыжего и сделать искусственное дыхание. Через три попытки накачать его воздухом, тело рыжего вздрагивает, и он начинает дышать. Но он до сих пор без сознания.

— Ну вот, ничего с ним не стало. Может, это послужит вам уроком не противоречить мне и так далее, и тому подобное, — сохраняя презрительное выражение лица и уставившись в экран, со злостью выдавливая Макс. — А теперь сами работайте над своим самосовершенствованием. Может, у вас что и получится. Но знайте, я не буду долго вас кормить. Ещё пару дней, и запас еды кончится, и тогда вы начнётедохнуть от голода. Так что в ваших же интересах быстрее всё проработать и расклеиться.

— А где гарантия, что это сработает? Ты ведь сам не уверен в этом, — говорит Оливер, который по-прежнему рядом с рыжим и проверяет пульс на сонной артерии.

— Если честно, мне вообще насрать, сработает или нет. Значит, вы все подохнете. Мне-то что? Я просто сожгу этот дом. И никто вас не найдёт.

Макс отключает экран и с силой опускает руку на стол, отчего падают горой наваленные бумаги и принадлежности. У него много хлама по всей квартире, и пыль кругом. Везде мешочки, бумажки, коробочки. Его мать не часто занималась

уборкой. Вообще-то, она была склонна к накопительству, поэтому мусор выбрасывался очень и очень редко. И за годы собралась гора ненужных вещей. Макс тоже перенял эту привычку от матери и так же редко выбрасывал мусор. Раз в год он включал робота-полотёра, но тот вечно сбоил, утыкаясь в препятствия, и уборка получалась строго в тех местах, где ходил Макс. Исключение составлял лишь коридор, в который накануне попал Оливер. Там не было ничего. Коридор был глухим, без окон, а Макс не нравилось включать свет, он предпочитал ходить в кромешной тьме, гордясь своей памятью и способностью ориентироваться в доме. Однажды, когда он споткнулся в темноте о какую-то коробку и больно ударился, то, не в силах расстаться с «нужными» вещами, выгреб весь хлам и перетащил его в кабинет. С тех пор коридор стал самым чистым и свободным помещением в жилой части дома.

Макс очень злится сейчас. И не из-за того, что рыжий обозвал его и угрожал, а потому что в принципе всё идёт не так, как он планировал. «Какого чёрта появился этот Оливер и ходит там неприклеенный? Может, ночью, во сне приклеится?»

— Хорошо, что ты очнулся, — говорит София рыжему, молчаливому и угрюмому после луча лазера. — Я уже испугалась, что придётся с трупом спать и наблюдать за его разложением. И ведь он пахнуть начнёт. Как тогда? Надо осторожнее с Максом разговаривать и не нарываться.

— Да, София права! — поддерживает её Оливер. — Видите, он ненормальный, а нам надо выйти отсюда побыстрее.

— Давайте будем выполнять его правила, посмотрим, что будет, — бурчит Мария.

— Да пошёл он в жопу, — огрызается Динара. — Этот козёл запер нас здесь и издевается.

— Динара, ты можешь своим поведением подставить себя и нас заодно. Ты понимаешь? И можешь выбирать выражения поприличнее? — говорит Сандра.

— Да пошли вы все на хрен. К чёрту приличия. В гробу я видала вашу культуру и вежливость. Человек познаётся по поступкам и по способности выполнять обещания. А слова эти, что слова?.. — Динара дёргает правой рукой, но Сандра намертво прилипла к ней своей ягодицей. Она дёргает левым плечом, здесь прилип Мигель.

— Эй! — почти в один голос закричали Мигель и Сандра. — По тише, пожалуйста.

— О, чёрт, как всё бесит! Я выпить хочу. Уже три дня, как зависли здесь, горло не мочила. Чёрт, чёрт, чёрт! Как всё бесит меня. Блядство! Суки!

Динара от злости трясёт головой. Мигель безуспешно пытается её успокоить, но только получает удары в бок от её левого локтя. Так она бьётся в горячке, сотрясаясь всем телом и заставляя дёргаться всю цепочку. Больше всех достаётся ближайшим к ней. Сандра плачет. Мигель пытается удержать Динару, но она ловко вырывается и крутится, как змея. Оливер тоже пытается помочь удержать её. Вспыхивают экраны. Появляется Макс.

— Что тут у вас за свалка? А, Динара буйнит! Сейчас, детка, я тебя успокою.

Оливер, загораживавший телом Динару, поворачивает голову. Но Макс посылает луч с другой стороны и отключает женщину. Она безвольно повисает и сползает на диван. Увлекаемые за ней Сандра и Мигель, а потом и все по эффекту домино усаживаются на диван. Стоит только Оливер. Наступает тишина после бури. Нарушает её Макс.

— Ладно, что притихли. Продолжаем работать. Чем больше вы будете рассказывать истории, тем быстрее всё пройдёт. Конечно, я вам ничего не гарантирую, и вы это знаете. Попробуйте. А я пока вас оставлю. Вернулся на минутку усмирить Динару. В следующий раз я отключу её навсегда, и вам придётся жить с трупом. Так что вы обязаны найти к ней подход и договориться. Представьте, что она какая-то неосознанная часть вашей личности. Ведь не зря же она здесь с вами. Узнайте, какие у неё потребности, желания...

Экран гаснет, и опять воцаряется тишина. Сандра трёт свою задницу, где кожа натянулась под рукой Динары и болит. Она рассматривает область склеивания.

— Мне кажется, что склеенный участок увеличивается. Мы всё больше склеиваемся, а не наоборот. Эти рассказы не помогают. Надо ехать в больницу и хирургическим путём отсекать чужеродное. Что же делать? — она всхлипывает.

— Теоретически ты права, но физически у нас нет такой возможности. Мы здесь заложники, пленники. И остаётся лишь подчиниться правилам и выждать благоприятный момент для изменения ситуации, — говорит Оливер. — Если бы Макс заходил сюда! Но ведь он не заходит, у него нет такой необходимости. Если вы расклеитесь хирургическим путём, то это не даст вам гарантии, что вы не приклеите ещё кого-то. В этом эксперименте есть смысл. В идее Макса тоже. Конечно, это не его идея, что люди склеиваются в результате непрожитых и подавленных эмоций. Вообще-то, я отчасти согласен с Динарой. Она, правда, очень грубо выражает свои мысли. Но действительно, слова ничего не значат. Даже Гёте в Фаусте не ставил слово высоко.

— Ладно, всё это лирика и демагогия, — обрывает Оливера рыжий, также внимательно изучавший область своего склеивания на левом бедре. — Давайте продолжим работать. Динара проснётся и включится в процесс. Может, она будет потише.

— Тогда ты и продолжай, — предлагает София, слегка улыбувшись.

— Может, ты?

— Да ладно, какая разница? Всё равно всем хватит и времени, и пространства, — еле слышно произносит Мария.

— О, Мария, может, тогда ты? Удивительно, ты такая большая, но тебя совсем не заметно и не слышно. Как ты так умудряешься? — серьёзно говорит рыжий. — Я, кстати, читал, что люди начинают много есть, чтобы казаться хотя бы внешне заметными и нужными. Чтобы хоть так обратить на себя внимание. Чьё внимание ты хочешь на себя обратить, Мария?

— Только не строй из себя психоаналитика, пожалуйста, — мягко замечает София. — У всех свои скелеты в шкафу.

— Хорошо, давайте я расскажу вам историю, которую мне стыдно было когда-либо и кому-либо рассказывать, и я всё держу и держу её в себе, — решается Мария.

Все смотрят на неё. А она молчит и видно, что у неё идёт внутренняя борьба, настройка. Она вздыхает пару раз. Оливер передвигает стул от стола к дивану и усаживается со стороны Софии. София, наблюдая за ним, еле сдерживает свои чувства.

— Значит, так, — наконец-то произносит Мария. — Блин, ощущаю себя школьницей. Вы все смотрите на меня и ждёте, что я буду рассказывать, и меня это ещё больше смущает, — она опускает глаза, корчит гримасу, облизывает губы. — Так. Значит, так. Мне было десять лет. В то время мы жили с отчимом, и, насколько я помню, он не так давно появился в нашей семье. А отца своего я не помню совсем. Мама говорила, что он улетел в космос. Сначала я ждала его, а потом появился, как я уже говорила, отчим. И я очень странно себя ощущала в его присутствии. Его взгляд пугал меня и смущал, и я всегда хотела спрятаться, скрыться от него. Он как будто поедал меня взглядом. Я, хоть и маленькая, но была уже пышненькая, мягкая и с округлостями. В школе мальчишки вечно хотели меня потрогать, а я отбивалась от них и убегала. Но это в школе, ровесники, а здесь отчим, взрослый мужчина. Как-то раз я проснулась от того, что он сидит у моей кровати и смотрит на меня. Я испугалась. Он сказал: «Доброе утро, красавица», — что меня также смутило. Какая я красавица? Меня всегда дразнили жирной свиньёй. Даже мама иногда называла меня неуклюжей каракатицей.

Мария переводит дыхание, обиженно раздувает щёки и молчит какое-то время. Все тоже молчат.

— Тут я почувствовала его слегка влажную ладонь у себя на животе. Он медленно передвигал её, ощупывая моё тело. А я лежала и боялась пошевелиться. Кажется, я впала в ступор. Одной рукой он трогал меня, а другой рукой снял свои трусики и достал свой член. И сказал, посмотри, какая у меня игрушка,

потрогай его. И так как я лежала неподвижно, он своей рукой, которой гладил меня, взял мою руку и положил себе на член. Член становился всё больше и твёрже и дёргался. Это я ощущала пальцами и ладонью. Я хотела убрать руку, но он снова вернул её. Не знаю, сколько это длилось. Другой рукой, пальцами, он залез ко мне в трусики и стал там возиться, потом просунул палец ко мне, прямо внутрь меня. Сколько эта попытка продолжалась, не знаю. Только он вдруг дёрнулся, и белая жидкость брызнула из его члена. Я тогда не понимала ничего и думала, что так надо, так положено. У меня было смутное подозрение, что это что-то плохое, однако отчим сказал, что это будет нашей маленькой тайной, и чтобы я никому не рассказывала. И я молчала. Я чувствовала, что посвящена в великую тайну, сопричастна к чему-то неизвестному и непознанному. Кажется, стыд я подавила так глубоко, что когда была уже взрослой и спала со всеми подряд, меня называли бесстыжей, а мне было всё равно. Отчим приходил ко мне два раза в неделю, и постепенно это стало в порядке вещей. Позже, когда мне исполнилось двенадцать, он лишил меня девственности. И так же приходил ко мне, только уже трахал меня по-настоящему. Тогда я не очень-то понимала это. Мне нравилось, честно признаться. И я боялась того, что мне это нравится. И даже сейчас стыдно за то, что мне это нравилось тогда. Мы хранили всё в тайне, но, тем не менее, мама почувствовала что-то, потому что у них начались скандалы. И эта ругань меня убивала. Отчим стал приходить ко мне реже, всё реже и реже. А при встрече прятал взгляд. И в пятнадцать лет я ушла из дома. Потом, сколько у меня ни было мужчин, не было ни одного, чтобы хоть отдалённо напоминал отчима. И мне иногда кажется, я люблю только его одного, но не могу быть вместе с ним. Он тогда сказал мне, что это невозможно, пока я несовершеннолетняя. Когда я ушла из дома, я по привычке очень хотела секса, однако найти желающих сложно было. Это были либо совсем примитивные мужики, либо извращенцы. Но когда я не занимаюсь сексом, я чувствую себя отчуждённой и начинаю много есть, пока не затошнит.

Мария замолкает и сидит с опущенными глазами, не в силах встретиться с кем-то взглядом. Из её глаз капают слёзы. Они начинают капать всё чаще, быстрее и уже льются, и она рыдает, положив голову на колени, обхватив их свободной рукой. Все молчат. Сандра тоже начинает всхлипывать, сопереживая Марии. И София её обнимает и успокаивает, глядя по голове. Потом София встаёт, за ней Сандра и очнувшийся рыжий, тихо слушавший Марию. Они, кроме Динары и Мигеля, который из-за подруги не может встать, подходят к Марии и, образовав круг, все обнимают её. Сандра, София и Мария плачут.

— Да уж, ничего не скажешь. Я уж думал, что это всё в прошлом осталось, в смысле, сексуальное влечение с потребностью разрядиться. Куда больше кайфа чувствовать возбуждение и быть в этом состоянии без разрядки. Это уже давно пропагандируется и вошло в норму, — многозначительно произнёс рыжий, поглядывая на грудь Сандры. — Я вот с момента склейки нахожусь в эригированном состоянии, и нормально. Отлично себя чувствую, не кидаюсь ведь ни на кого, да и как-то не хочу. Это ж надо напрягаться, совершать действия, телодвижения.

— Это у нашего поколения вошло в норму, и практически не встретишь озабоченных. Оттого, что лень вошла в норму, и ленишься приятно. Собственно, зачем напрягаться? Секс стал не нужен. Это же растрата энергии, а потом, бывает, и по чувствам бьёт, — рассуждает София. — Раньше было по-другому, историю, вон, почитайте и кучу романов прошлого века. Всё было завязано на сексе. Это было единственным удовольствием, которое можно было получить бесплатно. Было удобно для бедных, а для богатых и среднего класса с массой бессознательных инстинктов это было и осталось компенсацией той или иной ущербности. Типа «быть нужным», «чувствовать себя достойным», «сильным», «любимым», уйти от чувства отчуждённости путём единения с другим человеком в сексе. Когда сами себе не могут этого дать, логично, что берут из внешнего мира. Сейчас уже есть сдвиг, и люди не зациклены на сексе. Они уходят больше в интеллект и в эмоции.

— Ну, не знаю, о каком сдвиге ты говоришь, — успокоившись от слёз, бубнит Мария. — Мне кажется, что кругом одни озабоченные, и меня все хотят.

— Тебе так кажется? — мягко спрашивает Оливер. — Возможно, в тебе самой есть что-то такое, о чём ты не знаешь, и ты притягиваешь ситуации и людей, чтобы пережить то, что внутри тебя.

— Не понимаю, о чём ты говоришь, — защищается Мария. — Значит, я сама являюсь источником проблем, которые меня окружают?

— Ну да, что-то вроде, — спокойно отвечает Оливер. — Может, это сложно воспринять и понять, но мы сами являемся создателями, творцами своей жизни и того, что с нами происходит. Нет никакой судьбы. Всё это отмазка для ленивых и безответственных людей.

— Да, и я согласна с тобой, — говорит София, утвердительно кивая и глядя на Оливера. — В большей части окружающий нас мир — чистая проекция нас самих. Вот даже, почему мы здесь все оказались и все склеились? Может, это мир, вселенная, устав объяснять людям о необходимости духовного развития, уже буквально склеивает людей? Сначала страдает психологический, духовный уровень, а потом психосоматика и болезни разные. Так идёт развитие аномалий.

— Именно так, — подхватывает Оливер. — Но я бы не ограничивался лишь духовным развитием. В любом случае нужен баланс, интеграция. Представьте, разовьётся личность лишь в духовной сфере и улетит в нирване на небеса, а приземлять кто будет? У человека есть чисто биологические потребности, и забывать об их удовлетворении, на мой взгляд, нельзя.

— Возможно, здесь есть правда, — вторит рыжий.

Сандра, Мария и Мигель просто молчат. Внезапно Динара дёргается, у неё начинаются судороги, её всю трясёт. Буквально за полминуты её скрючивает, потом расслабляет, потом опять скрючивает в судорогах и опять расслабляет. Она издаёт громкий выдох и замирает. Все в шоке смотрят на неё, не решаясь что-либо предпринять. Оливер первый выходит из ступора, подходит к Динаре и пытается нащупать ей пульс.

— Она умерла, — констатирует он.

— Ах, — охает Мигель. — Как же так?

— Чёрт, что же мы будем делать с трупом? — цинично произносит рыжий, за что получает осуждающие взгляды от Сандры, Марии и Софии.

Ужасное зловоние заполняет комнату. Это испускает газы Динара. Видимо, её сфинктер расслабился, и кал выходит наружу. Кажется, что фекалии лезут отовсюду, изо всех щелей.

— Сколько же в ней говна, и она держала его в себе! Чёрт, и теперь нам страдать от этого, — ещё более злобно произносит рыжий.

— Замолчал бы ты, — внезапно смелеет Мигель. — Она умерла. Имей почтение к смерти другого человека, неважно, каким он был. Ты не знаешь, как ты умрёшь, вот и помолчи.

Лицо Сандры искажается гримасой отвращения. Она оглядывается на то место, где к ней прилипла рука Динары, поднимает глаза, полные страха, в лице ни кровинки.

— Что же теперь делать? — в ужасе спрашивает она, едва шевеля побелевшими губами.

— Это ужасно, надо пережить. Я была прилеплена к трупу около шести часов. Не очень приятное ощущение, — вспоминает София.

— Проблема в том, что здесь у нас нет хирургического отделения, и нам придётся самим проводить операцию по разъединению, — Оливер оглядывается на обеденный стол в поисках острых предметов, но ничего не найдя, разочарованно качает головой. — Да, глупая была идея. Этот Макс, конечно, из колюще-режущих предметов ничего здесь не оставил.

— Придётся зубами, — говорит рыжий и смеётся истерическим смехом.

— Ужас, — фыркает Сандра.

— Не знаю, как ты запоёшь на второй день. Я даже не представляю, на сколько тебя хватит. Ты ближайшая склеенная с Динарой.

— Ещё я, не забывайте, — говорит Мигель, ощутивший свободу слова после смерти своей подруги.

— Ну, ты привыкший, надо полагать, раз жил с этим монстром, — съязвил рыжий.

Мигель молчит. Что он может сказать, когда рыжий прав? Он всегда находится под каблуком у кого-либо, всегда кто-то его подавляет, и он подчиняется. Он не в состоянии принимать самостоятельные решения, и нужен кто-то, чтобы управлял им. Конечно, он уже привык и не представляет, как можно жить по-другому, свободно. Когда он свободен, он плохо себя чувствует, ему даже дышать сложно. Он лишается опоры под ногами, и ему очень страшно.

— Прекрати, — осуждающим взглядом София прерывает нападку рыжего. — У всех у нас свои проблемы, поэтому мы здесь и собрались. Кстати, ты ещё не рассказывал свою историю.

— И ты тоже не рассказывала, — огрызается рыжий.

— Ладно, хватит вам. Надо думать, как будем отделяться от труппа, — вмешивается Мария. — И где же Макс? Он сейчас как никогда нужен.

— Не волнуйся, скоро появится ваш красавчик, — ревниво произносит рыжий.

Оливер сидит, подперев голову рукой и думает. Ничего не приходит в голову, он как будто в ступоре. Ангелина, наверное, уже волнуется. Интересно, трейдеры заметили, что он не выходит в сеть? Конечно, заметили. И он надеется, что скоро придёт помощь. Хотя вряд ли. Трейдерам надо убедиться, что он в опасности, потом выехать из Нью-Йорка в Москву, перелететь в Питер. На это уйдёт как минимум двенадцать часов. А если из-за непогоды или высокой амплитуды колебаний Земли и океана поезд не подадут вовремя, то и больше. Да и вообще, что это он вообразил, что его приедут спасать? Откуда такая уверенность? Остальные продолжают препираться, и он краем уха слышит этот бесполезный трёп. Лишь София не участвует в перепалке, она, как замороженная, смотрит на Оливера. Отвлекает его включение экранов и появление Макса.

— Я вижу, у вас перемены! Отлично, это всегда к лучшему. И это было ожидаемо. Динара была тяжёлым случаем и обработке не поддавалась, настолько заостенелым мне представлялся её мозг и убеждения, живущие в нём. Думаю, и вы это заметили? — Макс выжидает, кто что скажет, но все молчат, напуганные его реакцией

на агрессию Динары. — Сейчас вас мучает вопрос, как отделиться от неё физически. Дезидентифицироваться. Буквально, я бы сказал. Задача стояла небуквальная, а у вас всё получилось в прямом смысле.

Макс смеётся. И этот смех звучит нелепо и устрашающе среди несчастных людей, склеенных оковами неосознанных частей своей личности.

— Вот, что я вам скажу, — зловеще говорит Макс после приступа дикого смеха, ощущая прилив собственного всемогущества и божественную силу. — Никаких инструментов вы не получите. Отгрызайте зубами, отковыривайте ногтями, чем хотите. Это теперь ваши проблемы. Вы не успели выполнить задание и отделиться по-хорошему. Раз так, решайте проблему сами. Считайте это наказанием за неследование правилам. И прочитайте их ещё раз.

Макс отключается. Повисает тишина. Все сидят, переглядываются. Сандра начинает подвывать, ощущая мёртвую руку у себя на теле и холод, исходящий от неё.

— А вдруг это заразно? — сквозь слёзы говорит она. — Трупный яд ведь может просочиться ко мне. Надо срочно отделять её, или я тоже скоро умру!

Мигель смотрит на Сандру полными ужаса глазами. До него тоже доходит этот факт.

— Да, согласен. Это может нас заразить и убить. Через какое время начинается разложение трупа и распространение трупного яда? — спрашивает он, и скорее этот вопрос обращён внутрь себя, чем к окружающим.

— Мигель и Сандра, — Оливер смотрит на них сочувственно, — трупного яда не существует. Вернее, то, что образуется в результате разложения биогенных аминов, таких как норадреналин, адреналин и дафомин, — это гормоны, — птомаины: путресцин, кадаверин, спермидин и спермин, — имеют небольшую токсичность и неприятны лишь своим отвратительным сладковатым выраженным трупным запахом. То, что действительно мерзко быть склеенным с трупом, — это да, но это неопасно. Я полагаю.

— Кажется, ты не очень-то уверен в этом, замечает София.

— Я действительно не знаю, что произойдёт, если в течение суток не отделиться от трупа. В медицинской и научной практике нет данных об инфицировании так называемыми трупными ядами или птомаинами,— Оливер осматривает труп Динары. — Скоро, в течение часа-двух пойдут трупные пятна. Судя по мышечным сокращениям, которые только что произошли, у неё уже наступила биологическая смерть.

— Я предлагаю убрать её испражнения и всё здесь вымыть,— зажимая нос рукой, говорит Мария. — Дышать ведь невозможно. Хватит разглагольствовать.

— Ой, невозможно, эта вонь! Ужас,— подхватывает Сандра. — И как противно, что её рука ко мне приклеена. Кажется, она уже холоднее становится.

— Тело остывает примерно на один градус в час, так что примерно через двенадцать часов она станет комнатной температуры,— добавляет Оливер и пытается пошутить, за что получает ото всех осуждающие взгляды. — Ладно, пошёл в туалет за ведром и тряпкой. Что бы вы без меня делали?

Все держат носы зажатыми. Марию тошнит, и она своей блевотиной добавляет ещё запахов. Никто ничего ей не говорит, все сочувственно смотрят, зная, что это может произойти с каждым. Пока все терпят и держатся.

— Ладно, я думаю, надо привыкать к вони,— замечает рыжий, отрывая руки от носа. — Тем более, от запаха никто не умирал, к нему надо привыкнуть. А адаптация к вони наступает относительно быстро. Просто примите как должное.

— Не хочу я привыкать к этому,— капризничает София. — Я уже это испытала на себе. А ты нет и не знаешь, что это такое, быть склеенным с другим, да ещё и с трупом.

Приходит Оливер с ведром, тряпкой и перчатками. Переворачивая труп Динары, нехотя и безглаголиво, они вместе с Мигелем, Сандрой и Софией начинают убирать фекалии. Сандра еле сдерживает рвотный рефлекс. А София, не выдерживает и блюёт. За ней рыжий и Мария.

— Я придумал! — проблевавшись, говорит рыжий. — Надо будет спрятать ложку или вилку после еды и заточить её, как делали в тюрьмах. И этой заточкой отрезать труп от живых людей.

— Кстати, да, хорошая идея, — задерживая дыхание и рвотные позывы, откликается Оливер.

— Откуда такие познания, рыжий? — ехидничает, проблевавшись, Мария. — Ещё хорошо бы её разрезать, я имею в виду Динару, её труп, и сбросить в утилизатор мусора.

— Хватит разговаривать, лучше помогите, — обрывает их Сандра.

— Мы привносим свежие идеи в вашу мрачную жизнь, — отвечает рыжий, которому явно легче, он адаптируется к зловонию и присоединяется к общим хлопотам, насколько ему позволяют тела, приклеенные с двух сторон.

— И свои выделения, пожалуйста, уберите. Вот тряпки, — указывает Оливер.

Убрав всё вокруг себя, люди идут мыться, потащив за собой труп. Он становится всё холоднее. Прошло пять часов со смерти Динары и хорошо было бы её отрезать и разрезать, чтобы утилизировать до того, как она затвердеет. Тогда сделать это будет намного сложнее. Когда выкатывается еда на ужин, приборов не оказывается, и надежда на лёгкий выход рушится.

— Нет приборов. Чёрт побери! — ругается рыжий. — Видимо, Макс всё услышал. Он всё слышит.

— Придётся отгрызать, — в ужасе говорит Сандра и начинает всхлипывать, косясь на неподвижное тело Динары и сдерживая очередной приступ тошноты только от одной мысли, что придётся делать.

— Подождите, а может, отклеится само? Если следовать идее программы, вернее, этого эксперимента? — высказывает предположение София.

— А где гарантия, что это так и будет? Нет никаких гарантий. Мы потратим время, ничего не получится, а труп затвердеет больше, — уплетая бутерброд с аппетитом, странным в данное время, говорит рыжий.

— Я даже есть не могу,— Сандра сидит, опустив голову, по её щекам катятся слёзы. — Такое чувство, что это я умерла, и меня уже нет. Лучше бы это было именно так. Я не могу больше, не хочу жить...

— Надо потерпеть, дорогая,— София нежно пожимает руку своей соседке. — Это надо пережить, это не будет вечным. Ты справишься, вон, сколько выдержала.

— Нет, нет, нет, Сонечка! Я должна была умереть ещё тогда, в больнице, как хотела мама. Она же так хотела.

— Это просто проблемы у твоей мамы. Тебе дана жизнь, и это твоя жизнь и только твоя,— Оливер присаживается на корточки и тоже успокаивает Сандру. — На духовном уровне мы сами выбираем себе родителей, и если выбрали таких, значит, это нам зачем-то нужно. Чтобы что-то понять для себя или стать теми, кем мы становимся, чтобы научиться тому или взять от жизни то, что нам не дали в детстве. И это уже твой выбор и ответственность. Чем тяжелее испытания, тем сильнее становится личность.

— Если бы я смогла эти испытания пережить,— всхлипывает Сандра. — А если нет сил это переживать, да и не хочется? Я устала, мне всё надоело. Раньше ещё как-то держалась, а сейчас этот труп повис на мне, и как будто тянет за собой. И я уже чувствую холод смерти.

— Ты его чувствуешь только потому, что труп коченеет в буквальном смысле, и её рука приклеена к тебе. Надо отрезать от тебя руку,— говорит Оливер.

Тут внезапно начинает блевать Мигель. Оказывается, он, пока все ели и успокаивали Сандру, приступил к решительным действиям. Он откусывает кусок от плеча Динары и выплёвывает его, но не может сдержать тут же обрушившуюся на него тошноту. Мария, ближайшая к нему с другой стороны, наблюдает за ним и тут же начинает блевать в унисон с Мигелем.

— Ну, вы хоть бы поесть дали,— говорит рыжий.

— И как ты ещё можешь думать о еде? — недоумевает Мария.

— Извините, у меня нет таких запасов, как у вас, девушка,— язвит рыжий, бросая злобный взгляд на Марию.

— Дурак, — обиженно говорит Мария, вытирая рот рукой.

— Ах ты, сучка! — рыжий дёргается в направлении Марии, но Сандра и София его удерживают. — Вот отклеюсь, дам тебе просраться, овца грёбаная.

— Ушлёпок, — отвечает Мария.

— Ладно, хватит любезностей, — строго говорит Оливер. — Вон, Мигель правильно стал действовать. Что рассуждать и трепаться впустую? Правильно, дело надо делать.

— Вы даже не представляете, какая это гадость, — передёргиваясь, говорит Мигель. — Ужас, никому не пожелаю такого дерьма.

Из откусанного места на теле Динары струится сукровица и ещё не свернувшаяся кровь. Тело покойницы покрылось синими трупными пятнами, но ещё мягкое и еле тёплое. Мигель снова вгрызается в тело Динары, отрывает кусок и выплёвывает. И снова, и снова, пока не обкусал всю площадь склейки. На его плече остались остатки кожи и мышц Динары. И вот он свободен с одной стороны. Теперь он склеен только с Марией. Это комфортнее, чем раньше. Главное, не склеиться снова ещё с кем-нибудь. Остаётся рука Динары, приклеенная к ягодице Сандры. Девушка плачет, не переставая. Одна только мысль, что ей придётся откусывать сырое мясо мертвеца, повергает её в ужас. Мигель смотрит с состраданием. Он, в принципе, очень добрый и мягкий человек, даже чересчур. Он решает помочь Сандре. Тем более, что девушке самой не дотянуться до места склейки. И потом, по сравнению с остальными он чувствует себя ближе к Динаре и поэтому имеющим право на отгрызание её мяса.

— Если ты непротив, я отгрызу от тебя Динару. Всё равно я уже испачкался, — надтреснутым нечеловеческим голосом говорит он.

На его щеке остатки мяса, сукровицы, ещё какой-то дряни. Из рта воняет, хотя это сложно почувствовать на фоне запаха, исходящего от разлагающегося трупа. Его глаза приобрели неестественный блеск, свойственный одержимым страстью, людям, даже кажется, что это глаза безумца. Он подходит ближе к Сандре. Мария плетётся за ним. У Сандры замирает сердце,

она поворачивается спиной к Мигелю. Слышен хруст хрящей. Мигель вгрызается в кисть Динары. Твёрдые кости плохо поддаются его зубам. Он руками ломает их и отгрызает сухожилия и связки. Но почти вся пятерня остаётся на Сандре. Мигель сплёвывает остатки. Он чувствует себя доисторическим животным. Снова блюёт. Вокруг всё пространство напоминает скотобойню. Ошмётки мяса, кровь, блевотина. И ужасающее зловоние.

— Спасибо, — мямлит Сандра сквозь слёзы. — Мне жутко страшно, и я не знаю, что делать с этим страхом. А вдруг остатки кисти Динары начнут гнить, и этот гнилостный процесс перейдёт ко мне?

— Это вполне возможно, — предполагает Оливер. — Но, надеюсь, к тому времени мы выберемся отсюда.

— Помечтай! — внезапно вспыхнувшие экраны и голос Макса грохотом отзываются в комнате. — Ха-ха-ха! Какие вы молодцы! Ведь придумали, что сделать. Теперь уберите и продолжайте работать по правилам. Всё идёт по плану. И я этому чрезвычайно рад.

— Объясни, пожалуйста, зачем тебе всё это? Неужели, чтобы стать знаменитым и получить премию за научное открытие? — спрашивает Оливер.

— А ты не думал, что это всё вторично, а главное — я просто так развлекаюсь. Мне нравится наблюдать, как вы, люди, находите выход. Да ты не забивай себе голову. Просто делай, как написано. Не надо всё анализировать.

— А ты просто больной. И это факт.

— Пусть будет так, мне плевать, что ты там обо мне думаешь. А сейчас заткнись и выполняй мои приказы. Кстати, касается всех. Уберите всё и избавьтесь от трупа.

Макс отключается. Стоит минутная тишина. Помещение похоже на анатомический театр. Оливер подходит, берёт труп Динары за ногу и волочёт его в туалет к утилизатору. Раздаётся щелчок включения и хруст засасываемых и дробящихся костей. Оливер успеваает отскочить, чтобы вылетающие из утилизатора ошмётки не достали его. Тем не менее он весь грязный, в сукровице,

крови и ещё бог знает в каком трупном дерьме. Утилизацию начинают с ног, и постепенно всё тело засасывает, остаётся голова. Машина издаёт булькающий звук и замирает.

— Чёрт, хоть бы не сломался! — орёт Оливер утилизатору.

Подходит рыжий с девочками. Мигель и Мария остаются в комнате. Мигель и так много пережил и сейчас приходит в себя, мерно покачиваясь из стороны в сторону. Похоже на тихое помешательство. Не часто приходится откусывать человеческое мясо от трупа. Оливер ещё раз нажимает кнопку, чтобы оживить утилизатор. Тишина. Снова пытается нажать. Тишина.

— А попробуй выключить из сети вообще, обесточить на пару минут. Может, он перегрелся? Вряд ли его использовали для таких целей, — предлагает рыжий.

— Да мне тоже кажется, что он использовался для утилизации мусора, бумаги, ну никак не трупов, — соглашается София.

— Что это ты во множественном числе говоришь «трупов»? У нас один труп. Оговорочка, — подмечает Сандра, передёрнувшись в ознобе от мыслей.

София молчит и смотрит на Сандру. В их глазах ужас от понимания ситуации и неслучайной оговорки. Тем временем рыжий засекает время, чтобы дать остыть машине и включить снова. Включают, и ура, она работает.

— Отойдите, тут летят ошмётки во все стороны, — предупреждает Оливер.

Все отходят к входной двери и смотрят, как засасывает с ужасными звуками и скрежетом голову Динары. Как она плющится и морщится под давлением. Вот и последний её тонкий волосок исчезает в недрах утилизатора, перерабатывается в муку. Всё. Нет её, как и не было. Все стоят молча, провозжая то, что было Динарой. И если существуют человеческие души, то в данном случае она перемололась в мясорубке вместе с мясом и костями в фарш, который сгорит в топке утилизатора. Но у Динары вряд ли была душа, если судить по ведическим правилам. Как раз в этот момент появляется запах жареного мяса. Приторно сладковатый запах с примесью кислоты

и гниения. Через минуту утилизатор выплёвывает сообщение о выполненной работе и выключается. Теперь надо вымыть всё кругом и помыться самим. Хотя смыть с себя воспоминания не удастся, разве что окунуться в иллюзию чистоты. Все ощущают себя убийцами, расчленителями или, по крайней мере, соучастниками.

Но в этих условиях только так можно спасти свою жизнь. А когда речь заходит о своей жизни, что ни говори, альтруизма мало. Никто не будет отдавать тебе свою жизнь. Нет героев. Когда-то, лет сто назад были герои, воевали, отдавали свою жизнь за победу. Но это, кажется, были необразованные люди или больные психически. А скорее всего и то, и другое. Какой умный, психически здоровый человек, отдаст свою жизнь ради чего-то там? Пусть даже победы или жизни другого человека, близкого, родного. Бред. Никто и никогда.

Была тут тема до катастрофы и мутации. Придумали искусственный интеллект. Сначала выкачивают на протяжении пяти лет всё содержимое мозга, помещают в машину и после смерти воссоздают живого человека. Но это опять-таки иллюзия. Для родственников. Чтобы не было больно переживать утрату. Пока ещё не придумали, как продлевать жизнь. Дано сто лет, и всё тут. Да, можно немного продлить, максимум на пятьдесят лет, но не молодость. Человек-то живёт дольше, но уже будучи стариком. Какое удовольствие от такой жизни? Как дуб многовековой стоит себе, ни красоты, ни эмоций. Зато сколько мудрости, будь она неладна. И зачем? Просто потому, что не хочется уходить из жизни. Давно уже придумали жизнь после смерти. Душа вечна и пребудет в благодати, если проживешь праведную жизнь. Это придумали для успокоения и чтобы смягчить страх смерти. Но ведь это не доказано. Может, да, а может, нет...

Оливер выходит из задумчивости и обнаруживает, что сидит у стола, тупо уставившись в стену. Люди молча суетятся, моют, убирают, идут мыться сами. Очередь доходит и до него. И вот он стоит под тёплой струёй воды. Смываются страхи, тревоги, и хочется так стоять всегда. Блаженство.

В комнате ещё стоит приторно-сладкий запах, но он понемногу рассеивается, унося с собой последние воспоминания о женщине Динаре. А ведь она так и не рассказала свою историю. Что там у неё? Судя по её стремлению к самоуничтожению, у неё есть много всего за плечами. Но теперь это уже неважно и несущественно. Впереди главное сражение, и чтобы победить в нём, необходимы сила воли, дисциплина и интеллект. И способность управлять эмоциями — это, конечно, главное. Оливер это может в совершенстве, как он уверенно полагает. Всё-таки курс психотерапии перед эмиграцией на Микзу сильно изменил его мировоззрение и вообще его жизнь.

Глава 13

Ангелина вторые сутки пытается достучаться до Оливера, но все её попытки тщетны. Она уже понимает, что-то случилось. Последний раз они общались, когда он собирался посетить дом, где, по его предположению, находится София. Ангелина идёт к океану, катается на сёрфе, посещает институт, работает, но мысли о том, что Оливер в опасности, никак не отпускают. Она плохо спит. Четыре часа и всё, больше не хочет, просыпается, и хоть глаз выколи. Ощущение тревоги, спирания в животе. Как ей это знакомо, и как давно она уже не чувствовала подобного. С тех пор как она поселилась на Микзе, она иногда ощущает тревогу, но обычно это непродолжительно и быстро заканчивается. Максимум час. Как только она осознаёт возможную причину, тревожность тут же уходит. Главное — осознать свои страхи, она это знает, а также что они не будут вечны, и их надо пережить. Но сейчас уже второй день не отпускает, хотя первый раз кольнуло, как только Оливер улетел. Но тогда это была слабая и едва зарождающаяся тревожность. Сейчас же её колбасит не по-детски уже два дня подряд.

За дни после отъезда Оливера Ангелина познакомилась с мужчиной на океане. Они виделись и раньше пару раз, но в последнюю встречу ей кажется, что невидимая нить протянулась между ними. Они подолгу разговаривают, и ей это нравится. Ей кажется, что он читает её мысли. Задаёт интересные вопросы. Она наблюдает за его движениями, позами, и язык его тела говорит ей о многом. Она думает, интересно, знаком ли он с языком тела, специально ли он это делает или бессознательно? Гладит свою коленку, поворачивает руку так, как будто берёт женскую грудь. О, боже, что за мысли? Но сколько секса в его движениях!

Постоянно облизывает губы. И она заражается и облизывает свои. Ей очень комфортно с ним. Хотя и с Оливером она ощущает этот комфорт, но к нему её не влечёт с такой бешеной силой, вообще ни с какой силой не влечёт. Он просто хороший друг. А этого мужчину она хочет. И как только она осознаёт это, её накрывает страх отношений. Она тщательно прорабатывала все свои эмоции, но на тот момент она была не в отношениях, и поэтому этот страх был неактуален. И вот сейчас она, несчастная, измученная от того, что и поделиться не с кем, места себе не находит. Она понимает, что проецирует на незнакомого мужчину то, что не может почувствовать, когда её друг Оливер рядом, и то, что она тщательно подавляет.

Что ж, против природы не попрёшь. Она и радуется внезапно охватившей её страсти, и ненавидит себя за эту слабость. Если он своим телом демонстрирует ей своё желание, значит, и он её хочет, и неважно, бессознательно он это делает или осознанно пытается её соблазнить и влюбить в себя. Он её хочет. А если это её проекции, значит, она его хочет и проецирует на него свои желания, видит то, что хочет видеть, и слышит то, что хочет слышать, не замечая ничего вокруг.

И вот теперь вопрос, отчего ей так беспокойно? То ли это беспокойство об Оливере, то ли это влечение к незнакомому мужчине. Подкрадывается мысль, что она не имеет права на новые отношения. Это просто страсть, которая не имеет отношения к любви. Она даже осуждает себя. Но вскоре отбрасывает эти бесполезные мысли и чувства, вновь и вновь погружаясь в нирвану влечения и возбуждения. А может, это всё же любовь? Если она наконец-то дошла до самого высшего духовного уровня, научилась любить всех и способна своей любовью разжечь пламя любви, в ком хочет? На Микзу отправляют, даже если пока нет этой способности. Предполагается, что способность любить заразительна, и люди передают её друг другу, если человек открыт.

В реальность её возвращает пиликанье ручной сети. Ангелина нажимает энтер. Перед ней в пространстве открывается окно сообщений с письмом от некоего Гамермана.

Кому: **miguel@arh.mz, angelina@arh.mz**

От кого: **gamerman@fds.zem**

Тема: Поиск продолжается

Ангелина, добрый день!

Обнаружили Ваш адрес в пересылаемом сообщении от Оливера. Мы уже сутки не можем с ним связаться. Может, Вы что-то знаете? Нам известно, что он собирался пойти по адресу, где, предположительно, находится пропавшая девушка София. И пропал. С его сетью такая же история, что и с сетью Софии. Есть сигнал, но нет ответа. Мы попытались взломать и выйти в пространство, где находится сеть, но там темно. Видимо лежит в тёмном месте. Первый раз нам удалось через экран сети Софии осмотреть окружающее пространство. Но это получилось лишь один раз, а потом, скорее всего, нас обнаружили и ограничили доступ. У нас есть новая информация о людях, которые живут в этом доме, и мы обещали Оливеру сразу передать её. У нас получилось взломать сеть Макса. Это хозяин дома. В его файлах обнаружили много литературы по психологии, по мутации склеивания и другие научные труды. На первый взгляд он кажется очень увлекающимся человеком. Но когда мы зашли в его фотографии, мы были шокированы. Взять хотя бы фотографию на его рабочем столе, которая изображает мужчину в позе ребёнка, сосущего грудь матери. Приглядевшись, мы увидели, что это именно он, а женщина в возрасте — его мать. Её мы узнали по семейным фотографиям, где Макс, ещё в детстве, снят с матерью и отцом. Потом пошли фото без отца, только матери и сына, и эти фотографии говорят о том, что они были любовниками. Можно только предполагать, какая серьёзная психологическая травма у этого Макса. И непонятно, жива ли мать.

Ждём Вашего ответа, с уважением, Гамерман

Отправлено: 10.08.2100 13:18.

Ангелина вдохновляется, что она не одна в поиске, и сразу пишет ответ.

Кому: **gamerman@fds.zem**

От кого: **angelina@arh.mz**

Тема: Поиск продолжается

Добрый день, господин Гамерман.

Спасибо за письмо. Я, действительно, начала волноваться. Я уже два дня не могу пробиться к Оливеру. То, что Вы пишете об этом Максе,— невероятные вещи, они повергают меня в ещё большее волнение и даже шок. Что будем делать? Вылететь я пока не могу при всём своём желании. Даже если я сегодня подам заявку на вылет, пройдёт минимум три дня, пока её одобрят, и я сдам анализы, в общем, всё для полёта. У Вас есть возможность выехать туда? Могу ли я просить Вас об этом? Сообщать в полицию бессмысленно. У нас нет фактов и доказательств, лишь наши предположения. И потом, за взлом сети по головке не поглядят. Придётся выжидать. Будем на связи.

Ангелина, перечитав письмо и внося некоторые дополнения и корректировки, отправляет его в пучину вселенной.

Отправлено: 10.08.2100 13:31.

Она идёт готовить себе чай бордо с маковыми, розовыми и мятными листочками. Через десять минут приходит ответ, сеть сообщает о нём звуковым сигналом. Ангелина слегка встряхивает кистью и восстанавливает экран с окном письма. И уже сидя в столовой и попивая ароматный, освежающий чай, читает:

Кому: **angelina@arh.mz**

От кого: **gamerman@fds.zem**

Тема: Поиск продолжается

Уважаемая Ангелина!

У нас сейчас всюю идёт работа, середина недели. Фондовый рынок и так практически умер, выползаем на идеях и научных открытиях. Акции, валюта и фьючерсы сейчас не ценятся и ничего не стоят. Остались единицы, кто поддерживает этот некогда мощный живой организм. Мы не можем бросить его в ближайшие два дня. В пятницу вечером или в ночь на субботу постараемся выехать, но опять-таки учитывая время в пути из Нью-Йорка в Москву, а потом в Питер, мы приедем только к обеду. Видимо, и Вы к этому времени прилетите.

Про взлом сети Вы правильно подметили. Сейчас нам огласка не нужна, мы можем потерять последнюю тоненькую нить, связывающую нас с тем домом. Мы периодически заходим в сеть, пытаясь пробиться. Но этот Макс, видимо, заметил наше присутствие и всё заблокировал, ограничил доступ.

Будем надеяться, что Оливер справится. Он ещё тот боец! Мы Вас уверяем! Не волнуйтесь, Ангелина!

Отправлено: 10.08.2100 13:59.

Ангелина ещё раз перечитывает письмо и размышляет о целесообразности своей поездки на Землю. «Действительно, какой толк и смысл в моём присутствии? Или это действие чая, который накрыл эйфорией? Чай бордо содержит малую толику опиатов, не приводящую ни к привыканию, ни, тем более, к ломкам. Получается, все употребляющие кофе, сахар, белый хлеб, варёную колбасу и многое другое — наркоманы, потому что это уж точно бесполезные и даже вредные продукты, к которым происходит привыкание вплоть до ломки, пусть даже в фигуральном смысле. А уж те, кто смотрит телевизор, — совсем большие и несчастные люди. К сожалению, таких на Земле 95 процентов. Поэтому произошло то, что должно было произойти уже давным-давно. Катаклизм и человеческие мутации».

За размышлениями Ангелина внутренне перемещается в угол своего подсознания, зная, что скоро пространство станет трёхмерным, стимулируемое силой мысли, и что-то подарит ей. Краем глаза она наблюдает природу. За окном светит незаходящее солнце, и если не следить за временем по часам и учесть, что время — это иллюзия и является также бесполезным в жизни параметром, не понять, что сейчас, день или ночь. Да и какая разница, в свете того, что жизнь продолжается. Эту хронологию времени придумали для истории и летосчисления. А пространство времени — вот оно. Здесь и сейчас.

— Но по большому счёту, кому нужна эта история? — сквозь мысли Ангелины наконец-то прорывается внутренний голос, вливается в пространство и материализуется в виде её двойника.

— Чтобы помнить, что было в прошлом, — сама себе отвечает Ангелина, любуясь на своё красивое отражение, которое вальяжно располагается в кресле напротив.

— А как это влияет на жизнь в поколениях через сто, двести, триста лет?

— Видимо, как-то влияет. Может, учатся на ошибках, хотя это вряд ли, — Ангелина задумчиво смотрит на себя. — Возможно, контролируют процесс развития.

— Интересно, кто контролирует? — ехидно улыбается двойник. — Не думала?

— Думала-думала. Действительно, иногда кажется, что люди и жизнь придуманы кем-то очень великим, и он, этот кто-то, наблюдает и контролирует, — но тут же, спохватившись, Ангелина ставит себя на место. — Или всё это бред? Нет никакого великого, божественного существа. Просто так сложились пазлы.

— В этом вопросе сложно прийти к одному мнению, как всё устроено на самом деле. Неизвестно и неопределённо. А что, если это циклический процесс вселенной? — двойник подаётся вперёд, оторвавшись от спинки кресла.

— Но ведь он идёт по спирали вверх.

— Нет, не всегда. Есть ещё бесконечность, которая иногда повторяется. Только на другом витке.

— Ох, не знаю я. Сложно, сложно всё очень. Неизвестно и неопределённо, — повторяет слова своего двойника Ангелина и резко встаёт.

Пространство меняется на двухмерное, двойник исчезает, словно сон. Девушка смотрит на часы — пора в институт. Проблема с Оливером не решена и начинает напрягать. Возвращаясь в реальный мир, Ангелина остро чувствует, что проблема осталась. Каким бы образом человек ни пытался уйти от проблемы, она сама не решается. Хотя... Иногда, бывает, решается. Если подождать. Ангелина убеждает себя пока не предпринимать никаких действий, находясь в таком смятении, и подождать. Когда выжидаешь, приходит то, что надо. А пока она сходит на работу, потом поспит, и как проснётся, решит, что делать.

Идя по глухому прохладному коридору института, она прислушивается к своим шагам, считая их и медитируя при ходьбе, полностью концентрируясь на прикосновении ступней и пяток к полу. Кажется, звук шагов отдаётся во всём здании, нарушая мирную работу учёных. Ангелина встречает господина Франкла, учёного, психотерапевта, изучающего взаимное влияние мутации и психического состояния человека. Именно он предположил, что мутация — результат непрожитых эмоций. Хотя сто лет назад то же самое говорили и о раке, — что он также является результатом непрожитых эмоций. Пока учёные не знают ответ, им проще всё свалить на эмоции и на бессознательное. Конечно, в этом есть свой резон. Сначала страдает психический уровень, потом патология переходит в психосоматику и в последней стадии проявляются физические заболевания, органические изменения и мутации.

— Уважаемый господин Франкл! — радостно приветствует его Ангелина и протягивает ему руку. — Здравствуйтесь.

— Здравствуйтесь, милочка, здравствуйтесь, — так же радостно откликается Франкл.

Слегка склонив голову, он с невероятным обожанием потечески смотрит на Ангелину сквозь линзы очков. Очки для него этакий символ или фетиш, для красоты. Он давно сделал операцию по коррекции зрения, но привычка носить очки осталась.

— Как Ваши изыскания в области генетики? — он, конечно же, помнит и их последний разговор, и тему, которой интересуется коллега.

— О, я застряла, — делится Ангелина. — Партия нематод издохла, и сейчас я пытаюсь культивировать новых. Но здесь, на Микзе, чего-то не хватает, и они плохо размножаются. Я заказала, чтобы мне привезли с Земли новую партию. Жду.

— Интересно, интересно. Я правильно помню, что именно этих червей Вы используете для распознавания генома мутации и предрасположенностей?

— Да, правильно, — улыбнулась Ангелина. — Но почему они не культивируются на Микзе? Не понимаю.

— Возможно, потому что это не их среда обитания. Климат не подходит, сильный ультрафиолет,.. — Франкл о чём-то думает и изучающе смотрит на Ангелину. — А почему именно нематоды? Попробуйте другие виды.

— Да, я думала о медузах. Тем более, что у нас нашли склеенную пару. Их отправили на Землю, посмотреть, как они будут вести себя там. Это микзьянские, и они отличаются от земных.

— Знаете, Ангелина, я подумал, что как раз сейчас нам было бы неплохо побеседовать на тему психогенетики и посмотреть, как мы сможем объединить усилия в поиске причин возникновения мутации, — он берёт Ангелину под руку.

— Да, конечно, с удовольствием,— сияет Ангелина. — Тогда пойдёте в центральную лабораторию. Или сначала ко мне? Я покажу, что произошло с нематодами. Я заморозила их на последнем этапе.

— Интересно,.. а что случилось?

— Когда нематоды выросли до 20— 30 миллиметров в длину, они стали активно склеиваться, вращать друг в друга и в течение двадцати часов превратились в одного огромного червя. Вот это и пугает. Если предположить, что человечество идёт по тому же пути, страшно представить, что будет.

— У человека есть ограничения. Человек — не нематода. У хома сапиенс — потому-то он и сапиенс — хотя бы есть психологическая составляющая, чего нет у червя.

— Мне в последнее время кажется, что и у человека нет ничего, кроме тела и эмоций. Ах да, ещё интеллект и самосознание, которое очень вредно для человека. Поэтому сложно сказать... Хотя, да, Вы правы, — у нематод нет эмоций и интеллекта. Но мои нематоды склеились не сами, а принудительно. В данной партии я двум особям ввела человеческий вирус, вызывающий мутацию. И эти два заразили всю группу. С невероятной скоростью.

— Это действительно пугает,— Франкл думает, потирая подбородок.

Они как раз приближаются к лаборатории, где работает Ангелина. Она открывает дверь, и они заходят внутрь. Здесь пахнет формальдегидом и ещё какой-то химией.

— Ой, забыла вчера включить дезстанцию, — оправдывается Ангелина и нажимает на кнопку дезинфекции. Воздух вмиг очищается, и запах в помещении меняется на приятный стерильный. — Вот он, замороженный.

Ангелина выдвигает из стены морозилку, где в пластиковом пакете лежит замороженный экземпляр. Открывает пакет и демонстрирует огромного червя метровой длины и диаметром с полметра. И он уже не похож на червя, какая-то биомасса.

— Я вижу места склейки, кое-где они видны очень явно, — Франкл показывает взятой линейкой на места посередине тела червя.

— Да, Вы правы. И что интересно, места склейки или спайки можно разглядеть лишь на ранних этапах, на более поздних особи так сильно вырастают друг в друга, что их практически не отличить.

— То же самое происходит и с людьми на Земле.

— Вот именно, — у Ангелины горят глаза, как обычно, когда она занимается научными исследованиями, и она со страстью рассказывает о своих наблюдениях. — Дальше я планировала найти методы расклеивания. Но червь стал отмирать, сначала частями, а потом и вовсе издох. И я его заморозила.

— А Вы попробуйте его разморозить. В некоторых случаях глубокая заморозка останавливает процессы разложения, если таковые имели место быть, и организм начинает функционировать, как здоровый. Особенно у холоднокровных. Вы проверяли, он издох весь?

— Кажется, да, — Ангелина засомневалась. — Дело в том, что я посмотрела прибором в различных частях тела на предмет жизнедеятельности, и он показал отсутствие таковой. Хотя у меня были смутные подозрения, и сейчас меня не отпускает мысль, что внутри, куда не пробрался прибор, могла сохраниться жизнь.

— Вполне вероятно. Я бы попробовал разморозить, — Франкл ткнул линейкой в твёрдое замороженное тело червя и попробовал скovyрнуть.

Ангелина перемещает червя в инкубатор и включает режим разморозки. Они наблюдают, как медленно оттаивает тело. Градусник показывает температуру внутри камеры. Плюс пять градусов. Разморозка идёт достаточно быстро, благодаря лазерным лучам, равномерно проникающим в ткани тела. Но червь остаётся неподвижным. Проходит пять минут, десять, пятнадцать. Температура достигает двадцати градусов.

— Ещё минут десять-пятнадцать, — нарушая тишину, говорит профессор Франкл.

— Да, — еле слышно отвечает Ангелина, как будто боясь своим голосом нарушить процесс.

Они вглядываются в тело, но оно по-прежнему неподвижно. Ангелина внутренне радуется, что Франкл предложил разморозку, потому что эта мысль мелькала и у неё, но почему-то тогда она сочла эту идею бредовой и ждала, когда она созреет до действия и проверки. Если эта гипотеза верна, и тело после разморозки начнёт функционировать хотя бы частично, тогда можно будет отделить отмершие части и посмотреть, что останется и как поведёт себя освобождённый организм. Тогда по-прежнему остаётся верным закон Дарвина, что выживает сильнейший, в данном случае ещё и впитав в себя гены других индивидов, которые были с ним склеены.

— Ангелина, а Вы сами не боитесь склеиться? Вы же часто летаете на Землю, — в ожидании разморозки профессор обращает своё внимание на коллегу.

— Да, если честно, боюсь. Каждый раз, приземляясь, я испытываю страх. Это больше страх отношений. У меня не было положительного опыта, и я действительно боюсь. Склеивание — это такой, уже извращённый, этап отношений.

— Согласен! Про извращённый. Я бы сказал, буквальный, — поддерживает профессор.

— Человек уходит из родительской семьи и всё из неё переносит в новые отношения, и эта нить не обрывается, а тянется и тянется. Если он не революционер, борющийся и стремящийся изменить свою жизнь и свой мир, отшельник, одиночка, — ведь таких единицы, — он становится жертвой мутации.

— Я вообще очень счастлив, что мне удалось попасть сюда. Я знаю, что отношусь к меньшинству, но ведь это и есть результат моих трудов, вечного самокопания и самосовершенствования. Дело не в том, что нам повезло. Наше везение — результат тщательной подготовки и упорного труда над собой.

— А Вы не чувствуете себя одиноким? Я иногда чувствую. Например, у меня нет своей семьи, когда у всех есть. Но это так, кратковременно.

— О, Ангелина! Как можно чувствовать себя одиноким? — улыбается профессор. — Это чувство обычно внутри человека. Если не можешь наполнить себя, то никакие отношения не спасут. Никто не сможет быть лекарством от одиночества. Я — нет, не чувствую. Мне кажется, что здесь на Микзе очень много свободных людей. Мне, кстати, это слово, — я говорю о «свободе», — нравится больше слова «одиночество».

— Я тоже редко ощущаю одиночество. Лишь когда думаю о биологической потребности любого человека в создании семьи, продолжении рода и единении. И что я не реализую эту биологическую потребность.

— Я считаю, что это не панацея и не является обязательным условием жизни человека.

— А представляете, что будет, если все так будут думать? Прекратится рождение людей, — тут Ангелина сама себя перебивает, — хотя нет, не прекратится. Начнут выращивать в пробирках. Уже начали, кстати.

— Вот именно. Это уже давно не является обязательным. Рожать. Бред полный, так издеваться над своим телом. Я всегда искренне сочувствовал женщинам. Мало того, что во время родов мучения, так ещё в период беременности вымывается кальций из организма, необходимый для костей. И получается, женщины отдают своё тело в жертву новой жизни. Я считаю это бессмысленным актом. А потом, это также стресс для ребёнка, который, если бы был наделён разумом в момент рождения, не пережил бы такого жестокого отчуждения.

— Да, пожалуй. А вот я никак не могу отойти от устаревших представлений. Они очень плотно засели в моём мозгу.

— Потому что Вы — женщина, и это испокон веков заложено в подсознании, так же как и у мужчин потребность в охоте. Но это можно в себе побороть. Учитывая, что мы развиваемся по спирали и совершенствуемся, а все эти древние замашки в своём сознании давно пора искоренить.

— Я думаю так же, господин Франкл. Но всё равно иногда ностальгирую.

— Вы влюбляетесь? — игриво спрашивает профессор.

— Да, бывает, — немного смущаясь, опускает глаза Ангелина.

— Вот и отлично. Главное — любить. Значит, рано или поздно встретите мужчину, с которым захотите жить вместе.

— Кажется, я и сейчас влюблена.

— Это прекрасно! Так, а что с нашим червячком? Ещё не разморозился, — чтобы сменить тему разговора и оставить на позитивной ноте, профессор возвращается к цели визита. Он наводит на тело червя луч и пытается пошевелить его. — Какой-то он совсем мёртвый.

— Да уж, — смеётся Ангелина. Разговор с профессором отвлекает её от переживаний, и она полностью погружается в исследования, оставив на потом свои мысли о личной жизни.

— А что показывает ультразвуковой аппарат? Так-так-так. А вот тут я вижу, есть жизнь, вижу точкуку, — торжествует профессор и показывает на маленькую светящуюся точку на экране среди тёмно-серой массы. — И не одну. Ты посмотри! Получается, что некоторые особи подверглись заморозке и умерли, а некоторые сохранили жизнь в условиях замораживания. Потрясающе!

— Да, действительно, — Ангелина внимательно изучает экран. — Мне кажется, что они растут в размерах. Смотрите, они поглощают мёртвые ткани сородичей, срастаются с ними и становятся больших размеров. Они, как клетки, склеиваются и трансформируются одна в другую. Метаморфоз.

— У человека идёт тот же процесс, только в замедленном темпе, и человек сопротивляется. Вернее, сопротивляются защитные свойства его психики. Хотя бессознательно, по своей природе, он тянется к другой клетке и к трансформации в ней. Как и все живые организмы.

— Почему же животные: звери, птицы, насекомые, — избежали такой участи?

— Я думаю, что здесь проблема в крайностях. Клетки всегда и делились, и объединялись. А человек достиг такого уровня, что его гениальность или, наоборот, тупизм, превратили его в клетку, в большую совокупность клеток, и он начал трансформироваться в другую колонию клеток, предварительно объединяясь. Всё это копилось годами. Сначала человеку было необходимо объединение с кем-то на психологическом, эмоциональном уровне. Даже был создан институт брака. Люди стали контролировать поведение друг друга, жизнь друг друга и так далее, и это перешло все допустимые границы. Свобода, хоть человек и стремился к ней, была недостижима. Не мог он быть полностью свободен, биологическая потребность в семье и продолжении рода всегда мешали этому.

— А когда возник дисбаланс в виде отсутствия необходимости в продолжении рода, вернее, когда это стали делать в институтах, в пробирках, человек потерял свой смысл. Ведь большинство людей видели смысл своей жизни именно в продолжении рода.

— Да, правильно, Ангелина! В общем-то, это такая биологическая потребность, и смысл жизни — её продолжение. Получилось, что человек эволюционировал до такой степени, когда этот смысл у него отобрали. Грубо говоря, он по инерции ещё двигался какое-то время, но внутренний дисбаланс привёл его к физиологической мутации. Как бы это объяснить... Вот как у Вас: в мозгу заложена эта потребность, и она передавалась из поколения в поколение. Но Вы это осознаёте, потому что находитесь на более высоком психологическом уровне развития. А большинство людей этого не осознают. С одной стороны, потребность осталась, а с другой, весь социум и государство забрали у человека этот смысл в продолжении рода. Даже не социум, а прогресс, — техническое развитие пошло быстрее, чем развивался сам человек. Вот он и рухнул до уровня клетки. И началась мутация.

— Звучит логично. Теперь ясно. В принципе, и я предполагаю такую же модель развития человечества. Но сейчас главный вопрос, как выйти из этой ситуации? И есть ли выход?

— А это нам подскажут наши дорогие червячки-нематоды. Вы же неспроста вцепились в них и исследуете, — улыбается Франкл.

Червь наконец-то подаёт внешние признаки жизни, шевелится. Потребовалось всего двенадцать минут, чтобы живые клетки поглотили мёртвые. Профессор поправляет очки и осторожно гладит лучом слабого тока вдоль тела червя, слегка раздражая его. Если увеличить силу тока, это его убьёт, но пока это не нужно. Нематода начинает двигаться, реагируя на импульсы.

— Давай размораживайся, мясо, — ласково приговаривает Франкл.

— Профессор, я смотрю, что всё равно не все участки тела ещё разморозились, — глядя на экран, сообщает Ангелина. — И смею предположить, что не все и разморозятся. Почему какие-то размораживаются, а какие-то нет? Интересно. Ммммм. Возможно...

— А Вы проверьте возраст клеток, которые не размораживаются. Возможно, они уже старые или больные.

— Точно! Так и есть, — радостно констатирует девушка. — Возраст у всех разный. И те, которые не размораживаются, достигли возраста тридцать дней, максимальной продолжительности жизни у этого вида. А вот более молодые отлично функционируют и весьма активны, особенно те, которые только что родились. А вот это чудо, смотрите, господин Франкл! — Ангелина ставит на ускоренную программу. — Как удивительно идёт процесс! Рождение и умирание. И червь растёт в размерах. Кстати, поэтому я в прошлый раз и остановила эксперимент, не зная, каких размеров он достигнет. Как видно снова, он только растёт, хотя непропорционально.

— Если посмотреть на цикл жизнедеятельности червя в условиях мутации, то он развивается циклично. Можно предположить, что и человечество вышло на новый уровень развития. И мутация — это очередная ступень на витке спирали. Но цена велика. Жизнь человека — это не жизнь червя.

— А почему бы и нет? — иронизирует Ангелина. — Посмотрите на людей. Причём на большинство в их массе. Они же настолько бессознательны, живут в своих проекциях и иллюзиях,

в полусонном состоянии, что страшно становится за будущее человечества. Таких как мы, единицы, и я не утверждаю, что мы совершенны. Но мы хотя бы работаем над собой и развиваемся. Пытаемся осмыслить и осознать жизнь и себя.

— Вы рассуждаете, как умудрённый опытом старик, — и я полностью согласен с Вами, дитя моё, — Франкл смотрит тёплым взглядом на коллегу. — Если мы не будем предпринимать никаких попыток прекратить мутацию, то человечество само себя поглотит, и останутся более молодые и здоровые. Естественный отбор. Но нам никто не разрешит это сделать, мы сами не позволим себе это. Мы же гуманные, альтруисты. И будем помогать самому немощному и ненужному члену общества, пусть даже он полностью деградировал.

— Вот только зачем? Чтобы чувствовать свою божественность и величие?

— Да, нет. Просто так помогать. Это приносит удовлетворение.

— Я сомневаюсь в этом. Это наполняет и тешит собственное Эго. И внутри чувствуешь: как хорошо, что я не такой, и что я избежал подобной участи. Сравниваешь себя с убогими и внутренне радуешься, конечно, не без чувства сострадания, сочувствия и жалости, — как хотите это назовите, — но всё равно радуешься, что это не с тобой произошло. Разве не так?

— Ох, как глубоко Вы зашли. Сложно признаться себе в этом, но в какой-то степени может быть и так. Мы же не Боги, а такие же люди. Просто мы трудились весь век, работали над собой. А другие были в плену, может, им просто не повезло.

— Ах, умоляю Вас! Судьба, везение — это отговорки для ленивых, всегда говорила об этом и не перестану говорить. Работать надо над собой.

— Ангелина, Вы, когда расхóдитесь, становитесь очень жёсткой. Вы же женщина, мягкая, сексуальная, красивая, — улыбается Франкл, которого забавляет запальчивость коллеги.

— Звучит как упрёк, — Ангелина смягчается, вспомнив, что она действительно красивая женщина. — Ладно, предлагаю закрыть эту тему и сосредоточится на червяке.

— Хорошо. Мне сейчас в голову пришла мысль. Вероятно, этот процесс мутации и потепление, что вызвало таяние ледников и наводнение, затопление начались одновременно. Что-то спровоцировало процесс гниения, который вызвал тепловой эффект.

— А спровоцировали этот процесс какие-то геном-вирусы. Скорее всего. Какие-то черви, как наш, поглощают других особей, а какие-то умирают и гниют. А что началось раньше? Или Вы думаете, что одновременно? — Ангелина морщит лоб в размышлениях. — А как же то, что таяние ледников, массовые скопления людей, их склеивание, — всё прошло именно по такой цепочке, последовательно?

— Это нам рассказали в средствах массовой информации, чтобы все так думали, — Франкл с лукавством в лице сделал пальцами «кавычки». — Это самое простое объяснение катаклизма.

— Вероятно, вы правы. Можно предположить, что геном-вирус дремал в человеке долгие годы. Человек его вынашивал, как беременность, пока тот созревал. Он копился и копился. С точки зрения психологии именно накопленные эмоции пробудили этот геном-вирус. Сами себя породили. Подобно тому, как возникает сбой в иммунной системе человека, когда иммунные клетки начинают сами себя атаковать. А вызывается этот сбой многими причинами, в том числе экологией, наследственностью, стрессовыми факторами. И причём это копилось из поколения в поколение, передавалось по наследству, с молоком матери, в процессе воспитания.

— А что если этот червь есть буквальная модель накопленных эмоций, которые пожирают сами себя и разрастаются, становятся всё больше и больше, и когда не хватает места в своём теле, приклеивают другие тела со схожими эмоциями и поглощают их? — профессор изучает червя. — Не думали об этом, коллега? Ведь посмотрите, всё, что вы говорите о накопленных эмоциях, можно увидеть в Вашем эксперименте, причём у нас уникальная возможность проследить за развитием нескольких поколений в ускоренном темпе, что невозможно в случае с человеком. Я имею в виду, здесь те же самые процессы. Попробуйте, разрежьте его, отделив некоторые части, что будет?

— Да, давайте попробуем, — Ангелина берёт лазерный нож и настраивает программу на более сильный поток. — Думаю, можно подойти с любой стороны.

Она аккуратно проводит ножом с одного бока червя и отрезает примерно десятую часть от всей массы. Отрезанная часть тела отваливается и с двух отрезанных сторон каплями проступает зелёноватая жидкость. Большое тело начинает извиваться в судороге, и маленький кусок тоже, они стремятся друг к другу, но Ангелина удерживает их на расстоянии. Так, в агонии, проходит минут пять, и части червя, привыкнув к положению, адаптируются. Зелёная жидкость прекращает сочиться, и рана покрывается тонкой плёночкой.

— Как у них всё быстро! Невероятно! — восхищается профессор. — А теперь хотелось бы посмотреть, будет ли это открытое пространство приклеивать и обрастать новым опытом. По идее, сейчас мы открыли рану. Применительно к человеку, открыли очаг с накопленной эмоцией. Она на поверхности, и человек может её увидеть, поскольку она уже не подавлена и не спрятана. Он может её разглядеть, осознать, полечить. И тогда уже не будет проекций относительно её. Проекция возникает, когда собственные эмоции не видны. Парадокс в том, что человек, сам не осознавая и не видя своих проблем, умудряется «одеть» в них партнёра. Но это является именно проекцией. И поэтому люди приклеивают друг друга. Человек проецирует на другого свои чувства, рисует себе образ, не соответствующий действительности, и воспринимает другого человека только с позиций своей фантазии. А тот, другой, в свою очередь, тоже проецирует чувства. И если у них есть в прошлом опыте схожие непрожитые, подавленные эмоции, они будут выходить в проекциях и притягивать друг друга, а потом и склеивать.

— Но у червей нет эмоций, вот ведь загадка, — Ангелина уже догадывается об ответе, даже почти уверена, но решает убедиться и услышать от профессора.

— Конечно, нет! Но Вы ввели им геном человека, который определяет психологический уровень, то есть тот или иной тип реагирования в стрессовых ситуациях.

— Вообще-то, я об этом знаю, — улыбается Ангелина. — Просто хотела услышать это от Вас, чтобы убедиться, что я правильно думаю. Также этот геном определяет склонность человека к привычкам, в том числе и вредным. Уверена, что связь между эмоциями и привычками также существует.

— Поясните, пожалуйста, — профессор краем глаза наблюдает за нематодой, — что вы хотите этим сказать? Что за связь?

— На примере червя. Мы вводим ему геном человека, который отвечает за склонность к тем или иным привычкам и за психологический уровень. В стрессовой ситуации человек начинает реагировать на событие, и от этого у него появляются эмоции, которые впоследствии подавляются и формируют привычку. Нематоды мы ввели уже сформированную привычку и психологический уровень и сейчас наблюдаем, как она будет реагировать, когда мы лишаем её этой привычки и какой-то части непрожитых эмоций. Когда не вмешиваемся, — это уже проверено, — она поглощает клетки других особей и растёт.

— Но этот факт будет свойственен лишь нематоды, так как она не имеет жёсткого скелета и обладает высокой регенеративной способностью, а потому может быстро расти. Человек же не может расти так быстро. Он будет медленно вращать в своего партнёра, с которым у него одинаковые привычки, или в случае, когда люди друг для друга стали привычкой.

— На Земле таких уже много. Они приняли облик друг друга и росли костями. Понятно, что их уже не разделить, и они останутся такими на всю жизнь.

— Интересно, как у них, я имею в виду, когда умирает такой полностью сросшийся человек, кого хоронят? Например, если это супружеская пара, мистера X или миссис X? Просто таких большинство. Есть, конечно, и не супружеские, и не разнополые, и не двое, а большее количество слипшихся индивидуумов.

— Индивидуум! Слово-то какое Вы сказали, господин Франкл, — Ангелина растягивается в улыбке. — Какие ж это индивидуумы? От слова индивидуальный, уникальный даже, а это никак не подходит к склеенным существам.

— Ах, придираетесь к словам, — подмигивает профессор. — Изначально-то все рождаются уникальными и индивидуальными. Это в процессе социализации человек теряет свою неповторимость и всё больше подражает другим. Это ведь так сложно, быть не таким как все, это могут лишь единицы.

— Да, сейчас это очень далеко от меня. Ещё раз поймала себя на мысли, — как хорошо, что я здесь, на Микзе, среди уникальных людей. Не хотела бы я сейчас оказаться склеенной с кем-то. Это же никакой свободы.

— Не каждому дорога свобода. Обычно о свободе только разговоры ведут, а по факту, человеку сложно быть полностью свободным. Что такое свобода? Это отсутствие почвы под ногами. Истинная свобода — это почти невесомость. Надо сказать, это очень тяжёлое переживание для неподготовленного человека. Опирайтесь только на своё решение, не спрашивать ничьих советов, слушать только себя и свой внутренний голос, делать то, что хочешь, а не то, что надо. Вернее, самому определять, что же всё-таки надо в каждый момент, а не ждать указаний извне. Человек с детства привыкает к режиму ограничения свободы. Сначала садик, потом школа, институт, работа и так до смерти в рамках времени и пространства. Убери эти рамки, и человек испытает шок, стресс, он не будет знать, что ему делать, куда идти. И потом, человек привык к потреблению, он обзаводится предметами, чтобы застолбить своё место в пространстве. Это, в первую очередь, недвижимость, которая явно ограничивает свободу, потом семья, дети, даже место на кладбище. И он ненасытно хочет иметь всё и думает, что чем больше он имеет, тем более твёрдо он стоит на земле, усиливает опору и тем самым лишает себя свободы.

— Я согласна с Вами, профессор, — Ангелина наслаждается речью Франкла. — Это созвучно с моим образом мыслей и откликается внутри. И это очень удобно системе, правительству. Иметь зомбированных людей очень выгодно. Никто не сопротивляется.

— Я полагаю, что здесь, на Микзе, большинство так думает, и поэтому мы так же неуникальны, у нас здесь такой же схожий образ мыслей. Только, в отличие от Земли, у нас более высокое развитие,

а по сути — мы такие же стадные животные. Конечно, нам легче, чем им. Но нас здесь мало, и если бы мы жили на Земле, мы бы очень резко контрастировали с общей массой. Вероятно, так и было бы, поэтому мы сейчас здесь. Естественный ход эволюции. Ладно, всё это философствование, хоть и очень приятное. Так, посмотрите, Ангелина, на нашего червячка. У него рана зарубцевалась, а его отрезанная часть издохла.

— Вот они, гниющие останки, которые наполнили мировой океан и вызвали тепловой эффект.

— В том числе. Да, и это тоже. Но в основном этот эффект создали водоросли. Хотя не факт. Не факт, — профессор проводит двумя пальцами по подбородку и потом по бороде. — Ваше исследование и выводы мне очень интересны. Я пойду, увидимся.

— Да, господин Франкл, счастливо, до встречи. Я хотела бы Вам рассказать ещё и об опыте с медузами. Сейчас этот образец доставлен на Землю, и как пойдёт его развитие, увидим позже. Я Вам сразу же сообщу.

— Добро, — профессор кивает головой и удаляется, мурлыча мантру себе под нос.

Ангелина думает, что необходимо связаться с коллегами из Нью-Йорка, куда Оливер доставил образец медуз. Кажется, он писал о мистере Флюгеле. Включает сеть, делает вызов. Сначала долго никто не отвечает, потом щёлкает соединение, и перед ней предстаёт лицо во весь экран.

— Да, — хриплым со сна голосом отвечает объект, не глядя в экран, так как усиленно трёт глаза руками.

— Здравствуйте. Я Ангелина, коллега Оливера. Он вам доставил микзянских медуз с неделю назад, я хотела бы узнать их судьбу.

— А, здравствуйте, — лицо расплывается в улыбке и от этого становится ещё шире. — Здравствуйте, Ангелина. Рада с Вами познакомиться. А я госпожа Флюгель. Сейчас ночь, я проснулась, но это ничего. Я очень рада, что смогу поговорить с Вами.

— Извините, что разбудила, — оправдывается Ангелина. — Я всегда путаю время, трудно подсчитать, даже с учетом разницы.

Иногда мне кажется, что во времени нет никакой системы, и оно постоянно меняется. Как бы я ни проводила подсчёты, никогда не попадаю.

Ангелина разглядывает собеседницу, её лицо. «Вроде бы мужчина, но очень много женского, да и представилась госпожой. Может, это и есть двойник, склеенная супружеская пара? Интересно». Когда летала на Землю, она видела такую мутацию на улице, но так чтобы общаться, да ещё с директором института, это было впервые. Значит, людям удаётся социализироваться в своём сдвоенном состоянии.

— Какова цель Вашего звонка, Ангелина? — интересуется Флюгель.

— Узнать о судьбе медуз, которые вам доставил на прошлой неделе Оливер Санчес, — повторяет девушка.

— Ах, о судьбе медуз. Так-так-так... О судьбе медуз, о судьбе медуз,.. — Флюгель смотрит куда-то за экран, опустив глаза.

Ангелина замечает, как директор барабанит пальцами по столу, и то ли он-она ещё не проснулись, то ли они не в себе. Взгляд пустой и отрешённый.

— Вы знаете, дорогуша, — через долгую минуту молчания произносит Флюгель, — я сейчас не могу Вам ничего рассказать о судьбе медуз, никак не могу вспомнить. Дело в том, что сейчас, дома, я в роли госпожи Флюгель и больше женщина, а на работе активен мой муж, господин Флюгель, я же на работе в дремотном состоянии. Раньше меня увлекала исследовательская деятельность, а сейчас что-то сломалось. Муж ещё держится, а я больше не могу. Меня как будто не стало.

— Понимаю, — Ангелина приготовилась выслушать монолог и быть психологом. — Это действительно очень тяжёлые переживания, — не чувствовать себя и свою жизнь.

— Да, — Флюгель вскинула глаза на Ангелину, почувствовав сострадание и сочувствие. Потекли медленные слёзы. — Это очень тяжело. Я даже порой хочу умереть, но не могу.

Сейчас Ангелина видит перед собой слабую женщину, измененную, несчастную, и ей очень жаль её.

— Как давно Вы в таком состоянии, я имею в виду, в склеенном?

— Около полутора лет. Мы в числе первых склеились, и, кажется, дольше всех живём. Муж смотрел статистику, она неутешительна. Умирают в течение полугода либо оба, либо кто-то один из склеенных от невозможности вынести это психологически.

— Я знаю, склеиваются потому, что кто-то в паре очень хотел быть вместе, был сильно привязан к другому. Большинство женщин этого хотят.

— Хотите-то хотят. Но когда доходит до дела, и приходится в течение суток, недель, месяцев находиться в тесном контакте с другим человеком как со своей частью тела, это становится невыносимым. Я смирилась, да и многие смиряются, но далеко не все. Большинство не может. И знаете, что я Вам скажу? Нет вакцины против этой мутации. Это копилось годами и веками. Они там что-то ищут, исследуют. Фигня всё это. Лишь бы заполнить свою жизнь смыслом под завязку. Чушь. Самообман.

Внезапно выражение её лица меняется. Оно становится жёстким и злым.

— Что там наговорила моя жёнушка? Глаз да глаз за ней нужен,— сразу же обмякнув, господин Флюгель, продолжает. — Вы медузами интересуетесь? Лучше позвоните через шесть часов. Я сам ещё не узнавал. Приду в институт, наведаюсь в лабораторию и всё узнаю.

— А, хорошо, хорошо,— Ангелина, растерянная от того, что стала свидетелем буквального двуличия Флюгеля, хочет побыстрее закончить переговоры и отключиться. — Доворились. Я Вам позвоню. Счастливо.

— Мгмха,— мычит Флюгель и разворачивается от экрана к кровати.

Ангелина отключается сразу, боясь стать невольным свидетелем ещё чего-либо, и выдыхает с облегчением. Неприятное зрелище — слипшийся человек. Одно дело, червяк или медуза, но человек...

Живя на Микзе, девушка безнадежно отстаёт от земных реалий и иногда чувствует себя, как в тёмном лесу. То, что происходит сейчас на Земле, теоретически ей понятно, но практически

наблюдать это жутко. И, несмотря на то, что она летала в командировки на Землю пару раз и видела склеенных людей, всегда при общении с ними у неё шли мурашки по телу, охватывал страх и возникало ощущение неприятия и дискомфорта.

Её шокировала вдруг пришедшая мысль о том, что и раньше люди всё время ходили в масках, двуличные или трёхличные и более, но это было не буквально и тщательно скрывалось. Чтобы распознать маску человека, когда он в ней и без неё, нужно было какое-то время с ним пообщаться. Надо же, как повернулась жизнь. Да, теперь мы имеем внешнее отражение внутреннего. Как всё стало явно и буквально. В это невозможно верить, никто не мог и представить, что такое произойдёт. Да если бы сто лет назад кто-нибудь сказал, что людское двуличие и подавленные эмоции, которые проявляются как разные маски человека, из психологических составляющих перейдут в физические и отразятся в реальности, никто бы не поверил в эту чушь. Да как такое возможно? А вот возможно, и сейчас это происходит.

Конечно, можно сказать, что раньше надо было думать. А кто думает заранее? Единицы. Вот эти единицы и уцелели и сейчас на Микзе кайфуют. Человек же по природе ленив. И если есть, кому подумать за него, он с радостью снимет с себя эту ответственность. Всё из-за интеллектуальной лени. Конечно, большинство сублимирует и проецирует на физические работы свою умственную лень. Они трудятся в поте лица, лишь бы не думать ни о чём. Это действительно проще. Размышления приводят к экзистенциям, а это ещё и эмоционально больно, так что человек предпочитает держаться подальше от этого. «Горе от ума». Великая фраза. Или «Безумным счастье». Опять-таки, это границы, крайности. Если тщательно поразмышлять над этими фразами, можно понять, что баланс ума и применения этого ума приносит счастье и безмятежность. Что толку от ума, когда его невозможно правильно применить? Тогда он действительно принесёт лишь разрушение и горе. А безумство в разумных пределах тоже полезно. Только революционеры, способные в одиночку на безумные поступки, делают прорыв в науке и в жизни.

Поэтому капля безумства также не помешает. Вот, опять-таки получается, что вся изюминка в балансе. На то она и изюминка.

Ангелина выходит из задумчивости. Иногда она чувствует себя, как под наркозом, хоть и трезвая. Она опять уходит в свои размышления и на какое-то время погружается в себя, потом выходит лёгким толчком, отклоняющим тело назад. Ангелина смотрит на улицу через затонированное окно своего кабинета. Как всегда, ярко светит солнце. Тихо, безмятежно, и снаружи, и внутри. А на Земле хаос... Но это же на Земле. Ей-то что до этого? Да, сейчас там находятся её друг и подруга её брата, которую она решила спасти. Нет, просто помочь. Спасать — неблагодарное дело, если человеку не грозит смертельная опасность. Хотя можно сказать, что на Земле все обречены и всем грозит смертельная опасность. Что ж, сами виноваты. Их предупреждали. Кто-то же уцелел. Естественный отбор. Ангелина не любит себя за такие мысли. Они ей кажутся циничными и жёсткими. Но, может быть, благодаря этому она не застряла в роли спасателя человечества ради ощущения своего превосходства и божественности. Ведь для чего становятся спасателями? Конечно же, для удовлетворения своего Эго. Я спас, я герой, я по сравнению с другими, сильный. Всегда всё делается для собственного удовлетворения. Иногда стоит подумать, зачем нужно чувствовать себя героем и сильным? Зачем нужно внешнее подтверждение этого факта? Человек и так сильный, когда ему это нужно. И слабый, когда это необходимо. А спасти окружающих, если они не просят об этом, только во вред.

Ангелина выходит из лаборатории и направляется к директору. Надо попросить разрешение на командировку на Землю, вот только веского рабочего аргумента у неё не находится. Придётся говорить как есть, и это вряд ли понравится. Она заходит в овальный кабинет и видит директора на потолке, висящую вниз головой в позе лотоса.

— Минуточку подождите, Ангелина, — улыбаясь невозмутимо произносит она.

— Хорошо-хорошо, — ничуть не смущённая практикой своего руководителя, Ангелина садится в мягкое кресло и любуется небом и солнцем.

Директор через несколько секунд встаёт и спускается в прилипающих ботинках по потолку и стене. Оказавшись на полу, она взбивает свои шикарные пышные волосы, улыбается и довольная садится на край стола, пристально вглядываясь в коллегу. Поматерински заботливо и участливо смотрит на Ангелину и, наклонив голову вбок, ждёт, когда та заговорит. Девушка, как всегда, любит красота своей директрисы, она всегда получает эстетическое удовольствие от вида этой восхитительной женщины.

— Я бы хотела попросить Вас разрешить мне командировку на Землю.

— С какой целью, Ангелина? Насколько я помню, Вы недавно прилетели, и у Вас в планах не стоит командировка. Что-то внеплановое?

— В общем-то, да, внеплановое. Я хочу помочь девушке, которая жила с моим братом перед его смертью. Туда улетел Оливер, — ему удалось совместить помощь этой девушке с рабочими вопросами, — и пропал. Я предполагаю, что он в той же ловушке.

— Ммммм, а в полицию не обращались?

— Нет пока.

— Я Вам откажу, дорогая. Вы не обязаны помогать другим взрослым. Это их ответственность. Но самое главное, на ближайший месяц нет мест. Всё занято.

— Я так и думала, — опустив голову, говорит Ангелина.

— То, что кто-то заболит или передумает, маловероятно. И рассчитывать, что освободится место, бессмысленно. Лучше расслабьтесь. Всё будет как должно. Вы не сможете изменить ход эволюции таким образом. Вы больше нужны здесь, и уж здесь Ваша помощь и вклад, безусловно, меняют временную тенденцию. Так что не надо попусту расходовать свои силы ради одного человечка. Лучше подумайте, почему именно её Вы хотите спасти? Какие чувства Вы испытывали к брату и сейчас проецируете на его девушку? Может, это чувство вины?

— Наверное, — теперь Ангелина ещё больше погружается в себя от заботливого и несколько монотонного голоса директрисы, и слёзы уже готовы вырваться из глаз. — Да, в последнее время, с тех пор как я улетела на Микзу, мы не общались.

Он был моим последним родственником. Мой отец и его родители умерли, со своей матерью я давно потеряла контакт, сейчас её уже тоже нет в живых. Она жила в Новой Зеландии, когда началось наводнение. С братом мы несколько раз пытались наладить общение, но у нас из этого ничего не вышло. И тем не менее он был единственной ниточкой, удерживающей меня от ощущения тотального одиночества. Сейчас хочется, чтобы кто-то напомнил мне о нём. Раз он и эта девушка были вместе, у них с братом должно быть много общего.

И тут поток слёз градом вырывается наружу, Ангелина больше не может сдерживать рыдания. Она закрывает лицо руками, плечи её сотрясаются, но, кажется, с рыданиями она освобождается от накопленного напряжения. Директриса приобнимает её за плечи и молча ждёт, когда девушка успокоится. Другой рукой она наливает воду из графина. Когда через пять минут плач понемногу стихает, и Ангелина уже всхлипывает, бессильно провалившись в кресло, директриса подаёт ей стакан с водой. Девушка пьёт, поднимает в благодарности красные от слёз глаза, снова закрывает их и глубоко вздыхает.

— Человек всегда один, просто рядом кто-то находится, — говорит директриса.

— Да, я это знаю, — кивает уже успокоившаяся Ангелина.

— Рождается с чьей-то помощью, материнской или учёных, неважно, из утробы матери или из пробирки, а вот умирает всегда один, и не только человек, всё живое. Такова жизнь, чёрт бы её побрал.

— Да, — вымученно улыбается Ангелина. Её директриса всегда была крута, умна, стильна, красива, достойна восхищения. Как, впрочем, и сама девушка, и большинство микзян.

Глава 14

Макс в задумчивости улыбается. Всё складывается удачно, в его пользу. Пока всё идёт по плану. Значит, он правильно предполагает, что после склейки и работы с подавленными эмоциями, которые образуют привычки, что-то будет происходить. Конечно, он не думал, что Динара умрёт. Его оружие должно было парализовать, а не убить. Она сама умерла.

Размышляя, Макс идёт в комнату матери. Кажется, она давно не стонет, а время ужина уже прошло. Надо накормить всех, и мать, и людей. Мать, как всегда, лежит неподвижно. Однако обычно она открывает глаза, когда заходит сын, а сейчас нет, лежит с закрытыми. Макс подходит к ней, кладёт руку на плечо и на лоб и быстро отдёргивает её. Что-то изменилось. Он не может понять, что именно, но страх уже начинает сосать в животе и скручивать. Он тормозит её, но она не откликается. Он не хочет принять мысль, что она мертва, не верит в это. Вернее, где-то глубоко он и осознаёт этот факт, но всем своим существом противится ему.

В тупой неподвижности, сдерживая слёзы, он сидит у неё на кровати и держит её остывающую руку. Что сейчас значительно в его жизни, и в чём смысл? И что теперь делать? У него нет ответов на эти вопросы. Жить ему теперь и неинтересно, и нет желания. Но надо закончить эксперимент, а потом можно будет покончить жизнь самоубийством. Просто сделать разрезы на запястье побольше и не заклеивать, тогда он истечёт кровью и умрёт. Нет, это слишком долго, размышляет он, тем более, что он может даже в ослабленном состоянии спасти себя. Надо что-то наверняка и быстрое. Таблетки. Вон, у матери их куча, выбрать и съесть горсть. Нет, тоже может не получиться. У неё нет таких таблеток, всё слабенькие какие-то.

Можно броситься с моста на проходящий поезд. Вот это точно сработает и быстро. А сейчас надо завершить эксперимент. Хотя совершенно нет сил и желания.

Макса разрывают двойкие чувства. С одной стороны, он сожалеет, что мать умерла, а с другой стороны, у него появилось лёгкое ощущение свободы, которое, как облачко, быстро тает, сменяясь жутким чувством неопределённости будущего. Хотя и парализованная, она оказывала на него мощное влияние. Это были какие-то нейронные импульсы, создаваемые в пространстве и передаваемые телепатически. Она чувствовала его, а он её. Они были больше, чем мать и сын. Они были ещё и любовниками. И этот тесный союз рождал ощущение единства телесного, духовного и эмоционального, настолько сильного, как у склеенных и выросших друг в друга людей. Если бы её не парализовало, они бы точно склеились.

«Через какое-то время начнётся процесс гниения, надо её похоронить. Вызывать труповозку рискованно. И что делать? Самому пойти вырыть яму и закопать? Да. А что? Так делали в древние времена. И кто мне запретит это сделать сейчас? Никто». Макс выходит из дома, берёт лопату, во дворе дома выбирает укромное место и начинает копать. С каждым взмахом лопаты и броском земли к нему приходит злость, даже ярость, что мать умерла совсем не вовремя и не посмотрела на результаты его эксперимента, на его славу и признание... Всё так не вовремя...

Мигель никак не может заснуть. У него перед глазами стоит образ мёртвой Динары, и как её тело засасывает утилизатор. В ушах стоит треск костей и звук рвущихся сухожилий. И запах, ужасный трупный запах. И вкус, сладкий вкус человеческого мяса. Он чувствует, что что-то в нём изменилось. Раньше он был мягким, подавленным, бесхребетной амёбой, а теперь он ощущает невероятную силу и власть. Возможно, от того, что теперь он не привязан к любовнице. Избавился от привычки. В нём смешались незнакомое ему чувство свободы и рождённый этой свободой страх от отсутствия почвы под ногами. Это возбуждает.

А послевкусие человеческого мяса постоянно напоминает об опыте людоедства. Теперь к нему приклеена только Мария. И у Мигеля зреет план. Сейчас он уже не тот Мигель, что был раньше. Но сам он пока не осознаёт это. Итак, план таков: он задушит Марию и потом отгрызёт её от себя. Тогда будет полностью свободен и сможет выбраться отсюда. То, что с этой толстой коровой ему удастся договориться и сбежать, маловероятно. Наконец его сваливает сон, и он засыпает.

Ему снится, что он в лесу, вокруг туземцы в набедренных повязках, и они едят человеческое мясо. Внезапно раздаётся какой-то звук, они бросают еду и кидаются в лес. Мигель бежит вместе с ними. Тут оказывается, что он бежит не с ними, а от них, он — жертва. Он знает, что его хотят догнать и так же съесть, и в страхе убегает. Но тут он падает и...

Просьпается Мигель от какого-то толчка. Поворачивает голову и видит лежащего рядом Оливера, приподнявшегося на локтях и разглядывающего своё бедро, которое приклеилось к бедру Софии. Вчера они легли валетом по отношению к Мигелю и Марии, так и заснули. Оливер поворачивает голову на шорох рядом и встречается взглядом с Мигелем. Кивает головой.

— Ты что? Склеился, как я вижу, — констатирует Мигель усталым голосом.

— Как видишь, — не без сожаления произносит Оливер.

— Ты сам виноват, что приблизился. И не надо было брюки снимать.

— Ладно, помолчи, пожалуйста. И потом, если помнишь, у нас тряпки кончились, мне пришлось пожертвовать одеждой, сам же облевал всё вокруг, — обрезает Оливер.

Ему сейчас не до объяснений. Он и себе-то не может объяснить, как он так прилип. Невероятно. Он думал, что осознан, проработан. Ведь на Микзу не отправляют абы кого. Значит, нет, всё же бывают ошибки и сбои в системе. Бывают. А как он восхищался этой системой вначале! Системой, которая устроена на Микзе, создана руками учёных, и его в том числе. Да, там всё чётко, упорядоченно, ничего лишнего. Она доставляет эстетическое удовольствие,

что на фотографиях и схемах, что в реальности. И ещё она даёт чувство пульса планеты и трепетное чувство умиротворения. Когда находишься на Микзе, кажется, что вот она, и больше ничего не надо. Потом восхищение проходит и сменяется обыденностью, вырастает в привычку. И вот тут-то и начинаются разные неприятности в жизни Оливера. Он их пережил, так он думал, а оказывается — нет. Ему ещё предстоит помучиться, ведь не приклеился бы тогда. А возможно, причина склеивания вовсе не в привычке и подавленных эмоциях. Он силится вспомнить, что же ещё было в его прошлом, что он не прожил. Снова и снова притягивает ситуации, чтобы прожить эти эмоции.

Кажется, София сейчас проснётся, — заворочалась, — и Оливер уже представляет её удивление. Ему кажется, что он ей нравится, так же как и она ему. Все эти взгляды, бессловесные и межстрочные послы. Усилием воли он отбрасывает эти мысли и заставляет себя думать об основной проблеме. Как сейчас отклеиться и выбраться отсюда целыми и невредимыми, да ещё вернуться бы на Микзу. Правда, сейчас он уже не уверен, что его пропустит миграционная служба. Придётся оставаться на Земле. Если он выживет в этой комнате пыток, где пыточным инструментом сам себе является человек, невидящий своих привычек в себе и притягивающий других людей, чтобы увидеть свои привычки в них. Пока не видит, к коже приклеивается другой человек и растает всё больше и больше. Есть откуда взяться панике. И если сегодня только третий день, а уже вчера был первый труп, который утилизировали, предварительно обкусав мясо, что будет дальше, страшно представить. Люди обезумели. А теперь он сам приклеен — значит, меньше сможет влиять на процесс.

События развиваются, как в дурном сне. За эти несколько дней, с той поры, как участники группы оказались заперты в этой комнате, произошли изменения. К сожалению, не улучшившие ситуацию. Рыжий левым бедром прилепился к правому бедру Сандры. София склеена с рыжим своей левой рукой к его спине. Сейчас, когда Динары не стало, их цепочка разорвана.

Мигель склеен с Марией боком спины к её правой руке. Площадь их склейки увеличилась примерно на десять сантиметров. Люди вырастают друг в друга с каждым часом. Ещё несколько дней, и уже будет невозможно откусать мясо и отделиться. Сегодняшний день на грани, почти критический, и надо успеть что-то сделать, чтобы область склеивания хотя бы не увеличивалась. А теперь ещё и Оливер приклеился к Софии своим левым бёдром к её правому бедру.

Наконец-то все проснулись. София удивлена, но скорее приятно, когда обнаруживает рядом с собой Оливера. И хотя она понимает, что это опасные и тяжёлые испытания, втайне ликует. Её движения теперь усложняются, ведь теперь у неё свободна только одна нога. Рыжий, уже привыкший к своему новому положению, ограничивающему движения, кажется, впал в апатию, и ему на всё наплевать. Лишь иногда в нём просыпается агрессия, которую он, не стесняясь, выливает на окружающих, потом снова замолкает, будто впадает в ступор. Зато Сандра чувствует себя немного свободнее. Сейчас нет рядом этой противной, гадкой, подлой Динары, лишь на ягодице остаток от её руки даёт о себе знать зудом. Мария исполнена нежностью к Мигелю. Теперь, когда его Динары нет, она считает себя обязанной заботиться об этом слабеньком, несчастном мужчине, как будто получила его в наследство или по эстафете. А сам Мигель грустит, переживая утрату своей подруги и прежнего привычного образа жизни. Перед ним мучительные экзистенциальные вопросы, так что он пока забыл об идее избавления от Марии. Общая атмосфера страха стала настолько привычна, что уже не ощущается. Сделав все утренние дела и позавтракав остатками вчерашнего ужина, участники группы располагаются на диване, кроме Мигеля и Марии, которые остаются у стола, так как Мария всё ещё не может оторваться и жадно запихивается, пытаясь наполнить себя до отвала, собирая оставшиеся крошки и кусочки со стола.

— Мигель, как ты? — спрашивает его София.

— Да уж, не лучшим образом. Да что про меня говорить? Здесь всем несладко, — отвечает осунувшийся Мигель. — Меня убивает мысль, что в жизни это только со мной происходит. Мои женщины всегда от меня уходят. Одна ушла с другим мужчиной, эта, вообще, умерла. Ещё другие были, всё та же история повторялась.

— А ты не хочешь рассказать нам историю из детства, которая произвела на тебя впечатление? Или просто расскажи что хочешь, — предлагает Оливер.

Мигель молчит в раздумье. Все остальные тоже молчат. Мария, сидя рядом, дожёвывает булочку. Молчание затягивается. Наконец тишину нарушает голос Мигеля, идущий из глубины. Тихий, глухой, как эхо, почти безжизненный.

— Как-то из садика меня забрала старшая сестра, хотя должна была прийти мама, как обычно. Но мама в последнее время всегда опаздывала, и я часто оставался в садике, пока всех детей не разбирали. И вот, сестра пришла за мной, — Мигелю сложно говорить, его голос то и дело прерывается, он повторяет фразы по нескольку раз, запинаясь. — Вот. И когда мы шли, сестра сказала, что мама нас бросила, ушла к другому дяде. Мне тогда всего пять лет было, и я не понял, как это, и спросил об этом. Она ответила: «А вот так. Мама нас больше не любит, и мы ей больше не нужны. Но ты не расстраивайся, у тебя есть я, и у нас есть папа». Видимо, в тот момент я был в шоке и не поверил, что такое вообще возможно. Однако мама не пришла ни в этот день, ни в другой. Она больше не появилась никогда. И, наверное, умерла, потому что говорить о ней было табу, и мы все молчали. Папа стал употреблять наркотики. Я тогда уже подросток, и мне было десять лет. По утрам я часто видел валяющийся шприц с кровью. Сестра жила то с одним парнем, то с другим. В перерывах возвращалась домой, и в это время я был для неё грушей, по которой она периодически лупила. Я думаю, уже так просто, чтобы набить руку. Я никогда не плакал и сдачи тоже никогда ей не давал. Я её боялся и в то же время думал, что хоть она меня любит. Папа почти всегда был под кайфом. А в период ломки от него лучше было держаться подальше. Потому что

тогда я опять был грушей, только мне влетало уже от него. Вообще, я был козлом отпущения, как мне казалось. Отец всегда говорил, что я чмо, убожество. Всячески помыкал и издевался надо мной. Он любил только сестру, я это видел и чувствовал. Видно было, как он смотрит на неё глазами, полными обожания. Но я думал, что я мужчина, и мне это необязательно. Тем более отец всегда говорил, что мужчине плакать стрёмно, тогда он не мужчина, а баба или тряпка. И когда слёзы подкатывали к горлу, и трудно было их сдерживать, я начинал громко смеяться, чем ещё больше бесил отца. У нас с ним была просто война. Однако надо отдать должное моей сестрёнке. Несмотря на то, что она меня периодически била, это было терпимо, а потом она сразу остывала, обнимала меня, даже иногда просила прощения и покупала всё, что бы я ни захотел. И заступалась перед отцом. За это я ей очень благодарен.

— И ты усвоил для себя: бьёт, унижает — значит, любит. Похоже, как и у меня, — предполагает Сандра.

— А что ты чувствовал тогда и сейчас? — спрашивает София.

— Да не помню я тех своих чувств. Хотя, наверное, мне было обидно и горько. Очень обидно. Я видел, как другие дети вместе с родителями гуляют, общаются. А у меня этого не было. Я всегда был в себе. Потом началась учёба, и я ушёл в научную деятельность, потом неудачный брак, и вот так я докатился до такой жизни. Сейчас отца уже нет в живых, о матери ничего не знаю, а сестра, скорее всего, на Микзе, хотя не уверен. Иногда так сжимает в животе от боли и так хочется заплакать, но как-то стыдно. Ведь я мужчина.

— Ты зря сдерживаешь свою обиду и не даёшь ей прорваться наружу, — кивая головой, произносит София. — Позволь своей обиде и боли выйти наружу через слёзы. Позволь это себе, не надо копить. Не надо.

— Да, как-нибудь я это сделаю, — смущённо произносит Мигель. — Я уже научился не смеяться громко, когда мне больно. Как-то мне один из профессоров сказал: «Ты выглядишь очень неестественно, когда пытаешься улыбкой спрятать боль». Потом я прочитал об этом.

— Да, это называется конгруэнтность. Красивое слово, мне нравится, — говорит София, кивая головой. — Конгруэнтность, это когда слова, эмоции и действия, — поведение человека в целом, — совпадают, слитны. Это говорит о целостной личности. Правда, я об этом только читала, а вот применять не очень-то получается.

— Потому что это очень тяжело, вот так сразу, с размаху. Нужны годы подготовки, проработки и осознания своей личности и частей своей личности, — делится Оливер. — Я, вон, сколько лет просидел у психолога. Два точно. И всё равно что-то не проработал, раз приклеился. Хотя, возможно, люди склеиваются не из-за подавленных эмоций.

— Не лъсти себе, не обманывайся, — ухмыляется рыжий. — Из-за чего же тогда они склеиваются? Нет, мне больше нравится именно эта идея.

— Потому что ты не хочешь искать другие причины из-за своей природной лени. А возможно, Оливер прав, и причина не только в подавленных эмоциях, — поддерживает Оливера София.

— Но это пока что не доказано, — деловито произносит Мария.

— Да, это не доказано, — пищит Сандра. — И лучше не тешить себя иллюзией, что проработав непрожитые эмоции и осознав себя, мы расклеимся.

— Как ни печально, но мы в такой ситуации, что приходится только этим и заниматься. Прорабатывать свои эмоции и проживать, — вздыхает София. — Этот монстр Макс, не выпустит нас отсюда. Но параллельно можно думать и о других возможных причинах.

— А ты уверена, что если мы осознаем и проработаем эмоции, выпустит? — Мария смотрит на Софию исподлобья.

— Да ладно, что вы устроили демагогию, — Мигель заводит левую руку за спину и трогает место, где склеен с Марией. — Давайте просто будем продолжать, и всё. Я рассказал свою историю, и мне стало легче, даже кажется, что область склеивания тянет меньше. Хотя, может, я и придумал себе это.

— Точно! Молодец, Мигель, — София подхватывает его идею закончить бессмысленный спор и, немного подумав, говорит, — кажется, и я готова поделиться с вами своей болью и вынести её наружу.

Все внимательно смотрят на неё. Лишь Мария почёсывает свою правую руку рядом с областью склеивания. От этого тишину пронзает скребущий звук, и все, безотчётно реагируя на него, поворачивают голову к Марии. А она самозабвенно чешется и не замечает, что все смотрят на неё. Наконец поднимает глаза и видит взгляды.

— Не могу больше терпеть эту склейку, — оправдывается Мария. — Это жесть какая-то. Меня трясёт так, что я готова разорвать зубами свою кожу, как мне кажется. Аж передёргивает всё внутри. Ещё день, и я за себя не ручаюсь.

Мигель в смущении чуть отворачивается в сторону. Видимо, непонятным путём на невербальном уровне Марии передались его желания и агрессия. И это невозможно постичь разумом и объяснить. Он буквально накануне не мог заснуть от чувства раздражения и желания придушить эту Марию. А она взяла и вот так просто высказала всё вслух, как будто оголила никому не известную тайну и правду Мигеля.

— Поэтому давайте сегодня активно поработаем, — с неизвестно откуда взявшимся энтузиазмом говорит Оливер.

София молчит ещё минуту, выжидая и настраиваясь.

— Ну, значит, так. Вообще, у меня семья с виду была очень пристойная и порядочная. Но это только с виду. Они и верующие были, и в церковь всегда ходили. Мама учитель, папа инженер. Всё довольно стандартно. Мама никогда меня не хвалила, по имени не называла, чуть что, ставила в упрёк, что я неумеха, и у меня руки не из того места растут. Постоянно ставила в пример двоюродную сестру. И вечно причитала о своей жизни, и что ей не повезло с мужем и ребёнком. Папа сносил это молча. А я постепенно замыкалась в себе. Вообще-то, мои родители очень хорошие. Они для других всегда готовы были пожертвовать последним. Такие добрые. Но когда мне что-то было нужно, и я просила их помочь, они призывали меня к самостоятельности и намекали на взрослость. Может, так воспитывать и правильно, но я стала чувствовать себя изгоем, никому ненужной и нелюбимой родителями. Они же такие хорошие, добрые, всем помогают.

А если меня игнорируют, значит, это проблема во мне, и я урод какой-то, сама виновата. Конечно, проблема банальная и обыкновенная, но теперь я всегда ищу в мужчинах своего спасителя, пытаюсь отношениями заполнить внутреннюю пустоту, которая во мне от неприятия родителями, их непризнания меня как личности. Правда, обычно я притягиваю ущербных мальчиков, любителей выпить или ещё какой-нибудь гадости. Мне так хочется, чтобы они оценили меня, признали, полюбили, и я старательно окружаю их заботой. Я даже готова жертвовать собой ради этого несчастного, готова помочь ему. От него лишь требуется меня любить и ценить. Всего ничего. Но, как правило, они убегают от меня, и я не понимаю, почему так? Я же хорошая...

— Может, тебе попробовать стать плохой? Зачем быть всегда хорошей? — ухмыляется рыжий.

— Я не могу. Как это?

— Лично меня бесят такие, хорошие и воспитанные. Мне кажется, что за этим что-то кроется. Как говорится, в тихом омуте черти водятся.

— София, мне кажется, что... — Оливер осторожно пытается подобрать слова, — ты, заботясь и отдавая полностью всю себя другому человеку, забываешь о себе. А мир же это видит и чувствует, и автоматически зеркалит твоё отношение к себе. Не знаю, понятно ли я выразился.

— Да, я поняла, и я знаю, что должна любить себя, ценить и заботиться о себе. Но как это делать на практике, я не знаю.

— Только не обижайся, — рыжий смотрит на Соню сбоку, повернув к ней голову, насколько это возможно, — но я с первого дня заметил твои жирные волосы и перхоть, и это так неприятно. Ладно ещё прыщики — нарушен обмен веществ. Но хотя бы волосы можно мыть, ведь есть средства против перхоти. Я вот приклеен к тебе и с самого начала боялся, что ты меня заразишь своей перхотью или капнешь жиром. Ясно, что со временем смирился. Выхода же нет.

— Слушай, рыжий, ну ты даёшь! — негодует Сандра. — Зачем же так жёстко? Может, мама не моет голову или у них в семье не принято.

— В каком веке живём? В доисторическом? Мать её унижает и эмоционально насилует, а сама не может подать достойный пример? — защищается рыжий.

Соня начинает всхлипывать, опустив голову.

— Я действительно не люблю мыть голову. У меня там болячки на голове и прыщики, и я боюсь их содрать.

— Слушайте, если мы здесь выживем, поверьте, чистые или грязные волосы не будут иметь абсолютно никакого значения. Это мелочь. Я лично не замечаю этого. Грязные волосы, чистые. Да ещё пару дней, и мы все будем такие грязные и вонючие,— громко говорит Оливер.

— Вот вы и похожи! Ты обосрался, она тоже засранка, — смеётся рыжий.

— А у тебя что за плечами? Ну-ка, расскажи, ведь ты тоже приклеен к Софии. Так что между вами общего, что тебя так раздражают невымытые волосы в перхоти? — кричит Мария.

На мгновение повисает тишина. В это время загораются экраны. Макс, похоронив свою мать, возвращается в дом. Он ещё не успел прийти в себя, и на его лице смятение и потерянности. Все, конечно, это замечают и молчат, удивлённо ожидая, что будет.

— Я смотрю, у вас порядок. Динару утилизировали. Хорошо. Одним меньше,— менторским тоном выдаёт он, тут же осёкшись, поскольку вспомнил, что и он потерял мать. Он молчит, потому что в данный момент мысленно провёл параллель между этими двумя смертями, произошедших почти в одно время. — Что же, сейчас у вас нет контролёра, которым являлась Динара, и вы теперь сами по себе. Я не контролирую, а наблюдаю. Это разные вещи. Я не вмешиваюсь в ход событий, если только не случится форс-мажор.

— А что входит в форс-мажор? — уточняет Оливер.

— Не скажу,— отвечает Макс, потому что он просто не знает, что сказать, и намеревается придумать по ходу. Ощущение себя богом вновь возвращается к нему, и он на минуту забывает о недавней кончине матери. — Да, явно, произошли изменения...

Макс погружается в свои мысли и уже не смотрит на экран. Повисает пауза. Он думает о том, что и он утратил контролёра. Ведь он всегда знал, что она наблюдает за ним, и старался быть таким, чтобы оправдать её ожидания, ради порции похвалы и тёплого одобряющего взгляда. Он старался изо всех сил. Когда у него получалось, мать дарила ему тепло, а иногда это был холод и отстранённость. В эти минуты ему было до жути одиноко и тоскливо. Но научился же он справляться с этим? Научился. Так ему казалось, и он был уверен в своей правоте. Он делает всё ради блага других людей и для их же пользы. Он отключает экран, чтобы люди не смогли увидеть его мысли. Иногда ему кажется, что все могут читать и видеть его мысли, и ему бывает стыдно за некоторые из них.

Макса накрывает чувство утраты, и как он ни пытается его подавить, ему очень больно и тяжело. Он понимает и что он тоже смертен, и свою ничтожность во вселенной. Давит ощущение бессилия перед природой, и что с этим ничего нельзя сделать. Ничего. Может, сейчас он не очень-то явно осознаёт это, так, краем мозга, но когда настанет его последний день и час, будет ли он это понимать? И что он будет чувствовать? Что не зря прожил жизнь или разочарование от прожитой жизни? А вдруг он умрёт внезапно, как его дед, которого убили? И как лучше?

Сами эти мысли вгоняют Макса в ступор. Он тупо, как зазомбированный, поднимается, идёт в ванную, достаёт своё любимое лезвие и резким движением наносит удар, разрезает вены на тыльной стороне ладони. Из-за быстрого отработанного движения боли он не чувствует. Его обжигает волна страха и возбуждения по всему телу, от ног до головы. Кровь начинает капать. Он на мгновение ощущает эйфорию и лёгкое головокружение. В глазах темнеет, и он бессильно присаживается на стул. Кровь капает на чёрный пол ванной и образует тёмно-красную лужицу, которая расплзается с каждой каплей. Красное на чёрном сейчас Макс видит одним расплывчатым грязно-розовым пятном. Но вот, зрение постепенно возвращается и краски становятся более яркими и отчётливыми, он приходит в себя. Эта эйфория длится всего каких-то тридцать

секунд, максимум минуту. Зато какие ощущения! Хорошо, что существует супер-гель, который затягивает раны за сутки. Как же он любит это ощущение страха и возбуждения!

Он помнит, в детстве любимой игрой их семьи была «А я не боюсь». Так его отец егеря воспитывал в сыне бесстрашие. Игра заключалась в том, чтобы внезапно подкрасться и напугать друг друга. Но показывать свой испуг нельзя было ни в коем случае, иначе штраф и наказание в виде порки ремнём. Нужно было сразу ответить: «А я не боюсь!» — и желательно ещё и улыбнуться для достоверности. Макс ни разу не удалось напугать родителей, зато им удавалось это делать постоянно. Как-то он описался от испуга, но дрожащими губами всё же вымолвил: «А я не боюсь». Конечно, родители заметили его конфуз и ещё добавили десять ударов ремнём. А уж плакать нельзя было тем более. Тогда добавлялось ещё в два раза больше ударов. Надо было терпеть и ни в коем случае не показывать свои чувства. Зато если он выносил истязания молча, мама потом обнимала его, целовала, и он ощущал такое безраздельное тепло и любовь! Да и у отца взгляд становился мягким и любящим. Ради этого стоило терпеть, и Макс всегда терпел. Научился.

И сейчас он наслаждается видом крови. Пусть умерли и отец, и мать, но капающая кровь напоминает ему о том, что здесь замешаны их эритроциты и лейкоциты, и что-то там ещё. И так он может их видеть. Он воскрешает их телесные оболочки в своей крови и разговаривает с ними. И в эти минуты он счастлив. Своей смерти он не боится, по крайней мере, так думает. Он даже иногда желает её приблизить. И когда она приближается, ощущение страха доставляет Максиму экстатическое удовольствие, волну возбуждения, проходящую от лица к ступням по всему телу. В детстве он всегда с огромным интересом наблюдал, как бьётся муха в предсмертной агонии, не имея возможности отлепиться от липкой ленты, и потом умирает. Сейчас он проводит эксперимент ради науки и открытий. Так он себе внушил и уверен в этом. Но любовь наблюдать, как бьётся муха и потом умирает, осталась. А люди — те же мухи или жуки, приклеенные клеем привычки.

— Прошло три дня эксперимента. Результат пока слабый и непонятный. Ждём ещё два дня. Умерла мама. Посмотрим, что будет дальше, — говорит Макс отражению в зеркале и откидывает свою белую чёлку со лба.

Отражение кивает ему в ответ, не говоря ни слова, разворачивается и уходит. Уходит и Макс.

Софию в это время раздирают рыдания, она плачет уже минут пятнадцать, не переставая. Не то чтобы её задело слова рыжего о её грязных волосах, она и сама знает, что у неё из-за нарушения обмена веществ в организме очень жирная кожа, поэтому и волосы, соответственно. Нет, её задевает не это. Она плачет о своём детстве, о недолюбленности, о несчастном ребёнке, которым она была. Ей очень жаль себя маленькую и своего внутреннего ребёнка как часть себя. Она плачет и плачет, и вместе с этими слезами выходит её обида на родителей, в особенности, на мать. Кто-то говорил, мол, нельзя осуждать своих родителей и что родителей не выбирают. Чушь всё это. Ясно, все жизненные ситуации даны, чтобы человек стал именно таким, каким он есть, и стремился к своему идеальному Я. Но родителям следует быть помягче и прежде, чем заводить детей, научиться любить себя, ценить и уважать.

В это время правая ладонь Мигеля, непринуждённо покоившаяся на мёртвом обрубке кисти Динары, прилипает. Он боится отпустить даже мёртвую плоть своей бывшей подруги. Плечи у Софии трясутся от рыданий. Рыжий устаёт слушать её плач и затыкает уши пальцами, но это не помогает.

— Хватит уже рыдать. Надоело слушать, — злобно говорит он.

В его глазах ярость, ему кажется, что это её реакция на его слова. Ему не нравится чувствовать себя виноватым.

— Заткнись, сказал, — он пихает Соню рукой и попадает ей прямо в солнечное сплетение.

София сгибается, схватившись за живот, жадно ртом ловит воздух.

— Ты что наделал?! — испуганно кричит Сандра.

— Ой, простите-извините, забыли Вас спросить! — кривляется рыжий, повернувшись теперь к Сандре.

Ему только это и надо, он уже давно ищет повода, чтобы дать волю своей агрессии. Три дня в слепленном состоянии исчерпали всё его терпение, и он звереет. Их склеенные бёдра не позволяют ему как следует развернуться. София, которая рукой приклеена к его спине, также ограничивает его возможности. Он начинает трясти головой в бессилии и махать свободными руками, молота ними по чему попадая. София и Сандра по обе стороны от него пытаются увернуться, но не получается. Сандре он попал кулаком в глаз. София, едва разогнувшись, тут же получает в нос. Крайние Оливер и Мария пытаются уговорить его. Мигель же трусит, боясь получить удар, а Мария очень неповоротлива и после очередного взмаха рукой рыжего также получает по отвисшей щеке. Она сразу прекращает попытки его утихомирить и отодвигается, насколько может, потирая ушибленное место свободной рукой. Только сейчас Мигель и Сандра замечают, что приклеились друг к другу, но концентрировать на этом внимание пока некогда, необходимо усмирить рыжего. Оливер наконец-то умудряется ухватить его за руку, завести её ему за спину и теперь ловит вторую. Рыжий вырывается, но склеенные по обе стороны девушки очень мешают ему.

— Ух, бля, ненавижу! Как же все достали меня здесь. Отвали от меня, урод! — рыжий плюёт в лицо Оливеру.

На оскорбление Оливер тут же отвечает правым кроссом, и рыжий, схватившись рукой за ушибленное место, отскакивает на диван, за ним София и Сандра. У рыжего вокруг глаза быстро расплзается и багровеет огромный фонарь, отёчное веко становится неподъёмным. От падения Сандры Мигель еле удерживается на ногах, резко сгибаясь из-за потянувшейся руки.

Рыжий ещё бешено зыркает в полтора глаза, но присмирел, что уже хорошо. Оказалось, ненадолго. Буквально через минуту он делает резкое движение в сторону Сандры, впивается зубами в её плечо и пытается оторвать кусок, урча, как собака. Сандра издаёт невероятно истошный крик, даже визг, и от боли падает без чувств.

Пока все успевают опомниться, так как всё происходит в считанные секунды, рыжий уже отрывает кусок мяса с плеча потерявшей сознание девушки, у него капает кровь изо рта, глаза горят безумным огнём. На этом он не останавливается. Продолжая бесноваться, он несколько раз пытается ухватить зубами опасно приблизившегося к нему Мигеля, который свободной левой рукой зажимает рану Сандры в попытке остановить кровь. В конце концов, у рыжего получается, и Мигель резко отпрыгивает в болевом шоке, оставив в зубах китайца кусок своей плоти. Держась за грудь, куда рыжему удалось дотянуться, он прыгает и шипит от боли. Кровь брызжет во все стороны. Наконец Оливер хватает голову обезумевшего рыжего и крепко держит, чтобы тот не смог вновь пустить в ход свои зубы. Его удерживать не так-то легко. И нет лекарств, чтобы его вырубить.

— Где же Макс? — София вспоминает о нём, как о спасителе. — Он бы мог нейтрализовать рыжего своим лучом, как Динару в своё время.

— Да, сейчас он был бы кстати, — поддакивает бледная Мария, от страха сжавшаяся настолько, что её огромное тело даже уменьшилось в размерах. — Кажется, я сейчас тоже потеряю сознана...

Не договорив, Мария падает на диван, потянув за собой Мигеля, едва стоящего из-за боли от укуса рыжего. Он без сопротивления поддаётся, не в силах сопротивляться. С рыжим теперь борется только лишь Оливер. София помогает как может. Она старается уворачиваться, но ей периодически достаётся. Оливер держит голову рыжего, не давая ему куснуть, а тот всё норовит ухватиться за кого-нибудь зубами. На него произвело впечатление, как Мигель откусывал куски от безжизненного тела Динары, чтобы освободиться. И, видимо, что-то ещё. Постепенно его конвульсии сходят на нет, и он затихает. Но Оливер не спешит отпускать его, боясь, что тот снова начнёт бесноваться.

— Я уже больше не могу, — стонет рыжий бессильным голосом. — Это наказание какое-то. Вокруг меня всю жизнь, как себя помню, кто-то торчит, как приклеенный. Просто сейчас это происходит

буквально. У нас ведь раньше была большая семья, это сейчас мы вдвоём с матерью остались. У меня были две сестры и брат, все старшие,— он уже совсем успокоился и, не обращая внимания на плач очнувшейся Сандры, говорит как будто сам с собой. — Они постоянно меня окружали, липли, не давали мне покоя. Да и спали мы все вместе, с братом и с сёстрами, в одной кровати. Жили очень бедно и тесно. В Китае тогда хоть и был расцвет, но мы не входили в элиту и считались бедным классом. Вы уж меня извините, не знаю, что нашло,— говорит он, подобрев, но никто ему не верит, все смотрят испуганно и насторожённо.

— Давай, я тебе перевяжу рану,— предлагает София Сандре. — В ванной я видела что-то вроде аптечки.

София направляется в ванную, и все следуют за ней. Мигелю приходится раскатать Марию. Она не сразу приходит в себя и, спотыкаясь, плетётся за всеми. Рыжий идёт молча, стыдясь поднять глаза на окружающих. От всего случившегося, страха и бессилия что-то сделать люди еле-еле передвигаются. Есть уже никто не хочет. Даже Мария с долей отвращения смотрит на еду. Перед глазами у неё стоят Мигель и рыжий, которые откусывают мясо от Динары и от Сандры. Саму Сандру, истекающую кровью, Мигель левой рукой прижимает к себе за плечи, чтобы девушка не упала. Его правая рука, которая прочно приклеилась к её ягодице, поддерживает снизу. Таким образом, как бы в обнимку они медленно идут к спасительной аптечке. Все остальные принаравливаются к их движениям. Из раны на плече Сандры хлещет кровь, и девушка теряет силы прямо на глазах, она уже не в состоянии, не то что ходить, даже просто самостоятельно стоять на ногах.

Рыжий, то и дело прихрамывая и оступаясь из-за левого бедра, приклеенного к Сандре, после недолгой паузы продолжает свой монолог, периодически ахая и охая от натяжения кожи и боли. Похоже, что он сошёл с ума. Оливер напряжённо следит за ним, ожидая нового всплеска каннибализма.

— А вы как думали? Скажете, легко быть любимчиком в семье? Нет, не легко. Для мамы, да, я был любимчиком, а для остальных детей — предметом зависти. Их ведь мама любила не так, как меня.

Хотя кому-то это было и не нужно. Но то, как она меня опекала, было слишком. Она смотрела мне в рот, когда я ем, всегда кивала головой на любую мою чушь, что бы я ни сказал. Я, конечно, возно-сился до небес, но только дома, в семье. А в школе была противопо-ложная ситуация. Со мной никто не дружил. Я был очень заносчив и самоуверен. Для меня не было авторитетов, только я один — бог и властелин на планете. Это мне внушила мать, и я в это поверил. Но, видимо, высоким интеллектом не отличался и был ленив, поэ-тому вся моя божественность низвергалась в пропасть, стоило мне только выйти из дома. Меня часто высмеивали на уроках, когда я отвечал. А я не понимал, почему. Не понимал, когда видел пло-хие отметки в дневнике и учителей, которые говорили маме, что махнули на меня рукой. Я не верил, что дебил и дурак, как гово-рили многие. Мне ведь мама внушала, что я другой, а именно: са-мый лучший, умный и красивый, — рыжий фыркнул себе под нос, обнажив ряд верхних зубов и скорчив рожу. — Какой я красивый? Почти всегда люди от меня шарахаются и боятся. А потом я понял, что мать мне всё врёт, и решил соответствовать тому образу, кото-рый видят во мне окружающие. И я стал дебиллом, уродом и мон-стром. Так что вы теперь знаете, с кем имеете дело.

— Это ты мог бы не добавлять, — съехидничала Мария. — Это я поняла, когда ты откусил кусок мяса от Сандры.

— А ты заткнись, жирная корова. Скоро и до тебя доберусь и отведаю твоего мяса, — рыжий опять скалится, отчего Мария взрагивает, невольно отшатнувшись.

В это время София обрабатывает рану Сандры. Та стонет и дрожит от страха. Ещё бы, она к рыжему ближе всех и в лю-бой момент можно ждать, что он снова вопьётся в её тело. София тоже испуганно косится на рыжего. Её спасает лишь то, что он приклеен к ней спиной, и ему трудно достать её зубами. Оливер стоит перед рыжим и готов в любую минуту схватить его голову.

— Держи язык за зубами, — зло говорит Оливер рыжему. — А то одним ударом я тебя вырублю. Понял меня? Я не из армии спасе-ния, и сочувствия от меня не дождёшься. Таких, как ты, мамень-киных сыночков я с детства не переваривал.

— Да просто ты тоже завидуешь, как все всегда мне завидовали. Тебя, наверное, недолюбили родители, — обиженно говорит рыжий, превратившись в скромную овцу, как будто не он пять минут назад бесновался и откусывал мясо от живого человека, словно дикий зверь.

— Нет, не завидую. Совсем не завидую. Тут нечему завидовать. Могу лишь сострадать твоему горю, — Оливер в упор смотрит на рыжего.

— Ну, вот и всё, — говорит София. — Как ты? — она поднимает голову Сандры, которая всё ещё вздрагивает и плачет, вся пронизанная страхом.

— Не знаю, — девушка мотает головой. — Плохо. Очень плохо. Хуже не бывает. Я уже готова умереть.

— Так-так-так! — словно из поднебесья звучит раскатистый голос с внезапно включенных экранов. — Наконец-то страсти разгораются! Я что-то упустил? Ну, ничего, посмотрю на записи.

Отношение к Максусу складывается двоякое. С одной стороны, все его боятся, с другой стороны, только он может отключить взбесившего участника группы. Хотя, вероятнее всего, он не станет этого делать, ему это как раз на руку. Есть подозрение, что он просто ждёт, когда все в комнате дойдут до такой степени отчаяния и злости, чтобы перегрызть друг друга. В этой маленькой, ограниченной в пространстве группе, кусочке коллективного бессознательного должен выжить лишь тот, кто глубже других осознаёт свои личные подсознательные процессы. А может быть, и наоборот. Большая масса поглотит всех по очереди.

Глава 15

А в это время в Нью-Йорке, с другой стороны планеты, в институте, куда Оливер завёз образцы склеенных медуз, профессор Флюгель на трёх ногах ковыляет в лабораторию. У него не выходит из головы ночной звонок с Микзы и эта симпатичная девушка с просьбой сообщить о результатах. Навстречу ему попадают такие же трёхногие, иногда четырёхногие и ни одного двуногого. Скоро нормальные люди будут занесены в книгу рекордов Гиннеса, как редкий представитель некогда жившего и уцелевшего гомо сапиенс.

Практически все склеились и срослись, одиночек почти не осталось. Даже слово «одинокий» звучит как «прокажённый». Хотя где-то в глубине души склеенные завидуют одиночкам, их свободе и уникальности, но боятся в этом признаться даже себе, и зависть остаётся на глубинном уровне подсознания, лишая возможности действовать и изменить что-то в своей жизни. Ведь так приятно оставаться в своей зоне комфорта. Пусть и будучи склеенными. Какая разница? Раньше были не буквально склеены. Пусть теперь лишены некоторых радостей и удовольствий, зато вместе и никто никуда уже не денется. Это наполняет спокойствием, умиротворением и какой-то иллюзией определённости. Наконец-то человек достиг своей цели — полного единения. В окружающем мире всё чётко и понятно, никаких сюрпризов. Склеенные постепенно врастают друг в друга. Это уже известно. И никто от этого не умирает, если не мешать процессу вживления и не вмешиваться в природу, в естественное развитие. Эволюция. Так люди привыкают к своему новому положению. А в социуме возникают новые услуги для сросшихся людей. Наступает период затишья. Затишья перед бурей.

Профессор Флюгель заходит в лабораторию, направляется к аквариуму с медузами. Мониторы регистрируют его приближение и направляют свет на нужный объект. Медузы лежат на дне и едва шевелятся. Флюгель направляет слабый луч лазера на них. Они становятся активнее и красиво перебирают щупальцами.

— Особи развиваются стабильно. Процесс вживления друг в друга идёт. Медленно, но идёт. Со времени, как их к нам доставили, они выросли друг в друга наполовину. И очень уверенно себя чувствуют,— сообщил робот, встроенный в систему наблюдений.

— Что необычного отметили?

— Пока ничего. Я планирую попробовать их разделить и посмотреть на их реакцию.

— Начинайте. Я как раз посмотрю,— распоряжается Флюгель.

— Спасибо,— благодарит система и начинает уверенными движениями операцию разделения.

Последний день на неделе. Флюгель уже мечтает о даче в выходные и уютном кресле-качалке. Он так и не отвык от этой привычки лениться и пребывать в философской праздности. Он неспешно проживает свои дни и уже без энтузиазма делает дела, которые раньше его вдохновляли. Постоянное присутствие в нём его жены лишает его индивидуальности и свободы. Его мысли и чувства уже не его, а их общие. Сама Флюгель рада, что обрела полную власть и контроль над мужем, ведь она всегда этого добивалась. Но что ей действительно не нравится в настоящем положении, так это то, что приходится тратить время на просмотр охотничьих журналов. Она никогда не любила охоту. Ещё ей не нравится, что всё же большая часть тела является мужской, и теперь ей пришлось забыть про шопинг и украшения. Зато её муж ей безгранично предан, и нет повода для ревности. Или почти нет. Даже если он и засматривается иной раз на привлекательную особу, он уже никуда не денется, да и особы эти в большинстве своём склеены друг с другом или с мужчинами. Так что без вариантов. Флюгелям ещё несказанно повезло, что их профессиональные интересы

лежат в одной области. Тем, у кого разные интересы, приходится несладко и, как правило, результат плачевный. Они либо погибают все, либо принудительно разделяются, и если разделение происходит не на раннем этапе, хотя бы один из партнёров неизбежно погибает.

Пока робот проводит манипуляции с живым материалом, Флюгель смотрит в окно. С высоты открывается вид на некогда прекрасный Нью-Йорк. Сейчас он затянут облаками, и идёт моросящий дождь, обычное явление в последние два года.

Напротив здание биржи, которое смотрится, как вымерший замок. Ни суеты, ни хаоса, ни счастливых лиц. Все будто вымерли. Трудятся лишь некоторые гении-самородки, которые умудряются продвигать идеи. Не за деньги, а просто ради самой идеи. Звучит бредово, но этим гениям так необходимо движение на рынке акций, что они готовы бесплатно предлагать что угодно ради этого ощущения подъёма и падения.

Гамерман задумчиво смотрит в окно. Сегодня ему предстоит путь в Санкт-Петербург, сначала на электричке «Нью-Йорк — Москва», прорезая Земную мантию, а потом уже на клаудузе. Из окна он видит институт. Именно ту идею, которую им доставил Оливер и продублировал в институте, они с партнёром сейчас пытаются протолкнуть, заинтересовать ещё оставшихся в живых людей. День лишь начался. Сегодня на бирже очень вяло. И так в последнее время вяло, а сегодня ещё хуже.

Вчера он ещё раз попытался хакнуть систему сети в доме, адрес которого давал Оливеру. И ему удалось запечатлеть картину, которая его ужаснула. Он увидел комнату, группу людей, человек пять-шесть, и вместе с ними Оливера. Сфотографировал. Люди склеены между собой и, похоже, насильно удерживаются в помещении. Он услышал голос персонажа, появившегося на экранах. Гамерман догадался, что это владелец сети, которую он хакнул. Сфотографировал ещё и один из экранов. Теперь у него два снимка. Один с группой людей и другой с блондином в чёрной коже, лишь плётки не хватает.

Ощущая смутную тревогу в области живота, он закрывает глаза и начинает глубоко дышать. Вдох, выдох, вдох, выдох. Ему всегда очень помогает эта практика. Вдох, выдох, вдох, выдох. Полная сосредоточенность на дыхании. Воздух входит через нос, выходит через рот. Живот поднимается, опускается. Когда приходит спокойствие и возникает чувство отстранённости, можно приступить к самоанализу. Он пытается выявить первопричины своей тревоги. На рынке всё тихо. Те позиции, в которых он сидит, надёжные, он в них уверен, до понедельника с ними ничего не произойдёт. Идеи будут вживаться в умы, посялятся там и разрастутся. Имея стаж трейдерской торговли более десяти лет, он уже наизусть выучил все акции и знает их поведение. Акции словно люди. Дилетанту может показаться, что они такие же непредсказуемые и бессознательные. Однако эта непредсказуемость относительна, их поведение всё же можно предвидеть, как и поведение человека, настроение которого подвержено переменам в зависимости от дня, времени суток, года. Если прислушиваться к своим внутренним процессам, можно отследить спад и подъём этого душевного равновесия. Но только если внимательно слушать себя, отслеживать и понимать внутренние послы. Большинство же людей так сконцентрировано на внешнем мире, что они совсем себя не слышат. Они проецируют свои чувства, ожидания, мысли на окружающий мир и думают, что это реально. На самом деле человек представляет из себя то, что и кто его окружает. Он сам создаёт свою жизнь, не осознавая этого. Поэтому когда человек ругает окружающий его мир и людей, это, в первую очередь, его проблемы. Он не видит в себе проблему, потому что не осознаёт. А видит в окружающем. Но внешнее — отражение внутреннего.

Гамерман осознаёт, что тревога вызвана его предстоящей поездкой, которая не сулит ничего определённого и даже таит в себе опасность. Что ж, страх и риск — его стихия, так что временную тревогу он переживёт, как и всегда. Он открывает глаза, заканчивая дыхательную медитацию. Затем быстрым движением хватается свой рюкзак и выходит в пасмурный день. Сегодня пятница.

К понедельнику он должен вернуться. Так что ему для решения вопроса и помощи давнему другу всего один день, — суббота, — учитывая, что сегодня он проведёт день в переезде, а в воскресенье надо будет возвращаться.

За пятнадцать минут клаудуз доносит его до вокзала. Он без проблем покупает билет «туда и обратно» и садится в электричку. К ночи он прибывает в Питер, а завтра уже двинется к объекту. У него всё рассчитано заранее, он так привык. Когда видишь примерный ход событий и возможных действий при том или ином раскладе, жизнь становится более определённой, и неопределённость будущего отступает.

Одной тревогой и страхом меньше — уже прогресс. Самый глубокий страх, что сидит в нём, это страх отверженности, отчуждённости. Мучительный вязкий страх. Он в нём ещё с детства. Впрочем, он присутствует у всех людей, так же как и страх смерти. Но не всех это беспокоит одинаково. Корни этого страха в моменте отделения ребёнка от матери и обрезания пуповины, когда плод покидает утробу во время родов и оказывается в открытом мире. За время работы на рынке Гамермана много раз выбивало из системы, он уходил в минус и тогда испытывал эту отчуждённость, до боли, до спазмов в желудке. Но если раньше он притягивал ситуации и людей, в которых мог бы пережить это чувство отверженности, то сейчас это происходит крайне редко. Он понимает, что это его боль, и только он сам может и должен с ней справиться. Он старается сразу выявлять причину, и с годами ощущение отрезанности от мира стало появляться всё реже. С отверженностью же в рабочем процессе ему значительно легче, так как ситуацией на бирже можно управлять, прогнозировать и быть готовым. Но он отдаёт себе отчёт, что до полного решения его внутренней проблемы ещё далеко.

Устроившись на заднем сидении электрички, кинув рюкзак в кресло напротив и вытянув ноги во всю длину сидения, Гамерман оглядывается. На него также обращают внимание, потому что он один, а это невероятная редкость в сегодняшнем мире. Он твёрдо убеждён в своей правоте и не будет подстраиваться

под стандартный социум. Ещё в детстве отец сказал ему, что одиночество — удел сильных, слабого всегда тянет в толпу. В вагоне людей мало, крайне мало. Их всего-то пять человек, причём четверо других склеены попарно. Так что можно сказать, что их трое, включая самого Гамермана. «До отправления поезда осталась одна минута», — говорит робот в динамике, и маловероятно, что пассажиров прибавится.

Гамерман читал в новостях, что поезд «Нью-Йорк — Москва» полностью финансируется из общего земного бюджета, поэтому ещё живёт, несмотря на полный развал. Это единственный скоростной путь, соединяющий две половинки планеты.

Поезд плавно трогается, уходит под землю по тоннелю и вскоре начинает разгоняться, набирать скорость. Привыкнув к давлению от скорости и адаптировавшись к нему, Гамерман включает сеть, проверяет ситуацию на рынке. Там всё спокойно и тихо. Он пишет письмо Ангелине и отправляет его. Гамерман уже полгода думает об эмиграции на Микзу, и сейчас эта мысль постепенно утверждается в его голове. Единственное, что его держит на Земле, это биржа. Ведь это его жизнь. А там, на Микзе, он не знает, чем будет заниматься. Может, начнёт рисовать. Он любит картины.

Пейзаж в иллюминаторе захватывает, и он любитесь видами Земной мантии. Чем глубже они погружаются, тем страшнее становится, и это всё больше возбуждает. Гамерман выбирает в сети функцию «Рисование» и настраивает краски. В пространстве перед ним возникает полотно. Он дотрагивается пальцем до чёрного цвета и наносит первые штрихи. Потом берёт красный цвет и пальцем выводит линии. Смотрит в иллюминатор. Добавляет бирюзового цвета. Ему нравится, что получается. Много огня и страха в критических точках, переходящих в божественную безмятежность.

Так, вместе с поездом, он погружается в своё бессознательное и транслирует на полотно, отгородившись от мыслей о предстоящей неприятной работе. Он мог бы не ввязываться, но что-то подталкивает его. Возможно, дружба с Оливером, симпатия к Ангелине,

чувство общности и схожего образа мышления. А так как чувство страха для него не преграда и лишь усиливает желание, то он всю жизнь пускается во всевозможные рискованные авантюры. Конечно, предварительно просчитав риск. Гамерман почти всегда уверен в успешности операции, позволяя себе рисковать, пусть и на грани, но оправданно. Порой ошибаясь, в большинстве случаев он в выигрыше. Скорее всего, в этот раз им движет желание попасть на Микзу, поскольку на Земле оставаться опасно, и предел риска, на который он согласен, уже преодолен. Происходящее вокруг как разверзшаяся пропасть, впереди только темнота и смерть, без возврата. А он ещё молод и хочет пожить. Хотя все средства массовой информации пророчат прекрасное будущее Земли, его интуиция подсказывает обратное, а он привык опираться на своё мощное шестое чувство.

В океане Ангелина видит того красивого мужчину, с которым в прошлый раз так приятно общалась. Только имени его она не узнала. Кажется, Фабиан. Ей так кажется. То ли она слышала, как кто-то его звал, то ли просто кажется. Интуиция. Он тоже её видит и машет рукой. Ангелина улыбается, ей приятно его внимание и радостно от встречи. А вот и Рой подплывает и тычет носом в её ногу. Сидя на сёрфе, девушка гладит скользкую кожу дельфина, и он издаёт стрекочущий звук — здороваётся. Её покачивает на волнах, и она наслаждается безмятежностью океана. Скоро придёт волна, и она поплывёт.

— Будь готова через пять минут, — говорит дельфин, кивает головой и улыбается.

Ангелина вглядывается в пространство. Пока всё безмятежно. Слабые волны, а нужна сильная волна и высокая.

— Как поживаешь? — спрашивает Фабиан, подплыв поближе к девушке, у него на лице счастливая улыбка, он не скрывает, насколько рад их встрече.

— Отлично, — улыбается Ангелина, забыв в океане о своих земных проблемах и обязательствах.

— Сейчас поплывём. Я уже чувствую приближение волны, ощущаю телом.

Ангелина кивает в ответ, неотрывно вглядываясь в даль. Приближается волна.

— Эту пропустим. Вторая будет больше и мощнее.

— Согласна.

Выйдя на берег, переодевшись и промокнув волосы полотенцем, Ангелина достаёт пищащую сеть, пришло сообщение. Оно от Гамермана и зашифровано, закодировано. Как его прочесть? Ангелина напряжённо думает, и это не ускользает от внимания спутника. Фабиан подходит и, видя её озадаченность, спрашивает:

— Помочь? Что-то случилось? Вижу твой хмурый лоб и предполагаю, что ты о чём-то усиленно думаешь или что-то пытаешься разгадать.

— Да, пришло письмо, но оно закодировано. А где мне взять этот код, ума не приложу. Надо подумать. Может, ответ придёт позже.

— Да, так часто бывает. Если не можешь найти решение сразу, через время оно находится само. А пока лучше расфокусироваться и отвлечься.

— Просто боюсь, вдруг там что-то срочное. Ладно, надо расфокусироваться.

Они идут по береговой линии, разговаривая и беззаботно смеясь. Иногда Ангелина вспоминает о письме, но глаза Фабиана, от которых невозможно оторваться, лишают её воли, и она быстро забывает о коде. Она так счастлива рядом с ним! Как и в океане. Решение приходит внезапно, вспышкой света. Она пролистывает предыдущие письма и находит в конце последнего письма маленькие буквы и цифры. Вот он. В прошлый раз она заметила эту абракадабру и, не поняв её назначения, казалось, забыла. Но подсознание ничего не забывает и в нужный момент подкидывает решение. Ангелина вводит код, и письмо открывается.

— Ура! У меня получилось! — радостно и возбуждённо сообщает она. Тут же этот восторг сменяется страхом и беспокойством от содержания письма.

Ангелина читает. Фабиан отходит чуть дальше и смотрит на океан.

Кому: **angelina@arh.mz**

От кого: **gamerman@fds.zem**

Тема: Выезжаю на объект.

Ангелина, добрый день!

Отправляю письмо в шифре, так как не хочу, чтобы этот Макс Негулески заметил, что мне удалось внедриться в его сеть, и не попытался совершить ответный манёвр. Я только что сел в электричку и направляюсь в Москву, оттуда в Питер. Мне удалось сфотографировать комнату, где сейчас находится Оливер. Там ещё пять человек. Я не очень представляю, что могу сделать в одиночку. Если Оливер попался, я не уверен, что не попадусь тоже. И я думаю всё-таки обратиться в полицию. Хотя сомневаюсь, что они поедут. Для них это бытовой случай массового склеивания. Я подумал вызвать труповозку и обхитрить роботов, сообщить, что там трупы, пусть взломают двери и зайдут, а я прокрадусь за ними. Они будут отвлекающим манёвром.

Отправлено: 13.08.2100 10:52.

У Ангелины от чувства тревоги и беспокойства предательски сводит в животе. Она задумывается и пока не знает, что делать. Смотрит на океан. Так не хочется выходить из своей зоны комфорта и безмятежности... Даже этот океан, который бывает очень опасным, не так пугает её, как люди на Земле. Несмотря на свою непредсказуемость, океан всё же можно чувствовать, быть с ним в согласии. Фабиан подходит к Ангелине и внимательно заглядывает ей в глаза.

— Что-то случилось? — спрашивает он, улыбаясь.

— Да, долгая история, — отмахивается Ангелина и пытается улыбнуться. — Как-нибудь потом расскажу.

Она снова замолкает, и Фабиан не нарушает тишину, понимая и чувствуя Ангелину. Она ломает голову, как лучше поступить, но мысли никак не идут к ней. И что написать, посоветовать, подсказать, тоже не знает. Значит, ничего и не надо советовать и подсказывать, он сам разберётся, — всё же взрослый человек.

Кому: **gamerman@fds.zem**

От кого: **angelina@arh.mz**

Тема: ответ

Здравствуйте, господин Гамерман!

Желаю Вам удачи на Вашем пути. Я не знаю, что ещё сказать. Очень беспокоюсь и тревожусь. Доверяю Вашей интуиции и способностям. Счастливо.

Отправлено: 13.08.2100 11:27.

Хоть она и отправляет ответ, чувство беспокойства не проходит.

Доски они складывают, трансформировав в маленькие амулеты, и вешают себе на шею. Гидрокостюмы обсохли, и молодые люди трансформируют их в обычную одежду, просто подумав, что каждый хотел бы надеть сейчас. Наноткань постоянно совершенствуется и модернизируется. Теперь для человека затраты на гардероб составляют всего лишь около часа времени в нано-примерочной, где берут анализы и по ним строят набор клеток для каждого клиента. И это всё что нужно, чтобы на всю жизнь обеспечить любой одеждой и обувью по желанию и прихоти самого человека. Наноткань состоит из ДНК конкретной личности и чутко ловит нейронные импульсы владельца. После гидрокостюма Ангелина в присутствии Фабиана чувствует себя очень сексуальной и желанной, хотя и с примесью тревоги, поэтому платье у неё получается по колено, в обтяжку, ярко синего цвета.

Они с Фабианом направляются вдоль берега. Параллельно с ними плывёт Рой, выпрыгивая из воды и издавая свои трели. Ангелина его только что замечает и машет рукой. Тот высовывает хвост и машет им в ответ, потом выпрыгивает из воды, делая сальто, и плюхается в воду. Это вызывает улыбку на лице девушки. Фабиан, проследив за взглядом Ангелины, тоже любитесь трюками дельфина.

Как она ни пытается отвлечься от земных проблем, чувство безмятежности так и не возвращается. Она решает подождать и побыть с этим набором чувств. Пройдёт. Так они идут с Фабианом, иногда перекидываясь фразами, иногда просто молча,

наслаждаясь близостью друг друга. У своего дома Ангелина останавливается, Фабиан тоже, смотрят друг на друга. Ангелина смотрит в глаза Фабиана, и он вздрагивает. Её взгляд пронзает его, и дрожь проходит по всему его телу. Девушка замечает это и отмечает про себя его реакцию на неё. Когда они увидятся в следующий раз, неизвестно. Они не договариваются. Всё происходит по молчаливому согласию. Ангелине кажется, что Фабиан чувствует её. Она постоянно одёргивает себя, что это её проекции, фантазии и ожидания. Но при встрече с ним забывает обо всём на свете.

— Увидимся, — коротко говорит Фабиан, приветливо улыбаясь.

— Да, счастливо, — немного грустно, оттого что приходится расставаться, отвечает Ангелина.

Она поворачивается и идёт в сторону своего дома, спиной чувствуя его взгляд. Возле входа ещё раз поворачивается и машет ему рукой. Он просто стоит и улыбается. Как он её возбуждает и как её влечёт к нему! Давно в ней не просыпался этот животный инстинкт, с которым тяжело дышать, и который проходит лишь через несколько недель, если не видеть предмет желания. Но она сдерживается. Молодой, красивый, умный, сексуальный. Как похожи они в своих страстях, увлечениях и интересах! Да и ценности у них схожие. Но всё равно она сдерживает себя, впрочем, так же как и он. Она ждёт от него первого шага, а он как будто не торопится. Может, изучает, наблюдает? Её уже меньше мучает совесть, что она предаёт Оливера. По правде говоря, это нельзя назвать предательством, ведь у них чисто дружеские отношения, так и не перешедшие в нечто большее. А любить? Она всех любит. Ангелина уже считала, что выросла из этих первобытных инстинктов, и у неё не будет влечения никогда. Она даже радовалась, что перешла на новый уровень своего развития. Но нет, природа ещё зовёт, ждёт, просит. Умоляет даже. А теперь стонет.

Ангелина опускается в кресло, потом встаёт и направляется в душ. Уже пора собираться в институт, в лабораторию. Вода позволяет на какие-то минуты отвлечься от мыслей о Фабиане, и ощущение ласковых струй на теле наполняет блаженством и истомой её слабое, измученное неудовлетворённым желанием

тело. Непроизвольно катятся слёзы. Она уже чувствует себя глубоко несчастной, что не может прикоснуться к нему и всегда быть рядом. Из-за каких-то дурацких убеждений, ожиданий, приличий. Какой бред! Но, тем не менее, она ничего не может сделать. Ей остаётся только ждать и не торопиться. Сегодня наноткань выдала её желание, облачив её в плотно облегающее платье, жаль, что синий цвет примешался из-за тревоги. А он, Фабиан, держался просто превосходно, одевшись в обычные спортивные брюки и футболку белого цвета.

Получив заряд бодрости после пробуждения на океане, Ангелина идёт по коридору института, окутываемая прохладой и запахом кварцуемых помещений. Её последние опыты с нематодами дали обнадёживающие и перспективные результаты. Они доказывают, что основой склеивания на начальном этапе являются схожие ДНК, а уж потом непрожитые и подавленные эмоции, перешедшие в привычку.

Восприятие и реагирование человека в разных ситуациях и условиях заложены на уровне ДНК. Поэтому у одних формируются определённые эмоции и потом подавляются, у других формируются и не подавляются, а у третьих не формируются и, соответственно, подавляться нечему. Можно готовить доклад и закрывать тему.

Главная проблема для людей в необходимости прожить подавленные эмоции. А для этого без курса психотерапии не обойтись. По-другому проблему никак не решить. Блокировать ДНК на этапе рождения нельзя, есть риск сформировать общество безвольных роботов. Определённые ДНК тоже нельзя блокировать. Никто не знает, как будет воспринимать конкретный человек ту или иную ситуацию. Все разные. Поэтому на генетическом уровне решения нет. Только на сеансе психотерапии возможно изменить уровень мировоззрения и восприятия, откорректировать психологическую составляющую.

Человечество попадает в замкнутый круг, поскольку, психотерапия платная, а у большинства людей сейчас нет денег.

Бесплатная же терапия неэффективна, так как не ценится человеком. Об этом говорил ещё Гиппократ. Правда, его слова касались врачей, лечащих тело, но какая разница? Психотерапевт, психолог тоже лечит, только на более тонком уровне. И потом, что такое деньги? Обмен энергией. Не вкладывая деньги, ничего не получишь. Это закон. Допустим, можно сломать невежество людей и навязать им ценность психотерапии. Допустим. Если работать над этим годами. Человеку можно внушать во сне о необходимости смены мировоззрения, но это опять-таки будет искусственной мерой. И на это тоже уйдут годы, которых у человечества уже нет. К сожалению, люди обречены. У Ангелины прокатывает комок от горла к солнечному сплетению. Кто выживет, неизвестно. Полная обречённость. Без вариантов.

На Микзе люди продержатся, потому что не прошедших курс психотерапии здесь нет, их сюда не допускают. Если, конечно, микзяне не будут летать на Землю и возвращаться в прошлое. Любой такой возврат будет значить, что терапия прошла неэффективно и необходим дополнительный курс. Можно всю жизнь работать над совершенствованием своего я. В конце концов, нет предела совершенству. После реконструкции это уже одно удовольствие и приятные моменты. Возможно, это и есть новый этап развития человечества и эволюционный ход. Чтобы перейти на новый этап, необходима новая, более развитая нация. Вот и остаются единицы. Происходит естественный отбор.

На Земле люди будут жить ещё максимум пару лет. Постепенно их количество уменьшается и скоро сойдёт на нет. А новые не рождаются, семьи не создаются. Люди вместе, потому как склеены. И теперь уже не рады этому.

Ангелине очень грустно от этих мыслей и осознания фактов. Как сказать обо всём этом? Нет, она не будет ничего говорить и выступать с докладом. Пусть кто-то другой.

Мурлычет сеть, загорается экран в поле видимости пользователя. На экране серьёзный, сосредоточенный и чем-то встревоженный профессор Флюгель. С того момента, как они

в последний раз общались, проходит всего три дня, но он очень осунулся, как будто не ел все эти дни.

— Здравствуйте, профессор Флюгель, — вежливо говорит Ангелина, пытаясь по голографическому изображению понять, что с ним происходит.

— Добрый день, Гелочка, — еле слышным голосом очень мягко говорит профессор.

— Как Вы себя чувствуете? — беспокоится девушка.

— Спасибо. Неважно. В смысле, плохо я себя чувствую, но это действительно неважно. Конец иллюзии. Всё. Нет вакцины и средства для лечения от этого вируса, — понурив голову, говорит профессор.

— Да, я сегодня пришла к таким же выводам. Вернее, есть средство, но это не волшебная пилюля вроде тех, к которым привыкли обыватели. Принял, и всё прошло. Есть способ лечения, но он требует длительного времени. Это психотерапия и проработка подавленных эмоций.

— Кто пойдёт на такое? Люди не любят мозгоправов. Они же сами себя считают психологами, не важно, есть образование или нет. И даже наличие образования ничего не даёт.

— Согласна, не даёт. Нужна личная психотерапия. Вот единственное средство. Представляете, сколько возникнет сопротивления, если начать внушать через средства массовой информации необходимость посещения психологов? Нет, это нереально.

— Значит, человек сам себе выбирает путь. Кто хочет жить склеенным и умереть быстро, тот останется верен своему сопротивлению. А кто захочет жить долго и свободно, будет преломлять его. И в итоге преодолеет. Однозначно. Но только тот, кто вступит на путь осознанной жизни и, преодолевая сопротивление, будет стремиться к цели. А уж успех и неудачи на этом пути станут несущественными, — произносит профессор вышколенные фразы, которые мусолит в мозгах, как жвачку. Без эмоций.

— Полностью согласна с Вами. Я вижу, Вы подавлены. Понимаю, что крушение иллюзий разочаровывает. Но это новый шаг на этапе развития. Не потеряв чего-либо, невозможно приобрести новое. В данном случае новый опыт и переход на новый уровень развития.

— Я уже обречён, — профессор мотает головой. — Мне, нам, осталось совсем чуть-чуть. Наше сдвоенное тело постоянно сбивает. У меня проблемы со здоровьем. Я сижу на таблетках. Я просто не могу так больше жить. Ещё до этого я, глупец, надеялся на чудо.

— Все надеются на чудо, — тихо вставляет Ангелина в попытке поддержать коллегу.

— Но чуда не происходит, и я разочарован. Разочарован жизнью и всем. Я трудился, стремился, а кончаю её так глупо и нелепо. Вжившийся в супругу. Это уже не полностью моё тело и не я.

— Господин Флюгель! — уверенно и громко произносит Ангелина, чувствуя в себе силу и уверенность поддержать профессора. — Вы внесли огромный вклад в развитие науки. Присутствовали при открытии нового и рождении революционных идей. Вы, несомненно, продвинули мир к лучшему существованию. Сегодняшняя тенденция к деградации и вымиранию людей — закономерная ступень эволюции. Это необходимо, чтобы дальше жить и развиваться. Конечно, жертвы велики, это бесспорно, но мы ничего не можем сделать с этим.

— Да, но теперь я не понимаю, зачем мне это нужно. Раньше были альтруистические цели, но это не привело ни к чему хорошему. И сам кончаю жизнь убого, и человечество катится в пропасть. Я устал...

Его лицо искажается судорогой. Профессор наклоняется в бок и замирает в неестественной позе.

— Профессор, что с Вами, как Вы? — волнуется Ангелина.

Профессор молчит и не шевелится. Девушка смотрит на экран со скрюченными господами Флюгелями и ждёт. Она вглядывается в выражение лица, пытаясь что-то уловить. И тут профессор дёргается, отклоняется на спинку стула, открывает глаза и безумно улыбается до ушей. Ангелина уже видит в этой улыбке господа Флюгель, которая не хочет сдаваться и умирать, когда её муж устал и сдался.

— Устал, и хорошо. Я проживу и без тебя, слабак, — ломаным голосом произносит Флюгель.

И опять корчится в гримасе. Видно, что идёт внутренняя борьба между жизнью и смертью, между мужским и женским началом. И опять тело замирает. В этот раз навсегда. Что-то подсказывает Ангелине, что это конец. Рот профессора остаётся открытым, и глаза открыты, но в них пустота. Ангелина заглядывает в эти глаза, и ей становится страшно. Она никогда ещё не смотрела в глаза мёртвому человеку.

Внезапно связь обрывается, экран покрывается рябью. Ангелина перезагружается и пытается снова связаться с профессором, но тщетно. До неё доходит, что это был последний раз, когда она видела чету Флюгелей. На глаза невольно наворачиваются слёзы, в животе спирает болью ощущение бессилия и отчаяние. Всё, что он делал, к чему стремился, рухнуло, и он умер. Ангелина осознаёт бессмысленность жизни, и именно сейчас, когда она ощущает конечность бытия, своего и человечества, бессилие накрывает её огромной волной.

Закрыв глаза, она погружается в другой мир. Здесь другие звуки, краски и ощущения. Всё так же, как и под водой. И неизвестно, когда она выплывет на поверхность. А надо ли? А хочет ли она выплыть? Ничего не хочет. Она ощущает своё тело безвольно болтающимся в глубинах океана, рыбки подплывают к нему и прикасаются своими телами. Здесь темно, почти ничего не видно, и тишина. Лишь где-то вдали слышны глухие непонятные звуки. Какое-то большое тело прикасается к ней и тычется носом в бок. В памяти Ангелины всплывает образ Роя. Да, у неё есть её друг Рой, любимый дельфин. Потом она вспоминает Фабиана, красавца, в которого она влюбилась и боится себе признаться в этом. А если даже и признаётся, то прячет эту мысль подальше. Есть Оливер и София, которым нужна её помощь и поддержка.

Она открывает глаза и вытирает мокрое от слёз лицо. Прикосновение к смерти — очень болезненное переживание для всех людей. В эти минуты человек отчётливо осознаёт конечность своего бытия и бессилие перед этим. Если даже и не осознаёт, то на бессознательном уровне это болезненное переживание всё равно оставляет след. Как правило, его хочется заглушить и подавить.

И именно поэтому человек деградирует. Потому что не в силах пережить страх смерти и бессмысленность жизни. Ангелина несколько раз пытается выйти на связь с профессором Флюгелем, но безуспешно. Сбой связи. Ну, что же, она планировала пойти в институт на работу и начинает собираться.

Последние три месяца были очень насыщенными, и она начинает ощущать усталость. Накопилось. Так получилось, что она эти три месяца работала без выходных. И уже мечтает просто побыть дома, никуда не ходить или куда-нибудь уехать отдохнуть. Например, на противоположную сторону Микзы — Амизу. Прокатиться по туннелю сквозь мантию, — это уже увлекательно, — и оказаться в вечной ночи. На Амизе всегда ночь, и обычно люди сюда приезжают потусить и оттянуться. Это прекрасное место для романтических поездок. Амиза — олицетворение праздника и беззаботности. Здесь всё мигает, искрится. Чудеса и нанотехнологии света не перестают удивлять и восхищать своими вспышками, фейерверками, иллюзиями.

Её прерывает сообщение. Это письмо-приглашение от Фабиана. Ангелина улыбается, читает, потом подпрыгивает и хлопает в ладоши. Он зовёт её на Амизу! Это такое неожиданное счастье! Она кружится по дому от переполняющей её радости. Тут же улетучиваются все тревожные мысли, и последние события вытесняются ощущением полноты её жизни и счастья.

Ответив согласием на предложение отправиться уже завтра, Ангелина идёт в институт доработать день и взять пару выходных. Теперь её не покидает предвкушение предстоящей встречи. В животе всё спирает. У неё там почти постоянно спирает, редко когда в безмятежности. То тревога, то радость, то страх, который она любит. Чаще всего это страх, и не важно, чего. Смерти или жизни, поражения или успеха. Страх смерти и поражения давящий, спирающий, с тошнотой. Страх успеха не менее мощный. Он возбуждающий, распирающий, вызывающий сильное сердцебиение. Уснуть сразу не удаётся в любом случае, и ночь с множеством снов гарантирована.

Ангелина осознаёт свои страхи. Ей даже непонятно, как можно жить, не осознавая свои эмоции, хотя давным-давно, в детстве и юности, не осознавала. Она уже было пристрастилась к тяжёлым наркотикам, но вовремя каким-то чудом она узнала о другом мире — жизни на Микзе. И мечта поселиться на другой планете настолько овладела Ангелиной, что девушка жила ею, каждый шаг подчиняя намеченной цели. Иногда оптимизм изменял ей, и когда показалось, что мечта нереальна, это всё фантазии, она погрузилась в наркотическую нирвану. Но вскоре возвратилась. Надо было доучиться в институте. Потом любовь без взаимности привела её на грань отчаяния. Так она оказалась на кушетке психотерапевта. А через пару лет она стала совершенно другой личностью, поднялась, занялась саморазвитием и, наконец, эмигрировала на Микзу.

С тех пор прошло уже десять лет, а ей кажется, что это прошлое было во сне и не с ней вовсе. Ведь она могла умереть, что угодно могло случиться. Видно, не судьба. Значит, ей надо жить и что-то дать миру. А может, просто жить и получать удовольствие без обязанности что-то дать миру. Почему она хочет что-то дать, или оставить след, как обычно говорят? Что за потребность оставить свой след? Чтобы чувствовать себя полезной и нужной опять-таки. Значит, нет этого ощущения внутри себя, раз хочется компенсировать за счёт внешнего мира.

Конечно, желание оставить свой след и сделать что-то полезное хорошее, очень гуманное, но ведь это, — если копнуть глубже, — эгоистическая потребность, раздувающая Эго. Чтобы чувствовать себя нужной, божественность свою ощущать. Это наполняет. По сути, целостную личность и так наполняет ощущение самой жизни. Для целостной личности смысл жизни — просто прожить её как можно дольше и с удовольствием, любить окружающих, помогать.

А для большинства людей смысл жизни в ощущениях. И они получают эти ощущения по-разному. Кто-то через йогу, спорт. А кто-то так стремится получить ощущения через секс, что пресыщается, и секс становится ненужным. До чего только не доходят сексуальные фантазии! Эксперименты над своим телом всегда наполнены страхом и вместе с тем предвкушением наслаждения.

Гремучая смесь. Поэтому многие увлечённо экспериментировали, пока не стали склеиваться. Хм, смешно. Даже можно позлорадствовать. Так им и надо. Учёные выяснили, что в группу риска склеивания входят люди, подверженные зависимостям: алкогольной, наркотической, сексуальной, а также не явно зависимые, но потенциально склонные к зависимостям. Классификация зависимостей выросла и теперь насчитывает около трёх тысяч различных вариантов, даже от родителей, детей, кофе, шоколада, общества, любви, чистоты, телевизора, вещей и так далее. Список длинный. Можно сказать, человек — очень зависимое существо, раз не осознаёт свои пристрастия и не может в любое мгновение самостоятельно изменить свои поступки.

Ангелина вновь вспоминает об Оливере, который по её прихоти вызывает Софию, и у неё возникает чувство вины, мешающее ей полностью наслаждаться в предвкушении поездки. Она понимает, что если не решит земной вопрос, ей не будет покоя на Микзе. За одно мгновение она решает отменить встречу с Фабианом и экскурсию на тёмную сторону планеты и лететь на Землю. Это не импульсивное решение. Она и раньше думала, но не позволяла себе погружаться в эти мысли, и решение зрело на подсознательном уровне. А сейчас оно вырвалось наружу, окрепнув в сознании и подталкивая к активным действиям. Она должна лететь на Землю. Срочно!

Ангелина отправляет по сети в директорат сообщение об отгулах, дожидается подтверждения и разрешения на полёт на Землю со всеми сопутствующими справками на вылет. Заказывает место в ракете на ближайшее время по срочному контракту и по личным причинам. Ей крупно везёт. Кто-то отменил свой вылет, и освободилось место. Приходит подтверждение на сегодняшний рейс через пять часов. Не очень-то скоро, ну да ладно, хоть так. Отправляет Фабиану извинения, что не может принять приглашение. И теперь она готова к полёту.

Сердце бешено стучит. Давно она не была настолько предельно сконцентрирована на цели. А ведь когда-то в экстремальных условиях и стрессовых ситуациях она была наиболее эффективна.

Она очень хорошо адаптируется и выживает в любой ситуации. Становится в эти периоды более собранна, сосредоточенна и сконцентрирована. Вот такая уникальная особенность. Теперь она поняла, зачем она всё это затеяла. Нет, совсем не для того, чтобы помочь кому-то, хоть это и благородное оправдание. А исключительно для себя, чтобы вновь оказаться в стрессовой ситуации, экстремальных условиях, на грани выживания. Безмятежность хороша, но иногда хочется и нервишки себе потрепать. Она пишет письмо трейдеру. Оливер до сих пор не на связи, и ему она не рискует писать, опасаясь, что почта просматривается.

Кому: **gamerman@fds.zem**

От кого: **angelina@arh.mz**

Я решила лететь на Землю. Вылетаю сегодня через пять часов. На Земле буду 14.08 в 20 часов, в Москве. И в 22 часа — в Питере.

Отправлено: 13.08.2100 16:37.

Кому: **angelina@arh.mz**

От кого: **gamerman@fds.zem**

Понял. Надеюсь, увидимся. Я через шесть часов буду на месте. Сообщу Вам.

Отправлено 13.08.2100 23:37.

Гамерман отправляет письмо и смотрит в иллюминатор. Под ложечкой посасывает. И зачем он влез в эту кашу? Ему какое дело? Видимо, чтобы потрепать себе нервишки. Он любит страх и чувство тревоги. Поэтому он и трейдер. Утоляет эмоциональный голод.

Глава 16

— Ты будешь нас кормить? — спрашивает рыжий, оскалившись. — Я уже голоден, другие, скорее всего, тоже, но меня они мало интересуют. Я хочу есть. Или начну есть соседей. Я уже попробовал.

— Аааах, — вздрагивает Сандра.

— Нет, еда закончилась, и больше не будет. Вы плохо себя ведёте и не заслужили, — отмахивается Макс. — И так возитесь уже три дня, не можете разобраться со своими эмоциями.

— Но это не так легко, мы стараемся, — пытается защититься София.

— Значит, плохо стараетесь. Надо лучше, — ухмыляется Макс.

Его, явно, забавляет эта игра, а ещё ему страшно представить, что он сейчас останется один. Невыносимая боль от смерти матери, ощущение пустоты и бессмысленности накрывают его. Макс с видом превосходства обводит взглядом участников группы. Они испуганно смотрят на него.

Внезапно Сандра дёргается и падает навзничь на диван, увлекая за собой рыжего и Мигеля. По цепочке остальные приседают на диван. Мигель склоняется над ней и слушает её дыхание, потом левой рукой пытается нащупать пульс и отрицательно мотает головой, сглатывая подступивший к горлу комок. Все догадываются. София, протянув правую руку через рыжего, тоже проверяет пульс у Сандры и опускает голову, слёзы катятся из её глаз. Увидев это, Оливер обнимает девушку в попытке успокоить и как-то поддержать.

— О, я вижу, ещё один откололся, и вам опять предстоит работа по утилизации. Что ж, вперёд, не скучайте, — Макс зло смеётся и отключается.

Все в молчании смотрят на Сандру. Её красивое лицо приняло выражение безмятежности и покоя. Мария блюёт, не в силах подавить свой страх.

Измотанные, обессиленные, отчаявшиеся люди выживают в таких условиях уже четвёртый день. Это уже на грани возможностей. Если среди склеенных пар встречались такие, что жили долго, около полутора лет с момента склейки, то склеенные в большем количестве, по три-четыре, а уж тем более по пять-шесть человек, были обречены на скорую смерть. Хоть люди, которые склеивались, были схожи эмоционально, в основном это касалось лишь некоторых подавленных эмоций, таких как страх, стыд, чувство вины, злость, ненависть, зависть, обида, надежда.

Мигель нервно трёт рукой лоб. Зловоние от блевоты Марии и спёртый воздух от длительного пребывания людей в запертой комнате вызывает у него тошноту, и он тоже блюёт.

— Фу, какие вы мерзкие, — презрительно произносит рыжий, зажимая нос пальцами. — Я не могу больше.

У рыжего опять начинается приступ, и он трясётся, стараясь оторваться. Он силится встать с дивана, но его удерживает бедро мёртвой Сандры. Её тело дёргается от его телодвижений. От его конвульсий невольно дёргается и рука Софии, а также рука Мигеля, приклеенная к Сандре. Они все уже стоят рядом с диваном. София кричит от боли.

Оливер придвигается к рыжему, но поскользывается на блевоте Мигеля и Марии и падает на пол в ноги Софии, она тоже падает. В эту минуту рыжий, сидя на диване, размахивается свободной правой ногой и изо всех сил бьёт пяткой по спине упавшего Оливера, который успевает накрыть своим телом Софию, ближайшую к дивану и рыжему. Удар, хоть и слабый, на некоторое время оглушает Оливера.

Пользуясь моментом, рыжий изворачивается, наклоняется к Софии, хватает её правую руку, тянет на себя и уже подносит ко рту, чтобы укусить. Звериные инстинкты, недавно разбушевавшиеся в нём, но утихшие на время, проявляются с новой силой,

подстёгиваемые осознанием бесконтрольности. В его глазах безумие, белки наливаются кровью.

Мигель, у которого левая рука свободна, резко наклоняется к рыжему, пока тот пытается ухватить Софию. Надо остановить разбушевавшегося китайца. И на Оливера нельзя рассчитывать. Поэтому Мигель вдруг проявляет неожиданную для себя решимость. Ему очень тяжело, так как с одной стороны его за спину держит Мария, а правая кисть прилипла к Сандре. Но вот ему удается резко обхватить рыжего за горло и начать его душить. Рыжий отбивается, он молотит руками по чему попадая и даже пытается лягаться свободной ногой. Но его движения тоже ограничены. Рука Софии, приклеенная к его спине и мёртвая Сандра у правого бедра мешают ему выскользнуть из захвата.

Мария, вынужденная потянуться за Мигелем, прекращает блевать, поднимается с дивана, подходит к рыжему и свободной левой рукой наотмашь бьёт его по лицу. Удар сбивает своей неожиданностью, да и вес девушки придает оплеухе такую силу, что рыжий ненадолго отключается. Мигель продолжает душить, хотя жертва уже не сопротивляется. Теперь он кажется безумным, как будто к нему перешло бешенство от рыжего. Когда Мигель поднимает глаза и встречается взглядом с Марией, он видит в её глазах ужас.

— Не надо, — говорит она осипшим от страха голосом. — Отпусти его.

— Но он в следующий раз покусает всех и, может, убьёт, — не сдаётся Мигель, но хватку ослабляет.

— Давай дадим ему ещё шанс, — приходит в себя София. — Он похож на затравленного волчонка, к тому же он ещё не рассказал нам свою историю.

— Тебе любопытно, что ли? — ухмыляется Мигель.

— А иначе не сложится пазл... Хм, хотя Динара умерла, тоже не поведав нам ничего о себе. Но мы все видели, как она себя разрушает.

— Мы знаем про рыжего, — вставляет Мария, — что он был любимчиком у мамы.

Слышен звук открывающегося замка. Все в удивлении смотрят на дверь. Целых три дня и вот четвёртый они в заточении, и с момента появления Оливера дверь не открывалась. Входит Макс какой-то неуверенной, робкой походкой. Выражение лица у него убитое и затравленное. Мигель отпускает рыжего и поворачивает голову к выходу. Рыжий тоже устремляет свой взгляд на Макса, глаза его наполняются ещё большей злостью и из красных превращаются в бордовые. Однако смиренность Макса приводит всех в замешательство. На руке у него повязка, на кожаных брюках и куртке пятна. Когда он подходит ближе, все видят, что на лице и на открытых участках тела, на животе и груди, брызги крови. Он делает несколько шагов от двери и останавливается. Все хоть и смотрят на него, не скрывая злости и даже ярости, приближаться не смеют. У него в руках кожаная плётка и чомоданчик, который он ставит на пол рядом с собой.

— Что, садист, решил поиграть? Скучно стало? — ехидно произносит осмелевший рыжий.

— Заткнись, урод, — обрывает его Макс.

Он берёт стул возле стола и садится посередине комнаты. Перед ним диван, возле которого и на котором находятся участники группы в неестественных позах. Сандра лежит на диване, рядом с ней сидит рыжий, с другой стороны Мигель, Мария. София сидит рядом с диваном у ног рыжего, подобрала под себя ноги. Принять другую позу ей мешает Оливер, лежащий на полу лицом вниз. Но вот он приходит в себя и поднимает голову. Все обессилены и голодны. Тут до Макса доходит, что он не кормил их с тех пор, как умерла его мать. Уже больше суток.

Он и сам сейчас испытывает шок, переходящий в гнев. Резать себя уже не помогает, чувство пустоты и тревоги не проходит, а лишь усиливается. Поэтому он и решает присоединиться к своим подопечным, более не в состоянии переносить одиночество. Идут вторые сутки, как он не спит. За это время он уже раскапывал могилу матери, так как ему показалось, что она зовёт его. Он трогал её уже холодное тело, пытался открыть глаза, но она осталась неподвижна и бездыханна. Когда до него дошло, что это галлюцинации,

вызванные шоком от смерти матери, он закопал могилу, но её голос по-прежнему сопровождает его повсюду.

Закинув ногу на ногу, он ритмично ударяет плёткой о свою ладонь, как будто разминает, и обводит изучающим взглядом участников группы. В это время Оливер окончательно приходит в себя и поднимается. Он весь в блевоте, и София даёт ему тряпку вытереться. Она поднимается за ним, и они садятся на диван.

Все в ожидании смотрят на Макса, а он по-прежнему молчит. Его настроение меняется за секунды. Только что он входил слабым и понурый, а теперь сидит перед ними уверенный, красивый и очень сексуальный. Как будто ощущение власти наделяет его особой силой. И это ощущение возникает у него от покорности других участников, не смеющих противоречить.

— Итак. Прошло три дня, и я хотел бы знать, как вы выполнили задание. Судя по всему, вы его не выполнили, — он скалится злой улыбкой и подёргивает носом. — Двое из вас покинули этот мир навсегда. И я разочарован. Эксперимент не удался, и вы не расклеились.

— Может быть, эксперимент и удался бы, если бы мы добровольно в нём участвовали. А так, мы в состоянии страха находимся, — произносит София и тут же замолкает, понимая всю нелогичность.

— В состоянии страха мы все находимся уже давно, а по поводу добровольности,.. — Макс на минуту замолкает. — Да, я немного слукавил. Но тем не менее, вы сами решили участвовать в группе. А то, что вы ожидали другого, ваши проблемы. «Ожидалки рождают разочаровалки», — и он усмехается своей шутке.

— Немедленно отпусти, козёл, — рычит рыжий. — А то я порву и тебя.

— Ха-ха-ха! — смеётся Макс. — И куда ты пойдёшь? Тебе придётся порвать всех, кто приклеен к тебе, дурачок. Нееееет, здесь можно только по-хорошему, если хотите добиться результата. Хотя я и не уверен, что мои ожидания оправдаются. Не буду повторяться по поводу «ожидалок».

Макс поднимает руку.

— Вентиляция и дезодорирование,— вслух произносит он. — Ну и навоняли вы здесь.

Резко встаёт и идёт по комнате, осматривая всё кругом. В воздухе ощущается работа вентилятора, и приятный запах дезодоранта постепенно вытесняет зловоние.

— А что с Сандрой делать? Она ведь скоро начнёт пахнуть,.. — боязливо спрашивает Мигель.

— То же, что и с Динарой. Я видел, у тебя это хорошо получилось,— не скрывая своего презрения, говорит Макс.

— Макс, будь человеком. Зачем подвергать нас таким пыткам? И так достаточно,— София решает надавить на человеческие чувства этого монстра. — Человек звереет, хотя бы раз попробовав человеческого мяса.

— Как я вижу, на Мигеля это не повлияло, Всё такая же подавленная пугливая овечка,— отвечает Макс.

Макс заносит руку с плёткой и с силой опускает её, нацелившись в Мигеля, но попадает по Марии. Та взвизгивает от неожиданности и боли.

— Нет! Только не надо бить, не надо! — вопит на высокой ноте Мария, сжавшись в комок. Её огромное тело похоже на тушу беззащитного раненого буйвола.

— Нет, я буду бить, потому что вы не выполнили задание,— с яростью и безумной улыбкой произносит Макс, снова заносит руку и опять хлещет Марию. Сейчас удар приходится и по Мигелю. — Вот когда вы научитесь выражать свои эмоции, а не подавлять их, я перестану злиться. Мигель, ты же любишь, когда тебя бьют? Привык, сестра била.

Мигель, кажется, не замечает боли и покорно смотрит на Макса. Макс подходит к Марии. Она поднимает голову и смотрит на него в ужасе. Он хватает её грудь и мнёт.

— А ты любила, когда отчим тебя лапал и трахал. Это твой сценарий, так что получай и ты.

— Нет, не надо, не надо! — верещит Мария и пытается свободной рукой отбиться от рук Макса. А тот ещё сильнее сжимает её грудь.

Все остальные настолько обессилены от плохого сна, голода и ужаса, который они испытывают в эти дни, что не в силах заступиться за Марию. И они понимают, что Макс прав. Не в своих действиях, но в оценке её поведения. Мария, хоть и не по своей вине, выполняет сценарий, как и все. То, что было в детстве, повторяется. По кругу, как дурной сон, пока человек не проживёт это сполна и не осознает. Он должен осознать, что проживает не свою жизнь, а созданную и запрограммированную чужим сценарием. И только тогда он сможет изменить его.

— Нет, не любила! Я ненавидела его! — откуда-то взяв силы, хрипло орёт Мария. — Я ненавидела его, отчима своего. Я хотела убить его. И тебя я тоже ненавижу. Убери от меня свои грязные лапы, ублюдок! Ненавижу! Ненавижу! Все вы только используете меня!

Мария трясёт головой, свободной левой рукой и ногами пытается отстраниться, отбиться от Макса. Она осознаёт, что и в этот раз никто её не спасёт, и что она сама должна спасти себя. Как и раньше, в детстве, когда она долго ждала, что мама придёт и спасёт её, но та никогда не приходила, да и не знала ничего. А Мария ждала и надеялась. Пока не решила уехать из дома. С тех пор она никогда не ждёт спасения, а просто уходит, если ей не нравится ситуация. У неё никогда даже мысли не было защищаться. В данной ситуации она бы тоже ушла, убежала, но так как такой возможности нет, она, не узнавая себя, сопротивляется обидчику.

Она настолько входит в азарт, подстёгиваемая своей накопившейся злостью и обидой, что превратилась в бушующую стихию. Все удивлённо смотрят на Марию, всегда кроткую и покорную. Даже Макс отстранился. Но вот он опять размахивается и бьёт плёткой по Марии, и Мигелю достаётся снова. Тот сжимается от боли и страха, без того напуганный, что Мария заденет его. Страх овладевает им полностью, как когда-то в детстве, когда его била сестра. Он и сейчас ожидает этого и какой-то частью себя даже нуждается в этом. Привычка.

Но вот Мария уворачивается от очередного удара плетью, и когда хлыст рассекает воздух рядом с ней, она успевает его схватить и потянуть на себя так, что Макс от неожиданности

подаётся вперёд и тоже пугается. Мария выхватывает плётку из рук Макса.

— Я ненавижу, когда меня лапают! Но бить себя просто не позволяю, меня никто никогда не бил, — яростно говорит она, подтягивая плеть к себе, и уже хватает за рукоятку.

Она успевает размахнуться и хлестнуть по Максy. Размахнуться снова и ещё раз ударить. К изумлению всех, у Макса на лице появляется улыбка, как будто он ждал этого и сейчас наслаждается, как от массажа или душа Шарко. После третьего удара Макс вздрагивает, будто выходит из оцепенения, достаёт лазер и лучом отключает Марию. Та падает, как мёртвая, увлекая Мигеля за собой.

— Что ты сделал? — не сдержался Оливер. — Зачем ты используешь эту хрень?

— Это для вашего же блага. Поспит и впредь не будет дёргаться, — поняв, что выдал свои тайные подсознательные желания, Макс испытывает неловкость и пытается скрыть её за властным тоном.

— Скоро Сандра начнёт разлагаться и вонять. Пожалуйста, Макс, отдели её. У тебя же, наверняка, есть инструмент, — жалобным просящим тоном говорит Мигель. — Опять откусывать не хотелось бы...

— А кого интересует, что бы тебе хотелось? — затыкает его Макс, потом внимательно смотрит на Мигеля, и у него возникает мысль. — Хотя, пожалуй, я помогу тебе. Я же добрый.

Макс достаёт из кармана свой лазер и настраивает на нож. Подходит к Сандре, направляет нож на место склейки с Мигелем, проводит по телу Сандры. И вот Мигель отделён. Он с облегчением трясёт рукой, освободившейся от веса Сандры. Ту же манипуляцию Макс проделывает в месте склеивания с рыжим.

— Утилизировать и убирать будете сами. Я и так много сделал для вас, — говорит он и смотрит на реакцию. — Ну, что замерли? Давайте хватайте труп и несите его в утилизатор, и мойте здесь всё. Я не собираюсь в вони и грязи разговаривать с вами.

— У нас уже нет сил. Мы голодные и уставшие, — говорит София.

— Это ваши проблемы, и меня они не волнуют.

Оливер делает движение в сторону тупа Сандры, София за ним, а потом и рыжий.

— Лучше давайте уберём, — шепчет Софии Оливер. — Потом я что-нибудь придумаю. Надо усыпить его бдительность...

— Что это вы там шепчетесь? — гаркает Макс. — Работать и не отвлекаться.

Оливер берёт тело Сандры за подмышки, а рыжий, — ему так удобнее, — подхватывает ноги. София поддерживает под спину. Они несут труп в ванную комнату для утилизации. Помещение взрывается мощным рёвом от работы установки, в которую помещают тело Сандры. Этот невыносимый звук перемалываемых костей и мяса. София пытается закрыть уши, но не помогает. Она берёт тряпку и ведро.

— Пошли мыть пол, — говорит она Оливеру и рыжему. — Что замерли? Или звук нравится? Мне невыносимо его слушать. Лучше займёмся делом, чтобы отвлечься.

— А, звук не нравится? — злорадно ухмыляется Макс. — К нему вам надо привыкнуть.

Сам Макс давно привык к звуку утилизатора, правда, уже давно не слышал его, и сейчас он напоминает детство. Отец Макса каждый день приносил с охоты туши животных. Дичи было так много, что мать не всегда успевала её обрабатывать, и когда не было места для хранения, труп животного пускали в утилизатор, если он сутки пролежал без обработки. С тех пор Макс любил этот звук перемалываемых костей и мяса. Сейчас воспоминания его растрогали, и слёзы почти навернулись на глаза. Вот, вероятно, к чему всё это шло. Возможно, он скучал по этому звуку и действию, поэтому притянул события, чтобы снова пережить. Какие эмоции он испытывал, когда перемалывали мёртвых животных? Было ему страшно или жаль? Он силится вспомнить, как это было тогда. А запах мяса? Он похож. Только сейчас более сладкий.

Утилизатор почти живой и состоит из миллионов искусственно выведенных бактерий, которые набрасываются на мясо и поглощают его. И так как их очень много, создаётся звук, похожий

на треск. Поглотив всю массу, они впадают в спячку до следующего раза. Так могут спать годами. В то время как Макс предаётся воспоминаниям, София и Оливер убирают грязь в комнате. Рыжий безучастно смотрит рассеянным взглядом и тоже весь сконцентрировался на звуках и запахе, невольно двигаясь вслед за Софией. Мигель с Марией, опять свободные от всех, но склеенные вместе, пытаются помочь в уборке, однако только что очнувшуюся Марию постоянно тошнит. И не успевают они всё вымыть, как тут же требуется новая уборка.

— Мария, успокойся ты, наконец, — раздражённо говорит София.

— Я что, виновата? Не могу себя сдержатъ, — обиженно отвечает Мария, подавляя очередной рвотный рефлекс. — Это ещё и из-за голода, уже сутки не ели.

— А мне о еде даже не думается, я так устала... Хочу просто выбраться отсюда, — грустно произносит София.

— И не надейтесь, — возвращается из своего анабиоза Макс. — Вы же не выполнили моё задание. Ну, что это такое? Две уже умерли. С Динарой, конечно, ничего не понятно, хотя и можно предположить, что у неё было тяжёлое детство, раз она много пила и часто меняла половых партнёров. А с Сандрой всё более или менее ясно. По её рассказу, ей мама сказала, когда она вернулась из больницы, что лучше бы она сдохла там и не возвращалась. Вот она и прожила всю жизнь в этом подсознательном страхе, и в итоге умерла. Грустно. Не успела прожить эту боль. Как в детстве подавила, так и держала её в себе всю жизнь, и не выдержала, не хватило сил, сломалась. Что ж, выживают сильнейшие. Так было всегда.

— Но ты не учитываешь экстремальные условия, созданные временем и усиленные заточением и принуждением, — сказал Оливер.

— Это всё к лучшему. Иногда надо дойти до точки, до крайнего предела, оттолкнуться от дна, только тогда возможен либо подъём, либо ничего. Сейчас вы оказались на пределе, и кто куда двинется, время покажет, — явно ощущая себя богом и повелителем, говорит Макс, царственно вскинув голову.

— В этом с тобой согласен, — подтверждает Оливер, вспоминая работу трейдером и хождение акций. — Но мы же всё-таки люди, а ты используешь нас, как подопытных крыс. Ты не имеешь права на это.

— Ещё как имею. Вы могли бы умереть в своих домах. Ещё максимум год, и все вымрут, и Земля опустеет.

— В таком случае, почему ты сам не участвуешь в эксперименте? — спрашивает София.

— Кто-то же должен наблюдать. Хотя сейчас мне было бы интересно тоже поучаствовать и приклеиться к вам, но я не буду. Должен быть дежурный и ведущий. Хотя вы и сами заведёте себя в могилу или в утилизатор, — он смеётся своей шутке. — Сейчас, находясь в стрессовой ситуации, вы можете максимально проявить свои подавленные эмоции, и заметьте, вы их уже проявляете. Я готов обратить ваше внимание на них, чтобы вы их осознали. Начну с Марии, — Макс смотрит на неё, ловит её ответный взгляд. — Мария, скажи, пожалуйста, на что ты надеешься?

Мария не ожидает вопросов к ней, тем более такого. И она задумывается, опускает голову.

— Не надо долго думать, это не экзамен, — почти раздражённо говорит Макс.

— Э-э-э, ну, мммм. В этой ситуации или вообще? — после долгого, почти с минуту, раздумья и мычания, отвечает Мария.

— Будем брать данную ситуацию. Группа — это маленький микрокосм семьи и очень хорошо отражает проекции и проблемные зоны. Мы же знаем, что всё начинается с семьи и с детства.

Мария внезапно заливается густой краской и молчит.

— Ты покраснела. Что с тобой происходит? Что ты сейчас чувствуешь?

— Сейчас мне очень стыдно.

— За что? За свои мысли? Их никто не видит, можно не стыдиться. Лучше скажи, выскажи их, и тебе станет лучше. Даже если придётся переступить через себя, преломляя своё сопротивление.

— Ну, хорошо, — кажется, Мария смелеет. — Я надеюсь на то, что всё это закончится, я отклеюсь. Что ты подберешь и...

Мария тормозит на полуслове и ещё гуще заливается краской. Макс наклоняет голову и выжидательно смотрит на девушку. Хоть она и выглядит бесформенной грудой мяса, но ведь женщина. И лицо привлекательное.

— И что? — подталкивает её к ответу Макс.

— И... захочешь меня потрогать, пощупать и... может быть, и большего захочешь.

— Как твой отчим? Ты надеешься на это? Мне показалось, что ты его ненавидишь.

— Да, то есть я его ненавижу. Но почему-то всегда оказываюсь в схожих ситуациях. Как будто я сама этого хочу и уже действую по инерции. Но иногда разум и сознание меня останавливают, как когда ты бил плёткой, потому что меня никогда раньше не били. Ой, не знаю, что я такое говорю?! Полный бред. Слова сами вылезли из меня. Всё запуталось как-то.

— Подсознательно ты привыкла к такому сценарию. Если твой отчим щупал тебя постоянно, ты к этому привыкла и бессознательно ожидаешь того же, притягиваешь такие ситуации, чтобы снова и снова это пережить.

— Что, значит, мне это нравится? — опять краснеет Мария.

— Нет. В тот момент ты испытывала эмоции, когда тебя щупал отчим. Ещё раз озвучь, что ты чувствовала тогда?

— Ну, сначала стыд, потом гордость, что я желанна отцом, всё равно он был для меня отцом. И что я лучше мамы, ведь он меня хочет, а её обманывает. Было чувство тайны. Ещё мне было обидно, и я чувствовала себя очень беззащитной и беспомощной, — Мария с трудом дышит, очень громко и прерывисто, сидит вся пурпурно-красная, с опущенной головой, и вот уже слёзы начинают капать. — Я так долго держала это в себе и никому не рассказывала об этом, что сейчас не могу этого выдержать, — она опускает голову на колени, и закрывает лицо свободной рукой, всё её тело сотрясается от рыданий.

Все молча смотрят на Марию, кто-то опускает голову и погружается в свои мысли, кто-то тоже начинает плакать. София понимает, что из женщин они остались вдвоём, и плачет из солидарности,

и ещё оттого, что вспоминает свою боль, постоянные унижения и пренебрежение со стороны родителей. Мигель тоже плачет. В нём, как ни в ком другом, откликаются чувства и переживания Марии. Мало того, что он склеен с ней, она своим рассказом разбредила его чувства, глубоко похороненные с детства. Рыжий сидит с тупым отстранённым видом, и кажется, он не в этом мире и пространстве. Макс сидит на стуле напротив всех и молчит. И спасибо ему за это.

Оливер как будто роняет карандаш, который крутил в руке. На самом деле он специально бросил его в сторону Макса. Ему необходимо кое-что проверить. Он спускается с дивана, становится на четвереньки, увлекая за своим бедром Софию, и тянется за карандашом. В это время он находится почти вплотную к Макссу. Но когда протягивает руку к ноге Макса, возле которой лежит карандаш, слабый разряд отбрасывает его назад. Это он и хотел проверить. Теперь ясно, Макс в защитном костюме.

— Хотел проверить? — прерывает рыдания Марии Макс. — Да, я защищён. Мне до сих пор непонятно, как ты пришёл сюда без защиты. На что рассчитывал?

Оливер молча отползает обратно к дивану. Макс подталкивает карандаш к нему. Да, со стороны Оливера было безрассудно не надеть защитный костюм. Он был так уверен, что проработал все свои подавленные эмоции, паттерны и прочую хрень, и что никто к нему не приклеится. И потом, он привык, что на Микзе всё спокойно. Ах, уж, эта его самонадеянность! Вот и вышла боком. Этот костюм защитил бы его от лазера Макса, и сейчас бы он здесь, наверняка, не сидел, и всё сложилось бы по-другому. Но раз он здесь и сейчас оказался в этой комнате и в этой компании, значит, ему это зачем-то нужно. Что-то он должен прожить в своей жизни, что-то, ещё не прожитое и не проработанное. Ведь если он такой почти идеально проработанный и осознающий себя человек, какого чёрта умерла его жена? По законам галактики этого не должно было произойти. Не должно было? Вот здесь он всегда впадал в ступор и не знал, что делать.

Сейчас он винит себя в ошибке, что не защитился. Этот костюм, созданный из нанонитей, покруче защитного колпака, хотя и колпак тоже неплох. То, что никто не приклеился бы, гарантировано. Но костюм более дорогой, он может менять свою текстуру, цвет и фасон в зависимости от того, что чувствует его обладатель. И самое главное, он, при желании, может создавать биополе на расстоянии пятидесяти сантиметров от обладателя костюма, которое не пропускает инородные частицы и другое вторжение. Нет, сейчас Оливер чувствует себя явным самоубийцей. Что-то явно не так в его жизни. Да, никто не совершенен. И глупо надеяться, что всё проработано, и что он почти идеален. Нет, до этого ещё далеко. Вот и эта ситуация демонстрирует наличие у него психологических проблем.

От этих мыслей под громкий плач Марии его отвлекает внезапная тишина, её нарушают лишь всхлипывания. Мигель чешет спину рядом с местом склеивания. Потом начинает отдиравать остатки мяса Сандры от кисти. То, что осталось прилепленным, теперь легко отделяется, как мёртвая ткань. Он сидит в стороне от рыжего. Бойтся снова кого-то приклеить. Он единственный, кто умудрился приклеить троих и двоих из них потерять всего за несколько дней. Странно, почему они умирают? Эта мысль полностью завладела ним. Почему такое происходит именно с ним?

— Мигель, а ты не думаешь, почему твои партнёрши умирают или бросают тебя? — как будто прочитав его мысли, спрашивает Макс, переключая своё внимание с Марии на ближайшего к ней Мигеля. — Ведь тебя бросила первая жена, потом Динара и Сандра умерли. Что происходит в твоём пространстве? Не задумывался?

— Вот, задумался. Как раз сейчас, — тихо отвечает Мигель.

— По такому сценарию следующая должна умереть Мария, — злорадно вставляет рыжий.

— Мне всё равно, — печально отвечает девушка. — Я уже хочу умереть, надоело вот так мучиться и страдать, — она чешет свою правую руку, которой приклеена к Мигелю.

— Не надо так думать и говорить, Мария, — ласково произносит София. — Надо бороться до последнего, пока живёшь.

— У меня нет больше сил, — подавленно отвечает Мария. — Я выжата, как лимон, и опустошена.

— Ты сейчас действительно пережила шок и инсайт. А это забирает много энергии, — констатирует Макс. — Всё восстановится. Хотя лично мне плевать. Это я уж так...

София исподлобья зло смотрит на Макса.

— Макс... Скажи, пожалуйста, а какие проблемы были у тебя, что ты вырос таким злобным извращенцем? — смело спрашивает она.

— Я? — Макс вздрагивает от неожиданности, но быстро приходит в себя и возвращается к высокомерному тону. — Ну, может быть, как-нибудь я и открою вам эту тайну. Но сейчас я не готов, и у меня другие цели. Ха-ха-ха! — смеётся он. — Меня ещё никто так не называл, — тут он резко прерывает смех и зло смотрит на Софию, та съёживается от этого холодного взгляда. — А тебе зачем это знать? Ты всегда такая любопытная?

— Нн-нет, — она чуть-чуть заикается. — Но мы все собрались здесь не просто так, и думаю, ты тоже не просто так. На каком-то духовном, небуквальном уровне мы связаны одной нитью, и я хочу понять, что это за нить. Думаю, когда мы поймём это, возможно, твой эксперимент удастся, и мы расклеимся.

— Хорошо, согласен, — кивает Макс. — Твои доводы кажутся разумными. Но сначала я хочу завершить начатое. Сейчас я подвожу резюме вашей работы, краткосрочной динамической терапии. Ха-ха-ха!.. — смеётся он своей шутке и обращается к Мигелю, — и остановился на тебе.

Мигель чешет спину в месте склейки с Марией, там невероятно зудит. Мария также обращает внимание на кисть, которой приклеена к Мигелю, и тоже чешет её.

— Что вы там увидели? — спрашивает Макс.

— Мне кажется, что область склеивания уменьшилась, хотя может, это только кажется, — говорит Мигель. — Чешется невероятно.

— Ничего не уменьшилось, — потирая красный нос, говорит Мария. — Это твои ожидания и притягивания за уши. Как было, так и осталось.

— Ну, хотя бы не растёт. Чешется, вот что странно, раньше так не чесалось.

— Да, чешется, это точно. Как противно! Хочется оторвать кожу и разодрать.

— Может, это знак, что скоро расклеимся?

— Какой ты наивный, — вставляет рыжий, заглядывая за спину Мигеля. — У вас всё по-прежнему.

— А тебе откуда знать? Ты что, контролируешь всех?

— У меня фотографическая память, и я хорошо помню, как было.

— Ты несёшь чушь, — не отступает в споре Мигель, что обыкновенно ему не свойственно, и поэтому его лицо заливается краской. — Ты не можешь знать, как мы были склеены, это только нам известно. Наша область непрожитых эмоций.

— Давайте не будем отвлекаться, а то я сейчас уйду. Мне есть чем заняться, — резко обрубает спор Макс. — Ты, Мигель, что чувствовал, когда вас бросила мама, когда узнал, что отец был наркоманом, когда сестра била?

Мигель тут же опускает голову и делается очень несчастным. Колени его наклонены в одну сторону, и он весь сжимается. Он молчит долго, пару минут, потом еле слышно произносит:

— Я всю жизнь чувствовал себя изгоем. Отверженным матерью и отцом и ненавидимым сестрой. И всегда хотел умереть, только не мог решиться на самоубийство. Вот, пить стал, и мне помогало, — он опять молчит. — А сейчас, когда на человечество обрушился вирус, я подумал, что очень хорошо. Сейчас меня никто не сможет бросить и оставить одного. Жаль, что это произошло после того, как жена сбежала с любовником на Микзу.

— Как ты пережил, когда от вас ушла мать?

— Я хотел плакать, но не мог. Я просто лежал и ничего не мог делать. И я замолчал, не разговаривал почти год. Меня исключили из школы, и я занимался дома самостоятельно. Больше всего я всегда боялся ощущения брошенности, ненужности и одиночества. Думал, что не переживу ещё раз подобную боль. Но когда меня бросила жена, я пережил. Ходил на работу какое-то время, потом перестал, пил много и долго, а потом встретил Динару

и приклеился к ней. И мы пили вместе. Боль не отпускала, особенно в периоды трезвости, но рядом всегда была Динара, и своим присутствием она спасла меня от самоубийства. Хотя мы с ней убивали себя, только медленно, алкоголем. Вот уже несколько дней я трезвый, это очень необычное состояние. Я уже отвык. В голову приходят здравые мысли. И самая сильная боль утихает, перейдя через свой максимальный пик, — Мигель чешет бок спины и, немного помолчав, продолжает, — но я всегда боюсь, что она снова вернётся, и жду её. Это ужасно.

— Думаю, у тебя самая острая проблема в том, что ты притягиваешь людей, которые тебя покидают. В твоём подсознании — бросают. Даже за этот короткий период времени твоя мощная энергия способствовала сначала приклеиванию девушек, а потом их смерти, — резюмирует Макс.

— Ты что, хочешь сказать, что я виноват в их смерти?

— Не буквально, но да. Винить себя не надо. Это абстракция. Существуют энергетические потоки, создаваемые каждым человеком. Их множество. Эти потоки формируются на основе чувств человека, будь то явные или подавленные эмоции. Когда человек внутренне наполнен положительными эмоциями, энергетический поток направлен на созидание и как бы озаряет всё вокруг. А когда много отрицательных эмоций, даже если они скрыты и подавлены, они образуют мощный энергетический поток, который направлен на разрушение и буквально травит всё вокруг, — продолжает Макс. — Вот вы думаете, почему возникли этот катаклизм и вирус? Да потому, что люди накопили много отрицательных эмоций, и эти эмоции в совокупности образовали энергетический заряд, способный глобально изменить поле планеты. Это произошло не сразу, а копилось десятки и даже сотни лет. Долгие годы человек подавлял эмоции, сначала в себе, потом в рамках своей семьи, потом это вышло наружу и обрело масштабы роевого интеллекта с подавленными эмоциями. А это всё очень связано с геополитическим фоном... Ладно, что-то я разошёлся. Так на чём мы остановились? Ах да, ну, в общем, ты не виноват в их смерти, и тебе необязательно ещё

одну отрицательную эмоцию на себя вешать, — обращается Макс к Мигелю. — Я это так сказал. Хотя, если хочешь, можешь себя винить. Тогда к твоему винегрету подавленных эмоций добавится ещё одна — чувство вины. Но думаю, она у тебя уже наверняка присутствует. Ты ведь чувствовал себя виноватым, что мать бросила и когда тебя была сестра?

— Да, я всегда чувствовал себя виноватым, — опускает голову Мигель.

— Это заметно. Только не плачь, — с издёвкой вставляет рыжий.

Мигель поворачивает голову к рыжему, в нём закипает злость. В этот раз он опять её сдерживает. Как и всегда, он боится проявлять свою злость, накопленную годами. Злиться ведь нельзя, плохо. В детстве так говорили взрослые, и в книгах о злых людях пишут не очень хорошие вещи. Значит, злиться плохо. И это детское заключение усваивается и становится частью природы. Он постоянно подавляет злость или направляет на себя. Отсюда и аутоагрессия, которая выражается в пьянстве. Зато вид он сохраняет сдержанный и добрый. А окружающие воспринимают эту его особенность как мягкотелость и неспособность постоять за себя. Как ни прогибай, он всё прогибается. Значит, можно прогнуть ещё. Вот и пользуются все, кому это нужно. Отрабатывают свои склонности к власти и доминированию, то есть садистические. А Мигель является явным мазохистом.

— Мигель, тебе нравится, когда над тобой издеваются, когда тебя унижают? — спрашивает его Макс после паузы.

— Нет, — Мигель поднимает удивлённые глаза, но тут же опускает их.

— Почему же ты позволяешь это делать? В детстве ты не мог постоять за себя, был слабым и зависимым от родственников. Но ведь сейчас ты здоровый взрослый мужчина, почему не можешь защищаться? Ты злишься сейчас?

— Ну, так, немного, — виновато опускает глаза Мигель.

— Я бы хотел, чтобы ты выпустил свою злость наружу и не держал её в себе. Не надо её сдерживать. Ну, давай, разозлись!

— Не понимаю, чего ты от меня хочешь. И как я должен разозлиться? Начать орать, крушить здесь всё, ломать?

— В принципе, ты можешь сделать всё что захочешь. Ты ведь уже проявлял инициативу, когда откусывал мясо от Динары.

— Да как это? Полный бред. Мммм... Тогда я думал о том, что начнётся некроз тканей, и что я умру, если не отделаюсь от мёртвого тела.

— То есть тебе нужна крайняя точка, а сейчас пока всё терпимо? Словесные и эмоциональные унижения ты готов терпеть?

— Ну, не знаю... Да, слова могу терпеть. Это ваша культура. А я не хочу уподобляться вам. Это невоспитанно и некультурно. И потом, не хочется, чтобы вы увидели мою злость.

— А мне хочется увидеть твою злость. Надоел уже подавленный, забитый сморчок, ушлёпок, — добавляет рыжий. — И вообще, способен ли ты быть мужчиной?

— Сам ты ушлёпок, — краснея, отвечает Мигель. — Быть мужчиной не означает быть злым.

— Это понятно, никто и не спорит, — говорит Макс. — Просто иногда необходимо защищаться, и если злишься, то выражать свою злость. В противном случае она, если подавляется, копится годами, тихонько проявляясь в аутоагрессии, а потом может проявиться во внезапно вспыхнувшей ярости, что очень удивляет людей. Ты всегда был таким культурным и воспитанным, а тут на тебе, непонятно отчего озверевший. И эти крайности очень пугают людей. Поэтому не стоит доводить до них.

— Всё! Надоело. Хватит меня поучать. Что я вам, студент-заочник? Или козёл отпущения?

— Нет. Вовсе нет. Мы по очереди разбираем каждого, чтобы закончить наш эксперимент, и чтобы вы расклеились, если это возможно. Твоя проблема в том, что ты не можешь своевременно осознать злость и выразить её. Если бы ты на начальном этапе осознавал её и выражал, — пусть словами, — что ты злишься, она бы не копилась. И не разрушала бы тебя изнутри.

— Ты же внутренне, вон, какой сильный и смелый, — говорит София. — Не каждый решится откусывать мясо от мёртвого человека.

Мигель молчит и о чём-то думает. Внезапно он резко поворачивается к Марии и вонзается зубами в её свободную левую руку. Мария истошно вопит и теряет сознание от боли. Мигель откусывает кусок мяса и выплёвывает его. По его подбородку течёт кровь. Он облизывает губы. Она тёплая в отличие от холодной крови мертвецов. Глаза его горят безумным пламенем. Все в шоке. А Макс и не думает что-то делать. София и Оливер подбегают к Мигелю, подтащив за собой рыжего. Мигель смотрит на них озверевшим взглядом и трясётся в страхе. Рыжий ухмыляется:

— Не только я зверею в подобной ситуации, даже скромняга Мигель не выдержал.

— Только попробуй снова укусить, я сразу тебя вырублю,— предупреждает Оливер рыжего.

— Да мне на тебя насрать. Я голодный и хочу есть, и мне всего и всегда мало. Я всегда хочу большего,— отвечает рыжий.

— Ты жадный? — спрашивает его Макс.

— Нет, не жадный,— отвечает рыжий. — Хотя, может, и жадный. Что с того?

Мигель, кажется, сам в шоке от своего поступка и теперь, чувствуя вину, начинает плакать.

— Макс, хватит издеваться над нами. Мы голодные и уже на грани безумия. Сейчас все друг друга перегрызём,— молящим голосом произносит София.

Трое склеенных оказываются возле Марии, и рыжий в одно мгновение, завидев свежее мясо и кровь потерявшей сознание девушки, почти ложится на неё и откусывает кусок от её груди. София наклоняется над ними, следуя за приклеенной рукой. Оливер пытается оторвать его, а тот рычит, как собака. Макс спокойно наблюдает и ничего не делает.

— Макс, выруби его! Посмотри, как он озверел! — продолжает молить София.

— Нееет,— довольно растягивает Макс. — Я хочу посмотреть, что будет дальше.

— Ты изверг! Жестокий тиран! — зло говорит София.

Рыжий впивается в тело Марии, откусывает, жуёт, проглатывает, что-то сплёвывает, ещё и ещё. Он уже и на человека-то не похож, скорее дикий зверь над своей добычей. Мигель плачет, сторбившись на диване и не обращая внимания на происходящее. Оливер пытается вырубить рыжего, но тот ловко уворачивается. Наконец-то удар левой, хоть и слабый, приходится в голову рыжего, и тот сползает рядом с неподвижным телом Марии. И он и Мария забрызганы кровью, вокруг валяются шматки мяса.

Хорошо, что Макс включил вентилятор, и система кондиционирования справляется с запахами, наполняющими комнату. Дополнительно Макс выпускает чистильщиков, маленьких роботов, которые постоянно шныряют по полу и поглощают грязь, кровь, мусор, человеческую плоть, — всё, что им попадает на пути. Теперь не надо мыть пол. Остаётся мыть себя и утилизировать мёртвые тела. Мария, вся истерзанная и окровавленная, лежит неподвижно, рядом с ней рыжий. Он тоже без сознания, лежит, уткнувшись носом в подмышку Марии. Со стороны выглядит, как будто он прикорнул на мягкой пышной груди. Мигель, кажется, потерял рассудок или, по крайней мере, находится в глубоком шоке. Оливер и София неподвижно стоят рядом с рыжим.

— Итак, в сознании остались только вы трое, — объявляет Макс. — Мигель, ты как?

Мигель не отзывается и вообще никак не реагирует. Сидит, склонив голову, и беззвучно шевелит губами. Макс подходит к нему и бьёт по щекам. Тот поднимает голову и покорно смотрит на Макса, потом вдруг падает на колени перед Максом, пытается схватить за ноги, но лёгкий импульс тока отбрасывает его, и он пятится назад к неподвижному телу Марии.

— Ладно, двигаешься, значит, всё нормально. Ну вот, копил, копил в себе злость и разрядился. Хорошо, правильно. Так держать, мой мальчик, — почти ласково произносит Макс.

— Ладно, давай дальше, пора кончать этот спектакль, — презрительно говорит Оливер.

Он постоянно раздумывает, как вырубить Макса, мигая его защитный костюм. Это непросто. Макс весь защищён

и неуязвим. Неужели не существует никаких методов против наноткани? Оливер пытается вспомнить физику, которую изучал в институте, но ничего не приходит в голову, трудно сосредоточиться, поскольку его мысли постоянно обрываются событиями в комнате. А теперь и Макс решил переключиться на него.

— Как тебе здесь? Я слышал, что ты эмигрировал на Микзу и на Земле теперь редко бываешь. Как тебе все эти изменения?

— Всё это очень тяжело. Когда я решил эмигрировать, было начало девяностых XXI века. Уже тогда ощущалось давление и тяжесть, как будто что-то витало в воздухе, — без особого желания отвечает Оливер, не доверяющий собеседнику, только притворяющемся другом и готовому на подлость в любой момент.

— Мы жили с родителями вдаль от городской суеты, поэтому мне это незнакомо, — по-прежнему миролюбиво говорит Макс. — Интересно, а вы не думали, почему люди раньше не склеивались? Ведь города были так же перенаселены, и люди испытывали такие же эмоции?

— Я думаю, что раньше, хоть и было тесно, но человека воспринимал это как норму. Ведь население выросло не в один миг, а увеличилось постепенно, столетие за столетием.

— Увеличилось благодаря тому, что продлили срок жизни, теперь люди живут аж до 150 лет. Рождаемость, хоть и снизилась, но количество смертей значительно уменьшилось, — вставляет София.

— А когда произошла катастрофа, это было стихийное бедствие. Началась паника, и люди в страхе начали метаться. В стрессовой ситуации все эмоции усилились, чувства обострились. Человек стал усиленно вырабатывать гормоны и выделять их на поверхность тела, что образовывало клейкую массу, — продолжает Оливер. — Это лишь гипотеза, однако, она очень устойчивая и имеет много доказательств.

— Я так и думал! Я так и думал! Значит, я оказался прав! — радостно подпрыгнув, восклицает Макс.

Такое поведение не свойственно взрослому мужчине, София и Оливер удивлены несколько детской реакцией, у обоих мелькает мысль, что их мучитель может быть на самом деле не так страшен,

как кажется. Но у них по-прежнему нет ответа, как его деактивировать. Мигель до сих пор сидит в забытии, рыжий в отключке, тихий стон Марии говорит, что она пришла в себя. Она пытается привстать, и тут Оливер, София и Макс, обратив взгляд на движение, видят, что Мария склеилась с рыжим. Теперь они снова в единой цепочке, только в другом порядке.

— О, чёрт! — стонет София.

— Ха-ха-ха! Чего и следовало ожидать! — ликует Макс и хлопает в ладоши.

— Не понимаю, чему ты радуешься, — укоризненно говорит София. — Как будто тебе надо, чтобы мы здесь торчали.

— Мне всё равно, я никуда не тороплюсь. Недавно умерла моя мать, не дожив даже до ста лет, и теперь мне некуда спешить. Она умерла очень рано, не дождавшись окончания нашего эксперимента и моего триумфа.

В век трансплантологии и пластической хирургии, человек мог жить долго и сохранять внешне молодой облик. Было сложно определить возраст человека, если он сам не скажет об этом. А об этом, как правило, молчат. Человек мог прожить до ста пятидесяти лет, каждые двадцать лет погружаться в барокамеру на пару лет, засыпать и просыпаться двадцатилетним красавцем, обновлённым и как бы заново рождённым. И когда это происходило, человек сам верил, что он заново родился и что ему всего двадцать, а не шестьдесят. Этот самообман витал повсюду среди обеспеченного населения. Конечно, эти процедуры не из дешёвых и были недоступны большинству обывателей. Так росла и процветала каста богатых людей, которые могли продлить себе жизнь до 150, а в некоторых случаях и до 180 лет. Обычные же люди доживали максимум до 120, но и это уже много по сравнению с прошлым столетием, когда средняя продолжительность жизни составляла 80 лет. В связи с этим преобладала массовая иллюзия, и когда грянула катастрофа, естественно, это привело к сбою в системе и краху.

— Ой, ах, что это? — очнувшись, произносит Мария и в ужасе смотрит на свою грудь. — О, боже! Кошмар!

Рыжий приклеился к её левой груди своей левой щекой. Докусался! Сейчас ему сложно будет у кого-то что-то откусить. Разве что Марию поджедать начнёт, а при её пышных телесах это легко можно сделать.

— Блядь... Ой, извините,— Мария прикрывает рот рукой и произносит рычащие и стонущие звуки. — Когда он успел, и почему вы не смотрели?

Тело Марии жутко болит. Из кусаных и рваных ран ещё сочится кровь, хотя София и постаралась обработать их и заклеить. Мария потирает истерзанные места. Поворачивает голову и, увидев рядом с собой Мигеля, в ужасе отстраняется. Он смотрит на неё полными раскаяния виноватыми глазами.

— Мария, прости меня, я не хотел этого делать,— говорит он жалобным голосом. — Не знаю, что на меня нашло. Видимо, поддался панике и людоедству. Или хотел попробовать мяса живого человека, чем оно отличается от мяса мёртвого. Не знаю, зачем мне это было нужно. Не могу понять, что со мной происходит. Мне жаль...

Мария молча смотрит на него, она по-прежнему не доверяет ему и напряжена.

— Сейчас с нами со всеми что-то не то происходит, и не только с нами, но и со всем человечеством,— говорит София.

Оливер чувствует напряжение Софии и легонько приобнимает её, успокаивая.

— Потерпи,— шепчет он ей.

— О чём вы там воркуете? — от слуха Макса ничего не ускользает. — Что там у тебя было в детстве, Оливер? Ты обосрался. Вот, не зря я о говне вспомнил,— он опять ржёт, обнажая свои ровные белые зубы. — И что же ты чувствовал тогда? Какие мысли пришли тебе в голову?

— Что чувствовал? Стыд. Мне было ужасно стыдно. А мысли?.. Как я буду из этого говна выбираться,— немного подумав, отвечает Оливер.

— Как это отразилось на твоей жизни?

— Да пошёл ты. Я здесь не для психоанализа и не собирался... Я не собираюсь отчитываться перед тобой, — первая защитная реакция Оливера оказывается неожиданной для него самого.

— О, дорогой, это не по правилам, и ты действуешь мне на нервы. Хватит выкобениваться. Давай думай и отвечай на вопросы, — Макс приподнимает лазерный луч и угрожающе трясёт им.

Оливер замечает это движение, и не то чтобы пугается за свою жизнь, скорее рассуждает здраво, что сейчас лучше подчиниться, а потом, когда противник ослабеет или отвлечётся, он перейдёт в атаку. Он и раньше принимал такие решения, но не всегда хватало терпения их придерживаться. В стрессе сложно управлять своими эмоциями.

— Ладно, ладно, хорошо. Мне сейчас сложно сказать, как это отражается на моей жизни. Хотя, вероятно, вот как. Я, если можно так сказать, люблю испытывать чувство стыда и постоянно притягиваю такие ситуации. И даже если ситуация не постыдная, мне всё равно будет за неё стыдно, я найду за что. Но это было раньше, сейчас я уже не втягиваюсь в такие ситуации, так как проработал это.

— Видимо, ты что-то не проработал и не прожил, раз склеился, — замечает Макс.

— Видимо, да.

— Давайте тогда с Софией поговорим, и раз вы склеены, возможно, на её ответы в тебе что-то откликнется, и ты что-то поймёшь.

София поднимает грустные уставшие глаза. Они уже второй день без еды и больше суток без сна. И весь этот ужас... Мало того, что этот кошмар в её жизни начался более года назад, когда она склеилась с Карлосом, потом пережила его смерть, смерть родителей, так ещё умудрилась вляпаться в эту историю. И так в мире чёрт-те что творится, человечество на грани вымирания. Она пытается себя успокоить, вспоминая фразу, прочитанную где-то в соцсети: «Если вам кажется, что человечество катится в говно, — это не пиздец, а постмодернизм». Но, сколько ни повторять про себя эту фразу, настоящее положение дел в мире

выходит за рамки самого современного постмодернизма, это уже апокалипсис, психологический коллапс.

В жизни бывают такие случаи, когда катишься, катишься вниз, в пропасть, и ничего нельзя сделать, необходимо смириться с поражением и приготовиться к худшему. А худшее — это смерть. У человеческой жизни нет цены, но само человечество её обесценило, найдя другие ценности и продлив срок жизни. Никому не стала нужна жизнь человека, так же как и жизнь мухи или жука. Любой, более сильный, могущественный или хитрый мог раздавить всех, попавшихся на пути, и спокойно пойти дальше, не оглянувшись.

Софии кажется, что падение в пропасть началось ещё задолго до катаклизма и вируса. А именно, лет двадцать назад, когда учёные твёрдо доказали, что нет никакого Бога, что он придуман, это иллюзия, идеальный образ самого человека, чтобы было к чему стремиться. Но оказалось, раз нет Бога, — нет и души. Для верующих это стало шоком. Ещё пару десятилетий они катились по инерции, подпитываемые надеждой, что бог всё же есть. Но неоспоримые факты и доказательства, отрицающие его существование, постоянно демонстрируются во всех средствах массовой информации. Правительства решили разрушить все религии как никчемный аппарат, хотя церкви всегда были в союзе с государством и являлись мощным инструментом управления народом. Сразу, как только был разрушен институт церкви, прокатилась волна самоубийств. Конечно, человек верил-верил всю жизнь, и тут на тебе. Всё рухнуло.

Родители Софии пережили это. Они тогда были ещё молоды. Их родители были глубоко верующими людьми. Естественно, сценарий передался поколениям. София вспоминает, как мама с папой держали друг друга за руки, не в силах поверить в то, что транслируют по телевизору, который они очень любили смотреть вечерами и в выходные. «Бога нет. Всё это иллюзия. Не обманывайте себя. Человек смертен. Никакогорая и ада нет». Вот, примерно, такая пропаганда шла повсюду. У неподготовленных людей это вызвало шок. София была тогда ещё маленькой, но чувствовала и понимала страдания родителей.

Именно тогда мама стала очень холодной, чёрствой и злой. Могла даже прикрикнуть на Софию или дать подзатыльник. Иногда Софии казалось, что мать её ненавидит. Но потом мама становилась доброй и ласковой, и Соня забывала все обиды. А обид было много. Девушка погружается в воспоминания, и жизнь проносится перед её глазами.

...Глубокая осень. Вот они с мамой идут в школу. София почему-то замешкалась, а мама, как всегда, опаздывает на работу и резко тянет её за руку, так, что девочка падает лицом в лужу. Вся испачкалась. Мама кричит, что ей уже некогда возвращаться и переодевать её, и что Соня такой грязнулей и пойдёт в школу. Девочка плачет, всю дорогу не может успокоиться. Грязь смешивается со слезами, проложившими светлые дорожки на испачканных щеках. Мама заводит её в школу и оставляет. Соне ужасно стыдно. Она стоит в вестибюле и плачет, пока её не замечает учитель. Он-то и помогает ей раздеться, и отводит в уборную умыться. Она умывается и кое-как смывает грязь с кофты и юбки. И с мокрыми пятнами заходит в класс. Учительница строго спрашивает, почему она опоздала. У детей удивлённые взгляды, а потом со всех сторон она слышит насмешки и колкости в свой адрес...

— Я тоже попала в детстве в ситуацию, когда мне было жутко стыдно и страшно от этого стыда. По дороге в школу я упала и испачкалась, а потом в школьном туалете смывала грязь с одежды и мокрая предстала перед классом. Это было очень позорно. Я даже не хотела ходить в школу, до того мне было стыдно. На следующий день я заболела, и мама в очередной раз меня пристыдила, что и так денег в обрез, а нужно ещё таблетки для меня покупать, и что со мной вечные проблемы, и что я непутёвая, и так далее.

— Вот удивила! Я думал, ты что-то новенькое расскажешь. А ты снова про стыд, — несколько разочарованно вздыхает Макс, жаждущий интересных историй. — Стыд и у Оливера. Значит, именно этой непрожитой эмоцией вы приклеились. Я вообще

считаю, что здесь нечего стыдиться, вы не совершили ничего постыдного. Ну, пёрнул, ну, обоссался, с кем не бывает? Это в детстве. А упасть в грязь, это тоже обидная случайность. А то, что мама тебя стыдит, так это проблемы у твоей мамы, и пусть она обратится к психиатру.

— Мои родители умерли, — сухо говорит София.

Она пытается определить роль Макса. С одной стороны, он монстр, а с другой стороны, кажется, что её действительно отпускает от подавленной эмоции, и даже область склейки становится меньше. София смотрит на своё бедро. Оливер ловит её взгляд и тоже смотрит.

— Кажется, уменьшается? — говорит он.

— Кажется, да.

— Ладно, вам всё кажется, — взволнованно говорит Макс, не веря в быстрый успех эксперимента. Он даже удивлён, что результат может оказаться положительным. — Иллюзия, обман зрения.

— Что же с нами будет? — плачет Мария, и от её всхлипываний трясётся приклеенная к её груди голова рыжего.

Она сидит и с трудом удерживает полтела отключённого рыжего. Но все понимают, что лучше пусть он будет такой. Ещё непонятно, что с Мигелем. У него очень быстрая смена настроения. Сейчас он очень подавлен и кажется провинившимся ребёнком, но надолго ли? Мария с осторожностью смотрит в его сторону, готовая тут же отпрянуть. Но это очень неудобно из-за веса её тела и того, что она с двух сторон теперь ограничена в движениях. И с двух её сторон как раз таки самые агрессивные в группе.

Мария размышляет. Может, и она способна? Она просто не пробовала, как это. Может, взять и отомстить Мигелю, и тоже откусить у него кусок? Он же позволил себе, почему она не может? Мария, как змея, зависшая перед броском, нацеливается на левое предплечье Мигеля. Её глаза темнеют и мутнеют... Никто не успевает опомниться, как она мёртвой хваткой впивается в тело Мигеля, сжимает зубы, проходит кожу, мышцы, откуда брызжет кровь, откусывает кусок и жуёт. Очень необычный вкус, но она так голодна, что ей уже всё равно.

Мигель орёт от боли и тоже пытается укусить Марию, хотя ему это крайне неудобно. Вовремя подошедший Макс хватается за подбородок, так что тот не может пошевелить головой, и еле сдерживает себя, чтобы не свернуть ему шею. Он ощущает, что может легко это сделать. Злость накапливается. А общая атмосфера крови, мяса и убийства очень возбуждают.

Мария входит во вкус и, ещё не дожевав, опять впивается в тело Мигеля и откусывает очередной кусок. Слышен звук рвущейся плоти. Мигель теряет сознание от боли и боком валится на диван. Теперь Макс пытается унять Марию. Но она злыми безумными глазами смотрит на него, жуёт мясо и, скорее всего, ничего не понимает. Она похожа на огромного голодного пса или даже медведя. Всё её лицо в крови. Красные струйки стекают с подбородка на грудь. Ей мешает голова рыжего, приклеенного к её груди, и она пытается его скинуть, но тот намертво прилип и ещё в отключке. Сначала она делает несколько резких движений плечами, пытаясь его стряхнуть, потом левой рукой берёт рыжего за волосы и тянет. Видно, что ей и самой больно, потому что кожа на её груди очень натянута. Никак, безрезультатно. Мигель приходит в себя почти сразу.

— Мария, успокойся! — кричит София. — Так ты его не отлепишь. Бесполезно. Ты только делаешь себе больно.

— А мне уже всё равно, — нечеловеческим голосом отвечает Мария, таким грудным, хриплым, низким, и глаза её сверкают безумием.

— О, ужас! — стонет София. — Макс, сделай что-нибудь, пожалуйста!

— Я стараюсь.

Теперь группа людей похожа на дикую свору, всю в крови, истерзанную и склеенную между собой. Беспрестанно ползают по полу роботы-планктоны, убирающие куски человеческой плоти и кровь.

Мария крутит головой. Молниеносно, с удивительной для её комплекции ловкостью изгибается и, наклонившись, откусывает кусок мяса у рыжего. Тот дёргается и опять замирает. Похоже,

болевой шок вывел его из забытья и опять отправил туда же. Оливер не может справиться с огромным весом Марии и удержать её. Она вновь вгрызается в Мигеля и снова откусывает кусок от его руки. Он, еле-еле преодолевая неимоверную боль, наклоняется, впивается зубами в её правое бедро и отрывает кусок.

Кажется, боли уже никто не чувствует, и общая атмосфера бешеной стаи на всех действует гипнотически. Более или менее в здравом рассудке остаются Оливер и София, они из последних сил держатся, чтобы не поддаться всеобщей вакханалии. Мигель с Марией по очереди обкусывают друг друга. Тут Мария оступается, случайно наступив на робота, и с грохотом падает на пол, потянув за собой Мигеля и рыжего. София поскользывается на красной жиже и тоже падает, увлекаемая рыжим. Оливер пытается её поддержать, и пока он озабочен помощью Софии, Мигель хватается зубами за её грудь, вдруг оказавшуюся почти у его лица. Откусывает кусок. Оливер изо всей силы бьёт его кулаком в голову, летят брызги крови. Мигель замертво падает. Мария наклоняется, хватая Оливера за ногу и откусывает кусок мяса. Тот теряет равновесие и падает на пол.

Теперь они все, обессилевшие, с множеством травм, возятся на полу, пытаясь защитить себя. И единственное оружие — это их зубы. Только нанеся болевой удар, откусив кусок мяса другого человека, можно на некоторое время обездвижить противника. Крики, шум, ор, звериное рычание, клочкотание и общее безумие передаётся и заражает. Очень трудно устоять и не поддаться.

София, быстро придя в себя, хватается зубами за ляжку Марии. Сначала ей кажется, что она откусывает кусок непрожаренной свинины. Но сразу же чувствуется сладковатый запах и вкус человечины. Ни на что не похожий. Она шокирована. Но повинувшись инстинкту, который подсказывает, что только так она может спастись, София впивается зубами всё глубже, изо всех сил сжимает челюсти и тянет на себя, отрывает кусок мяса от тела Марии и сразу же выплёвывает его, она не готова, подобно рыжему, есть человечину. Исполнительный робот-планктон радостно устремляется к куску, который в секунды исчезает в полости машины.

Мария, ещё больше разъярённая, опираясь на неподвижное тело рыжего, тянет за собой Мигеля, продвигаясь ближе к Оливеру. Оливер занимает оборонительную позицию, заслонив собой Софию. Но тут неожиданно он чувствует резкую боль в спине. Это София вцепилась в него и откусила кусок. Он инстинктивно сбивает её локтём, и она теряет сознание.

В этом хаосе все без исключения поддаются всеобщей панике и бешенству. Даже Макс не может удержаться, чтобы не слиться с этой кучей, где торжествуют животные инстинкты. Он наливает себе воду и быстрыми глотками пьёт. Внезапно к нему под ноги падает сбитый Оливер. Макс проливает воду себе на костюм. Защитные свойства на какой-то миг теряют свою силу, и Оливер хватается за ноги. Макс падает. Оливер, воспользовавшись удобным моментом и поняв, что в мокрых местах защита костюма пока не действует, цепляется за его ногу и тянется к голове. Но его удерживает груз других участников, которые из-за слабости вяло возятся на полу, как в замедленном фильме, откусывая друг от друга куски мяса. Его также кусают. Кто, он уже не смотрит. Пытаясь преодолеть невыносимую боль, он ползёт к Макссу. Наконец-то ему удаётся добраться до его горла, и он почти обессиленными руками обхватывает его и душит.

Тут он соображает, что как только наноткань подсохнет, — а это произойдёт раз в десять быстрее, чем с обычной тканью, почти мгновенно, — она вновь приобретёт свои защитные свойства, и их мучитель опять станет недосягаем. Макс пытается встать, но его удерживает Оливер. Всё вокруг красного цвета от крови, которая брызжет со всех сторон и во все стороны. Оливер хватается одной рукой проезжающего мимо робота-планктона и распарывает ним ткань, срывает защитный костюм. Какое-то мгновение Макс в ужасе смотрит на него. Потом, опомнившись, резко пинает Оливера в грудь. Оливер откатывается обратно к куче людей и попадает под укусы других участников группы, как будто чтобы выжить, надо как можно больше покусать и откусить от другого человека. Естественно, когда ограничены

движения склеенными телами, остаются зубы как единственная защита. С волками жить — по-волчьи выть.

Мысли лихорадочно проносятся в мозгу Оливера. Ему сложно поверить, что и София, некогда кроткая девочка, уподобилась этой стае. Конечно, стаей сложно назвать пять человек, но тем не менее... Должен же быть более конструктивный выход! Хотя о какой конструктивности идёт речь, когда все взбесились и озверели от голода, от физического и нервного истощения? Если цель эксперимента этого психически больного человека — склеить и потом расклеить путём осознания своих привычек и неосознанных, подавленных эмоций, тогда почему всё идёт не так? Да потому что люди здесь заточены насильственно. А какая, в принципе, разница? Они и так насильственно сами себя заточили в свои пороки и привычки. И что произошло с миром в итоге? Людидохнут регионами. Мёртвые тела отвозят на свалку и сжигают напалмом. Зараза распространяется с молниеносной быстротой. И если говорить о конце света, то, видимо, это он и есть. Эволюция. Выживают сильнейшие. Но кто выживет в такой среде? Какими качествами необходимо обладать, чтобы выжить? У Оливера всегда не хватало терпения и способности подождать. Он всегда любил всё и сразу. Видимо, поэтому он не смог торговать на бирже и ушёл. Но ведь потом у него было много времени подумать, потерпеть и подождать. Он уже другой и научился сдерживать себя. Ведь даже здесь он ждал подходящего момента. Сейчас он затих.

Макс встаёт и поправляет свой костюм, порванный и больше не защищающий его. Он направляется к выходу. Оливер молниеносно соображает, что если Макс сейчас выйдет из комнаты, неизвестно, когда он вернётся и вернётся ли вообще. И им грозит навсегда остаться здесь по воле этого сумасшедшего. Оливер хватается за стоящий рядом стул и швыряет его в Макса. Попадает в голову, и тот падает. Оливер ползёт к нему, увлекая за собой остальных, всё ещё возящихся друг с другом, включая невероятно огромную тушу Марии. Левое бедро его вот-вот лопнет в месте склейки с Софией. София тоже испытывает боль от натяжения и инстинктивно ползёт за Оливером. Боль от натяжения кожи на бедре

несколько отрезвляет её, она догадывается о его планах и начинает помогать, в свою очередь тянет остальных. Дотянувшись до ноги Макса, Оливер хватается за неё и подтаскивает его к себе, берёт стул и ножкой давит ему на горло. Тот хрипит, издаёт гортанные звуки, дёргается. А Оливер продолжает давить. Накопленная злость выходит наружу, и он вымещает её на Максе.

— Не надо, — понимая его намерения, говорит София. — Давай его свяжем.

Она срывает с себя остатки оборванной одежды и делает что-то наподобие верёвки, подаёт Оливеру. Он вяжет Максу руки за спиной, затем связывает ноги. Потом они подтягивают пленника к дивану и привязывают к задней ножке. Рыжий, Мигель и Мария пока затихли. Неизвестно, временно это, или они закутали друг друга до смерти.

— Прости меня, — говорит София, — Не знаю, что на меня нашло. Ведь я, как Мигель. Он тоже извинялся, а потом снова начал. Как будто, один раз попробовав человеческого мяса, уже не остановиться. Неужели это как наркотик, как особый сорт героина?

София произносит последние слова с ужасом. Ей действительно очень страшно. И уже страшно за своё будущее, если его можно назвать будущим. Какое оно может быть? Она вся искусана и истерзана. Оливер кивает головой, не в силах что-то ответить. Молчит. Наступает тишина, лишь изредка похрипывает рыжий, и тихо постанывает Мигель. Со стороны Марии тишина.

— Она жива? — спрашивает София скорее у самой себя, чем у кого-то.

И в ответ опять тишина. Никто ей не отвечает. Роботы-планктоны хаотично ползают по полу, подчищают мусор и грязь. Но теперь всем уже не до приличий, и грязь, не грязь, всё равно. Главное — выжить. Главное, чтобы закончился этот кошмар.

— Смотри, кажется, область склеивания уменьшается, по крайней мере, не растёт, как раньше, — замечает София.

— Мгм, да, кажется, это так, — еле открывает рот Оливер.

У него совсем нет сил. Он теряет сознание. София остаётся одна в относительной тишине. Её попытка начать беседу исчерпала себя.

Она тоже чувствует дикую усталость, и сон накрывает её своей пеленой. Но тут же она чувствует жуткий страх,— если уснёт, кто-нибудь что-нибудь с ней сделает. Так она сидит и переваривает свой страх. Пережёвывает, как мясо. А что, человеческое мясо на вкус такое ничего себе, очень необычное. Если побороть брезгливость, стыд и всё остальное на пути к выживанию, у неё вроде бы получается. Она до сих пор жива и относительно здорова, если не считать множественных укусов и синяков. Правда, она очень голодная.

И тут она снова чувствует, как кружится голова и начинается галлюцинация. Она вспоминает свои ощущения и мысли, когда укусила Оливера. Он превратился в сочный бифштекс. У Софии потекли слюнки, и она не удержалась. Это было в первый раз. Сейчас она одной частью мозга осознаёт, что это голодные галлюцинации, но другая, не менее сильная часть убеждает её, что перед ней вкусная котлета, а рядом стейк слабой прожарки. Дымящиеся, ароматные. Она даже ощущает их аппетитный запах... И опять возврат к разумной части. Так её болтает, как маятник. Она изо всех сил пытается удержаться и не совершать никаких действий. Это очень сложно. Голод ощущается всё сильнее, и уже не то чтобы сосёт в животе, уже ничего не сосёт, а просто выскребает последние капли жизненных сил. София чувствует, что скоро потеряет сознание и упадёт в голодный обморок. Правда, падать некуда, она уже сидит на полу, прислонившись к дивану. Все, как возились на полу, так и остались на нём. Кто потерял сознание, кто забылся сном или даже умер. После разберёмся. И София проваливается в глубокий сон. Она и так дольше всех продержалась в бодрствующем состоянии. Сквозь сон она слышит какие-то звуки. То ли стук, то ли топот. Кажется, это за дверью. Но она уже не в силах открыть глаза и думает, что смотрит сон, и там, во сне, люди пришли её спасти.

В реальный мир её возвращают возня, натяжение со стороны Оливера и боль в бедре, где они склеены. Глаза болят от долгой бессонницы, в них как будто песок. Когда удаётся их открыть, перед ней всё расплывается. Это пугает, но постепенно зрение возвращается. Она смутно видит, как Оливер склонился возле бедра и пытается оторваться. Он ловит удивлённый взгляд Софии.

— Мне кажется, что область значительно сократилась, и мы вот-вот расклеимся. Я пробую ускорить процесс, — говорит Оливер.

— Это вам просто повезло, — завистливо говорит рыжий.

Его щека прилеплена в груди Марии и движения очень ограничены. У этой клейкой массы противный запах, запах гниения. Рыжий явно улавливает этот запах, который раньше не доходил до него. К тому же ему достаются и ароматы из подмышки Марии. И надо же было прилепиться к груди этой толстухи, дойной коровы, свиноматки! Сначала рыжий испытывает некое подобие блаженства от того, что прилепился к мягкой груди. Но после того, как почти сутки его щека натягивается всякий раз, будь то его движения или Марии, накапливается всё большее раздражение. У китайца круглое лицо и оттого щёки тоже кажутся пухлыми. Но он не страдает лишним весом, просто упитанный. Шевелится Мария. Тупая боль от побоев и укусов отдаётся во всём теле.

— Мммммм! Как же больно! Ещё прилепились ко мне со всех сторон. Что за ужас!

— Да, тебе очень не повезло, — поддерживает София. — А вот мы, кажется, расклеиваемся. По крайней мере, область становится меньше.

— А что вы делали такого особенного? — спрашивает рыжий.

— Мы проговаривали много раз о стыде, как о подавленной эмоции и непрожитой, — говорит Оливер. — Может быть, поэтому. Мне казалось, что я проработал всё свои эмоции. Я-то ведь много работал над собой.

— Ой, ну надо же, какой особенный, — ехидничает Мария. — А что делать нам, непроработанным?

— Это не факт, но думаю, и вам стоит побольше думать и осознавать свои эмоции.

— Я вижу, что с Мигелем область склейки уменьшилась, но он сейчас в отключке, и процесс остановился. С ним у нас были схожие: обида, насилие.

— А знаете, что меня удивляет? — говорит рыжий. — По рассказам Мигеля, у него целый букет, но по сравнению со мной он в данный момент в значительно лучшем положении.

— Потому что такого, как у него, не было ни у кого, и думаю, это вообще большая редкость иметь такой набор непрожитых эмоций. И как он ещё жив после всего пережитого? — говорит София.

— Не знаю, как я жив, — Мигель просыпается и, поняв, что разговор о нём, почти бессильно выдыхает. — Но, думаю, это ненадолго... Кажется, я умираю.

— Сейчас нам всем кажется, что мы умираем, — философски замечает Оливер. — Как ты пережил то, что случилось с тобой в детстве? Ведь ты это пережил и выжил. Значит, ты очень сильный и стойкий.

— Сам не знаю, как мне это удаётся. Я пил много алкоголя. Это было вроде анестезии.

— Чёрт! Мне кажется, я ещё больше погрузился щекой в твою грудь, — обращается рыжий к Марии. — Сейчас это мне легче почувствовать и ощутить, нежели другой склеенной частью тела. Здесь всё прямо перед глазами. Вот блядство! Наша область склейки увеличивается. И что будет? Я погружусь в это жирное тело?

— Сам ты урод, так тебе и надо, — зло отвечает Мария.

— Чему ты радуешься? В тебя ведь погружаюсь.

— А мне-то что? Мне уже плевать на всё. Я уже и умереть готова. Надоело.

— Подождите, ребята, — говорит Оливер. — Если наша область склеивания уменьшается, значит, мы правильно поступаем, прорабатывая свой подавленный стыд. У вас какая-то другая эмоция схожа. Найдите её и попробуйте осознать, подумать об этом, принять как есть. Поговорить об этом. Мы здесь, и сможем послушать вас и принять. Это работает. Я знаю. Уже проходил давно.

— Да пошёл ты со своими эмоциями! — рычит рыжий. — Бред всё это! Бред сивой кобылы. Нет у меня проблем, и не было никогда.

— Отрицание — первый признак наличия проблемы, — хмыкает София.

— Да пошла ты!..

— Хватит уже огрызаться, чего ты этим добиваешься? — не сдаётся Оливер. — Ты и так всё глубже и глубже погружаешься и больше склеиваешься с Марией. Заметь, с Софией область склейки

не увеличивается. Может, тебе пора изменить своё поведение и образ мышления?

— С Софией незаметно, потому что это часть тела, которая не контролируется.

— Это ты не можешь контролировать, что у тебя на спине, — говорит Соня, рассматривая свою руку. — А вот я вижу, что наша с тобой область склеивания уменьшается, правда, медленно, но всё же уменьшается.

— Я тоже не верю, что эти эмоции способны управлять людьми, — говорит Мария.

— А как ещё? Конечно, способны. Если человек не может ими управлять, они берут власть в свои руки. Это закономерный процесс эволюции, — говорит очнувшийся Макс. — Каждому своё.

— Тебе, видимо, близок фашизм, — говорит обиженно Мигель, вздрогнув от голоса Макса. — Ты способен издеваться над людьми, даже хуже — тебе это нравится.

— Да вы сами над собой издеваетесь, — презрительно отвечает Макс. — Если вы не замечаете этого за собой, а проецируете на внешний мир, то это ваши проблемы. Обратите внимание, что всё окружающее нас — проекции. То, что мы видим, каких людей притягиваем, то, что происходит с нами в жизни, — всё это наши проекции. Вообще-то, я хотел бы, чтобы вы меня отвязали, мне так некомфортно.

— Нет, Макс, — говорит Оливер. — Ты останешься так. А я бы хотел выйти отсюда и прошу назвать код, пароль для выхода.

— Вот! Вот вы и попались, — хохочет Макс. — Не скажу, пока не отвязаете.

— Хорошо, подождём. Мы не торопимся, — сообщает Оливер, вспомнив такую же фразу Макса.

Глава 17

Ангелина предпочитает перемещаться на Землю в состоянии амнезии. Поэтому в одном из дальних отсеков ракеты она ложится в барокамеру и включает режим безмятежности. Капсулу наполняет дым миса, и она вдыхает его. Вдох, выдох, вдох, выдох. Каким-то краем мозга она осознаёт, что сейчас будет старт. И тут же чувствует толчок. Вот он. Ракета взмывает вверх, через несколько минут, описав дугу вокруг Микзы, входит в пространство лифта и несётся к Земле.

Мис действует практически мгновенно, уходит тревога, чувствуется легкая эйфория, и Ангелина перемещается своим сознанием в далёкое детство. Вспоминает маму. Её чуть шероховатые руки, которые она всегда почему-то отталкивала. Может, боялась? Чего?.. Какое блаженство! Как хорошо ни о чём не думать, ни о чём не беспокоиться, несмотря на то, что на Земле беда, и люди вымирают. Она же ещё живёт и живёт очень даже неплохо. И она всех так сильно любит! В этом вся её заслуга. Сколько времени она отдавала и отдавала, вкладывала и вкладывала. Сколько сил, энергии, времени и денег вложила она в своё развитие и самосовершенствование.

Да, спасибо маме за низкую самооценку. Если бы не эта низкая самооценка, Ангелина никогда бы не встала на путь изменения себя, своего внутреннего и внешнего мира. «Хм, все думают, что это всё от природы даётся. Нет, голубчики. Всё это результат тщательной подготовки и работы. Всё не просто так. Кто-то вкладывает свои силы в семью и в потомство. Да что там, кто-то! Большинство людей на Земле так и стремится связать себя узами брака и зависимости. И вот к какому результату это привело. Нет, я не против семьи и брака, но только между людьми, осознающими себя.

Союз получается прочным и прогрессивным, только если оба партнёра развиваются, а не деградируют, всё больше склеиваясь между собой клеем привычки. Ясно, что это не буквально. Это абстракция. Но тем не менее, раз такое могло произойти, значит, имелись предпосылки. Человек погряз в своих примитивных убеждениях, твердолобо защищая свои устаревшие принципы. Защищать принципы — это хорошо. Но без крайностей, пожалуйста! Не надо вот этого! Почему бы просто не жить и не получать удовольствие от жизни? Ведь человеческая жизнь бесценна! Но ведь нет. Человек всегда поступает так, будто существует что-то более ценное, чем сама жизнь. Глупо. Я и сама не гений, и кучу ошибок допустила, и натворила о-го-го. Но я всегда критично отношусь к себе. Может, это моя заниженная самооценка не даёт расслабиться. Лишь мис иногда возносит, и это очень приятно. Посмотреть на себя с высоты, на свои подвиги и заслуги без самокритики и принижения. Это очень приятно! Ах, мис!»

Звучит сигнал сети. Ангелина нажимает на запястье, активируя вшитый чип. Письмо.

Кому: **angelina@arh.mz**

От кого: **gamerman@fds.zem**

Я прибыл в Москву. Вылетаю в Питер.

Отправлено: 14.08.2100 06:05.

Сеть тут же вырубилась. Нет, всё-таки она отвратительно работает в межгалактическом пространстве. И Ангелина безвольно опускает руку.

— Ты зависимая наркоманка, — звучит в её голове голос той части личности, которая всё контролирует. Некая субличность-контролёр.

— Да, хорошо, если тебе так хочется меня называть, пусть я наркоманка, — отвечает другая её субличность, склонная к риску. — Хорошо, что ты меня контролируешь. Если бы не ты, я бы, и правда, пыхтела дни напролёт. А так, 2— 3 раза в год, это нормально.

— Так, ладно, давайте я буду решать, что мне делать и как, — подаёт голос Ангелина и сама удивляется, как он твёрдо и громко звучит.

В ответ тишина. И внутри тишина. Блаженство опять наполняет всё тело девушки, и она наслаждается. Контролёр ей достался от матери. Что ж поделать? Приходится с ним мириться. Действительно, если бы не контроль над ситуацией и самоконтроль, она бы не была собой. Такой пунктуальной, дисциплинированной и собранной. И снова надоедливая мысль впивается в мозг.

— Ну зачем ты летишь? Зачем тебе это нужно? — спрашивает её прагматик. — Тебе-то какая польза от этого?

— Польза, не польза, — говорит вслух Ангелина. — Я чувствую себя виноватой перед братом, что не помогла ему. А там девушка, которая жила с ним последние годы или год, неважно. У меня больше не осталось никого из родных.

— А какой в них толк? Даже когда они были живы, чем они тебе помогали? Вы же практически не общались. Странно всё это.

— Ничего странного. Может, я осознала свою ошибку, что не общалась с родными, и теперь хочу исправить. Искупить вину, что ли.

— Главное, тебе самой себя простить. Это чувство вины внутри тебя и не зависит от внешнего мира.

— Какая ты умная, моя прагматичная субличность! Конечно, ты общаешься со всеми только с пользой и выгодой для себя. Как только человек не выгоден и не нужен, ты спокойно его бросаешь. Не люблю тебя за это. Ну, нельзя же быть такой.

— Зато мне это всегда помогает в жизни. Я не делаю ничего бесполезного. И это же для тебя любимой. Я вот тебя очень люблю.

— Да иди ты! Эгоистка.

— Впрочем, я поняла, зачем ты летишь. Чтобы внести свой вклад в спасение мира и потешить своё тщеславие. Ты геройствуешь, причём с большим риском для себя.

— Нет, здесь ты не права. Риск минимальный. Я никогда или почти никогда не иду на большой риск. Всё просчитано. У меня есть защитный костюм и всё необходимое, чтобы себя обезопасить.

— А если там начнётся экологическая катастрофа? А если ты не сможешь вернуться на Микзу? Мало ли что.

У Ангелины сводит под ложечкой чувство страха. Ведь и она думала об этом, у неё мелькали подобные опасения. Но только сейчас она готова честно признаться, почему эти мысли не повлияли на решение лететь. При любом выборе надо всегда отдавать себе отчёт о причине, без этой внутренней честности невозможен осознанный образ жизни и мыслей.

— Теперь ясно, зачем я лечу. Мне не хватает адреналина и чувства страха в реальной жизни. И я лечу именно за этим. Теперь мне всё ясно.

— Ну, наконец-то! Хорошо, что хоть защиту взяла и усилила её. Молодец, хвалю. Но это очень рискованно.

В это время её субличность, склонная к риску, балдеет под действием миса и не считает нужным ввязываться в дискуссию. Дело сделано. Ангелина уже летит на Землю, укурилась в говно и довольна до ушей.

— Ну, всё уже, хватит. Заткнитесь вы все. Дайте кайфануть по-человечески. Я столько времени вкалывала и слушалась вас, а теперь хочу расслабиться, — сонно хрипит она.

В голове Ангелины воцаряется тишина. Как она любит эту тишину! Раньше любила, чтобы было тихо вокруг. Всегда раздражали разные звуки: шуршание, скрип, шелест и так далее. А теперь она добилась, что и в голове у себя, и в душе может создавать тишину, когда захочет. Главное, осознать свои субличности, которые рождаются в форме мыслей, переходящих в чувства, говорят с ней и между собой и которые помогают разобраться в себе, принять верное решение, выявить первопричину поступков. Если не осознавать этот процесс, невозможно будет им управлять, и это приведёт к спонтанным действиям. А это хуже всего.

Ангелина вздрагивает от неожиданного лёгкого толчка и понимает, что ракета примагнитилась к Земле. Вот и прилетели. Ура! Она нажимает на кнопку, которая открывает капсулу-камеру, садится, спускает ноги, осторожно ступает на пол.

Всё устойчиво, её не шатает. Лёгкое головокружение прошло в минуту. В иллюминаторе серое небо, дождь и мрак. Ничего не изменилось с момента её последнего визита.

— Всё, это в последний раз. Очень тебя прошу, дорогая моя, больше не рискуй так, — умоляющим голосом шепчет прагматик.

— Хорошо, не буду, — посылает мысль в ответ субличность, склонная к риску, а про себя ухмыляется.

Ангелина мысленно переводит наноткань в городской режим и включает защиту от дождя, пыли и инородного вторжения. И её облегающий космокостюм трансформируется в джинсы и свитер, активизируется защитное поле. «Лучше пусть думают, что я бестактная и невежливая, но я защищу себя и останусь живой и свободной. Ведь, наверняка, придётся здороваться, обязательно встретится кто-нибудь из знакомых, какой-нибудь коллега, например».

Сократив в размерах свой дорожный рюкзак со всем необходимым, она застёгивает его на запястье левой руки. В правую у неё вшита сеть. Перед полётом она специально вшила её, чтобы не потерять. Ей до сих пор непонятно, почему Оливер вышел из сети. Лишь предполагает, что устройство не было вшито, и его отобрали. Как же неосторожно, осуждает она его. Что за олух! Тут же понимает, что она проецирует на него своё отношение к себе. Её прагматик всё-таки не успокоился и до сих пор осуждает её. Интересно, где он был на Микзе, когда Ангелина принимала решение о полёте? Или накал чувств был такой сильный, что заглушал его предостережения, и она не дала себе время подумать? Хотя как не дала? Вон, сколько времени думала или, наоборот, старалась не думать. А потом враз решила лететь на помощь.

Ангелина медленно идёт по огромному космопорту, стараясь соблюдать дистанцию между собой и людьми. Здесь довольно оживлённо, много склеенных. Она движется по эскалатору к таможенному контролю. Пройти его, и всё, на выход. Внезапно ход её мыслей прерывает толчок. Какой-то юноша, совсем молодой, столкнулся с её защитой, и его откинуло на два метра лёгким разрядом тока.

— Эй, ты что толкаешься? — удивлённо и громко говорит он.

— Смотри, куда идёшь. Сам виноват, — понизив голос почти до шёпота, говорит Ангелина.

Парень смотрит на неё и, кажется, заворожён её взглядом и низким спокойным тембром её тихого голоса.

— Извините, — почти приседает он.

Её независимый, невозмутимый и вместе с тем спокойный и уверенный вид удивителен среди испуганных и неуверенных земных людей. Хотя здесь она видит микзян, видимо, прилетевших по делам, их выдаёт сиреневый загар с перламутровым отливом. Ангелина перед вылетом тщательно старается скрыть его, замаскировав пудрой. Но полностью скрыть его невозможно. А уверенность и силу взгляда вообще никак не спрятать. Это идёт изнутри. Конечно, можно заняться самоуничижением, самобичеванием и культивированием чувства вины. Тогда взгляд делается затравленным и испуганным. Получится жалкое подобие земного человека. Но этого трудно достичь. Самостоятельно превратить себя в жертву достаточно тяжело, как и сознание жертвы превратить в сознание и мировоззрение свободного человека. Да и зачем насиловать себя? Чтобы слиться с толпой? Целостная осознанная личность самодостаточна и настолько ценит свою уникальность, что не боится выглядеть не как все.

Она слышит своё имя. Поворачивает голову и видит коллегу из института на Микзе. Машет ему рукой.

— Вы только что прилетели? — спрашивает её, приблизившись, высокий красивый брюнет с зелёными жизнерадостными глазами.

— Да, только что. Здравствуйте, рада видеть. А Вы улетаете? — кивает Ангелина, выставив перед грудью согнутые в локтях руки ладонями наружу. Знак сигнала, что она в защите.

— Да, — отвечает красавец, так же поставив руки перед грудью. — Удачи Вам!

— Спасибо, — улыбается Ангелина и поворачивается в сторону таможенного контроля.

«Какой же он красивый! У нас все люди красивые и здоровые. Нас сразу можно выделить из толпы и общей массы землян.

Даже по внешнему виду, по пропорциям, по общей гармоничности тела: правильному телосложению, росту, чистоте кожи, силе волос, не говоря о зубах, ногтях и всём остальном. По движениям. Размеренным, уверенным, спокойным. Как и речь, и взгляд. А голос? На фоне микзян это незаметно. Потому что на Микзе все такие. А здесь, на Земле, мы сразу бросаемся в глаза. Кстати, хороший урок, если у жителя Микзы пониженная самооценка. Посетить Землю и попасть в толпу. Сразу всё встанет на свои места».

Как только Ангелина садится в клаудуз, сразу выходит на связь с Гамерманом.

— Я на месте, — шёпотом говорит он.

Через вебкамеру он транслирует окрестности на её сеть. За его спиной виден двухэтажный дом, обнесённый забором. Гамерман показывает на него. Видно, что дом старый, но крепкий и прочный.

— Я прилечу через пару часов. Может, подождёте меня? — с надеждой говорит Ангелина.

— Нет, ждать не буду. Буду пробовать пробраться в дом. Это не так-то легко.

— Хорошо, увидимся. Я на связи.

— Если я не выйду на связь в течение двух часов, значит, со мной что-то произошло, и Вы будьте аккуратны и осторожны. Тогда я бы на Вашем месте не совался сюда в одиночку. Может, и правда, лучше привлечь органы безопасности.

— Я поняла, — пробежавший холодок по коже извещает её о первых позывных страха.

Этот страх, который она любит испытывать, постоянно подвигая себя опасностям. И риск, который манит её постоянно.

Гамерман через щель в заборе разглядывает двор, замечает камеры слежения над входной дверью и по углам дома. Он, примостившись на пеньке рядом с проходящей вдоль дома дорогой, заходит в сеть, подключается и взламывает пароль. Сначала была мысль отключить электричество в доме, но подумав, он обесточивает всю улицу. В окнах гаснет свет. Несмотря на то, что сейчас день,

на улице мрачно из-за дождливой погоды. Сейчас в доме начнётся переполох. Хотя, возможно, они и не заметят пока. Гамерман занимает наблюдательную позицию и, решив выждать, изучает дом, включив визор на дальнейшее увеличенное видение. Он пытается просканировать все помещения, настроив прибор на преломление и преодоление препятствий, но здание оказывается защищённым металлической конструкцией и не поддаётся просмотру.

Вокруг мёртвая тишина. Даже птиц не слышно. Хотя их давно уже не слышно, они все улетели из перенаселённых городов в предместья, где образовались свалки трупов, потому что некому хоронить такое количество умирающих. Теперь птицы обитают на этих свалках, превратив свои некогда прекрасные трели в падальные прелюдии. Гамерману стоило только подумать о свалке, как до его обоняния донёлся знакомый сладковатый запах. Видимо, свалка где-то рядом. И почему трупы не сжигают сразу? Копят неделю, а потом жгут всю кучу. За неделю успевает начаться процесс разложения, к тому же свалки привлекают множество падальщиков, которые являются разносчиками болезней.

Молодого человека передёргивает. Уж что-что, а он в жизни многое видел, не удивишь, да и работа на фондовом рынке научила управлять своими эмоциями, но сейчас страх проходит по телу холодком, не предвещающим ничего хорошего. Правда, он давно не ощущал такого страха. Рынок практически не функционирует. Какая экономика может быть, когда все умирают? Всё летит в пропасть без шансов к восстановлению. Он отчётливо это понимает, но почему-то выжидает. Ещё на что-то надеется. На чудо. Бред всё это. Давно надо было выйти из игры, он это чувствовал. Возможно, спасение бывшего товарища и есть тот толчок, чтобы изменить свою жизнь. Он уже давно подумывал мигрировать на Микзу, но всё не решался. Что с ним происходит? Видимо, всеобщая паника парализует его действия. Обычно он замирает, когда не знает, что делать. Поддаваться всеобщей панике глупо и бесполезно. Надо делать противоположный ход. А в какую сторону, он пока не видит. Разве что переселиться на Микзу.

Клаудуз Ангелины подлетает к месту назначения и приземляется. С одной стороны разрушенный забор и большое здание, похожее на больницу. Наверное, это и есть психиатрическая лечебница, догадывается девушка, вспоминая карту местности. Она осторожно выходит из кабины, и клаудуз взлетает вверх, издавая слабые звуки, похожие то ли на кваканье, то ли на чпоканье. Ангелина вздрагивает, так как окружающая тишина сразу отвечает эхом на посторонний звук.

Она немного съёживается и передёргивается. Местность не из приятных. Выкорчёванные пни и упавшие деревья разбросаны на земле без всякого порядка. Их листья и кроны уже пожухли, пожелтели, в некоторых местах ветки сгнили, оставив коричневые культи. Густой туман и моросящий дождь наводят ещё больший ужас в этом полутёмном заброшенном месте. Напротив развалин бывшей больницы стоят в ряд частные дома, в большинстве своём заброшенные и отмеченные временем, но ещё пригодные для проживания. Несколько домов ухожены, если можно так оценить отсутствие мусора во дворе и наличие стёкол во всех окнах. Вот покосился полуразрушенный домишко с чёрными дырами выбитых окон, а рядом с ним разитель но контрастирует большой дом, кажущийся идеальным на фоне унылой улицы. И стоит он в самом конце.

Ангелина смотрит в карту. Как раз этот дом ей и нужен. Двухэтажный, он возвышается над остальными домами, и только он на всей улице выложен из камня. Каменный дом, каменный забор. На темной деревянной улочке он выглядит величественно и мрачно в сумраке ненастного дня. Хотя видно, что дорожка к нему давно не убиралась, двор относительно чистый. Возле входной двери камера слежения. Её Ангелина замечает издалека и не спешит приближаться.

Она медленно направляется в сторону дома. И вдруг из-за кустов к ней навстречу выходит мужчина среднего роста, кивает ей головой, улыбается и машет рукой, приглашая за собой в своё укрытие. Ангелина пугается, но сдерживает крик, к тому же она заметила что-то доброе и дружеское во взгляде этого мужчины.

— Я Гамерман, а Вы, вероятно, Ангелина, — видя её смятение, говорит мужчина. — Да не бойтесь Вы.

— Да, я Ангелина, — говорит девушка. — Ну и методы у Вас.

— Это для конспирации. Я уже два часа сижу и наблюдаю. Решил обесточить всю улицу, но вокруг тишина, и никто не выходит, как будто все умерли.

— Это вполне вероятно. Я бы не удивилась, — Ангелина уже пришла в себя и осматривает наблюдательный пост Гамермана. — Здесь вседохнут, как мухи.

— Зачем Вы прилетели? — спрашивает Гамерман, в упор глядя на Ангелину.

— Даже не знаю, сама себя спрашиваю. Скорее всего, чтобы почувствовать страх и рискнуть. Проверить, сойдёт ли мне это с рук, и останусь ли жива. Это если быть честной с собой.

— Что ж, Вы предельно честны. А я всё тешу себя мыслью, что хочу помочь другу. Вообще-то, я давно подумываю перебраться на Микзу. Возможно, общаясь с Вами, быстрее приму решение об эмиграции, и в итоге уеду.

— Поживём — увидим. И долго Вы собираетесь выжидать?

— Нет, думаю, уже можно идти. Я ставил себе срок пару часов. Они как раз прошли. И как раз Вы подтянулись. Так что можно идти.

— Хорошо, я лишь немного отдохну, пять минут. Перекушу и выпью чаю.

— Да, конечно. Посмотришь на Вас, — всё так легко и просто. Даже не подумаешь, что впереди неизвестная, неопределённая ситуация.

— А чего бояться? Бывает, я испытываю страх, но осознаю его, и он проходит. А лёгкое чувство тревоги иногда даже приятно.

— При перелёте или прохождении под землёй я чувствую лёгкий страх. И согласен, он немного приятен.

Ангелина отключает защиту костюма, отстёгивает рюкзак от руки, трансформирует его в реальные размеры и достаёт термос. Наливает чай и предлагает Гамерману. Они пьют микзьянский чай бордо, наслаждаясь вкусом и ароматом. Ангелина отходит после миса в ракету и кайфует от восстановления трезвости ума.

Смена реальности её привлекает. Она считает, что изменение восприятия действительности помогает взглянуть на мир иначе. Естественно, если это не грозит последствиями.

— Может, перейдём на ты, — немного смутившись, спрашивает Гамерман и, опустив глаза, добавляет. — Мы ведь примерно одного возраста.

— Давай, — отвечает Ангелина, улыбаясь про себя по поводу «одного возраста», зная, что значительно старше его, и отмечая тонкий еврейский комплемент.

В другой раз она бы скорчила гримасу от дифирамбов. Давно уже не любит эти восхваления, восхищения её внешностью и другими данными. Она сразу представляет себя оскалившейся овчаркой.

За чаем они вполголоса беседуют, о Земле, о Микзе, о делах друг друга. Он говорит тихо, осторожно подбирая слова, словно боится спугнуть синюю птицу удачи, сидящую на его плече. Внешне Гамерман ничем не примечателен, его лицо даже сложно запомнить, тем не менее, он притягивает своей внутренней силой. И этот дисбаланс внешнего и внутреннего настолько разителен, что Ангелина, сразу отметив это, с удивлением и интересом наблюдает за трейдером. На Микзе она привыкла, что привлекательная внешность отражает красоту и силу внутреннего мира. А сейчас оказалось, что внешность вообще никак не характеризует человека.

— Ну, что, ты готова? Двинулись? — спрашивает он, когда допили чай.

— Да, почти готова, — отвечает Ангелина, убирая термос и чашки в рюкзак, который трансформирует в меньший объём и снова пристёгивает к запястью, бодро поднимаясь с пенька.

В доме по-прежнему тишина, а теперь ещё и темнота. Хотя и до этого горело всего-то несколько окон. Из соседнего дома выходит старенькая женщина и, опираясь на палочку, зачем-то смотрит на небо, что-то бормоча себе под нос, недовольная отключением электричества. Постояв так с минуту, возвращается обратно в дом.

— Что случилось со светом? — очнувшись ото сна, спрашивает слабым голосом София.

Ей никто не отвечает. Она тянет руку и ногу, тормоша своих прилипших соседей, ...и отклеивается от Оливера. Слышен шлепок, и у Софии возникает ощущение свободы в ноге. С внезапно проснувшейся надеждой она сильнее тянет приклеенную руку на себя... Но нет. Они с рыжим по-прежнему плотно приклеены, хотя область склейки уменьшилась. Сам китаец никак не реагирует на толчки Софии. Видимо, крепко спит. Все так безумно устали и настолько истощены, что нет сил ни шевелиться, ни разговаривать.

— Отключили свет,— отзывается Макс. — И если вы меня отпустите, я схожу посмотрю, что случилось и, возможно, исправлю.

— Не дождётсяся,— сухо говорит София, стараясь вложить в голос побольше злости. — Мы столько мучились, теперь и ты помучайся.

В комнате темно, и даже привыкнув к темноте, сложно различать фигуры. Жуть, да и только. Все спят. Софию передёргивает озноб от страха, но мысль о том, что с ними вряд ли может случиться что-либо ещё более страшное, чем сейчас, несколько успокаивает её, и она, закрыв глаза, снова проваливается в сон.

В это время просыпается Оливер, вернее, выходит из забытья и ощущает свободу в теле. Он машинально ведёт ногой и понимает, что она свободна. Он снова свободен! Бодро встаёт, но слабость не даёт выпрямиться, и он на полусогнутых дрожащих ногах медленно направляется в сторону двери. Судя по всему, замок магнитный, кодовый. Будить Макса означает разбудить всех, а он не хочет прерывать посапывание и похрапывание утомившихся людей. Неизвестно, что будет после их пробуждения, возможно, главное сражение. На здравый рассудок пленников рассчитывать не приходится. Он на ощупь пробирается к столу и берёт стакан с водой, пьёт, но тут же выплёвывает, так как вода протухла. Ко всему прочему, они уже вторые сутки без питья и трети без еды.

Оливер размышляет. Значит, он прожил все эмоции, раз они с Софией отклеились, и скорее всего это была эмоция стыда, которая оказалась общей в их рассказах. Но София до сих пор

склеена с рыжим, какая же у них общая непрожитая эмоция? Известно. Рыжий скрытничает и ничего не рассказывает о себе, лишь то, что его очень любили в семье. А может, это гиперопека? Такое часто случается в семьях, из-за чего дети вырастают эгоистичными и требующими удовлетворения только своих потребностей. С одной стороны, это неплохо, среди таких людей много диктаторов и руководителей, они двигают экономику страны, вырабатывают политическую линию. Однако, куда привел этот экономический и политический строй в итоге? Известно куда. В яму, на дно, откуда теперь вряд ли выбраться.

Так Оливер размышляет и крепится, чтобы не заснуть. Снова потерять бдительность в опасной обстановке он считает безалаберностью и большой неосторожностью. В этой среде надо быть начеку, — среди неизвестных людей, мечтающих выжить и готовых на всё, даже на иррациональные действия. Впрочем, как и он. Но Оливер уверен, что у него есть принципы, и он никогда не стал бы кусать другого человека и уж тем более откусывать его плоть. Но рассчитывать на то, что и все остальные останутся высоко моральными и адекватными, не приходится. Недавние события показали, как быстро люди могут потерять человеческий облик, забыть о социуме, полностью подчинившись инстинктам.

Стресс способен ввергнуть человека в панику, превратить в животное, совершенно неразумное и, уж конечно, не осознающее себя. Хотя об осознанности и говорить не стоит. На планете за последние 100— 200 лет процент осознающих себя людей не очень увеличился. Несмотря на то, что психология активно развивается, она перешла в область какой-то творческой дисциплины и большинством не воспринимается серьёзно. Всё больше и больше людей считают себя психологами по жизни, полагаясь на свой интеллект и ещё что-то там, например, на способность сопереживать. И они направо и налево дают советы, искренне веря в непогрешимость своих выводов и тем самым нанося вред не только окружающим, но и себе, поскольку они выстраивают логические цепочки, глядя на ситуацию через призму своей проекции. Ведь психолог — это серьёзная профессия, а вовсе не то, что они имеют в виду. Всё намного сложнее.

Невозможно самостоятельно постичь пласты своего сознания и эмоций. Это нереально. Так же как невозможно вывернуть себя наизнанку физически. В йоге человек может достичь определённого уровня. Например, научиться стоять на голове, и то, с помощью мастера. А нужно ли это большинству? Зачем? Зачем выворачивать себя наизнанку? Ради чего? Например, врачи, чтобы диагностировать болезнь, берут анализы, делают рентген. Анатомия, физиология — это физическая изнанка. Пока врач не знает, что внутри, он не может назначить лечение. С психологией точно так же. Надо знать, что внутри, тогда можно вылечить. Каждый человек неповторим, как узоры на ладони и анализы крови. Но человек часто пренебрегает анализом своей души, эмоций и сознания. Ничего же не болит, разве что повышенная тревожность и маниакальное состояние. И если это в пределах нормы, не превышает границы, то можно функционировать, ходить на работу. Большинство не видит в этом состоянии проблему. Некоторые даже умудряются при этом натягивать улыбку и делать счастливое лицо. Фокусники-инвалиды.

— Развяжи меня, ведь только я знаю код доступа и смогу открыть дверь, — то ли грозит, то ли умоляет Макс.

От его голоса Оливер невольно вздрагивает, оторвавшись от мыслей, и вяло поворачивает голову на звук.

— Кстати, могу тебя поздравить с тем, что ты расклеился, — в голосе Макса слышны довольные нотки. — Значит, моя теория верна.

— Если быть точным, это не твоя теория. Учёные предположили это уже давно. Просто у них нет возможности устроить живой эксперимент, насильственно склеить людей и заставить их прожить эмоции, чтобы наблюдать, — презрительно произносит Оливер. — А на животных эксперименты невозможно провести, ввиду отсутствия самосознания у последних.

— Значит, я был всё-таки прав.

— Не обольщайся. Ты насильственно проводишь свой эксперимент.

— Так вы же, люди, привыкли быть зависимыми. Вы сами всю жизнь лишаете себя свободы, ограничивая свою жизнь

рамками: работой по графику, семьёй, детьми, моральными условиями.

— Допустим, с этим я согласен. Но почему бы тебе не взять и не отпустить это, и пусть себе человек выпутывается сам. Пусть сработает естественный отбор.

— Неет, я же хочу помочь людям. Пусть так, с принуждением, что ж теперь.

— Так вот кто здесь зачинщик всего! — очнувшись ото сна, хрипло восклицает рыжий. — Притворялся овцой, а сам расклеился и теперь будет главным?

— Тебе сон дурной приснился? — с иронией отвечает Оливер, поняв, что камешек в его огород.

Рыжий пытается повернуться. Создаётся натяжение между ним и Софией. Она просыпается.

— Ой, больно, не тяни так, — стонет девушка.

Рыжий хочет укунить Софию, он хватает её свободную руку и уже открывает рот, но прилепленная щека плохо слушается, да и тянет кожу на груди Марии. Та вскрикивает от боли и инстинктивно дёргает рукой, попав рыжему по печени. Тот охает и отпускает Софию.

— Эй, хорош буйствовать, — говорит Мария, опустив глаза, чтобы увидеть рыжего.

В темноте всё едва различимо даже в самой близи.

— А что с электричеством? — спрашивает Мария. — Что случилось?

— Что-то с ним случилось, — отвечает Макс, медленно выговаривая слова. — Я говорю, отвяжите меня, схожу посмотрю, разберусь и исправлю.

— Оливер, отвяжи его, пожалуйста. Что мы без света тут сидим? Я боюсь темноты, — стонущим голосом просит Мария.

— Придётся тебе бороться со своими страхами. Я не собираюсь его отвязывать, потому что хочу выбраться отсюда, — он поворачивается к Максy. — Сейчас начну тебя пытать. Как ты относишься к болевым ощущениям, Макс? — злорадно произносит Оливер и довольный своим решением подходит к нему ближе.

Тут возникает шорох и возня со стороны Марии. Мычит Мигель.

— А может, я уже умерла? Я ничего не вижу, — беспокойно произносит она. — Да, я умерла. Интересно как!..

— Нет, Мария, ты не умерла. Ты жива, — слышен голос Мигеля.

— О, ужас! — надрывно стонет Мария. — Я уже хочу умереть. Мне всё так надоело! Это ужас какой-то. Кажется, это никогда не кончится.

Она резко встаёт, увлекая своей массой рыжего.

— Как вы все мне надоели. И как бы вас отлепить?

— Попробуй подумать о своих чувствах, которые ты испытывала в детстве к своему отчиму и которые были подавлены, — стараясь сохранять спокойствие в голосе, говорит София. — Смотри, мы с Оливером отклеились. Вероятно, потому что я думала о своём стыде в детстве, и он думал об этом же.

— Да, Мария, постарайся подумать и осознать свои эмоции, — поддерживает Софию Оливер. — Я был приклеен именно эмоцией стыда. Видимо, это единственное, что я не проработал, хотя не буду зарекаться. Я осознал эту эмоцию и достал её, как подавленный материал, потом принял её как часть своей личности, и она отпустила. В результате мы расклеились.

— Теперь мне бы с рыжим расклеиться, — мечтательно произносит София. — А он не говорит, что у него было в детстве.

— Ничего у меня не было, — тут же огрызается рыжий. — Меня холили и лелеяли, на руках носили, пылинки сдували. За меня всё делала мама, даже школьные уроки. Я иногда пытался что-то сделать, например, убрать в доме. А мама говорила, не надо, я сама.

— Ну, и что ты при этом чувствовал? — спрашивает Оливер.

— Да ничего не чувствовал, чего привязались?

— Это поможет тебе и, возможно, мне. И мы расклеимся. Я подвергалась эмоциональному насилию в семье, как я уже говорила, — как можно мягче произносит София. Она хочет выудить информацию из рыжего, чтобы понять связывающую их эмоцию. — Всё было хорошо с внешней стороны, но мне ничего не разрешали: ни гулять с подругами, ни самостоятельно

принимать решения. Всё подвергалось жёсткой цензуре и почти всегда критике.

— Ну, это твои проблемы, — сел на любимого конька рыжий.

— Что ты привязалась к нему? Видишь, он весь розовый и пушистый, и у него было идеальное детство. Только вот почему он здесь, среди нас? — резонно замечает Мария, снова плюхнувшись на диван и поглаживая рыжего по голове.

— Это тебя не касается, — бурчит рыжий, поднимая лишь глаза. — Никого из вас не касается.

— Ну, пойми же ты! Тогда ты расклеишься, — Оливер усаживается на стул посередине комнаты, где раньше восседал Макс.

— О, ты теперь у нас гуру? Всё знаешь? Тебе просто повезло, и ты был приклеен с одной стороны, — по-прежнему упирается рыжий.

— Ладно. Кажется, это бесполезно. Он твердолобый валенок, — в отчаянии София дёргает рукой, приклеенной к спине рыжего, и тот орёт от боли. Она подмечает, что область склеивания всё же уменьшилась, хоть и незначительно.

Может быть, стоит самой подумать о том, что сказал рыжий, сообщает она. А если это и есть наша непрожитая эмоция? Отсутствие доверия со стороны близких людей, когда не разрешают ничего делать самостоятельно. Это же очень обидно, когда не доверяют.

Внезапно Мария, собрав оставшиеся силы, свободной правой рукой зажимает шею рыжего и начинает давить. Рыжий хрипит и дёргается, пытаясь ослабить давление. А Мария давит всё с большей силой. Стараясь избавиться от удушающей хватки, рыжий дотягивается руками до её лица, впивается ногтями и тоже давит. Одним пальцем попадает в глаз. Мария взвизгивает и ослабляет своё давление.

— Ты что, убить меня хочешь, сука? — отдышавшись, рычит рыжий.

— А ты думаешь, я мечтаю о тебе на своей груди? — вопит Мария.

— Да такой, как ты, жирной корове только об этом и мечтать.

— АААААА! — истошно вопит Мария.

Мигель приходит в себя и первым делом хватает её за отвисающий бок. Он впивается зубами, и уже начинает капать кровь.

С бешеным взглядом он откусывает кусок мяса, да так быстро и неожиданно, что подбежавший Оливер ничего не успевает предпринять. Мария бьётся в конвульсиях. Рыжий от запаха крови возбуждается и, подтянув к себе часть груди, к которой приклеена его щека, хватая зубами и тоже легко и быстро откусывает кусок.

Снова начинается потасовка, только кажется, сейчас люди более агрессивно настроены. София с трудом удерживает равновесие, поскольку рыжий дёргается, вгрызаясь в свою жертву. Он сейчас сосредоточен на теле Марии. Они с Мигелем, как два волка, накидываются на бедную девушку, которая от боли уже потеряла сознание. Обидно, ведь это результат её проекции. В детстве Мария подверглась сексуальному насилию со стороны отчима, и как будто всё продолжается. Вот и сейчас она испытывает физическое насилие в самой жестокой и извращённой форме. Но именно она и притянула это.

София пытается размышлять о потере доверия, надеясь, что именно эта эмоция связывает её с рыжим. Она так хочет обрести свободу, что её теперь мало волнует жизнь других. Ей бы самой выжить в этой ситуации.

Оливер тоже старается держаться подальше от озверевших, потерявших человеческий облик рыжего и Мигеля, накинувших на Марию. И уже непонятно, жива она или мертва. Возможно, Оливер мог бы её спасти, но он также начинает думать о своей роли спасателя. Ведь именно поэтому он прилетел на Землю. Чтобы побыть в роли благотворителя и спасателя. И это нужно именно ему. Это именно его эгоистическая потребность — спасти весь мир. Чтобы потешить своё Эго и Я. Он ещё раньше понял, что вообще-то ему неинтересно, выживет мир или нет. Сам он смертен, и это его волнует гораздо больше. В первую очередь ему хочется продлить именно свою жизнь. Ведь когда наступит его черёд умереть, никто не пойдёт вместо него на смерть. А его геройство — это чтобы быть нужным кому-то, чтобы казаться хорошим в глазах других людей. Как раз это ему самому ни к чему. Он оставляет себе ответственность лишь за Софию, так как за ней ехал.

От какого-то внутреннего толчка Мария внезапно вскакивает и, не обращая внимания на боль и текущую кровь, направляется к Макс, таща за собой остальных. И откуда у неё берутся силы на это? Макс лежит рядом с диваном, привязанный к ножке и дремлет, не обращая внимания на шорох, рычание и хруст. Мария обрушивается на Макса, почти задавив его. Виновником её несчастий она видит именно его. У неё в голове всё смешалось. И то, что когда-то давно отчим насильовал её, переходит в проекцию на Макса. В предсмертной агонии она решает задавить его хотя бы своей массой. Однако Макс, как скользкий червяк, выползает из-под неё и встречается с горящими звериными взглядами рыжего и Мигеля. Похоже, они сговорились и теперь действуют заодно. Не успеваает он среагировать, как зубы рыжего впиваются в его руку, и Макс орёт от неожиданной боли. Мигель поедает мясо с уже неподвижного тела Марии. София пытается держаться в стороне и не привлекать внимание обезумевших людей. Хотя она уже готова к самому худшему.

Оливер, пользуясь вновь обрётённой самостоятельностью, подходит к двери. Она герметично закрыта, и даже непонятно, где сама дверь, — с виду сплошная стена. Тут он слышит мерное постукивание с внешней стороны. Это постукивание синхронно и ритмично. Он напрягает слух и по-прежнему слышит ритмичное постукивание. Оно еле слышно, но Оливер улавливает. Что это может быть? Дятел на улице? Не похоже. Звук очень знакомый, но в данный момент он не может вспомнить, где его слышал.

София вскрикивает, и Оливер подбегает к ней. Рыжий устремляет на неё свой жадный голодный взгляд, напугав её, но потом снова переключается на более доступного и близкого Макса. Тот уворачивается от рыжего и ловко прячется за тело Марии. Мигель сосредоточенно жуёт, из его рта по подбородку и груди течёт кровь.

Кругом красная липкая жижа. Роботы-планктоны усердно трудятся, подбирая мусор, грязь и куски мяса, мельтеша под ногами. Большую часть роботонов уже раздавили в этой давке и свалке. Оставшиеся, не обращая внимания на суету и хаос, продолжают усердно наводить чистоту.

Оливер подбирает лазер Макса, внезапно попавшийся ему на глаза. И как он забыл о нём? Крутит в руках и никак не может сообразить, как им пользоваться. Лазер похож на современный, но всё же это устаревшая модель.

София пытается думать об эмоции, связывающей её с рыжим. Это очень трудно, так как примешивается страх, жуткий страх, который заполняет собой почти всё её сознание. Но она упорно возвращается к мысли о недоверии близких, об этом тошнотворном чувстве, почти как подлянка или тухлые оправдания. И как в связи с этим рождается недоверие к себе, в себя, в собственные силы. А вера очень нужна, без неё невозможно жить. Верующие в Бога находят её. Вернее, проецируют её на внешний мир, и этим питаются. Но такая вера весьма сомнительна, так как может рухнуть в любой момент. Вот и рухнула.

Вера в себя — вот основной двигатель. София вспоминает своё детство, юность. Как бы то ни было, она всегда выбиралась из всех сложных ситуаций. Основано ли это было на вере или на интуиции, некоем чутье, но всегда выкарабкивалась. Но если она не чувствовала доверия со стороны близких людей, откуда она брала эту веру? Так срабатывает бессознательный инстинкт выживания? Или где-то в глубине души она всё же верит в себя? Или верит во вселенную и невиданную энергию, непостижимую, как и внутренний мир человека?

От мыслей её отвлекает свора собак. Люди, превратившиеся в собак. И откуда у них берутся силы? После голодных и бессонных дней и ночей. Ведь нужны усилия, чтобы откусывать плоть, пережёвывать её и ещё бороться с противником. Правда, из-за слабости эта борьба со стороны больше смахивает на возню.

Глава 18

Гамерману и Ангелине без препятствий удаётся войти в дом. Здесь стоит пугающая тишина. Дом построен как бункер, стены с высокой звукоизоляцией. Они идут по тёмному коридору, путь освещает костюм Ангелины, в который она перевела в сверкающий режим. Вокруг неё мерцающее облако, переливающееся красным, жёлтым, оранжевым светом. И хотя это сияние не предназначено для освещения и обычно используется как праздничный эффект, оно лучше, чем сфокусированный луч фонаря. У Гамермана обычный защитный костюм без световых диодов и он восхищён прогрессом людей на Микзе. Конечно, их же не волнует проблема выживания, поэтому они и оказываются на шаг впереди.

Где-то вдалеке они слышат истошный вопль, но непонятно, кричали в доме или где-то в лесу. Всё же Гамерман догадывается, учитывая звукоотражающие стены, что крик был из какой-то комнаты.

— Это здесь? Как ты думаешь? — Ангелина останавливается и настороженно прислушивается.

— Думаю, да, здесь! — утвердительно кивает Гамерман.

У Ангелины замирает сердце и спирает комок в животе. Это страх. Но не тот страх, что на океане или при перемещении в межгалактическом пространстве. Это животный страх. Страх перед людьми и их непредсказуемым поведением, основанном на принципах выживания. Когда сталкиваешься с дикой природой, испытываешь другие эмоции, хотя это тоже страх. Но при этом нет ужаса мучительной смерти от рук себе подобных. Если и придётся умереть, это можно принять смиренно. Перед стихией все бессильны. А когда имеешь дело с людьми, есть риск умереть не сразу, а попасть в руки к тем, кто будет мучить и издеваться.

Дикий зверь убивает, чтобы выжить, ради пищи или территории, и звери не пытаются. Только человек способен убить ради развлечения и может истязать животных и даже себе подобных, просто чтобы насладиться чужими мучениями. Нормальному человеку невозможно принять человеческую жестокость, но нельзя игнорировать факт её существования.

Ангелина прижимает руку в кармане и нащупывает мини-лазер. Он не убивает, но дестабилизирует противника. Действует почти как электрошок. Так, защитная игрушка. У Гамермана оружие посерьёзнее. Лазер калибра 908576, новейшая модель. Убивает сразу наповал. Реагирует только на энергию хозяина. Так настроен, что воспользоваться оружием может только он. Но с другой стороны, его сразу вычислят, если он совершит убийство, тогда придётся предоставлять оправдательные данные. Вот вам две стороны использования индивидуального лазера.

Они проходят по коридору и сворачивают к лестнице, ведущей вниз. Ангелина оглядывается на Гамермана и, по безмолвному согласию, начинает спускаться. Всего шесть ступеней, подсчитывает Гамерман. Он всегда всё считает — профессиональное. Перед ними огромный круглый зал, оборудованный под трениговую комнату. В центре стоят вокруг стулья, у стены на полу валяются сумки и защитные колпаки. Ангелина с Гамерманом переглядываются. Ясно, что здесь были люди. Трейдер оглядывает помещение. Здесь нет других дверей и вообще нет окон, похоже на тупиковую комнату. Однако они опять слышат вопль, и уверенность, что крики исходят отсюда, увеличивается. Только они очень приглушенные.

— Отличная изоляция, как будто специально продумано. Как бункер или комната пыток, — предполагает Ангелина.

— Да, — кивает Гамерман.

Он садится на один из стульев и настраивает сеть. В воздухе, дополнительно освещая комнату, появляется виртуальный экран с клавиатурой. Сеть ловит, правда, сигнал очень слабый.

— Хочу попытаться отсканировать стены комнаты и выяснить, есть ли тут ещё дверь или лаз. Пока это непонятно, — растягивая

слова, говорит Гамерман, — но похоже, что мы слышим крики за стеной, так что какой-то вход должен быть. Раз он так замаскирован, скорее всего, ещё и закрыт паролем. Но это не беда, взломаем, главное — найти.

Ангелина обходит всю комнату по периметру, ведя рукой по стене и простукивая сантиметр за сантиметром в попытке определить на слух место возможного входа. Но все стены как литые, и где дверь, определить невозможно даже по звуку, который везде одинаков. На ощупь стена кажется монолитной, без швов и стыков.

Оливер пытается активировать лазер, но у него не получается. Прибор настроен на импульсы Макса. А если поднести его к Максусу? Может, тогда он заработает? Но Макс закрыт телом Марии, и над ней восседают рыжий и Мигель, устроившие пиршество. Кровь стекает с их подбородков, глаза дикие, безумные. Точно, так и есть, человекоедение, как наркотик. Стоит попробовать один раз, и можно тут же подсесть.

Оливер в нерешительности. Что-то надо делать. Срочно. Но София ещё приклеена к рыжему, и её спасает лишь то, что теперь у него нет возможности дотянуться до неё, потому что он щекой прилеплен к Марии. А Мигель, хоть и решился есть Марию, очень пуглив, и пока София жива, не кинется. Мария же, скорее всего, скончалась от ранений, потому что уже давно не подаёт признаков жизни.

София смотрит на свою руку. Кажется, область склеивания уменьшается, но возможно, ей это только кажется. Рыжий пытается пальцами отковырять свою щёку от Марии, вонзая в её грудь ногти. Оттягивать и отрывать кожу больно, а откусывать её мясо не получается. У Мигеля просить, чтобы тот помог, он боится. Они злыми взглядами соперников смотрят друг на друга, готовые к защите.

Импровизированная верёвка из обрывков одежды оказалась ненадёжной, и Максусу удалось освободить руки, но опасаясь рыжего и Мигеля, он по-прежнему предпочитает прятаться от них за огромным телом Марии, хотя риск очевиден, — долго лежать под телом нельзя, он может приклеиться. Хорошо, что его тело закрывает одежда.

Но кожаный костюм не полностью закрывает тело, а защита, которую повредил Оливер, больше не действует, и кисть Макса тут же прилипает к жирной ляжке Марии, как только он к ней прикоснулся. Почувствовав, что рука потеряла свободу, Макс ощущает растерянность, которая сразу сменяется гневом. Его разозлил сам факт склейки, и он изо всех сил отодвигает тело Марии, сдвигая за ним рыжего и Мигеля. Они пока боятся Макса, хотя он без оружия и связан. Оскалившись и придав себе угрожающий вид, он свирепо смотрит на рыжего, по очереди обводит взглядом оставшихся, хотя в темноте силуэт Оливера едва различим и видны только те, кто находится рядом.

— Даже не думай открыть эту дверь, — говорит он Оливеру. — Код у меня в голове. И никто отсюда не выйдет живым, пока не закончится эксперимент.

— Да ты больной придурок! Ты сам здесь сдохнешь. Люди уже озверели и готовы жрать друг друга, несмотря ни на что, лишь бы выжить, — голос Софии дрожит.

— А в этом и заключается эксперимент. Или все станут умными, осознают свои эмоции, или все умрут, так и не поумнев. Может быть, инстинкт самосохранения вдохновит, — тихо шипит Макс.

— Какой инстинкт? Здесь всё на страхе. А в страхе, в стрессе начинается паника и невозможно здраво осознавать свои эмоции, — Оливер подходит поближе, чтобы в случае чего защитить Софию, так как со стороны Макса он чувствует угрозу.

— Ты же осознал. И потом, к постоянному страху привыкают, как и ко всему.

— Просто я до этого работал. А кто не работал над собой и своими эмоциями, тот даже распознать не может, что чувствует в настоящий момент времени и в этом месте. Вот ты тоже приклеился сейчас к Марии. Давай, попробуй, осознай свои эмоции.

— Да пожалуйста, — уверенно говорит Макс. — Мне немного страшно, признаю свой страх. Но вот по какой непрожитой эмоции я склеился с Марией, пока не знаю.

Рыжий выплёвывает кусок мяса и свободной рукой пытается дотянуться до Макса. Тот связанными ногами отпихивает его.

Мигель, совсем обезумевший, медленно жуёт с отрешённым взглядом.

— В детстве меня тоже любили и холили. Отец приносил туши убитых животных и разделявал их. Я присутствовал при этом. Мне было их совсем не жалко, потому что так мы выживали. Я даже разделявал кроликов и зайцев, сдирал шкуру и потрошил. Правда, в семь лет я подвергся сексуальному насилию со стороны неизвестного парня, но я забыл этот случай. А потом отец умер, и я стал маминым любовником. Но мне всё это нравилось. А сейчас, когда она умерла, я потерял какую-то часть себя и опору. Ведь всё шло по плану, пока она не умерла, — наблюдая за рыжим в готовности дать отпор, произносит Макс.

— Кажется, я поняла, — немного оживилась София. — Ты подвергся сексуальному насилию в детстве, как и Мария. У вас общие непрожитые эмоции

Макс смотрит на свою кисть. Действительно, область склейки увеличилась. Тем временем рыжий всё больше погружается щекой в грудь бездыханной Марии. А Мигель в Марию своим боком и спиной. София смотрит на свою руку и видит, что тоже больше вращает в спину рыжего. Она плачет от бессилия и безнадёжности.

— Дай-ка мне мой лазер, я сейчас отрежу Марию от нас. Она всё равно уже мертва, — нагло заявляет Макс.

— И не подумай. Обойдётся, — отвечает Оливер. — После всего сделанного тебе нет доверия.

София плачет. Оливеру её очень жаль, но он не может ей помочь. Повсюду запах живой плоти, кондиционер и дезодоратор уже не справляются. Оливер подходит ближе к Софии и шепчет на ухо:

— Детка, хорошо подумай о своих возможных непрожитых эмоциях. Думай о них постоянно. Это не позволит тебе глубже погружаться в рыжего.

— Я думаю, но у меня не получается!.. Я устала, мне уже тошно. Кажется, я сама себя уничтожаю.

— У тебя неплохо получается. Нам же удалось расклеиться.

— Это благодаря тебе, — София поднимает глаза, в них стоят слёзы. — У меня не получается.

— Не падай духом. У тебя всё получится. Ты выживешь. Я знаю это,— Оливер берёт её за подбородок и заглядывает в глаза.

— Ох, не знаю я,— Софию вновь захватывает волна признательности и трепетного чувства к Оливеру. — Я так истощена и слаба, что у меня больше нет сил. Но я постараюсь.

Рыжий, Мария, Мигель и Макс постепенно превращаются в один клубок мяса. Свежего и мёртвого. Они всё больше погружаются друг в друга и приклеиваются разными частями тела почти мгновенно, стоит только прикоснуться. В этой мешанине София изо всех сил старается избегать повторных прикосновений, чтобы не склеиться ещё с кем-нибудь. Оливер помогает ей. Она постоянно смотрит на руку в страхе увеличения области склейки и напряжённо возвращает себя мыслями в эмоции детства. Это довольно сложно.

— Есть! — тихо произносит Гамерман, и на экране отображается проекция помещения, в котором они находятся.

Треjder задаёт поиск-муравей подвижных частей стены, и огромное количество насекомых расползается по помещению, исследуя каждую щель. За минуту продиагностировав микрощели, они сосредотачиваются на одном участке стены, обрисовав контур проёма.

— А вот и дверь, которую мы ищем,— торжествующе улыбается Гамерман. — Осталось подобрать к ней ключик.

— Кажется, я слышу за дверью шорох и приглушённые голоса. Значит, кто-то ещё жив,— Ангелина подходит к вероятному месту двери.

Она водит руками по стене в поиске хотя бы мелкой, незначительной стыковки. Но всё как литое.

— Может, всё-таки не здесь? — говорит она Гамерману. — Здесь нет даже намёка. Никаких выступов, щелей, даже нет шероховатости.

— Спокойно. Без паники. Эта комната сделана из материала, по составу напоминающего жидкую сталь, которую используют при изготовлении космических кораблей и другого оборудования. Соединяясь с другим материалом, схожим по составу, они как бы сливаются друг с другом и вплавляются.

— Да, я что-то слышала об этом. Но в технике и строительстве не сильна. Мне в голову пришла аналогия, это похоже на то, как люди склеиваются, постепенно вращая в тела друг друга.

— Чёрт побери, — не реагируя на слова Ангелины, злится Гамерман. — Он заблокировал доступ в помещение. Потребуется ещё время, чтобы разблокировать.

Гамерман продолжает стучать по кнопкам в поиске решения. Ангелина — прощупывать стену. Она натывается на сумки.

— Если я осмотрю сумки, меня никто не накажет за это?

— Думаю, что никто, — не отрывая глаз от экрана, говорит Гамерман.

Ангелина склоняется над грудой сумок и насчитывает пять штук, рядом стоят пять колпаков. Рюкзак Оливера она не видит, и это её настораживает. Хотя он может быть в миниатюре и валяться в любом уголке дома, тогда его заметить трудно. Она заметила, как Гамерман косился на её сумочку и, когда она достала оттуда термос и трансформировала его, выразил интерес. Пока они пили чай, она объяснила ему, что это миниатюра, и что все вещи у неё с собой в буквальном смысле. Это последняя новинка моды. На Земле этого точно пока нет, потому что землянам сейчас совсем не до научно-технического прогресса. В одной из сумок, явно девичьих, она обнаруживает много косметики, булочку, покрывшуюся плесенью, и шоколадку. Она ищет любую электронику или записную книжку, которая хоть что-то расскажет о владелице этой сумки. Но здесь ничего нет. Похоже, обладательница любит яркую косметику и покушать.

Внезапно Мария приходит в себя, как восстаёт из мёртвых. Она еле-еле шевелит руками и телом и пытается отделить от себя и отодвинуть всё больше прилипающих к ней рыжего и Мигеля, а теперь ещё и Макса.

— Как я вас всех ненавижу. Убила бы. Я всегда ненавидела людей и сторонилась социума, — произносит она еле слышно. — Я то беспрестанно ела всё, что ни попадало в руки, то ненавидела людей. Всегда грызлась со всеми, могла обидеть и легко подавить.

— Когда ты много ешь, это похоже на скрытую агрессию, — говорит Оливер, всё ещё стараясь удерживать Софию на расстоянии, чтобы она не прилипла больше. — Агрессию, направленную на себя, точно такую же, как и у алкоголиков, наркоманов, людей, склонных к большому риску — автомотогонщиков, игроков. Они направляют агрессию внутрь себя, иногда это их разрушает. Но когда эта агрессия становится осознанной, она направляется на окружающий мир, на людей.

Возня то начинается с новой силой, то прекращается, когда участники, обессилив, замирают в полузабытьи. Мария отбивается локтями и ногами, хотя свободных частей тела у неё теперь немного. Рыжий, Мигель и Макс пытаются оторвать от друг друга куски мяса и таким образом выжить. Мигель опять кусает Марию. Она, охнув, падает и тянет за собой остальных, опять превращая всё в клубок.

Не удерживается и София, теряет равновесие и падает вслед за рыжим. Попадает в комок и оказывается близко к телу Марии. Она инстинктивно пытается отодвинуться от её искусанного, в синяках, жирного окровавленного тела. Оливер никак не может извлечь её и в отчаянии чуть сам не попадает в колесо всеобщего безумства. София с ужасом понимает, что нога Марии, которая сейчас оказалась на её ноге, может приклеиться. Именно в месте предполагаемой склейки её кожа покрывается мурашками. Комок ужаса в животе, отчаяние и безнадежность. Оливер чуть не плачет, он никак не может помочь Софии. Бросаться в эту кашу нет смысла. Даже если он не приклеится, вряд ли это поможет Софии. Она должна сама себе помочь без надежды на помощь извне. Это, как умирать. Никто не умрёт за тебя, со смертью каждому придётся встретиться самому.

— София, — пытается донести до неё Оливер, — думай об эмоциях. Если ты сейчас рядом с Марией, возможно, ваша схожая эмоция — агрессия.

— Да, я бываю иногда агрессивна. И что теперь? — зло отвечает София. — Иногда люди не понимают по-хорошему или нарушают границы. И ничего не остаётся, как быть агрессивной.

— Полностью с тобой согласен, — говорит Оливер, уворачиваясь от протянутой к нему руки Макса. — Агрессия — это защитная реакция, не всегда конструктивная. Если человек не может спокойно отстоять свои границы, вырастает агрессия. Но откуда она взялась у тебя? Тебя обижали в детстве, били?

— Да не помню я, кажется, нет. По крайней мере, ничего серьёзного, у нас в семье всё было по-религиозному чинно... Ну, запретов было много, это да, ну... А, вспомнила! Как-то я своровала в столовой булочку, и это заметили. Учительница вызвала родителей, и когда мама узнала, дома она избивала меня ремнём. Я считала, что наказана заслуженно, хотя, что там эта булочка? И украла-то я её, чтобы привлечь внимание одноклассника, который мне нравился, — София еле-еле удерживает равновесие.

— Тогда ты чувствовала себя виноватой? — вмешивается Макс, который всё слушает.

София косится на него испуганно, не зная, стоит ли отвечать на его вопрос.

— Да, видимо, чувствовала, раз меня наказали.

— Чувство вины — очень устойчивая болезненная эмоция. И является зависимой частью личности, — пытаюсь высунуть голову из-под тел, говорит Макс. — Зачастую люди совершают те или иные поступки, которые характеризуются агрессивным поведением, направленным внутрь себя или на окружающий мир, только для того, чтобы чувствовать себя виноватым и, если можно так сказать, кайфовать от этого чувства.

— Согласен. Человек с детства привыкает к чувству вины и без него не может жить спокойно. Оно, как наркотик, ужасная привычка, — подтверждает Оливер.

— Так тут почти все с этим чувством, — иронично замечает София. — Да большинство людей. Почти всех наказывали в детстве, и все что-то совершали.

— Меня никогда никто не наказывал, — подаёт голос рыжий. — Но я очень часто чувствовал себя виноватым, потому как понимал, что накосячил. Я любил устраивать подлянки одноклассникам.

Так, незаметно, никто и не знал, что это я, и мне всегда всё сходило с рук. Но у меня никакого чувства вины. И у меня было отличное детство, и все эти ваши предположения — пустой бред.

Мария несколько раз шевельнувшись, издаёт звук, похожий на глубокий выдох, и снова замирает. Макс дотягивается до её шеи, чтобы проверить пульс.

— Она умерла. Теперь уже точно, — констатирует он. — Хорошо, одним инвалидом меньше.

— И тебе пора на тот свет, — агрессивно рычит рыжий, который уже на пол-лица погрузился в грудь Марии, и ему даже рот открывать становится всё труднее и труднее.

— Это ты сейчас сдохнешь, урод, — отвечает Макс.

Он протягивает руку из-за спины Марии и тянется к горлу рыжего. Хватает его и душит. Рыжий пытается оторвать руки Макса от своего горла, но у последнего мёртвая хватка, и рыжий начинает сопеть и хрипеть. Мигель решает помочь другу по несчастью и тоже пытается нейтрализовать Макса.

София, пользуясь моментом, усиленно размышляет над чувством вины и чувством недоверия, которые, возможно, явились причиной её склейки с рыжим. Она смотрит на свою и руку, и ей кажется, что область уменьшается, и уже осталось чуть-чуть. От тела Марии ей удаётся отстраниться, не прилипнув. Оливер контролирует ситуацию, по возможности оберегает Софию, но старается не влипнуть в эту кашу. Роботы ползают и подбирают ошметки плоти, кровь. Лицо рыжего распухло и сместилось в грудь Марии. Мигель спиной поглощает мёртвую руку Марии, а Макс, приклеенный кистью к её бедру, своим бедром приклеивается к рыжему через дыру в штанине. Макс не помнит, когда порвал одежду. Наверное, это всё Оливер. Все пошло кувырком из-за этого Оливера! Чёрт бы его побрал! Ааааааа!..

Начинается жуткая трансформация и мутация, которую София и Оливер наблюдают с ужасом. Девушка пытается периодически отключаться от происходящего, чтобы сконцентрироваться на своих чувствах и наблюдать за своей рукой. Радует, что она не мутирует, а остаётся на прежнем уровне, может, даже

немного отклеивается. Но София заставляет себя не поддаваться иллюзии и самообману, а хладнокровно наблюдать, оценивать.

Тем временем Гамерман находит дверь, а вскоре и код доступа. Взломать получается не с первого раза, но учитывая его опыт и настойчивость в достижении результата, в конце концов ему удаётся достичь успеха. Они действуют в темноте, Ангелина выключила сверкающий режим костюма, и теперь лишь сеть освещает им пространство.

Наконец дверь открывается и их обдаёт удушливой волной и смрадом. Ангелина от неожиданности кашляет и чихает. Оливер оборачивается на открытую дверь и видит два входящих силуэта, которые светят на них экраном. Кто это, он не видит, но уже догадывается, что один из силуэтов принадлежит Ангелине. От увиденного Гамерман и девушка замирают на пороге. Перед ними горстка людей, превратившихся в комок мяса, одна девушка чуть обособлена и один мужчина в стороне. Ангелина узнаёт в нём Оливера и издаёт невольный возглас.

— Оливер, ну, наконец-то! Хорошо, что ты жив и, кажется, цел. Но что здесь произошло и происходит до сих пор? Что это за вакханалия?

— Привет, дорогая, — Оливер направляется к ней.

Они подбегают друг к другу и обнимаются. Оливер тут же спохватывается и возвращается к Софии. Ангелина подходит ближе. Доброжелательно смотрит на девушку. Она уже догадалась, что это и есть подруга её брата. Гамерман освещает пространство и разглядывает место побоища. Шесть голодных и озверевших глаз смотрят на вошедших, и если бы не мёртвое тело Марии, удерживающее их на себе, они бы набросились на свежее мясо.

— О, кому-то повезло, — зло рычит Макс и хватается Софию за ногу.

София теряет равновесие и падает, увлекаемая в клубок тел. К ней подбегают Гамерман, Ангелина и Оливер. Последний поднимает её и тащит на себя, пока та не успела приклеиться.

Гамерман достаёт свой лазер. Ангелина вопросительно смотрит на него, она не понимает намерений. Зато рыжий сразу догадывается, что с ним собираются сделать, но, приклеенный со всех сторон, ничем не может помешать. Оливер тянет Софию от рыжего, а Гамерман включает лазер и проводит лучом по спине китайца, отделяя руку девушки. София спасена, а рыжий теряет сознание от боли.

Спасатели и спасенные быстро отходят на безопасное расстояние от склеенных тел, которые всё больше превращаются в одно целое. Оливер обнимает Софию, а та плачет от облегчения. Потом вдруг отстраняется от него.

— Не надо, — она смотрит на него широко раскрытыми глазами. — Приклеишься ко мне снова.

— Думаю, что к тебе уже не приклеюсь. Мы прожили нашу общую эмоцию, — отвечает он, улыбаясь. — Тебе надо опасаться других. И прожить до конца непрожитое, прожевать, как мясо. Видишь, как получается жевать мясо у Мигеля, рыжего и Макса? Они это делают буквально, но до этого доводить не надо. Да ты уже сама это поняла.

Оливер гладит Софию по голове. Она ещё всхлипывает.

— Ты молодец. Всё позади. Теперь всё будет хорошо.

— Как вы это выдержали, не представляю, — говорит потрясённая Ангелина.

Макс пытается ползти, но тела не дают ему продвинуться. Он умоляюще смотрит на Оливера.

— Отсоедините меня от этих людоедов, — просит он и издаёт пронзительный вопль, так как Мигель ухватил его за плечо, оказавшееся как раз рядом.

Ангелина и Гамерман с ужасом наблюдают эту картину, и трейдер уже собирается исполнить просьбу, но Оливер останавливает его.

— Не надо ему помогать. Он задумал этот жестокий эксперимент, в котором погибли люди, а оставшиеся в живых превратились в зверей. Пусть теперь сам выберется из своей каши.

— А что мы с ними сделаем? Оставим здесь и уйдём? — интересуется Ангелина.

— Можно подождать и понаблюдать, как они едят друг друга, пока сами не умрут, — ехидно отвечает Оливер. — Хотя нет смысла ждать. Исход уже ясен. Как бы ни было жаль некоторых людей, они сами себя загоняют в дерьмо, из которого не могут выбраться, и хуже всего, они этого не понимают, не хотят понимать.

— Нет! Я всё понял, я осознал! — кричит Макс, мгновенно среагировавший на укус Мигеля, локтём вырубив его. — Я всё понял. Это была моя ошибка. Я понял её. Я хотел, как лучше для людей.

— Я ему не верю, — говорит София. — Он в детстве любил отрывать крылышки у прилипших мух. Он прирождённый садист и извращенец.

«Как-то я тоже оторвал крылышки у стрекозы, хотел посмотреть, как она полетит, — проносится в голове у Гамермана. — Она не полетела. Больше я не отрывал». Озвучивать свои мысли хитрый еврей не стал.

— А что будем делать с другими двумя живыми? Что скажешь о них? Освободим? — спрашивает Ангелина.

— Они озверели настолько, что потеряли человеческий облик. Что уж тут говорить о внутреннем содержании, — отвечает Оливер. — Даже если мы сейчас освободим их, они, во-первых, начнут есть людей на улицах. Во-вторых, прилепятся к первым встречным. И в любом случае умрут. Так что, бессмысленно.

— Ладно, я пока займусь электричеством, — говорит Гамерман, усаживаясь на стул. — Я настроил лазер на общий доступ, так что держите его, и если что, знаете, что делать.

Оливер берёт инструмент и пробует на столе, который в момент разлетается на кусочки от пучка лучей. Он направляет на пол перед возящимися обезумевшими и проделывает борозду. Роботоны, попавшие под лучи, со свистом летят в разные стороны, щепки от пола, как вулкан, взмывают вверх. Макс настороженно смотрит, он боится.

Загорается свет и на мгновение ослепляет собравшихся. При ярком свете картина предстаёт в ужасающем виде. Кругом кровь, куски мяса, комната похожа на место побоища. Рядом с телом Марии растекается лужица светло-коричневого цвета,

смешанного с кровью. Вонь уже не чувствуется благодаря усиленной системе кондиционирования при открытии дверей. А рыжий, Мигель и Макс, — все грязные, измазанные в крови и фекалиях, и ещё в чём-то, медленно пожирают друг друга.

— Всё же, что будем делать? Может, поджечь дом? — спрашивает Ангелина. — Конечно, это негуманно, они всё-таки ещё живые, но они уже не люди.

— Я предлагаю просто уйти и закрыть дверь. Пусть загрызут друг друга до смерти, — предлагает Оливер.

— Да ладно, ребята, я думаю, можно подождать максимум сутки, и они сами себя уничтожат, — убедительно говорит Гамерман.

— Ты готов ждать?

— Да, а что? Это же недолго. Я всегда выжидаю. Всё само собой решится.

— Хорошая мысль. И совесть будет чиста, и завершим дело, — соглашается Оливер.

— Там есть комнаты, мы пока можем смело там расположиться, — говорит Ангелина. — Хватит всем.

— Нет, пожалуйста! — стонет Макс. — Не бросайте меня с этими зверьми! Они сожрут меня!

— А ты осознай свои эмоции и расклеишься. Это же эксперимент, — зло ехидничает София и выходит вслед за остальными.

Гамерман закрывает дверь через сеть, и они поднимаются вверх по лестнице. Уставшие, измождённые, но выжившие. Ангелина поддерживает Софию. Гамерман предлагает помочь Оливеру, но тот мужественно отказывается, и самостоятельно хромает наверх.

— Скучаешь по трейдингу? — спрашивает Гамерман, когда они поднимаются по лестнице и сворачивают в коридор.

— Да, иногда скучаю и вспоминаю, особенно здесь, на Земле. Даже думаю вернуться, — Оливер поднимает голову, озорная улыбка скользит по лицу, в глазах блеск, не скрывшийся от внимательного Гамермана.

— Давай, — говорит еврей задумчиво. — А я хочу слетать на Микзу, может, там и останусь. Жаль, что у вас там нет

финансовой системы, и даже идейной, которая сейчас на Земле, и трейдинг не возможен. Хотя... Что является более ценным? Творчество?

— Вот приедешь к нам и разовьёшь систему творчества, — смеётся Ангелина.

Гамерман идёт впереди всех. Ангелина с одной стороны Софии, Оливер с другой. Он украдкой поглядывает на девушек. Ангелина — его друг, самый надёжный, близкий. София ему нравится по-другому. Она похожа на его маму, и он осознаёт, что это, возможно, проекция. Ему кажется, что и София смотрит на него очень тепло и нежно, а когда их взгляды встречаются, она почти всегда опускает глаза и немного краснеет, смущаясь. Волосы её слиплись, лицо в запёкшейся крови, платье разорвано. Общие пережитые события, эмоции и боль связывают их невидимой нитью. Это чувство единения, глубокого понимания боли другого и сострадания. Оливер ещё несколько дней назад решил, что если они выживут, он на время останется здесь, на Земле. А там видно будет. Надоело жить в утопии. Возможно, он ещё не научился жить. Привыкший выживать, он всегда будет тянуться к экстремальным ситуациям, чтобы снова испытать судьбу и выжить. Так он самоутверждается.

Найдя четыре комнаты, каждый занимает свою. Находят одежду, хоть и старого образца и немодную, зато чистую и сухую. Умываются, переодеваются и встречаются в столовой. Пока Гамерман настраивает роботов, которые обслуживают и занимаются приготовлением пищи, остальные усаживаются за круглый стол.

— Буду рада увидеть тебя в гостях, — говорит София, обращаясь к Оливеру. — И вас всех тоже.

— О, я с удовольствием приду, — отвечает Оливер.

— София, ты думала об эмиграции на Микзу? — спрашивает Ангелина.

— Да, были мечты, но я всегда думала, что это для меня нереально.

— Всё реально. Я помогу тебе собрать все документы и подготовиться, — говорит ей Оливер. — Для этого потребуется год, ты готова ждать?

— Да, а что мне остаётся? Как будто есть лучшие перспективы. Ради будущей жизни на Микзе я готова на всё и всё вытерплю, любые мучения.

— Не надо мучиться, надо просто быть осторожной. Ты уже отмучилась и выжила, — Оливер нежно обнимает Софию за плечи.

Насытившись, они расходятся по комнатам, и каждый забывается в своём сне. Просыпаются от запаха гари и почти одновременно выходят из своих комнат в коридор. Принимаются. Запах идёт из комнат вниз. Они бегом спускаются на первый этаж, Гамерман открывает дверь, и их обдаёт жар пламени. Вся комната в огне, и он не распространяется на другие помещения лишь потому, что дом построен из огнеустойчивого материала. Горит диван, стол.

Внезапно на Гамермана и Оливера, стоящих первыми, из огня вываливается кусок мяса из ещё живых тел Макса, рыжего и еле дышащего Мигеля. Горящая масса в агонии дёргается, размахивает руками и ногами, хаотично двигаясь по комнате. Мигель что-то хочет сказать и шевелит губами. София хочет подойти к нему, но Оливер её останавливает. Мигель, дёргаясь, внезапно замирает, голова его свисает на грудь, и он расслабленно повисает на мёртвом теле Марии, которое тащат за собой рыжий и Макс, пытаясь дотянуться до Софии и Оливера.

— Что случилось? Почему произошёл пожар? — пытается выяснить Ангелина, обращаясь к Макс, который как раз таки жадно пытается дотянуться до неё, но ему мешает сила тяжести других тел, прилипших к нему.

— Я поджёл! Поймал одного из роботов-планктонов и закоротил. Поджёл диван, пока эти олухи задремали. Я так и знал, что вылезете из своих норок, я так и знал, что вы не уйдёте, пока всё не закончится, и все мы не умрём. Ха-ха-ха! — Макс хохочет во весь рот.

Он весь в крови и слизи. Кусок мяса вываливается у него изо рта, падает на пол. Он сплёвывает. Рыжий смотрит только одним

глазом, потому что поллица уже вросло в тело Марии, ртом он шевелит с трудом, выражение ужаса застыло на его лице. Видно, что он испытывает мучительную боль. А Макс изо всех сил пытается выжить. Его склейка ещё поддается отделению или ампутации, и он надеется. Надеется на то, что эти люди всё-таки добрые и спасут его. Он ползёт к двери и тянет за собой массы тел. Всё сложнее и сложнее передвигаться, порой он не может сдвинуть с места эту груды. Рыжий тянет руки к Макс, пока тот усиленно ползёт вперёд, дотягивается и хватается за горло. Макс кашляет и задыхается. А рыжий старается изо всех сил сжать и сомкнуть руки на его шее. Всё похоже на замедленный фильм. Ангелина, Гамерман, Оливер и София стоят в дверях и наблюдают за жутким действием.

Огонь, не найдя для себя предметов, постепенно стихает, оставив от дивана головешки и горстку пепла.

Гамерман включает экраны. Показывают новости. По всей Земле хаос. Люди, склеенные в пары, сознательно увеличивают численность в своей склейке, превращаются в огромный ком из тел, внутри которого некоторые не выдерживают давления и умирают. Начинается процесс разложения, который распространяется на остальных участников, и они все по очереди умирают. У одних процесс умирания проходит более или менее мирно и спокойно, но в большинстве случаев паника и агония, предшествующие смерти, напрочь лишают разума, и человек звереет в попытке выжить. Процесс склейки распространяется в логарифмической прогрессии.

Учёные бились над вакциной, но кроме того, чтобы проживать свои эмоции, ничего не придумали. А человеку требуется и всегда требовалась мгновенная пилюля. Чтобы по взмаху волшебной палочки враз всё стало хорошо. Но такого не бывает. Чтобы расклеиться и оторваться от привычки или от человека, на которого спроецировалась привычка, необходимы годы работы и проживания эмоций. Медицина и технологии значительно преуспели в области ускорения различных биологических процессов, от регенерации кожи до восстановления органов. Можно даже восстанавливать клетки головного мозга и краткосрочными методами лечить истерию и нервный стресс. Но что касается эмоций

и формирования нового человека, этот процесс занимает поколения. В родительской семье закладывается паттерн, усваивается сценарий поведения, формируются эмоции.

Мигель приходит в себя и со всей оставшейся силой впивается зубами в бедро Макса. Тот издаёт истошный вопль. Но рыжий ещё сильнее сжимает руки на его горле, и вопль переходит в хрип, бульканье и постепенно затихает. Похоже, он умер. Мигель, бесстрастно откусив очередной кусок с плеча Макса, тут же его выплёвывает.

А рыжий отключается, так и не убрав рук с горла. Он очень быстро вращается в тело Марии, и её мёртвые клетки проникают прямо в его мозг. Непонятно, как он до сих пор жив. Его подавленные скрытые эмоции так и остаются в глубине, неосознанные им. А умерев, он уже и не поймёт, и не осознает. Рыжий отлично сохранил своё тело и органы, и в свои девяносто лет выглядит молодым и бодрым. Но, даже дожив до преклонного возраста, он так и не осознал себя, твердолобо упираясь в стремление к личному комфорту и удобству, подчинив этому всю свою жизнь. А что происходит вокруг, его не касается. И даже приклеившись, он не смог поверить, что его всё это очень касается. Не просто так мы притягиваем те или иные ситуации в жизни, а чтобы снова и снова прожить, проработать непрожитое. В жизни мы притягиваем разных людей, приятных и нет, для того, чтобы увидеть в отражении их поступков свои недостатки и достоинства. Судороги проходят по телу рыжего, и он замирает.

Остаётся Мигель в полубезумном состоянии. Опустив голову, он мерно раскачивается, и кажется, не обращает внимания на происходящее вокруг.

— Может, поможем Мигелю? — обращается София к Гамерману.

— Я не думаю, что ему что-то поможет. Мне кажется, он в глубоком шоке, и потом, он столько съел человеческого мяса, — еврей мотает головой. — Вряд ли его что-то спасёт. Он уже потерянный человек.

— Как же так? Нельзя же ставить крест. Вот так сразу. Человеку надо дать ещё шанс. В конце концов, он остался в живых. Неважно как, но он выжил, — Ангелина солидарна с Софией.

— Не знаю, не знаю, — Оливер мотает головой.

Мужчины более жёсткие и бескомпромиссные и не хотят облегчать жизнь.

— Но ведь мне вы помогли отклеиться, — настаивает София.

— У тебя был видимый прогресс. Ты расклеилась со мной и область твоей склейки с рыжим значительно уменьшилась, — Оливер осторожно подходит к Мигелю и смотрит на его склеенные области.

Он склеен теперь не только с Марией, но и с Максом, и область склеивания увеличивается.

— Здесь без шансов, — Оливер поднимает подбородок Мигеля. Тот даже не открывает глаза, безвольно опускает голову на грудь. По его щеке стекает слеза.

— Смотрите, он плачет, — замечает Ангелина.

— Хорошо, давайте отделим его. Он остался один. Но я всё-таки сомневаюсь в целесообразности этого, — немного раздражённо говорит Гамерман.

Он не привык, когда противоречат его решениям, и всегда уверен в своей правоте. Он настраивает лазер и ловким движением, как будто всю жизнь занимается резкой, а не торговлей, проходит по краям тел Марии и Макса, освобождая Мигеля, который, потеряв опору, как бы отваливается от общей массы и падает. На его коже куски мяса. Оливер и Гамерман берут его под руки и несут в тренинговую комнату.

— Пока закроем комнату, а как будем покидать дом, подожжём его. Пожалуй, закрывать нет смысла, но на всякий случай. Девочки, проверьте пульс у каждого, вдруг кто-то ещё жив, — распоряжается Гамерман.

Ангелина осторожно, а София более смело подходят к кучке тел и щупают пульс по очереди у Марии, рыжего и Макса. Тишина. Ни стука, ни вдоха. Оставшиеся роботоны уже еле ползают на последнем заряде батареи, поэтому на полу валяются окровавленные куски мяса, с которыми маленькие уборщики не успевают справиться, тут и там кровавые лужи. Аккуратно перешагивая через них, девушки возвращаются к выходу и захлопывают за собой дверь.

Мигеля усаживают на стулья в комнате, где проходил тренинг групповой терапии, и где все участники впервые встретились и познакомились. Только сейчас София замечает свой защитный колпак и сумочку, валяющуюся в углу. Она подходит и забирает своё, с трепетом прижимая к сердцу сумочку. Она выжила. Это наполняет её ощущением блаженства и, вместе с тем, страхом от воспоминаний о том, что пришлось пережить. На какое-то мгновение она погружается в себя и не замечает окружающий мир. Однако вскоре возвращается в реальность и замечает, что Мигель пришёл в себя и озирается, никого не узнавая. София подходит ближе, он останавливает на ней свой туманный взор и долго вглядывается, как будто силится её вспомнить.

— Где Динара? Мария? — в ужасе спрашивает он. — Где они?

— Они умерли. Причём Динара уже давно, и ты сам отделился от её мёртвого тела. Мария тоже умерла, — София походит к нему ближе. Весь вид её выражает глубокое сострадание.

Мигель опускает голову и разглядывает свежие куски мяса на левом боку, трогает их рукой и пробует на вкус, облизывает губы. В мгновение его лицо меняется. На нём отражается боль, бессилие. И тут же выражение лица становится безумным. Он не в силах перенести боль утраты, психологического и физического отделения от другого тела, ведь он привык всю жизнь быть при ком-то или склеенным с кем-то. В нём закипает ярость. Внимательный еврей и Оливер замечают это и тут же хватают его за руки, чтобы предотвратить попытку накинуться на кого-либо. Мигель и не пытается сопротивляться. Короткая внутренняя борьба заканчивается полным поражением и сбоем всех систем в организме. Его тело передёргивает судорога, и он замирает. София трогает его пульс и, не нащупав его, всхлипывает.

— Он не смог пережить свободного существования, как я и предполагал, — серьёзно произносит Гамерман. — Это достаточно тяжело для новичков. «Свобода» звучит очень красиво, но это тяжкое бремя. Человек не привык быть свободным.

— Значит, можно уходить. Дело сделано, — твёрдо заявляет Ангелина. — Правильно? Нас ничто больше не держит здесь?

— Мне очень грустно, — София чувствует свою вину, что лишь она одна осталась в живых из всей группы. — У меня противное чувство. То ли совесть мучает, то ли что-то ещё. Как будто я должна им свою жизнь. Они умерли, а я жива.

— Как будто не чувствуешь, что имеешь права жить и выжить? — Оливер вместе с Гамерманом переносят Мигеля в помещение к остальным трупам. — Тебе повезло. Или нет, ты сильная и ты справилась, а они нет. Это естественный отбор, как и обычно, во все века.

— Пойдём. Ты молодец, — Ангелина обнимает Софию за плечи. — Ты многое выдержала и справилась. А может, это я много думала о тебе и хотела с тобой поговорить о моём брате. У меня обычно всё реализуется и сбывается по плану, мечты осуществляются. Не бывает по-другому. А ты поймала мою направленную энергию и желание.

— Да. Но почему же так тошно, и нет чувства удовлетворения, нет радости, что я жива?

— А и не надо пока. Просто живи. Радость придёт со временем.

— Ну что, будем сжигать дом или оставим всё как есть? — отряхивая руки от защитных перчаток, спрашивает Гамерман. — Почти в каждом доме похожая ситуация. Я заглянул в несколько открытых домов, когда ехал сюда. Родственники, склеенные друг с другом, либо мертвы, либо доживают последние дни и часы. Средства массовой информации замалчивают ситуацию на планете, в то время как она только усугубляется.

— Я проверил пульс ещё раз и убедился, что живых кроме нас не осталось, — Оливер тоже зашвыривает защитные перчатки в угол комнаты и подмигивает Софии. — Так что можно с чистой совестью уходить отсюда. Все живые с нами, а мёртвые нам не нужны.

Они двинулись в сторону выхода, оставив всё как есть. Решили не напрягаться с поджогом. Пусть видят, что здесь произошло, если это кому-то вообще понадобится. Улица встретила их резким ветром и хлещущим дождём, но после спёртого воздуха дома, насыщенного конденсата ацетона, запаха старых носков, испражнений и кондиционера, пытавшегося бороться с этим зловонием, сырой, болотистый и гнилостный воздух улицы показался живым и даже приятным.

И мёртвая тишина. Даже в ближайших домах, несмотря на сумерки, свет не горит. С момента отключения света никто так и не починил в их домах электричество, а возможно, уже и некому чинить или это никому не надо.

Они вчетвером шагают по дорожке в направлении трассы, где заканчивается лес. В небе тишина и темнота. В эту окраину не залетают клаудузы. Поэтому надо дойти до первого электрического столба и вызвать его. Конечно, можно через сеть. Но герои настолько устали и вымотались, что сейчас рады просто тому, что находятся на улице, на открытой местности.

— Так вот, о свободе, — пройдя немного в тишине, возвращается к теме Гамерман. — Сейчас мы относительно свободны. И как вы себя чувствуете? Чувствуете, что чего-то не хватает? Ограниченного пространства. Хоть и тошно там, и плохо было. Но мы привыкли к нему. Ограничения — это отличная поддержка.

— Нет, мне сейчас лучше и комфортнее, — отзывается Ангелина. — Я ненавижу ограничения и всё, что их рождает. Привязанности, зависимости. Я люблю свободу.

— Ты, это другое дело! — горячится Гамерман. — Ты уже привыкла к свободе, к свободному образу мыслей, ты продвинута в психологическом плане. Таких, как ты, единицы. Я пока ещё не очень-то привык к этому. Я работаю в системе, и там есть ограничения. И я часто ощущаю себя наркоманом, подсаженным на иглу трейдинга. Поэтому заставляю себя уезжать, отдыхать и неделями не заходить в торговую систему. И в это время мне действительно легче дышится и живётся. Но это на время. Через какой-то период меня снова тянет в эту систему.

— Может, должен быть баланс? — Оливер, идущий впереди всех, оборачивается. — Но баланс разумный, не приводящий к последствиям. Все же знают, что зависимое поведение рождает последствия. Нет ничего плохого в том, чтобы зависеть от работы или науки.

— Так это не зависимость! — восклицает Ангелина. — Это просто самореализация, самовыражение. А работа в системе, это

просто такая работа. Если ты, выходя из системы, о ней не думаешь много, это нормально.

— Насчёт баланса согласен,— Гамерман, подойдя к электромагнитному столбу, машет рукой, и тут же раздаётся в небе мерное чпокание клаудуза. — Во всём должен быть баланс. Но всё же, если брать свободу и зависимость как противоположные понятия, вопрос о балансе представляется сомнительным. Зависимость или привычки человеку не нужны.

— Если они вредные, то эти привычки и зависимости разрушают личность,— Оливер направляется к двери приземлившегося клаудуза.

— Да, бывают приятные привычки, да и то это не привычки, а так,.. — улыбается Ангелина, усаживаясь в клаудузе.

— Нам в центр города,— говорит Гамерман, повернув голову к виртуальному водителю.

Тот в ответ кивает головой и с дежурной улыбкой механическим голосом желает доброго пути.

— Странно это звучит, когда миллионы людей гибнут,— грустно шепчет София. — Свобода, зависимость, привычки. Им бы выжить, и вряд ли они задумываются о философских понятиях, по большей части эфемерных.

— Они гибнут по своей вине, из-за своего неосознанного образа жизни и стремления к зависимости, из-за непрожитых и подавленных эмоций детства, которые образуют привычки,— говорит Ангелина. — Может, это кажется жестоким, но они сами виноваты во всём в своей жизни. Каждый сам строит свою судьбу и выбирает Путь, по которому идти. Мне тоже многое пришлось преодолеть, прежде чем я достигла уровня, на котором сейчас нахожусь. И хоть у меня и есть привычки, но я их осознаю, и если они разрушают личность, расстаюсь с ними, и уже многие оставила в прошлом.

В нос бьёт резкий запах ацетона и гниения, даже через плотно закрытые окна просачивается, через металл. Они пролетают над пустырём, на котором огромное количество трупов свалено в одну кучу. Ночью их подожгут, и они будут тлеть до утра.

А утром яма опять наполнится новыми трупами. И так каждый день. С захоронением и кремацией уже не справляются, и давно. Когда группа склеенных людей, передвигающихся в пространстве, вдруг останавливается из-за того, что один или несколько участников этой группы умерли, нельзя кричать и звать на помощь. Это правило ввели, когда улицы наполнились криками, и стоял непрерывный гул и ор. Сейчас, как только кто-то начинает кричать, камеры распознают нарушителя и нейтрализуют, парализуя его, и человек не может ни двинуться, ни говорить, и так вся группа. И они остаются умирать в таком неподвижном состоянии. Мучительная смерть. Чудовищно созерцать подобные картины и знать, что ты не можешь ничем помочь. Никакие вакцины не помогут изменить мировоззрение человека, никакие процедуры. Для этого нужно время и глубокое осознание себя. И лучше всего с помощью психолога, так как из-за защитных свойств психики невозможно увидеть собственные изъяны. Наука пока не придумала ничего вроде волшебной пилюли, которая бы в одно мгновение сделала человека другим, спасла его и планету от гибели и уничтожения. Впрочем, ход эволюции нельзя остановить, и скорее всего этот этап предусмотрен вселенной заранее, хотя для нынешних жителей Земли это звучит неестественно. Но должны выжить сильнейшие представители человечества. И на данном этапе — сильнейшие в духовном плане.

ЭПИЛОГ

Прошло около года. Ангелина проводит дни на Микзе в философской праздности, увлечённо занимается наукой, с упоением катается на сёрфе и наслаждается обществом Фабиана.

Гамерман наконец-то перемещается на Микзу и успевает вовремя, потому что вскоре вводят запрет на доступ с Земли и даже ликвидируют лифт-тоннель без возможности восстановления. Ему просто повезло крупно.

Оливер, остаётся на Земле помочь Софии собрать документы. Опять приклеивается к ней. Они пытаются проработать свои эмоции самостоятельно. Обращаться за помощью к специалисту София так и не решается. После истории с Максом она уверена, что все они шарлатаны. Оливер же считает, что уже проходил один раз курс терапии, и этого вполне достаточно, он понял методику проработки проблем и может исцелить их обоих. Они окутали себя паутиной иллюзии и мечтами, игнорируя реальный мир.

А в реальном мире люди превращаются в кишасщие комки биомассы, съедающие и переваривающие друг друга. Однажды склеенных Оливера и Софию засасывает в такой сгусток человеческой плоти, и биомасса поглощает их без остатка. Всё живое на Земле умирает.

Оглавление

Глава 1.....	4
Глава 2.....	18
Глава 3.....	35
Глава 4.....	56
Глава 5.....	65
Глава 6.....	78
Глава 7.....	93
Глава 8.....	106
Глава 9.....	127
Глава 10.....	151
Глава 11.....	174
Глава 12.....	200
Глава 13.....	237
Глава 14.....	263
Глава 15.....	282
Глава 16.....	302
Глава 17.....	339
Глава 18.....	359
Эпилог.....	383

Литературно-художественное издание

Анна Веди

Клей

Антиутопия

Редактор — И. Андрюшина
Макетирование — А. Кудрявцев

Сдано в набор 10.10.2015.
Гарнитура «Greta Text Pro».
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Тираж 50 экземпляров. Заказ 263.

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
Москва, Малая Юшуньская, 1, корпус 1.
Тел. 8 495 510-32-98
www.maska.su, info@maska.su

